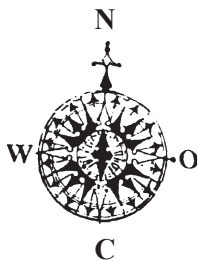

ПОСВЯЩАЕТСЯ 70-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ
ОРАОВЩИНЫ ОТ ОККУПАНТОВ

Сергей Рассохин

НА ВОДЕ НЕКУДА БЕЖАТЬ

Родственники и гости с экипажем АПРК «Орёл»

Рассказы
Очерки
Стихи
Рецензии
Письма

Россия
Орёл
2013

ББК 63.3(2)622-35

Р-24

*Почести французским лётчикам в связи
с 70-летием авиаполка «Нормандия—
Неман», г. Орёл.*

*Сын знаменитого аса
Жана Луи Тюляна —
Франсуа с супругой
побывали на Орловщине,
в небе которой
совершали героические
подвиги его
соотечественники.*

Рассохин Сергей Викторович

Р-24 На воде некуда бежать. Рассказы, очерки, стихи.
Художественное оформление и дизайн автора. —
Орёл, 2013. — 452 с.
ISBN

Новая книга Сергея Рассохина посвящена трагедийным событиям от Атлантики до Тихого океана. Кроме морских сражений в ней затронуты кровопролитные бои на земле и в небесах. Основная мысль произведения — «Мы все на свете — дети Солнца!».

Укорачивание жизни человека верховными идолами любой расы — тягчайшее преступление, никогда не прощаемое потомками.

Избежать это можно, не пугая землян агрессией и варварским отношением к природе. Нависшие чёрные тучи над цивилизацией крайне необходимо рассеять всеми гуманитарными структурами мира, уничтожив в зародыше идеологов Третьей мировой войны.

ISBN

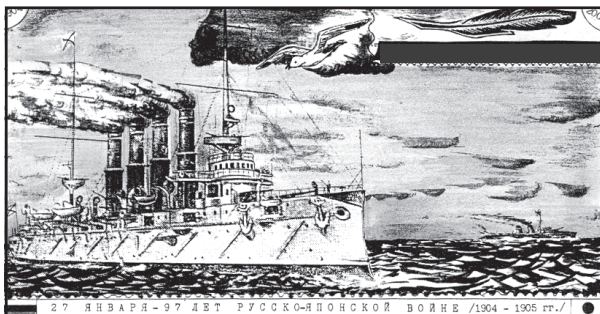
© С.В. Рассохин, 2013

СКВОЗЬ ШТОРМА ВЕКОВ

*Не тот славен, кто смел,
А тот, кто отважен думаячи*

«ЖИВЪ ВАРЯГЪ»!

Начало нового, 1904 года было омрачено тревожными событиями на Дальнем Востоке. Японские корабли, построенные при опеке Великобритании и США, выходили на просторы Тихого океана и южных морей с целью «расширения жизненного пространства», о котором не раз повторялся реставратор Японии император Муцухито.

Следуя негласной доктрине «присоединения» страны Ямато к материку, военщиной готовились широкомасштабные десанты. У берегов Кореи новые флибустьеры захватили пароход «Россия», а затем был установлен контроль над железными дорогами.

Царское правительство, внимая требованиям международной обстановки, предприняло ряд важных мероприятий, однако ситуация усложнялась неверием, слухами и улыбочивыми внешними отношениями с репрезентантами японских вооружённых сил и гонцами МИДа. Даже после того, как прекратилась связь с Порт-Арту-

Николай II

Муцухито

ром, царский посланник в Сеуле Павлов, адмиралы Старк и Рожественский, генерал Алексеев и другие уважаемые господа проявили максимум не дальновидности, не реагируя на депеши разведки и телеграммы командира «Варяга», бывшего помощника коменданта военпорта Руднева...

1 января, когда на рейд Чемульпо вошёл французский крейсер «Паскаль» с миссией стационара, на палубу «Варяга» ступил вице-консул Поляновский. Командование планировало направить канонерку «Гиляк» в Порт-Артур со свежей корреспонденцией. Для многих матросов и офицеров Императорского Флота России эти письма окажутся финальными в жизни. Сбывалось мрачное предсказание о войне, имевшее место после ранения царевича Николая мечом полицейского Сандзо Цуда 13 лет назад во время вояжа наследника. Тяжела окажется шапка Мономаха для последнего из коронованных Романовых...

5 января, круша форштевнем «стекло» льда, в Чемульпо (Инчхон) прибыла канонерка «Кореец» под командованием капитана II ранга Беляева, что вызвало обеспокоенность лидера крейсера «Чирода» кэптана Мураками. Долгожданная почта, доставленная кано-

нерской лодкой, обрадовала моряков и в то же время подтвердила опасения: «Варяг» и «Кореец» оказались отрезанными от Тихоокеанской эскадры...

Кроме русских кораблей на рейде Чемульпо стояли «Паскаль», итальянский и английский крейсера «Эльба» и «Талбот», американская канонерка «Виксберг», находившиеся под командованием капитанов Сэнеса, Бореа, Бэйли и Маршалла. Ввиду объявленного Кореей нейтралитета

*Вице-адмирал
З.П. Рожественский*

иностранные мореходы обеспечивали безопасность своих посольств. Нельзя сказать, что отношения со старшим на рейде Бэйли были искренне дружелюбными: сказывались противоречия по многим вопросам взрывоопасной современности...

Через три дня хитрый лис Мураками организовал банкет в честь фаворитов интернациональной флотилии, на который был приглашён и Руднев. Явно преувеличивая данные «Чиоды» при экскурсии по его апартаментам, блестящий формой и знанием иностранных языков капитан, очевидно, выпил несколько рюмок сакэ и сболтнул лишнего. Руднев убедился воочию о планах морских микадовцев через несколько дней, когда вернулся из Порт-Артура. Мористее его любимца-крейсера стали на якорь и слегка дымили угольным выхлопом не только лёгкий «Чиода», но и крейсера «Нанива», «Акаси» и четыре миноносца.

Вскоре в портах высадились десанты под маской «рабочих», однако даже официальное уведомление командиров иностранных судов о разрыве дипломатических отношений между Россией и Японией не смогло повалить «валуны» безобразного консерватизма, охватившего правительство Николая II.

Главкомандующий Соединённым Флотом императорской Японии, вице-адмирал Х. Того — единственный флотоводец, разгромивший русский флот, не знавший поражений в 23 сражениях за 200 лет.

В полном соответствии с планами командующего Соединённым Флотом вице-адмирала Хэйхатиро Того и Главштаба ВМС началась их оперативная реализация, направленная на достижение господства на море. По замыслам Адмиралтейства, оказавшего давление на Муцухито, ловушки, приготовленные для русских, должны были сработать безукоризненно.

Глубокой ночью 25 января «Чирода» снялся с якоря и без огней вышел в море, а днём раньше японцы захватили пароходы «Аргунь», «Мукден», пребывавшие в Японии, «Маньчжурия» и «Малайзия», а также другие суда, спешно переоборудованные ими в транспорты. Всеволод Фёдорович Руднев и Григорий Павлович Беляев попали в вакуум информации. А между тем — накануне — Того со-

брал флагманов и капитанов на секретное совещание в кают-компании эскадренного броненосца «Микаса». Всем им предстояло доказать миру: маленькая Дай Ниппон (Великая Япония) — мощная морская держава!..

В пути японская эскадра разделилась надвое у о. Сингаль в Жёлтом море. Младшему флагману контр-адмиралу Сотокити Уриу настоятельно предписывалось не вступать в бой с кораблями русских в целях их захвата и дальнейшей перспективы использования во Флоте Тэнно-хэйка, предвкушавшего сюрприз к очередной годовщине своего царствования. Того выступил согласно стратегии — на Порт-Артур.

26 января около 12 ночи отряд миноносцев атаковал «Расторопный» и «Бесстрашный», вахта которых, к со-

жалению, не смогла вовремя обнаружить противника. Выпустив за три атаки 16 торпед Уайтхеда, японцы добились попаданий в броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич», крейсер «Паллада» и значительно повредили их, несмотря на беглый огонь артиллерии эскадры. Под покровом темноты Того отступил, опасаясь контрудара русских кораблей, оставшихся в строю, спешно приказав своим командирам двигаться к точке rendez близ Чемульпо.

Таким образом, воевавшие веками самураи вновь доказали миру, что выращенные этими же веками врождённые коварство и хитрость по-прежнему действуют по закону «Весёлого Роджера»: лишь 29 января Токио официально объявил о начале войны с Россией...

...Предраассветная мгла застала начальника 4-го боевого отряда Уриу на адмиральском мостике флагмана — лёгкого крейсера «Нанива». Он не мог забыть фразы капитана Иранга Масадзиро Асая, руководившего 1-м отрядом истребителей: «Ручаюсь за успех!». Успех означал переименование «Варяга», например, в «Атаго»...

«Красно-солнечная» эскадра дрейфовала. Уриу ожидал катер с «Чиоды» — ему не терпелось принять рапорт у Мураками. Удивительные вещи происходят порой на море: позднее они будут поражены, каким образом мимо их биноклей и стволов проскочил товарно-пассажирский пароход «Сунгари», принадлежавший русскому обществу Восточно-Китайской железной дороги...

Мураками был, как всегда, лаконичен. Немного посмелись и поспорили авторитеты Соединённого Флота, га-

Капитан Иранга
В.Ф. Руднев:
*«Лишь волны морские
прославят в веках
геройскую гибель «Варяга»...*

дая, кто он — новый командир «Варяга», однако время не ждало.

Следуя парой кильватерных колонн, взвинченная наэлектризованной обстановкой малая, но мощная флотилия Уриу вышла на траверз о. Йодолми. Прямо по курсу её ожидала неизвестность — исторический бой, не имевший аналогов в летописях военно-морских баталий. Но сейчас кричали чайки извечные позывные. Миллионы раз «дети» океана слышали их галдёж. Под него рождались и вперёдсмотрящие из Эдо, решившие реваншем перекроить меридианы и параллели планеты.

В японском фольклоре явление запечатлено мягче: «Живущая в колодце лягушка не догадывается о бескрайних морских даях».

В середине дня В.Ф.Руднев получил телеграмму от Павлова: «Сегодня из секретного источника получено известие, что японской эскадре, состоящей из нескольких боевых кораблей, предписано отправиться к устью Ялу и что высадка японских войск в значительном количестве назначена в Чемульпо на 29 января».

По настоянию посла «Кореец» вышел с почтой навстречу противнику, присутствия которого никто не ожидал. Туман не дал возможности предупредить «Варяг» о появлении двух колонн японских броненосцев «Нанива», «Чиода», «Акаси» и тяжёлого крейсера «Асама», сопровождавших транспорты «Дайрен-мару», «Ота-мару» и «Хэйдзо-мару». В составе левой колонны вспенивали воду миноносцы «Аотака», «Хато», «Кари» и «Цубамэ». К горизонту виделись очертания других кораблей, но мгла покрывала их силуэты, аннулируя опознание.

Японцы шли малым ходом, а беляевская канонерка двигалась споро, ибо её командир не помышлял об атаке, хотя был крайне насторожен. Внезапно миноносцы взяли левее, и «Кореец» попал в клещи между колоннами. Страх не было, но было неприятно видеть, что весь убойный калибр японцев был полностью расчехлён...

«Асама» мчался наперерез, и его комендоры наставляли

Подвиг команды «Корейца» навечно связан с экипажем «Варяга» морским узлом военно-морской славы России.

стволы в лобовую на канонерку, пока она проходила нейтральные воды.

Беляев, видя, что его провоцируют на конфликт, решил в бой не вступать и приказал возвращаться в порт под прикрытие «Варяга». Маневрируя на полном ходу, экипажу «Корейца» удалось завершить разворот, несмотря на две минные атаки миноносцев. Третья атака также потерпела фиаско: мина, не дойдя до борта канонерки, перевернулась и затонула.

Азиаты нервничали. Головной миноносец вышел на обгон «Корейца», однако его командир неожиданно пошёл на таран. Самураи, видя безвыходность, уклонились и, оказавшись за кормой канонерки, не смогли сбросить мину.

Когда Беляев прибыл на «Варяг», он сжато рапортовал Рудневу, тут же заявившему протест старшему на рейде Бэйли. Англичанин, не разбрасывая словами, отбыл с документом к Уриу. Трудно сказать, как проходила эта встреча, однако заявление Уриу о «выдумке» насчёт атаки «Корейца» его миноносцами — впечатляюще-вероломно по своей неприкрытой наглости!

Ночь прошла в мучительной тревоге: шла высадка десанта — около 3000 человек были перевезены баржами и

катерами. Миноносцы в ответе костров на берегу уже не перемещались: минные аппараты были нацелены на «Варяг» и «Кореец».

Утром капитан I ранга Виктор Сэнес прибыл на русский крейсер и взволнованно обсудил с Рудневым письмо Уриу, полное напыщенности и словесного фарисейства (видно, контр-адмиралу не спалось):

«Его Императорского Величества корабль «Нанива». Рейд Чемульпо. 26 января (8 февраля) 1904 года.

Сэр. Имею честь уведомить Вас, что ввиду существующих в настоящее время враждебных действий между Японской и Российской империями я должен атаковать военные суда русского правительства, стоящие теперь в порту Чемульпо, силами, состоящими под моей командой. В случае отказа старшего из русских морских офицеров, находящихся в Чемульпо, на мою просьбу покинуть порт Чемульпо до полудня 27 января (9 февраля) 1904 года, я почтительно прошу Вас удалиться от места сражения настолько, чтобы для корабля, состоящего под Вашей командой, не представлялось никакой опасности от сражения. Вышеупомянутая атака не будет иметь места до 4 часов пополудни 27 января (9 февраля) 1904 г., чтобы дать время привести в исполнение вышеупомянутую просьбу. Если в порту Чемульпо находится в настоящее время какой-нибудь транспорт или купеческие суда вашей нации, то я прошу Вас передать им настоящее уведомление. Имею честь быть, сэр, Вашим покорным слугой. С. Уриу, контр-адмирал, командующий эскадрой Императорского японского флота».

Идентичные послания флагмана получили командиры иностранных кораблей. Сэнес, Бореа, Бэйли сочли необходимым обсудить ситуацию, развитие которой становилось непредсказуемым. Маршалл не счёл нужным явиться на совещание якобы из-за отсутствия инструкций Генштаба ВМС США. В ходе дискуссий представители ведущих держав, выслушав мнение Руднева о протесте, удалились для окончательного решения. Руднев при этой беседе уже не присут-

ствовал. Он заранее отдал приказ командиру «Сунгари»: «Быть готовым к затоплению парохода...»

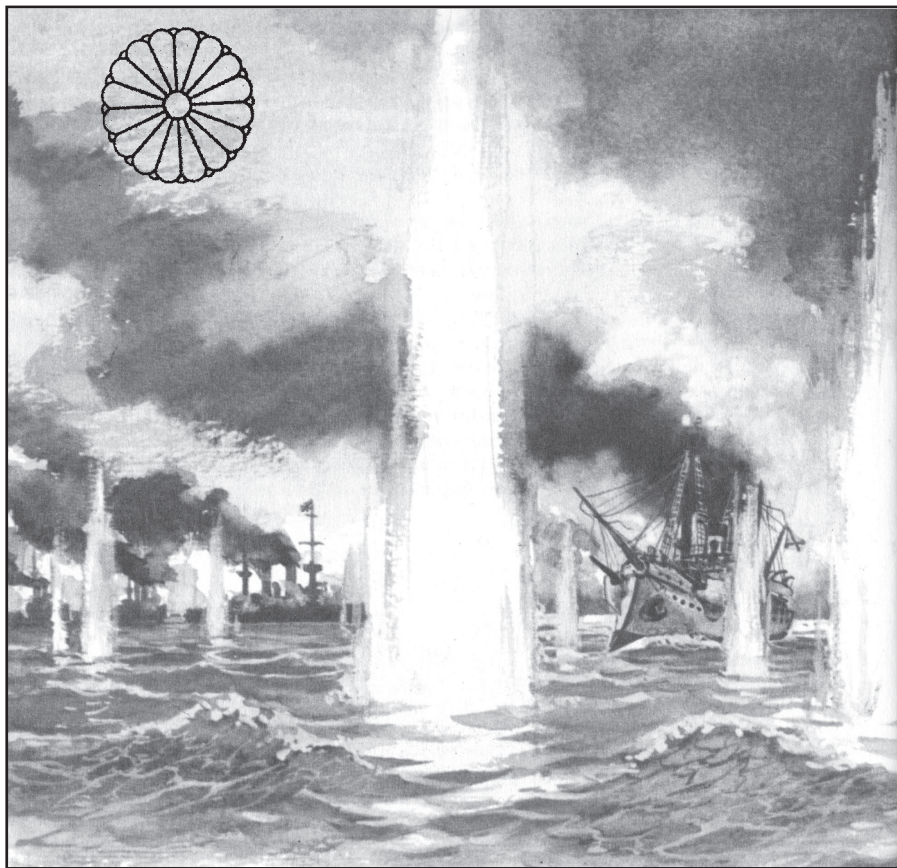
Около 10 утра Уриу через вице-консула Поляновского доводил до сведения Руднева «высочайшее волеизъявление» японского правительства:

«Сэр, ввиду существующих в настоящее время враждебных действий между правительствами Японии и России я почтительно прошу Вас покинуть порт Чемульпо с силами, состоящими под Вашей командой, до полудня 27 января (9 февраля) 1904 г. В противном случае я буду обязан открыть против Вас огонь в порту. Имею честь быть, сэр, Вашим покорным слугой С. Уриу».

Иностранцы были шокированы решением командира «Варяга», ибо в их мировоззрении никак не укладывалось, как один крейсер и канонерка будут держать бой с 14 кораблями Микадо. Знали они и о значительно разнящемся соотношении артиллерии его плавучих подданных с цитаделью крейсера, сошедшего со стапелей Филадельфии. Так, против 181 ствола крупного и мелкого калибра, 42 миннаппаратов японской стороны «Варяг» располагал 34 того же калибра и шестью аппаратами для мин. Помнили об этом и русские моряки, весь экипаж в составе 570 человек. Среди них — главврач Храбростин, штурман Беренс, мичманы Губонин, Лобода, Черниловский-Сокол, Балк, Эйлер, «папка» — инженер-механик Лейков, старшина Снегирёв и ординарец командира Чибисов, младший штурман Нирод, комендор Постнов, механики Спиридонов, Солдатов, Зорин и многие другие патриоты Отчизны. За всех молился уроженец Черни отец Михаил Руднев.

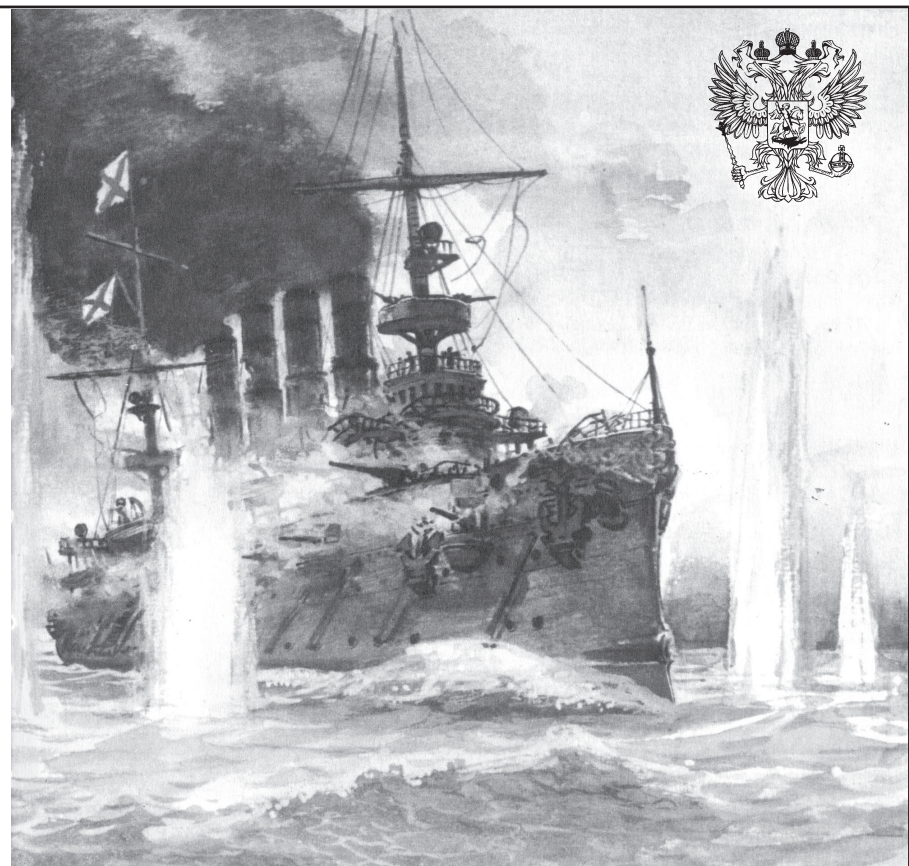
К своему стыду, капитан I ранга Бэйли, ранее выступивший за сопровождение русских кораблей, занял шаткую позицию, сославшись на нейтралитет, хотя был обязан проводить их до границы нейтральных вод по Закону морской чести.

Незадолго до отправки протокола секретного совещания Уриу, любезно предоставленного ему Бэйли, Всеволод Фё-

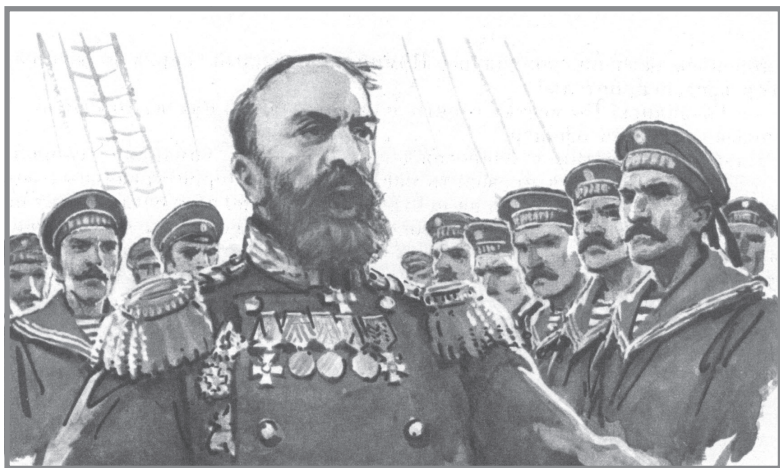
дорович собрал офицеров и матросов и выступил перед ними с проникновенно-отеческой патриотичной речью:

«Мы идём на прорыв и вступим в бой с эскадрой врага, как бы сильна она ни была. Не сдадим крейсера и будем сражаться до последней возможности, до последней капли крови, — волнуясь говорил он, и парадный его мундир, казалось, притягивал к себе солнце. — Исполняйте свои обязанности точно, спокойно, особенно комендоры. Каждый снаряд должен нанести вред неприятелю. Смело в бой за Отечество, за честь нашего флага. Ура!»

Троекратное эхо от сотен голосов экипажа прокатилось над гаванью — русичи были готовы к подвигу во славу Российского Флота и основавшей его монархии...

В 11.10 «Варяг», сверкая белизной корпуса, снялся с якоря и, развивая ход, прошёл мимо «Талбота» и «Эльбы». Следом, в кильватере крейсера, на расстоянии кабельтова шёл, дымя массивной трубой, «Кореец». Иностранные караулы и команды кричали «Ура!», а на «Эльбе» капитан Гранга Бореа приказал играть русский гимн. Через 15 минут в вахтенном журнале появится запись:

«Пробили боевую тревогу. Японская эскадра в числе шести крейсеров и восьми миноносцев была расположена в строю пеленга от острова Йодолми к северному проезду, прикрывая оба выхода в море. Миноносцы держались за крейсерами...»

Когда до противника оставалось 45 кабельтовых, с флагмана «Нанива» был подан сигнал с предложением сдаться. Руднев оставил его без ответа, повелев поднять боевые стеньговые флаги.

Начался отлив, и сильное течение буквально выталкивало крейсер в море. Будучи крайне удивлённым дерзостью русских, Уриу приказал открыть огонь — «Асама» «заговорила» главным калибром. «Варяг» прибавил узлов, а лейтенант Зарубаев готовился к первому выстрелу, учитывая сближение, — боеприпасы следовало использовать наверняка.

Понимая, что прорыв нереален, Руднев хотел ошеломить врага и нанести ему сокрушительный удар с единовременным перехватом инициативы. Но силы были слишком не равны...

Прицельный огонь «Корейца» пока оставался безрезультатным, а между тем самураи «нащупали» цель —

шла пристрелка с ходу. Разрывы снарядов приближались к борту крейсера, бешено свистели осколки, шипела и оседала тяжкими вздохами вода, слышались первые крики раненых. «Кореец» японцев не беспокоил. Вся мощь бортовой артиллерии сосредоточилась на «Варяге», искусно маневрирующем среди десятков фонтанов.

Грохот орудий становился с каждой минутой ожесточёнее. Первый снаряд, разорвавшийся на «Варяге», раскрошил мостик и воспламенил штурманскую рубку, снёс фок-ванты. Замолчал дальномерный пост № 1; от графа Алексея Нирода, руководившего им, осталась лишь рука, опознанная по кольцу. Погибли матросы Г. Миронов, В. Мальцев и В. Оськин.

В ужасающей дуэли японцы вывели из строя орудие № 3, убив его комендора Г. Постнова и тяжело ранив мичмана Губонина, командовавшего плутонгом до потери сознания. Повсюду кричали и стонали раненые. В лазарете шла война врачей со смертью, а с палубы доносился мат из-за досадных промахов.

Беспримерно отличились матросы мичмана Черниловского-Сокола. Ценой невероятных усилий они ликвидировали несколько пожаров, возникавших на красавце крейсере один за другим. Пока смельчаки боролись с самым сильным из них, охватившим настил палубы и вельбот, убило комендоров Д. Кочубея, С. Капалова, М. Островского, А. Трофимова, П. Муханова и матросов К. Спруге, Ф. Хохлова, К. Иванова, обслуживавших орудия № 8, 21, 22, 28. Другими снарядами разнесло грот-марс, ликвидирована дальномерная станция № 2, повреждены орудия № 31 и 32. Догорали патроны с бездымным порохом, было много раненых, контуженных и полностью оглохших от дьявольской переклички стволов, но никто, кроме самих себя, ни на кого не надеялся, героически оставаясь на боевых постах по корабельному расписанию...

К радости варяжцев, не всё было в пользу матёрого противника. Взаимодействие, слаженность и выручка

друг друга, завещанные Суворовым в учении, доказали правоту генералиссимуса на примере ратного крещения «Варяга». В тяжелейшие минуты артиллеристы крейсера добились снайперского попадания под кормовой мостик головного «Асамы», вызвавшего большой пожар и повреждение его орудийной башни. Окутанный дымом, он стал крениться влево и затем застопорил ход, но русские моряки ещё не знали, что погиб командир броненосного крейсера — гордости эскадры...

В авангард вырвался «Такачихо», однако вскоре и он, как и «Нанива» и «Чиода», получил серьёзные повреждения. Кренясь в облаке дыма, он покинул строй и позднее затонул на пути в ВМБ Сасэбо, унеся в пучину часть экипажа и 200 раненых.

Количество раненых с обеих сторон возрастало, а накал боя не спадал, сметая, словно тайфун, новые жертвы — мужчин в расцвете сил, которым бы жить да жить, да детишек после схода на берег растить. Ещё вчера смеялись и балагурили матросы Д. Артасов, М. Авраменко, К. Зрелов. Летели рикошетом осколки, отплясывая «танец» смерти, сжимались пружиной минуты, по которым била отдача горя, и вот... нет матросов — убиты у орудий...

Едва не погиб от взрыва шестидюймового снаряда старший штурман Евгений Беренс, возник пожар в рундуках броневой палубы, по счастью быстро потушенный. Последовавшие снаряды разорвали командирский мостик и изуродовали ходовую рубку, вынудив Руднева спуститься в проход боевой рубки, откуда он отдавал приказы офицерам, управляющим «Варягом», попавшим в суций ад.

В этот момент разорвавшийся снаряд вывел из строя рулевой привод, сводя шансы на спасение крейсера к нулю. Сразу после взрыва у фок-мачты на полубаке осколки засыпали проход боевой рубки с кормы. Причём с её стороны рубка не была защищена броневой дверью, её роль заменял броневой козырёк. Недоработки корабелов оплачивались жизнью людей. Тут же убило наповал барабанщика Д. Кореева и штаб-горниста Н. Нагля, прикрывавших командира, которого легко ранило и контузило...

Стоявшего у штурвала старшину Снегирёва осколок поразил в спину, но он героически отмолчался, до конца боя простояв у руля. Ординарцу командира Т. Чибисову ранило руки. Стягивая раны платком, он не покинул Руднева, несмотря на его приказ отправиться в лазарет. Этим же снарядом были убиты матросы Ф. Эдравиц, М. Кабанов и комендор вдребезги разбитого орудия № 35 Д. Ша- рапов. Другой снаряд, взорвавшийся в трюме, уничтожил паропровод к рулевой машине, что в условиях интенсивного огня лишило крейсер манёвренности.

Ситуация усугублялась узким фарватером и отмелями по левому борту. Не выдержали злополучного вторника и часы крейсера: онемели на 16-ти минутах первого...

Придя в себя, Руднев приказал мичману Черниловскому готовить корабль к взрыву, ибо возникла серьёзная опасность из-за его циркуляции — ему грозила посадка на мель и, что ещё хуже, крейсер легко попадал в руки японцам. Машины работали полный назад, а левый борт оказался незащищённым, чем незамедлительно воспользовались комендоры Уриу. Огромный седой столб шипящей воды взметнулся до мачт. Затем последовал не менее устрашающий: теперь у «Варяга» были три пробоины ниже ватерлинии! При этом все помнили наказ командира: «Целься верней, братцы! Я жив!», который он прокри-

чал несколько минут назад, чтобы развеять слухи о своей гибели.

Команда «Корейца» поначалу подумала, что «Варяг» остановился, однако Беляев понял, что крейсер пошёл на правый разворот. Грамотно используя малую осадку канонерки, её командир резко взял влево, предотвратив схождение с крейсера, очень выгодное для японцев.

Поравнявшись с о. Йодолми, «филадельфиец» под Андреевским стягом, трепетно охраняемым П. Олениным, в дымном облаке и лёгком крене лёг на обратный курс. Здесь его постигло сокрушительное попадание снаряда крупного калибра в 3-е котельное отделение. Хлынувший через пробоину водопад холодной воды угрожал топкам. Два товарища, кочегары Журавлёв и Жигарев, предотвратили опасность взрыва, быстро задраив двери и включив водоотливные турбины. Крен увеличивался, а самоотверженные матросы пытались подвести под пробоины спецплатформы, изобретённый адмиралом С.О. Макаровым ещё по молодости...

В дальнейшем от взрыва подвинулся с места котёл № 21, дав при этом течь. Невыносимый, адски обжигающий пар наполнил кочегарку и стал вырываться наружу.

На борту «Нанивы» облегчённо вздохнули: огонь «Варяга» принёс эскадре крепкий урон, и теперь оставалось «прихлопнуть тигра в мышеловке», мстя за потери в живой силе и технике.

— Бандзай! Русским уже не уйти! — вероятно, думали кэптены и комендоры повреждённых крейсеров, стрелявшие всё хуже и хуже.

Очередной залп вышел губительным: были разрушены офицерская и командирская каюты и загорелось провиантское отделение, в котором хранилась мука. Вспыхивая миллионами искр, мучная пыль, точно пепел, витала всюду. С величайшим трудом морские богатыри справились и с этим пожаром...

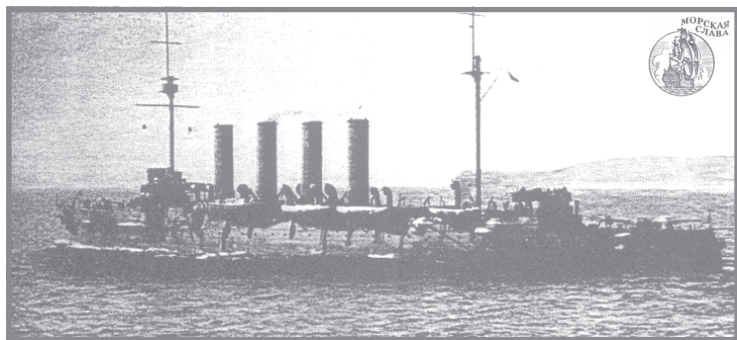
Один из снарядов угодил в шкафут, разорвал коечные сетки над лазаретом и пробил палубу. Сетки мигом

вспыхнули, и осколки звучно замолотили по переборке лазарета, несколько коек воспламенилось. Пожар потушили, но крейсер, судорожно трясясь от близких разрывов, терял плавучесть. Единственным, что могло спасти команду и корабль, было возвращение в Чемульпо, и Руднев, слушая доклад Беренса, это понимал, не зная в точности о других повреждениях, наличии стволов и полном трагизме потерь.

Контр-адмирал Уриу с офицерами штаба догадался о замысле русских, спешно перестроив вверенные ему потрёпанные плав-единицы. Не снижая темпа стрельбы, «Асама» двинул в погоню за «Варягом» и «Корейцем», следовавшим за ним полным ходом. Другие корабли, ввиду дальности расстояния, прекратили огонь. Одновременно на перехват российских кораблей устремился отряд из двух малых миноносцев. Попытка «ва-банка» на море не удалась, несмотря на сверхмобильность «москитов»: первый миноносец канул на дно, оставив от себя облако дыма; второй «отделался» тяжкими повреждениями и затонул после боя...

Беляев готовился к худшему, приказав привести в боеготовность минный аппарат. Его канонерка держала пары на пределе: команда намеревалась атаковать «Асаму». Но опалённые порохом японцы остепенились с пальбой, боясь повредить иностранные суда на якорной стоянке. Избежавший мели «Варяг» под занавес сражения отстреливался левым бортом и кормовыми орудиями, «достав» к ликованию моряков, адмиральский «Нанива»...

Наипечальнейшее зрелище представлял собою легендарный крейсер, входя в гавань с «Корейцем». Неподсчётные пробоины с бортов, надстройка, превращённая в груды металлолома, дико вывернутый металл, разорванный такелаж, щепы от вельботов и шлюпок, частичная смена цвета с белого на ало-чёрный, сильный крен и узлы лееров, надломленная выхлопная труба чудовищно изменили облик корабля и шокировали людей независимо от нации и профессии.

Шёл второй час пополудни. Многие свидетели героического поединка и возвращения «Варяга», не стесняясь слёз, плакали, когда он отдал якорь на прежнем месте «прописки». Через короткое время Руднев и вся русская флотилия, а также истинные зарубежные друзья почтут память 31 смельчака, погибших в небывалой битве. Ранения разной степени тяжести искалечили тела 85 сослуживцев, а легко раненых было свыше 100 человек. Горько было осознавать уход друзей, но командир нашёлся сказать золотые слова, сминая в руке окровавленную фуражку:

— Вечно будет жить память об этих героях в русском народе!

Иностранцы салютовали русской отваге и мастерству, но следовало не салютовать, а помогать вовремя. Подходили французские, английские и итальянские шлюпки, чтобы оказать помощь раненым. Не по-джентльменски повели себя янки, отказав принять русских на «Виксберге».

Выслушав ряд замечаний Бэйли и других капитанов, Руднев сменил решение взорвать крейсер на другой вид «смерти» — самозатопление.

27 января, а вернее, 9 февраля по старому стилю, в 6.10 пополудни воспалённые от горя и палева боя глаза моряков покрылись скупой, солёной, как море пеленой: мачты крейсера скрылись под холодными волнами залива. Особой благодарности заслужил пёс Кирюшка: перед открытием кингстонов своим лаем он вывел вестового

*Вице-адмирал
С.О. Макаров*

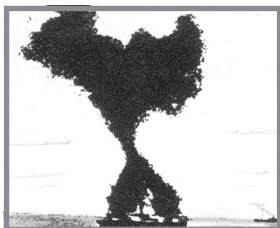
*Художник-баталист
В.В. Верещагин*

Войцеховского на тяжелораненого машиниста Степана Крылова...

Угрюмый Сотокити Уриу, сузив глаза на запотевших линзах бинокля, ожидал ночного прорыва русских, болезненно переосмысливая минувший вторник. Увы, этого произойти не могло даже со стороны «Корейца»: его разорвала в клочья тысяча пудов пороха... Его эскадра потеряла 30 человек убитыми — их отвезли после сражения в бухту А-Сан, несканзанно омрачив день коронации императора. Затяжной ремонт ожидал «Асаму» и «Чиоду», уйдёт на дно «Такачихо».

Может, и к лучшему, что эти люди не познают Цусимы, но и адмиралы Того, Като и Сайто не могли предвидеть сражения у острова, прославленного пиратством до...1419 года.

Однако даже жестокий враг склонил голову перед героизмом и мастерством моряков Императорского Флота России.

Взрыв «Корейца»

После обследования затонувшего «Варяга» в 1907 году (позднее реставрирован и введён в состав ВМС Иосихито под обозначением «Сояя») Руднева срочно вызвали из деревни Савино Тульской губернии, где он проживал

Затопление «Варяга»

*Царское правительство
уплатило верфи Ч. Крампа
2 млн. 138 тыс. долларов. Но
какими условными единицами
измеряется человеческая
жизнь???*

с семьёй в изгнании от Флота. Перед почётной отставкой он попал в опалу к Николаю за прямоту в суждениях и заступничество в пользу младших чинов — матросов, старшин и мичманов.

И вот сегодня в МИД России состоялась памятная встреча. Посол Страны Восходящего Солнца господин Курино, секретарь посольства, морской атташе и инкогнито с чемоданом в руке вышли из шикарной кареты и, не поднимая глаз, тихо поднялись на второй этаж.

Контр-адмирал Руднев спокойно прохаживался по паркету малой гостиной, раздумывая о травле семьи, верных товарищей, осудивших ошибки самодержавия и рукоприкладство на кораблях...

В дверь постучали. Гости, раскланиваясь, поздоровались и, справившись о здоровье, молвили дежурные фразы о положении дел между Империями. Поговорили о подъёме «Варяга» и найденных на нём вещах, кое-что из них Рудневу здесь же и вернули.

Военно-морской атташе был краток в беседе с Героем России:

«Ваше превосходительство! Правительство Микадо просит Вас принять японский орден в знак глубокого уважения к героическому подвигу, совершённому в Чемульпо».

Всеволод Фёдорович с волнением принял чёрно-лаковую шкатулку с золотой хризантемой на крышке. Раскрывая её, он видел лица погибших и раненых, слышал крики тонувших и умиравших, вспомнил их имена и личные фотографии. Подумал о Мураками, Уриу, Того — современники, завоеватели-флотоводцы...

Высшая награда Японии, орден Восходящего Солнца 2-й степени, жёг ладонь даже через заокеанский шёлк подушечки. Замечательный человек, он никогда не наденет его, трепетно относясь к памяти и чести варяжцев, всех патриотов Русского Флота.

Друзья всю жизнь хотели помочь роду Рудневых восстановиться в правах. Но истинное, общечеловеческое признание подвига придёт много позднее. Позже, чем честь и достоинство русских поняли враги, и до сего дня не желающие поставить подписи под вечным российско-японским Договором о мире.

*Орёл — Тула —
Савино — Орёл.
Декабрь 2001 г. —
февраль 2004 г.*

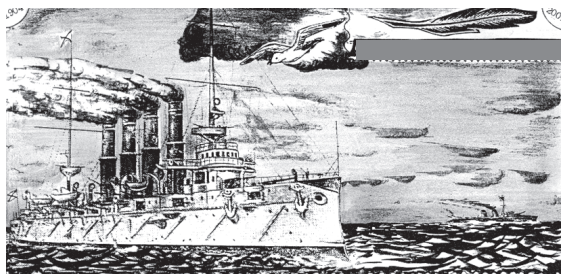
*В оформлении
использованы акварели
художника-мариниста
В. Шевченко.*

В.Ф. Руднев

К 100-летию Русско-Японской войны (1904—1905)

ПОД АНДРЕЕВСКИМ СТЯГОМ

Яркая и одновременно трагичная история Российского флота насчитывает более трёхсот лет. Его рождение и становление на воду Петром Первым за короткий срок вывело нашу Родину в число главных морских держав мира. Неимоверным трудом всего народа, ценой гибели и увечий простых смертных были достигнуты не только качество на верфях России, мореходность судов и их передовая вооружённость. Основательно изучив кораблестроительный, мореплавательный, захватническо-боевой опыт Голландии, Великобритании, Италии, Франции, Турции и Скандинавии, русские разработали собственную школу победоносной войны на море.

Звучит знаменитая песня

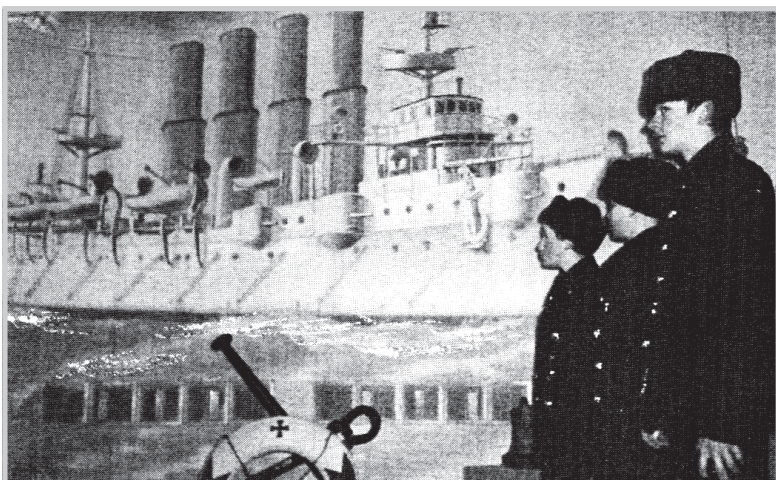
У Азова и Керчи, в устье Невы, у Выборга и Гангута, у Гренгама и острова Эзель, во всех сражениях с турками и шведами были рождены и заложены традиции русского флота — высокая бое-

готовность, крепкая дисциплина, отличное владение оружием, отвага и героизм, уверенность в своих силах, верность Отчизне и её военно-морскому флагу.

Мероприятия в честь 100-летия Русско-Японской войны стартовали в городе-герое Тула в конце января. До открытия выставки «Военная слава России» в музее имени Н.П. Крылова, в городе почти месяц уже ведётся оборонно-массовая работа с привлечением широких слоёв общественности.

*Выступление губернатора
Тульской области
В.А. Стародубцева
и вице-адмирала О.В. Бурцева*

Почётный караул нахимовцев в музее В.Ф. Руднева

Макет
«Варяга»

В залах музея жителям и гостям родины Левши, великих писателей, учёных, оружейников, воинов и артистов представлены экспонаты о Куликовской битве и сражении под Полтавой. Много интересного и забытого поведают экскурсоводы о морских баталиях Петра Первого и героях Отечественной войны 1812 года.

Экспозиция графики и акварели приверженца верещагинской школы живописцев Николая Самокиша посвящена событиям Русско-Японской войны. Плодовитый художник увековечил сражения в Китае и позднее не раз навещался на Приокский конезавод для за-

Село Савино.
Последний приют героя

рисовок лошадей с натуры. А вот баталист от Бога Василий Верещагин, писавший правду о войне и мечтавший изобразить японский Императорский флот в действии, погиб с частью экипажа броненосца «Петропавловск» и адмиралом Степаном Макаровым в первые дни противостояния эскадрам Муцухито под флагом флотоводца Хэйхатиро Того. Ключевой экспонат выставки — проект памятника Всеволоду Фёдоровичу Рудневу, командиру легендарного крейсера «Варяг». Сам бюст при орденах, авторства его земляка Арнольда Чернопятова, установлен в селе Савино Заокского района на могиле контр-адмирала. По соседству — музей А.Т. Болотова, В.Д. Поленова, Ясная Поляна, Спасское-Лутовиново...

Ранним утром 9 февраля 2004 года здесь состоялся торжественный митинг, собравший и сплотивший многих россиян. В нём приняли участие губернатор Тульской области Василий Александрович Стародубцев, его заместители, ветераны Флота, священнослужители Русской Православной Церкви, Российского Дворянского Собрании и его Морской секции, гости из Москвы, Санкт-Петербурга, нахимовцы и армейский оркестр. Ожидали приезда мэра Москвы Ю. Лужкова и полпреда Президента РФ в ЦФО Г. Полтавченко, приглашённых в Савино ра-

*Авторы очерка
Виктор и Сергей Рассохины
у музея В.Ф. Руднева*

нее. Но из-за теракта в метро и всестоличного траура их познавательная поездка не состоялась, наложив на событие суровый отпечаток действительности.

В выступлениях губернатора, заместителя начальника Главморштаба ВМФ России вице-адмирала О.В. Бурцева, наследниц величия своих предков — Л.Б. Головной и Г.В. Корниловой звучали слова о патриотизме, героике Руси, о целенаправленном унижении всего русского потенциальными врагами извне. После богослужения, отпевания погибших и усопших в осквернённой в 30-х годах церквушке, местное духовенство отметило большое благородство, отечестволюбие, значение и назначение бессмертного подвига моряков, волею судьбы и приказа оказавшихся далеко от Родины. Милицейское оцепление не отодвинуло горячих аплодисментов и засуетившихся теле-фото-репертёров. Гости вручили администрации Тульской области памятные издания и подарки...

Всего на семь месяцев здесь, на вечной «якорной стоянке» В.Ф. Руднева, построили красавец-музей его имени. Благодаря личному вниманию В.А. Стародубцева, из облбюджета выделили двадцать миллионов рублей, несмотря на экономические неурядицы, переживаемые регионом, и его уважаемыми тружениками. Лучшие художники, архитекторы, реставраторы, строители, краеведы и водители приложили максимум сил, изобретательности, трудовой смекалки, чтобы увековечить память о подвиге «Варяга» и «Корейца» на высшем международном уровне. Мемориал стал первостепенным по значимости местом паломничества, переняв эстафету от музея В.Ф. Руднева в деревне Русятино, созданного местным краеведом А.И. Трошиным и офицером облвоенкомата Ю.И. Черновым при содействии Центрального военно-морского и Тульского областного краеведческого музеев. Он закрепил уважение и почёт земляков-современников к своим историческим корням, дополнил собою памятник командиру «Варяга» в Ново-

московске, неподалёку от которого, близ деревушки Яцкой, располагалось живописное родовое имение Рудневых. Думаю, к юбилейной дате стоило пригласить ветеранов Объединённого, Хасирского и авианосного флотов Японии, военморатташе стран НАТО и бывшего СЭВ, дабы они помнили и читли не только Пёрл-Харбор, Мидуэй, войну в Атлантике, Гуадалканал, Лейте, высадку в Нормандии, штурмы Иводзимы и Окинавы, «камикадзе» в небесах, на суше и на море...

После перерезания традиционной красной ленточки на пороге музея, от имени Орловщины я выступил перед собравшимися в его великолепных, выполненных в морском стиле стенах, со словами благодарности. Как автор документально-исторических работ о ВМС России, Германии, Японии, Англии, США и Голландии, я рассказал о том, как тяжело переживали у нас гибель экипажа АПРК «Курск», сказал о дружбе с командованием Северного флота и опеке подшефного Орловщины АПРК «Орёл». Напомнил об обезглавливании флагманов ВМФ СССР в период античеловеческих репрессий сталинского коммунизма и зачитал слушателям письмо из Хотынца от Берты Ивановны Соиной, чей дядя служил на крейсере 1-го ранга «Паллада»...

Память живущих о прошлом сама по себе Святыня, как бы не пытались её очернить близбогемные околукультурные негодяи. Запрещено забывать, что традиции царского флота были многократно умножены под флагами Э.С. Панцержанского, П.Е. Дыбенко, Р.А. Муклевича,

В единстве — сила

Г.П. Киреева, М.В. Викторова, Ф.Ф. Раскольников, Н.Г. Кузнецова, Л.М. Галлера, В.А. Алафузова, И.С. Юмашева, А.Г. Головкин, И.С. Исакова, В.Ф. Трибуца, Ф.С. Октябрьского и С.Г. Горшкова ценой жизни и смерти тысяч советских моряков. Все они — Герои ВМФ СССР — потопили свыше 2500 вражеских кораблей и судов в 1941–45 гг. Немцы, итальянцы, японцы знали, что русские моряки не сдаются и боялись атакующей «чёрной смерти» не меньше «Катюш». 513 офицеров, старшин, матросов стали Героями Советского Союза, семь из них — дважды, 350 000 военных моряков были награждены орденами и медалями. А сколько тысяч подвигов морпехов, артиллеристов, подводников, катерников, зенитчиков, морских авиаторов, героев снабжения ВМФ всем необходимым — остались за порогом безымянной неизвестности! После войны только в Севастополе мины обезвредили свыше 1115 тысяч мин, бомб, снарядов...

Рассказывая аудитории об откликах родственников, чьи предки не по своей вине угодили в Дальневосточный молот, присутствующей элите я подарил широкоиллюстрированный очерк «Живъ «Варягъ!», опубликованный в «Орёл-Курьере» и других российских изданиях. Все знают, кто победил в той ненужной войне 1904–05 гг. Помнят о Порт-Артуре, Цусиме, Чемульпо и об «отколе» Южного Сахалина в пользу Империи Восходящего Солнца, давно мечтавшей называть его целиком — Карафуто. До сих пор не подписан российско-японский договор о Мире. Курильская гряда и по сей день служит волнорезом преткновения в военных и политико-экономических отношениях Японии и России...

Инженер-кораблестроитель, член Российского Дворянского Собрания капитан II ранга Игорь Козловский, учёный секретарь объединения «Тульский областной историко-архитектурный и литературный музей» Елена Васильева, потомственный дворянин, пострадавший от репрессий, председатель Правления «Общественного фонда для создания в Москве Храма, Музея и других

Личные вещи В.Ф. Руднева

сооружений в память о жертвах политрепрессий» Сергей Зуев, краевед-маринист Вячеслав Боть, заместитель начальника департамента культуры Надежда Калугина, организатор Юрий Лончаков и многие другие говорили о вечном, насущном, земном. По всей стране, но более всего в Туле и Владивостоке, пройдут митинги, лекции, вечера памяти и отпевания. Будут раскрыты новые и забытые факты. Тридцатый «Варяг» в истории ВМФ России посетит Инчхон вместе с большим и малым противолодочными кораблями «Адмирал Трибуц» и «Кореец».

Как и наши земляки, несущие вахту на АПРК «Орёл», на этих кораблях служат многие туляки. Некоторые из них остаются на ТОФе по контракту. Тульский регион шефствует над ракетным крейсером, крещённым столь почётным и ответственным именем. Гвардейцы салютуют героизму предков на месте сражения, пускают по волнам церемониальные венки, в увольнительных посетят Инчхон. Участвующие в походе ветераны и общественные деятели, возложат венки от своего имени, от имени Президента РФ и его полпреда в ДФО, венки от народов России. В Сеул на

ИЛе-76 доставят 20-тонный монумент из гранита по эскизам Сергея Присекина.

Во владивостокском музее им. В.К. Арсеньева действует выставка под знаком 100-летия Русско-Японской войны, унесшей тысячи жизней по обе стороны океана и фронта. Любители истории, краеведы, энтузиасты и жертвователи собрали массу документов, предметов флотского быта и фотографий, представили общественности журнал «Летопись войны с Японией». Рядом — картина пошедшего по стопам отца Юрия Репина: «Тюренчен. В славной смерти вечная жизнь».

В савинском музее-мемориале тоже появились уникальные новинки — личные вещи В.Ф. Руднева (дар его старшего сына Николая Руднева-Варяжского Русятинскому музею). Посетители впервые увидят стакан с подстаканником и ложку адмирала, поднятые воинственными самураями в 1906 году и переданные Рудневу в Санкт-Петербурге. Налётом недоговора и неизвестности остались покрыты многие личные вещи и архив Рудневых, «экспроприированные» безграмотными разрушителями после октябрьской революции. В числе их — золотой кортик, подаренный лидеру «Варяга» в Орловской губернии по возвращении из Чемульпо через Одессу и Севастополь, и японский орден Восходящего Солнца 2-й степени, вручённый Всеволоду Фёдоровичу от имени Микадо, реставратора Японии Муцухито...

9 февраля в Тульском академическом театре драмы состоялась премьера исторического представления с участием губернаторского оркестра, государственного хора, танц-коллектива «Визави», артистов филармонии и дружины «Крепость». Тульские дизайнеры-полиграфисты издали красочные буклеты, приглашения, конверты и открытки в честь «Варяга» и «Корейца», а всемирно известные кондитеры испекли «Визитный» пряник с оттиском крейсера. Вечером зазвучал «Марш наследников «Варяга» Вячеслава Сладкова.

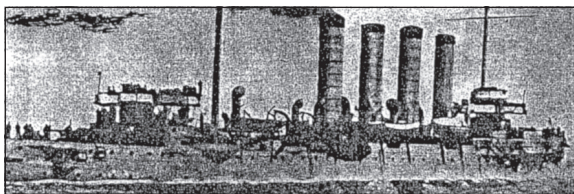
Увы, уставшие от саморекламы центр-телеканалы проявили недальновидность, оказавшись неучтиво слабыми в освещении военно-морской славы России в рамках спонтанно-урывистых репортажей вокруг увиденного и услышанного мною События. Они забыли завещание адмирала Степана Осиповича Макарова, выдающегося моряка России: «Помни войну!».

Неужели хранители традиций Хэйхатиро Того, Сотокити Уриу, Исороку Ямамото и Нобутаке Кондо в лице «Киодо Цусин», «Джапан Таймс», «Иомиури» и «Майнити симбун» и через 100 лет окажутся более внимательными к наследию предков???

Алексей Михайлович Козельский (1878-1960). Орловец. Служил на «Варяге». Был в японском плену год и три месяца.

*9 февраля 2004 г.,
Орёл — Тула — Савино —
Поленово — Орёл,
«Путевые заметки».*

Крейсер «Варяг» был поднят, носил имя «Соя». Таким он выглядел в 1917 году.

На 100-летие Русско-Японской войны в Санкт-Петербурге встретились — правнучка адмирала Х. Того Хосака Мунэко и правнук вице-адмирала З. Рождественского Зиновий Дмитриевич Спечинский. Гостья сказала: «Противостояние — в прошлом, а в будущем будем смотреть только вместе».

КОНТР-АДМИРАЛ ИЗ КРОМСКОГО УЕЗДА

Б.П. Хлюстин (1884-1949)

Десятки тысяч рыбаков Орловской и Курской областей, рыбаки Железногорска, автолавки, туристы и участники парусных регат со всей России, не раз и не два проезжали через село Копёнки зимой, весной, летом, осенью. Разбросано оно жизнью и временем по берегу Железногорского озера, в нескольких километрах от плотины на Свапе. Если ехать со

стороны Железногорска и свернуть влево не доезжая до неё, попадёшь в аккурат на развалины помещечьей усадьбы владельцев земли и лесов, конезаводчиков Хлюстиных. Мало кто знает (тем более помнит), сколько тайн хранят останки барской усадьбы, с полвека претендующей на статус госпамятника...

Выдающийся представитель дворянского рода Хлюстиных — Борис Павлович Хлюстин родился на хуторе Дуброва Кромского уезда, в феврале 1884 года. У будущего героя морских баталий, видного стратега Императорского Флота и строителя Рабоче-Крестьянских Морских Сил СССР были воистину редкие предки. Они имели владения и усадьбу в Медыни, поблизости от имения супруги «солнца русской поэзии» А.С. Пушкина, дружили с родом Гончаровых. Один из предков моряка — Семён задумывал брачный союз с сестрой Натали — Екатериной. Вмешался горячий гений Пушкин: венчание не состоялось из-за ссоры поэта и жениха, вплоть до её разрешения на pistolетах...

Семён прожил 34 года, но оставил дочь Веру, завещав ей земли в Тросне и поблизости. Сестра Семёна, Анаста-

сия, могла стать женою польского сочинителя Адама Мицкевича. Поэта опередил французский граф, дипломат и журналист де Сикур, с которым она укатила в Париж. Брату и сестре Хлюстиным приходился родным дядей беспримерный участник множества дуэлей и скандалов Фёдор Толстой («Американец»), воспетый в стихах П.А. Вяземским, А.С. Пушкиным, их окружением.

Ещё один из Хлюстиных — Иван Николаевич, широко известен на поприще балетного искусства. Будучи танцором и балетмейстером, он ставил классический балет в Большом театре Москвы и парижском «Гранд-Опера», вывел в свет Анну Павлову.

Наследник славных дел рода Борис, вместе с братьями Дмитрием и Николаем, обучался дома, в сельце Копёнки. Отсюда, с берегов Свапы и Белого Немёда, отправятся они служить верой и правдой России и царю-батюшке.

В 1901-м — Борис гардемарин, с февраля 1904-го — мичман. В 20 лет его срочно командируют в Порт-Артур, где «стоял под парами» Квантунский Флотский Экипаж. В первую неделю февраля Борис зачисляется на броненосец «Ретвизан» вахтенным офицером. Недолго ему доведётся радоваться и гордиться мощью родного обновлённого Флота: 31 октября он чудом не погиб от взрыва японской мины на палубе миноносца «Сильный». Там, на рейде далёкого Порт-Артура, Борис получил «вечную память» — осколок разорвал ему лобную часть, граничащую с виском, на два сантиметра в ширину и пять сантиметров в длину. Видимо, его защитил Господь, охранявший разум и тело моряка до его передачи на руки санитарам крейсера «Паллада»...

Молодой организм победил, хотя швы ещё не были сняты. При трагедии Русского Флота в Порт-Артуре и Чемульпо, обстоятельства войны вывели Бориса в число блестящих патриотов-храбрецов уже на борту миноносца «Статный». Экипаж корабля, вахтенным начальником коего служил мичман Хлюстин, осуществил ночной прорыв, разорвав блокаду японских броненосцев, чем спас

штандарты, полковые знамёна, архивы и документы русской армии. Команде «Статного» удалось доставить их без потерь в китайский порт Чифу. Моряки спасли боевое знамя Квантунского Флотского Экипажа, которому предстоит стать, военно-морской реликвией у алтаря петербургского храма Христа Спасителя — Спаса-на-воде.

За героизм, проявленный экипажем миноносца, государь Николай II поощрил верноподданных воинов грамотой. В наградной на имя «Нашего Мичмана Бориса Хлюстина» от седьмого дня февраля 1905 года самодержец Всея Руси пожаловал его Кавалером Императорского Ордена Нашего Святого Равноапостольного Князя Владимира IV степени с мечами и бантом. В том же году, несмотря на предательства и поражения, понесённые монархией в Русско-Японской бойне, смелый и решительный офицер награждается Орденами Святой Анны III степени с мечами и бантом и Святой Анны IV степени с гравировкой «За храбрость».

Потеряв многих сослуживцев в сражениях с флотоводцами Японии, Борис переходит на миноносец «Скорый». Затем, в 1907–08 гг., он служил на эсминцах «Выносливый» и «Сибирский стрелок». За четыре года до Первой Мировой войны Хлюстин ходил на линкоре «Андрей Первозванный» старшим штурманом, а также отличился в должности флаг-штурмана бригады линкоров и минной дивизии Балтфлота. Свою службу на кораблях навигатор совмещал с учёбой в Николаевской Морской Академии (Гидрографический отдел), которую окончил с отличием по первому разряду.

Спустя пару лет лейтенант Б.П. Хлюстин — капитан II ранга, ведёт курс среди юнг и гардемарин Морского корпуса. За успехи в преподавании морского дела и воспитании новых кадров Императорского Флота командование награждает его Орденами Святого Станислава II степени и Святой Анны II степени.

Большевистская революция, затронувшая каждого смертного в России, не сломила убеждений Бориса Пав-

ловича, его понимания предназначения офицерской службы и чести. Судьба отечественного Флота была его жизнью, его альма-матер, путеводной звездой в круговороте стихии. Исчезнуть в «девятом вале» Гражданской войны, эмигрировать, уходить в отставку, разводить спирт водой, стреляться — претило капитану по духу, вере, характеру, знаниям.

Да, он помнил войну по заповеди адмирала С.О. Макарова. Сокрушаясь из-за уничтожения царского Флота, Хлюстин переходит на преподавательскую деятельность в ВВМУ им. М.В. Фрунзе. В Петрограде один из лучших штурманов страны провёл тысячи часов с курсантами, обучая их навигации и кораблевождению на посту флагмана кафедры.

В период величайших трагедий в руководящем составе РККА, ВМФ, ВВС, ГВФ, ОСОАВИХИМа, военвузов и наркоматов — годы сталинских репрессий — Хлюстин, по счастью для себя и семьи, избежал клейма «враг народа». Он несказанно переживал, ибо знал многих высших офицеров ВМФ лично. Конечно, он ходатайствовал за них по инстанциям, но приостановить гонения на Флот не мог, поскольку сам, наверняка, был в шаге от глубоководной воронки ГУЛАГа, в «кабельтове» от бездны доносов НКВД...

Вместо них семья Хлюстиных и сотни тысяч семей угодили в иной ужас, порождённый иноземными агрессорами — в 900 дней и ночей блокады Ленинграда. Не глядя на голод, холод, бомбёжки и артобстрелы, 58-летний профессор Хлюстин учил кораблевождению офицеров КБФ, позже руководил кафедрой девиации ВВМУ им. М.В. Фрунзе и кафедрой кораблевождения ВВМПУ МВД СССР. Учитель военно-морской науки долго работал над специализированными учебниками для личного состава ВМУЗ. Опытному штурману и наставнику удалось выпустить несколько пособий по вождению и эксплуатации кораблей. Однако не все его выпускники знали, что уважаемый преподаватель:: награждался Орденом Крас-

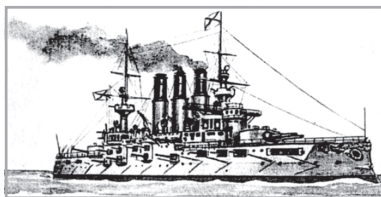
ной Звезды, дважды Орденами Красного Знамени, Орденом Ленина за стойкость в блокаду, множеством медалей и Почётными грамотами. Не все смогли проститься с ним на Волковском кладбище Ленинграда в 1949-м, но многие вздрогнули и подняли за него «наркомовскую чарку», когда спустили на воду учебный корабль ВМУ «Профессор Хлюстин»...

* * *

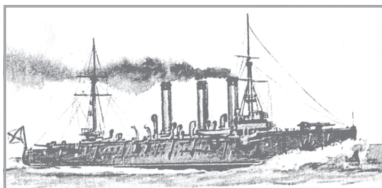
...По сурово-морозной февральской вьюге выбирались мы из колыбельных мест контр-адмирала, через Высокое, на Тросну и Орёл. Притормозили на взгорье, у памятника знаменитым священникам Амфитеатровым, с которого, было дело, отбивали буквы пираты XX века.

И вот — XXI-й... Стало до жути зябко, грустно и обидно за предков. Таких «Копёнок» и «Высоких» по России — только не ленись, раскапывай! Жаль, что голосовать (неважно, за кого) — нынче легче, чем реставрировать.

*Февраль 2012 г., Орёл — Железнодорожск —
Копёнки — Высокое — Орёл*

Броненосец «Ретвизан»

Крейсер «Паллада»

*Историческая
усадьба в Копёнках
ждёт спонсора*

PEARL HARBOR 58

Хирохито

Ф. Д. Рузвельт

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ТРАГЕДИИ
ПЁРЛ-ХАРБОРА

ГАВАЙИ?

Т
И
Х
И
Е

*Пытливые потомки
Придут за нами вслед
Развязывать тесёмки
Позора и побед.*

Ровно 58 лет назад, когда наша Родина обливалась кровью и потом, жглась от северных до южных границ потомками ливонцев-тевтонцев и Фридриха Рыжебородого, Императорская Япония, вероломно, сокрушительным торпедно-бомбовым ударом авиации под командованием

вице-адмирала Объединённого Флота Тюити Нагумо произвела страшный аверкиль (переворот) Тихоокеанского Флота США под флагом адмирала Хасбенда Киммеля. 7 декабря 1941 года — дата, незаслуженно политая «дөгтем» бездушья за удалённость военно-морской базы американцев Пёрл-Харбор (о. Оаху, Гавайские острова), никогда не подлежит забвению, несмотря на «второстепенные» трактовки историков периода «холодных» и «тёплых» войн.

Автор в командировках неоднократно встречался с пленными самураями и не самураями, вёл беседы с соотечественниками, ветеранами Хасана и Халхин-Гола, и в последующем ниже стихотворении лишь попытался частично восстановить ту диораму событий декабрьского катастрофического апофеоза, что президент США Франклин Делано Рузвельт назвал на века Днём позора...

ZERO!

Г нетёт загадками война,
Хотел бы многое узреть я.
Через года, через столетья —
В Жемчужной гавани у дна
Ржавеет истина бессмертья...

И сквозь обломки кораблей,
Подводных лодок, самолётов
Нам как-то видится ясней
Судьба матросов и пилотов.

О, роковая полоса
С торпедно-бомбовым разгулом!!!
Кто знает, сколько тысяч душ
Пошли на пиршество акулам?..

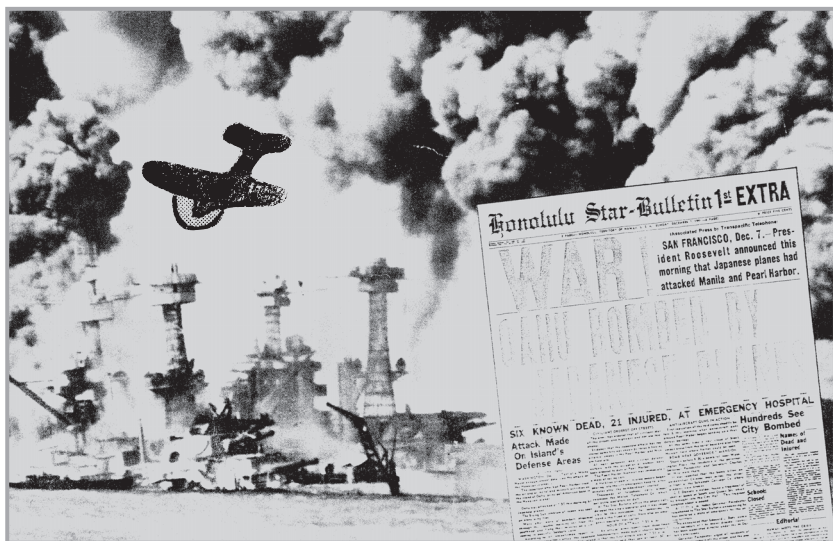
А где-то в штате Мичиган,
Да и в Токийском главном храме,
Родительских не сгладить ран
Ни почестями, ни деньгами.

*Контрразвед-
чики ВМС
Японии,
консулы в
Гонолулу
Н. Кита и
Т. Иосикава.*

П Идёт ли Солнце на закат,
О Или опять восходит Солнце,
 Оно притягивает взгляд
 Американца и японца.
М У нас не два их, а одно!
О И с двух сторон — ребята в силе,
 Да разве им идти на дно?
Г На берегу ещё не жили...
И Мечты их в схватках сожжены,
Т И, не успев с песком смешаться,
 Из океанской глубины
Е До нас стремятся докричаться.
! И мы должны погибшим внять,
 Пусть в каждом сердце крик их бьётся,
 Что в солнце надо не стрелять,
 МЫ ВСЕ НА СВЕТЕ — ДЕТИ СОЛНЦА!

1999 год.

ДАЛЁКИЙ МИДУЭЙ

К годовшине
Тихоокеанской
кампании

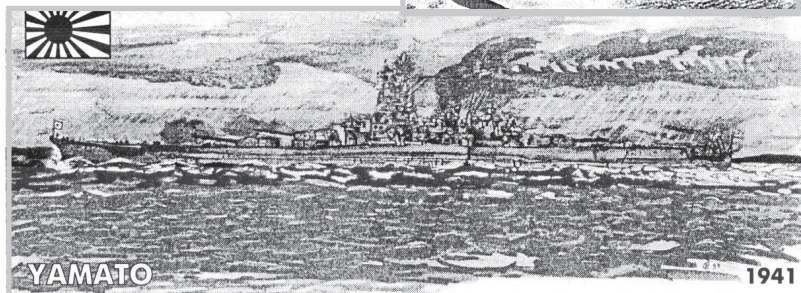
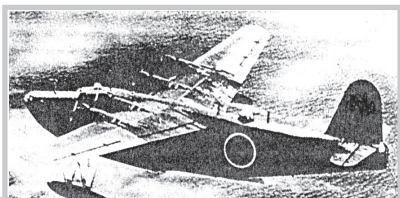

Этот очерк
навеян
событиями,
которые
происходили
в годы Второй
мировой войны в
районе Тихого океана.
Здесь тогда
развернулись боевые
действия между
вооружёнными силами
Японии, США и их союзников.
Военные действия начались
в декабре 1941 года, когда
японская авиация нанесла
неожиданный удар
по Гавайям.
(Пёрл-Харбор — Мидуэй.)

• ИЛЛЮЗИЯ ПУТИ

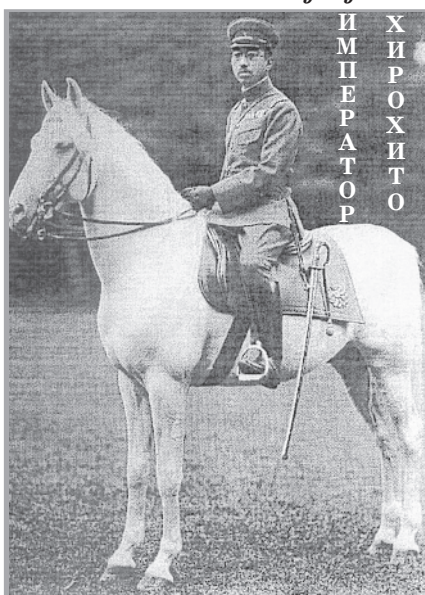
Первая июньская неделя 1942 года вошла в историю Императорской Японии трагической страницей, несмотря на захватническо-триумфальные успехи её армии и флота. Прошло столько лет, и о дате 4–6 июня 1942-го упоминается сдержанно и кратко. Напомню, что Мидуэй входит в ещё не опубликованную антологию «Жертвоприношения XX века» так же, как Нанкин, Шанхай, Герника, Брест, Таранто, Севастополь, Пёрл-Харбор, а позднее — Эль-Аламейн, Сталинград, Орловско-Курская дуга...

Немногие знали об этом крошечном острове, ища его на карте после Пёрл-Харбора, Сан-Франциско, Гонолулу и Гонконга. Президент

США, бывший зам. министра ВМС, Ф.Д. Рузвельт в послании Конгрессу 8 декабря 1941 года отметил его сразу же и печально: «Сегодня утром японские силы атаковали остров Мидуэй». 48 штатов перевернула всеобщая мобилизация... Главком понимал, что враг коварен, жесток и неумолим. Прикованный к инвалидной коляске, любитель океанской рыбалки, президент внёс оптимизм в души сограждан: «С верой в наши Вооружённые Силы, с несомненной решимостью нашего народа, мы неизменно восторжествуем. И да поможет в этом Господь Бог!»

Вскоре его пророчество реализовалось на Тихоокеанском театре военных действий — в мидуэйских водах и небе. Коралловый атолл площадью 5,2 кв. километра входит в северо-западную группу Гавайских островов. Климат тропический, пассатный. Население — коренные жители, военнослужащие с семьями, обслуживающий персонал, знающий гавайский и английский языки. В гарнизоне насчитывалось свыше 3600 человек. Остров имел стратегическое значение, находясь почти на середине линии Йокогама-Гонолулу протяжённостью в 3150 миль. Когда-то здесь проплывал на лайнере «Чичибу-мару» А. Вертинский, вспоминая стихи Г. Иванова...

*Х. Того**К. Окада**К. Судзуки**С. Симада**О. Нагано*И
М
П
Е
Р
А
Т
О
Р

Х
И
Р
О
Х
И
Т
О*И. Ямамото**М. Кога**Д. Одзава**Н. Кондо*

ЯПОНСКИЙ ИМПЕРАТОРСКИЙ ФЛОТ

*Т. Нагумо**Т. Ониси**Т. Ямагути**М. Хосогай**Г. Микава*

И. Ямамото

С. Тойода

Р. Танака

С. Иноуэ

М. Йонаи

М. Хасимото

*Главкомандующий
Объединённым Флотом адмирал
И. Ямамото у океанской карты
на борту «Нагато».*

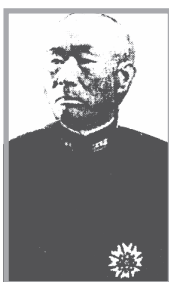
М. Гэнда

Т. Такаги

К. Какута

К. Курита

М. Футида

Береговая оборона укреплялась мощными артбатареями. На Мидуэ расположились казармы, электростанция, самолётный ангар, топливные цистерны и вспомогательные сооружения. Имелись базовые и палубные самолёты разных типов. В 22-й авиагруппе корпуса морской пехоты было 55 самолётов. В 221-й эскадрилье истребителей насчитывалось 28 «Уайлдкэтов» и «Брюстер Буффало». В состав 240-й эскадрильи пикировщиков входили 34 «Даунтлесса» и «Виндикейтера». Шесть «Дэвастейтеров» представляли 8-ю эскадрилью торпедоносцев. Эскадрилья летающих лодок «Каталина» обладала 32 машинами двух модификаций. В 7-й авиаармии находилось 17 «крепостей» Б-17 и четыре двухмоторных Б-26. Таким образом на Мидуэ базировалось около 120 самолётов в основном устаревших конструкций. Надежда на новейшие «Уайлдкэты» была невелика, ибо в случае воздушного боя ветераны ново-светской авиации уступали в скорости и маневренности вездесущим авианосным истребителям «Мицубиси-Зеро». Для подкрепления предусматривалось перегнать единицы Б-17 с пострадавших ранее Гавайев. Они могли быть задействованы только с горизонтального бомбометания и большой высоты. Шанс попадания в эсминцы, линкоры, крейсера и авианосцы оставался маловероятным.

Новый командующий Тихоокеанским флотом, сменивший Х. Киммеля, адмирал Ч. Нимиц, командующий подводными силами контр-адмирал Б. Инглиш, военноморская элита, находившаяся в Пёрл-Харборе, знали, что судьбу предстоящего сражения разрешит авианосная сеча с большим количеством самолётов, а также сил поддержки — эсминцев и субмарин. Большое внимание уделялось танкерному снабжению и разработке ударов береговой авиации по кораблям «красно-солнечного» противника.

Ещё в середине мая адмирал Ч. Нимиц был уведомлён разведкой о возможном десантировании японцев на Алеуты. Отвлекающий замысел ясен: пригвоздить за-

носчивых янки и выбросить их с Мидуэя раз и навсегда. Главком Императорского объединённого флота адмирал И. Ямамото вместо виски пил чай, встречаясь с морскими авторитетами О. Нагано, Н. Кондо, Т. Ониси, Д. Одзава, С. Ямадзаки и М. Угаки...

Оперативная разведка, наученная разгромом в Жемчужной гавани и на аэродромах острова Оаху, пережив шок и стопор действий в начале декабря 1941-го, теперь работала более углублённо. Вашингтонский спрос был велик, ибо Ф. Рузвельт объявил войну до конца. Только что заступивший на должность командующего ВМС США Э. Кинг, которому ещё предстоит встретиться с наркомом ВМФ СССР адмиралом Н. Кузнецовым, отправляя меморандум комитету начальников штабов союзников, ежедневно взывал к тому же...

Японское командование, следуя выработанной стратегии под кличем тигра, по-самурайски решало гамму уравнений, способствующих проведению операций в Тихом океане. Оно искало вторую точку опоры, чтобы поговорить с Америкой на более близком расстоянии. Наследники традиций Х. Того планировали отсечь от неё и Англии огромные сырьевые источники и, помня о нефтеембарго, включили в «блицкриг по-токийски» Австралию, Новую Зеландию, Океанию и Южную Африку. Ставка на атолл Мидуэй и его захват обеспечивали воплощение давней мечты — своей военно-морской базы в центре Великого океана.

Не сразу морская и армейская знать определилась в выборе иллюзорного пути. Однако реваншизм не жалел душ сограждан, «белых варваров», рабов и, конечно, моторов.

Несмотря на успехи Японии на суше и на море, стало выясняться, что второй этап войны переходит в длительную стадию и вместе с тем ставит перед Вооружёнными Силами вопросы оборонительного характера. Продвижение вперёд связывалось с укреплением на завоёванных территориях. «Демократы» и «консерваторы»

после ошеломляющих ударов не упали навзничь. Сстиснув зубы и пересилив скорбную боль, союзники изготавились к сопротивлению, укрепили уязвимые места. Распрямление противника было фактом, а уцелевшие авианосцы, не попавшие под внезапность, удручали тех, кто заранее представил их затонувшими...

Западный вариант экспансии разработал капитан I ранга К. Куросима, служивший в оперативном отделе штаба Объединённого флота. Основная мысль проницательного оперативника, поддержанного самим И. Ямамото, сводилась к уничтожению английского флота и захвату его форпостов, а также к установлению более крепких связей с военщиной стран «Оси» и их сателлитами. Планом предусматривались вторжения на Цейлон, контроль над Индийским океаном, закрепление за собой голландской Восточной Индии и Малайи, с выходом на соединение с воюще-лязгающим монстром Рейха на Ближнем Востоке. Оружейный союз потомков Токугава и Барбароссы мог стать умопомрачительной явью.

Расхождение во мнениях и точках зрения объединяла общая цель — наступление. Изучение планов вменялось в обязанности сослуживцам, чтобы с элементами дополнений они могли как можно скорее перейти в реальность. Обсуждение новой попытки перекроить мир вызвало оживлённый резонанс в политической и военной среде родины хризантем под флагом диктатуры Х. Тодзио и «миротворчества» Сына Неба — императора Хирохито.

Квинтэссенцию дискуссионных перипетий лаконично выразил участник Цусимского сражения, любимец морских авиаторов, адмирал И. Ямамото, десятки раз прокрутивший в своём сознании «за» и «против» очередного натиска. Формулировка вымученных мыслей заслуживает цитирования и ныне: «Итоговый анализ обстановки показал, что успех или провал нашей стратегии в районе Тихого океана будет зависеть от того, удастся ли нам разгромить флот Соединённых Штатов,

особенно его авианосные оперативные соединения. Морской генеральный штаб настаивает на необходимости прервать коммуникации между Соединёнными Штатами и Австралией. Этого хотят добиться путём установления контроля над некоторыми важными районами. Однако прямой и наиболее эффективный путь к достижению этой цели состоит в уничтожении авианосных сил противника, без которых эти коммуникационные линии при любых обстоятельствах не могут быть сохранены.

Мы полагаем, — подчеркнул выпускник Гарварда И. Ямамото, — что путём проведения операции по захвату о. Мидуэй нам удастся вынудить авианосные силы противника принять решающее сражение, в котором мы уничтожим их. (Авантюрная самоуверенность и дальность действия захватнической мысли поразительны, хотя «гоп» был промолвлен не пред рекой Синано, а перед длительным и опасным плаванием даже в мирное время. — С.Р.). Если противник и не примет вызова, мы беспрепятственно расширим периметр обороны о. Мидуэй и западной части Алеутских островов».

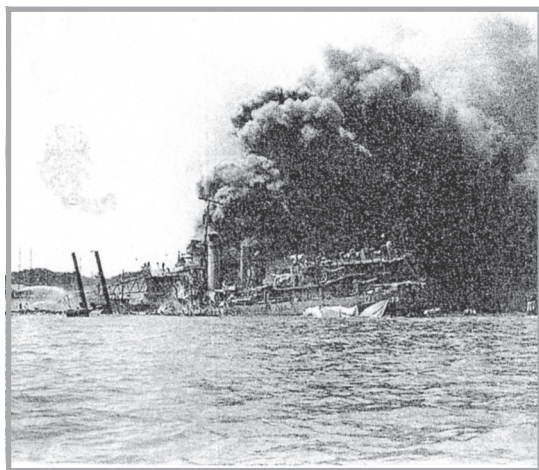
После апрельской бомбардировки Токио и других городов группой Б-25 подполковника Д. Дулиттла начальник Морского генштаба адмирал О. Нагано издал приказ № 18. В сжатой форме от имени Хирохито документ утверждал проведение операции. Избранные не удивились, ознакомившись с ним 5 мая 1942 года: «Во взаимодействии с сухопутными силами осуществить оккупацию о. Мидуэй и ключевых пунктов в западной части Алеутских островов».

Оперативная игра, прошедшая накануне императорского указа на флагманском линкоре «Ямато», показала множество сильных и слабых сторон, обнажила реалии флота. Его силы были огромны и вбирали в себя более 200 кораблей и судов. Сюда входили 11 линкоров, 8 авианосцев, 22 крейсера, 65 эсминцев и 21 подводная лодка. Авиамощь измерялась арсеналом 700 самолётов трёх типов. Своё отношение к Мидуэйской операции продол-

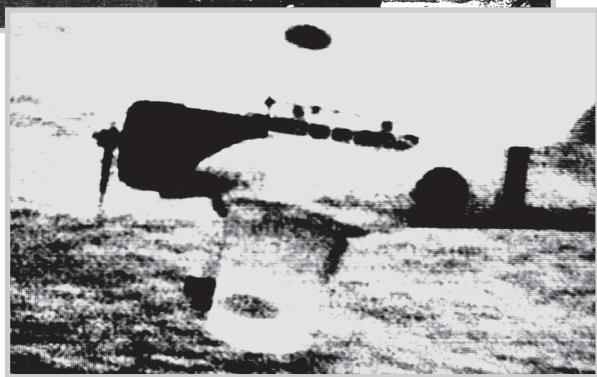
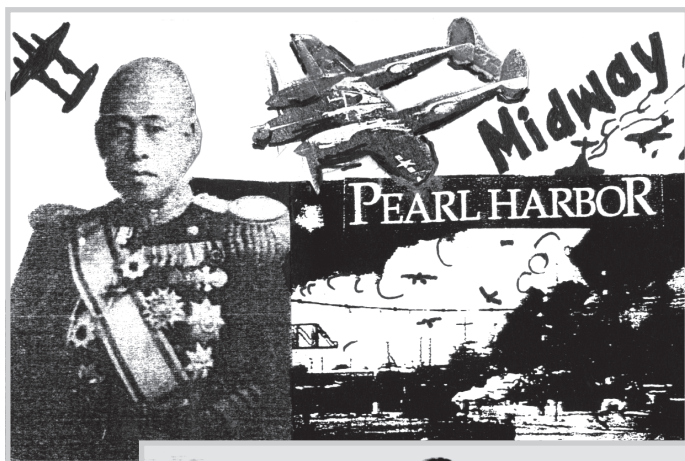

жали высказывать «академисты» — контр-адмирал Т. Ямагути, капитаны II ранга М. Футида и М. Гэнда, вице-адмирал Н. Кондо, начальник его штаба контр-адмирал К. Сираиси и многие другие...

В День 70-летия флота Страны Восходящего Солнца морякам было не до праздника — начинался новый виток агрессии, колонизаторский поход во имя «процветания» по кодексу «Бусидо». 27 мая флагман ударного соединения «Акаги» снялся с якоря, дав понять взаимодействующим корсарам, что мирная передышка подошла к концу. Японский хитроумный циферблат показал шесть утра, и мало кому пришло в голову, что начался последний отсчёт жизни по обе стороны океана. Эйфория от мечтаний была высока, она освещалась фейерверком первых побед, медленно ведущих к гибели. «Да здравствует император!» — гремело над волнами, и никто не хотел думать о завещании...

*Пёрл-Харбор.
В огне эсминец
«Шоу»*

• СКРЕЩИВАНИЕ МЕЧЕЙ

Американское командование подозревало о намерениях японцев ещё до выхода соединения с о. Хасирадзима. Сопоставление сил во второй фазе войны, сложно-специфичной, названной «второстепенным» театром военных действий, вынуждает к их полному восстановлению, поскольку московская идеология учила не проявлять интереса к Большой океанской войне по причине её «малой жертвенности». Ответственность за политику неуважения союзников лежит на «рулевых» Советской России и её народе, до сих пор не знающем о гибели 300 тысяч американцев, о пропаже 20 тысяч янки в ГУЛА-

У. Леги

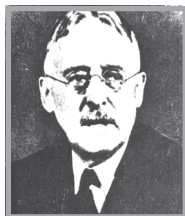
Г. Старк

*Дж.
Маршалл*

Ч. Нимиц

Г. Стимсон

Ф. Хоке

*Президент США
Ф.Д. Рузвельт*

АМЕРИКАНСКИЙ ФЛОТ

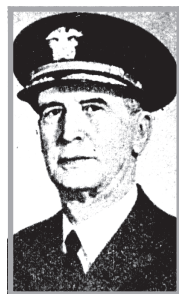
У. Хэлси

К. Спаатс

К. Хэлл

Э. Кинг

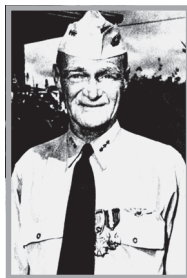
Г. Арнольд

Р. Спруэнс

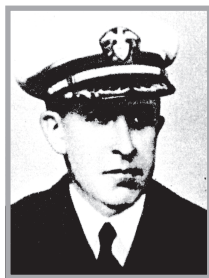
Ф. Флетчер

М. Митчер

Т. Кинкейд

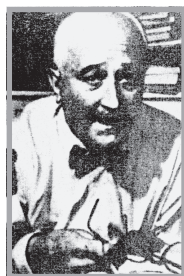
Г. Лири

Р. Тёрнер

А. Крамер

А. Фридман

Дж. Рошфор

Д. Макартур

Л. Саффорд

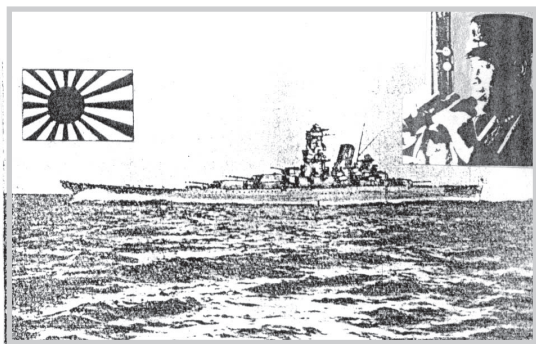

Смертельная атака

Ге, наконец, о вековом долге — 722 млн. долларов, не уплаченных за Ленд-лиз 1 июля 2001 года по соглашению от 1972-го.

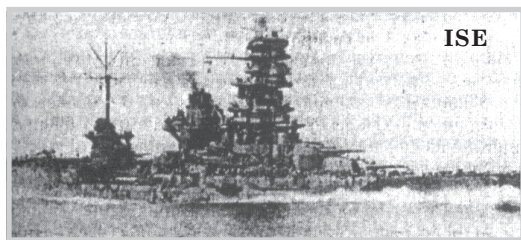
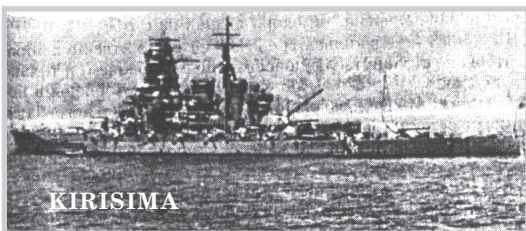
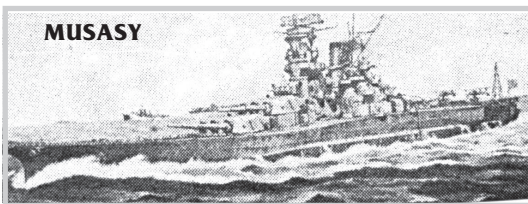
Потери ВМС США в Пёрл-Харборе и в сражении в Коралловом море не возместились, ибо корабли, в отличие от самолётов, строятся годами, иногда — десятилетиями. Чтобы задержать ослабление сил, увеличить активность и укрепить моральное состояние, было решено возобновить деятельность в водах Австралии и Океании. Исходя из первых уроков-баталий между авианосцами, американцы предпочли не вводить в бой линейные корабли, переводя козыри на авианосцы, базовую авиацию и субмарины. Считаю важным аспектом более глубинно рассмотреть стратегически жизненный вопрос — сопоставление ВМС Японии и США для того, чтобы русскоязычный читатель уяснил себе насмешку «вождей» в термине «второстепенный».

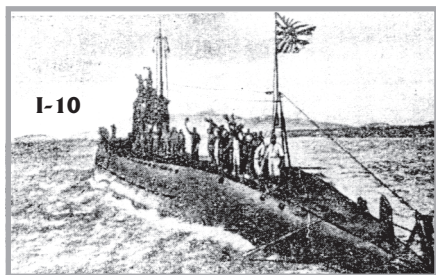
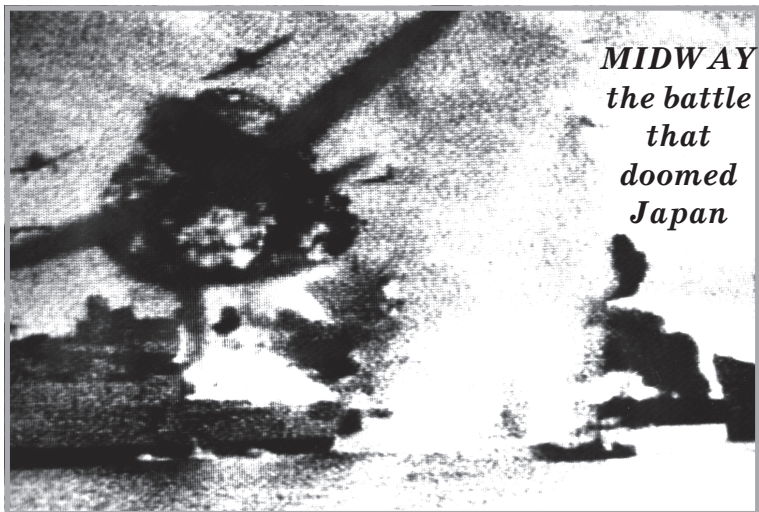
Ямамото кроме флагмана «Ямато» располагал лёгким авианосцем «Хосё», линкорами «Мутцу» и «Нагато», крейсером «Сэндай», девятью эсминцами, гидротранспортом «Ниссин» и «Тиёда», несущими карликовые подводные лодки. В кильватере линкора «Хьюга» шли три линкора, аврально модернизированные в середине 30-х гг. Помимо лёгких крейсеров «Китаками» и «Ои» в соединение входило 12 эсминцев. На «плавучих аэродромах» вице-адмирала Т. Нагумо имелось 93 бомбардировщика, 84 истребителя и 84 пикировщика, причём все бомбардировщики могли применяться как с бронебойными бомбами, так и с торпедами. Не считая разведма-

шин, ударный кулак насчитывал 261 палубный самолёт. По запасному варианту, в случае захвата Мидуэя, на его аэродроме закреплялось по 36 истребителей для дальнейших операций. Вице-адмирал Н. Кондо, руководивший перехватом и уничтожением «Принс оф Уэллса» и «Рипалса» в декабре 1941-го, контролировал силы вторжения и охранения, держа флаг на тяжёлом крейсере «Атаго», которым командовал капитан I ранга М. Идзюин. Авторитетному стратегу подчинялись линкоры «Конго» и «Хиэй» контр-адмирала Г. Микава, а также 4-я эскадра эсминцев контр-адмирала С. Нисимура.

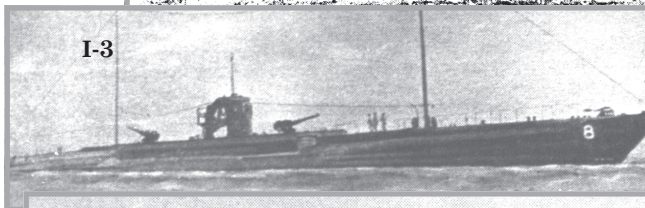
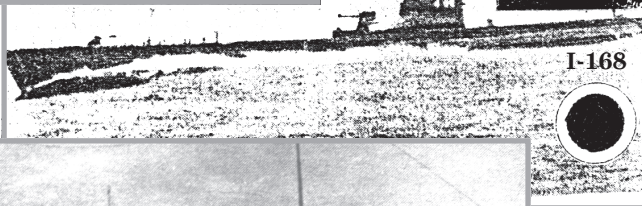
Для усиления бдительности американцев, также усиливших подход к Мидуэю завесой из субмарин, всюю раскручивался алеутский (отвлекающий) вариант. Японцы заявили о себе в конце мая, потопив два транспорта в проливе Ванкувер. Теперь северные ВМС, входящие в состав 5-го флота вице-адмирала М. Хосогая и его начштаба капитана I ранга Т. Накадзава, олицетворяли защиту и нападение. Командующий находился на тяжёлом крейсере «Нати», а контр-адмирал К. Какута верховодил 2-м ударным авианосным соединением, имея «под мечом» авианосцы «Рюдзё» и «Дзунтё», крейсера и эс-

**ЯПОНСКИЙ
ПОДВОДНЫЙ ФЛОТ**

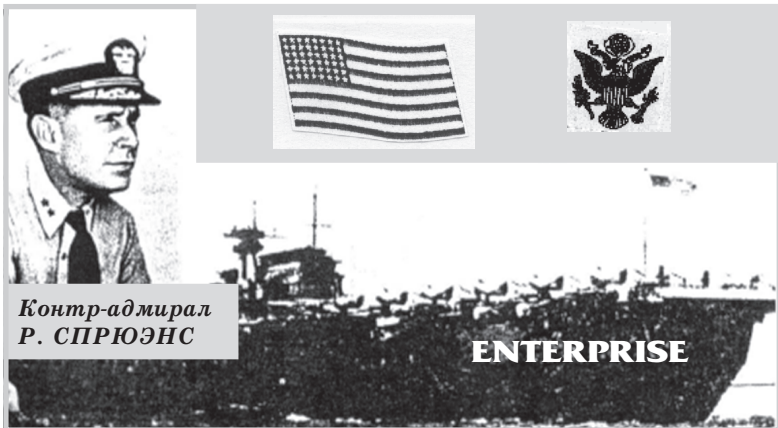
Впереди у
М. Хасимото
— потопление
«Индианаполи-
са».

минцы. Соединениями вторжения на острова Атту и Кыска командовали контр-адмирал С. Омори, капитан I ранга Т. Оно, вице-адмирал Т. Комацу и контр-адмирал Т. Коно. Базовую авиацию и 24-ю воздушную флотилию патронировали вице-адмирал Н. Цукахара и контр-адмирал М. Маэда. В ведении Т. Морита находилось 36 «Зеро» капитана III ранга М. Кокуфуда. Эти истребители временно стали палубными.

3 июня намечался удар по Датч-Харбору, а 4 июня основной шквал огня должен был обрушиться на Мидуэй. В Токио, как и на Хасирском флоте, считали, что «северный инцидент» вызовет растерянность в США. Они знать не гадали, какая сила уже поджидала их для возмездия.

Состав американских сил, выставленных на фарватер войны, выглядел не столь устрашающим, как японский, однако он обладал не менее убойным калибром, боевыми плавединицами и самолётами. Авианосцами «Энтерпрайз» и «Хорнет» командовал контр-адмирал Р. Спрюэнс, тяжёлыми крейсерами «Пенсакола», «Нью-Орлеанс», «Нортгэмптон», «Винсенес» и «Минниэполис» — контр-адмирал Т. Кинкейд. Сюда же входили крейсер «Атланта», эсминцы «Конингхэм», «Фелпс», «Уорден», «Балч», «Эйлуин», «Бенхэм», «Мори», «Эллет» и «Монагхэн». Опытный контр-адмирал Ф. Флетчер, находившийся на авианос-

*Контр-адмирал
Р. СПРЮЭНС*

ENTERPRISE

це «Йорктаун», прекрасно знал корабельные расписания и походный ордер тяжёлых крейсеров «Астория», «Портленд», а также эсминцев охранения «Хамманн», «Рассел», «Моррис», «Хьюз» и «Эндерсон».

Боевая задача № 1 возлагалась на подопечных стратега подводной войны контр-адмирала Б. Инглиша. Немногие из команд дизель-электрических «барракуд» типа «Гренадьер», «Драм», «Гаджон», «Пайк», «Гэтоу», «Финбэк», «Гроулер», «Помпано», «Траут», «Планджер», «Тэмбор», «Групер», «Порпойз», «Тарпон», «Долфин», «Триггер», «Флаинг Фиш», «Наруэл», «Поллак», «Грейлинг», «Кэшэлот», «Наутилус», «Туна» и «Каттлфиш» вернулись на базы надводным ходом после войны. Ещё меньше приоткрыли тайны океана в мемуарах, как это удалось адмиралу Ч. Локвуду в книгах «Морские дьяволы» и «Топи их всех!»...

На войне выигранные минуты, часы, дни часто приводят к роковым результатам. Авианосцы «Рюдзё» и «Дзунъё» под командой капитанов I ранга Т. Като и С. Исии 3 июня атаковали Датч-Харбор. Но в планы властно вмешалась природа, и только погода помешала разгрому — основная самолётная волна вернулась ни с чем.

«Рюдзё» повезло больше. Этим же днём 30 бомбёров и 6 истребителей прошли мглу и вышли на цель, основательно «распотрошив» Датч-Харбор. Какута ликовал, оценивая мастерство своих пилотов, но поспешил. Американские «Каталины» капитана I ранга Гереса и атаки бомбардировщиков генерала Батлера отбросили врага на 400-мильное расстояние. Японцы потеряли 4 самолёта, что подтвердило репутацию контр-адмирала Р. Теоболда.

Замысел противника был разгадан, флот не попал в ловушку благодаря разведслужбе Дж. Рошфора на Гаваях, предупреждавшей, что Алеуты — Мидуэй — коварная западня. Расшифровка японского кода и свободное чтение зашифрованных радиопередач принесли неоценимую пользу.

Как ни велик океан, а 3 июня лодка-разведчик «Катали-

на», пролетая в 700-х милях юго-западнее Мидуэя, обнаружила соединение вице-адмирала Т. Нагумо. Тайное стало явным. Грозная наступательная сила являла собой одно из трёх стратегических соединений, следовавших на атолл. Нежданных гостей встретили немедленно, подняв в воздух группу Б-17. Ввиду ухудшения видимости, спешки, проливного дождя и нервного азарта американцы не поймали лавров, хотя японцы потеряли 24 человека убитыми и ранеными.

Стоя на мостике, Нагумо понял, что последствия от преждевременного контакта с врагом непредсказуемы. Но лица за его спиной были столь велика, что возникавшие сомнения стёрлись в порошок, как растираются в руках сухие водоросли. Удручала болезнь стратегов-помощников М. Футида и М. Гэнда. После жизни, проведённой в штормах и учениях, у него ныли ноги, и сейчас он забыл о них, слушая своего начштаба, адмирала Р. Кусака...

Время и командование спрашивали быстро и на ходу. После ночной стычки с «Каталинами» пришлось нарушить радиомолчание для передачи приказа. Его перехватили и при скорости 24 узла армада оказалась рассекреченной. Обстановка ежеминутно осложнялась.

4 июня в 5 часов 45 минут летучий патруль американцев донёс о приближении к Мидуэю группы самолётов с северо-запада, а затем обнаружил авианосцы «Кидо Бутай». Очевидно, японцы перехватили это донесение более позднее, в четвёртом часу дня. Через полтора часа с крейсера «Тонэ» капитана I ранга Т. Окада получили нерадостную весть: по пеленгу 260° летят 10 самолётов американских ВВС. Наступившая ночь усилила нервозность личного состава, напоминая, что Япония далеко.

5 июня в 4 часа 45 минут утра, несмотря на ночную тревогу, принесённую лейтенантом Р. Джеком на крыльях «Каталины», в воздух стартовала 1-я ударная волна с четырёх авианосцев под командованием капитан-лейтенанта Ё. Томонага. За ведущим шли асы, опрокинувшие Тихоокеанский флот США в Пёрл-Харборе: капитаны III ранга Т. Егуса, С. Мурата, С. Итая; капитан-лейтенанты С. Огава,

М. Суганами. Лидер 21 торпедоносца «Накадзима» Р. Кикути не чаял скорее раскрыть замки убийственно-броневой ноши.

Оглушительный рёв 108 самолётов с отборным лётсоставом подчёркивал — началось исторически эпохальное морское сражение. По классификации, работа, которую должны были произвести «небесные рыцари», определялась 36 бомбардировщиками и тем же числом истребителей и штурмовиков. Скоростное смертельное «шило» нельзя было утаить и не заметить в предзрачном куполе неба...

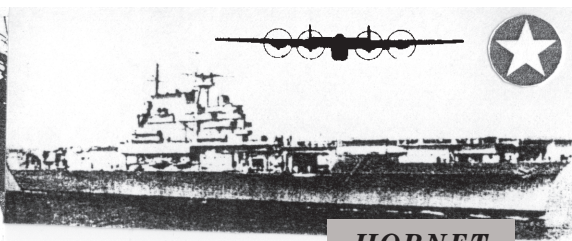
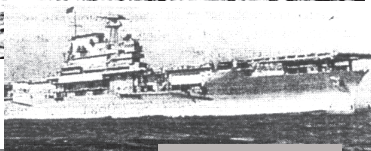
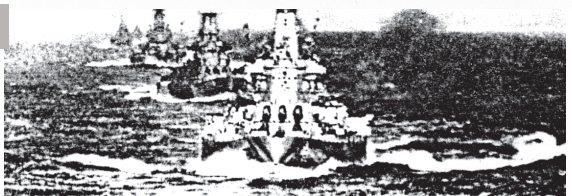
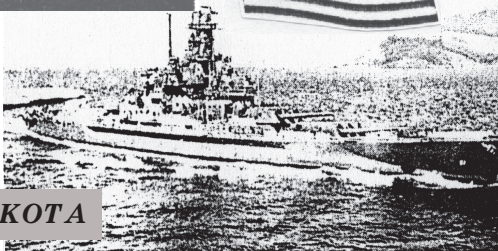
Вскоре после взлёта воздушный патруль американцев засёк нарушителей вечной тишины. Внезапно появившись над строем «Зеро» в 30-ти милях от Мидуэя, «Каталина» сбросила светящуюся бомбу. Условная сигнализация была воспринята сослуживцами, рванувшими навстречу японцам.

Завязался бой, с каждой секундой переходящий в немислимую ожесточённость. Теперь эти люди, полные светлых и тёмных надежд, становились кровоточащей, горяще-дымной бесформицей в воздухе, пеплом, масляными пятнами на воде...

Натиск «джапов» разорвал оборонительную оболочку: пилоты устремились на бомбовую «распашку» коммуникаций. К печали захватчиков, самолётов на аэродроме не оказалось. Офицеры, зная об угрозе, поторопились поднять машины в воздух, в целях контратаки противника с меньшими затратами. Топливо берегли, иногда больше, чем жизнь.

Атака японцев всей мощью обрушилась на взлётно-посадочную полосу и сооружения о. Истерн-Айленд. В результа-

те вышла из строя теплоэлектростанция, сгорел ангар, тлел ряд строений, а также были уничтожены командный пункт морпехов и столовая. Командир рукотворного «торнадо» Ё. Томонага сожалел, что бомбовый удар вышел незначитель-

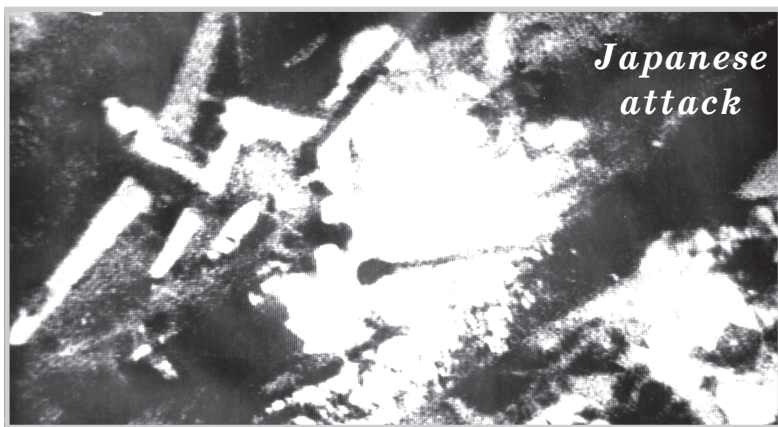
*М. Митчер**Навстречу врагу**HORNET**YORKTOWN**ESSEX**SAUT DAKOTA*

ным. Считая, что задача не решена, он радировал на «Акаги»: «Необходима вторая атака. Время — 07.00».

Нагумо ответил не сразу, но послал в поддержку вторую волну. К этому времени он потерял 5 бомберов и истребителей, попавших под зенитки и истребители Мидуэйской ПВО. Досталось и «звёздно-полосатым»: 24 самолёта исчезли безвозвратно, превратившись в раскалённый, шипящий и остывающий лом... Нападение вывело из строя систему снабжения авиации топливом, вследствие чего пришлось производить заправку горючим вручную.

Утром против авианосцев были брошены торпедоносцы и «Мародёры». Пройдя сквозь зенитный ад и «корриду» с истребителями прикрытия, атака торпедистов вышла безуспешной. Уцелевшие экипажи были вынуждены отойти от броневоего щита, который представлял собой веер, злобный частокор корабельных орудий всех наличных калибров...

Внезапность, как в Пёрл-Харборе, у японцев не получилась, но инициатива пока была в их руках. Врождённые коварство и воинственность зывали их к действию, нарушившему пословицу «Море не может научить плохому». Они забыли (почитая дух предков) о мудрости веков: «Недолговечны гордые и обречены могучие»...

• НА ВОДЕ НЕКУДА БЕЖАТЬ

Штурм второй авиагруппы стойко отбивали истребители морской пехоты, но тройной перевес в наличии стволов и более совершенных машин говорил о том, что посланцы микадо господство не уступят. На о. Сэнд-Айленд кроме 250-килограммовых сработали 800-килограммовые бомбы. Гидросамолётное пристанище торчало вывернутыми каркасами в дыму и догорающих головешках. Страшным взрывом напомнили о себе две цистерны с горючим, разметая вокруг себя всё, что можно было поднять в воздух. Пожар уничтожил госпиталь. В огневом кольце оказался склад. Две платформы зениток перестали существовать. На аэродроме жертвами бомбёжек и обстрела пали 20 человек...

Авианосное соединение противника, крушившего Мидуэй около трёх часов назад, зацепить так и не удалось.

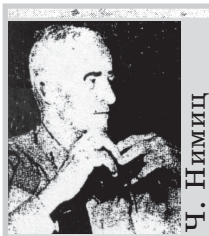

Потеряв в пучине вод несколько самолётов, янки верили в удачу, но она просто отвернулась. В это время разведчик с «Тонэ» поставил офицерский состав перед фактом: «Вижу десять ко-

раблей, очевидно, противника. Пеленг 10°, раст. 240 миль от о. Мидуэй, курс 150°». Через десять минут последовал уточняющий ответ с самолёта, согласно требованиям адмиралов: «Силы противника состоят из пяти крейсеров и пяти эсминцев». В 5.30 поступило дополнение к этому донесению: «Колонну замыкает корабль, похожий на авианосец».

Этот «огнедышащий айсберг» резко изменил координацию действий японских флотоводцев. Уведомив И. Ямамото о решении идти на сближение, умудрённый Т. Нагумо молча следил за посадкой самолётов, возвращавшихся после первой атаки Мидуэя. Около шести часов утра намечался подъём второй волны, торопились со временем на вылет. Было доложено, что первая дивизия авианосцев — «Акаги» и «Кага» — готова вступить в бой в 7.30, а вторая — «Хирю» и «Сорю» — поднимет самолёты в последующие полчаса.

В столь важный момент с «Хирю» оповестили об атаке

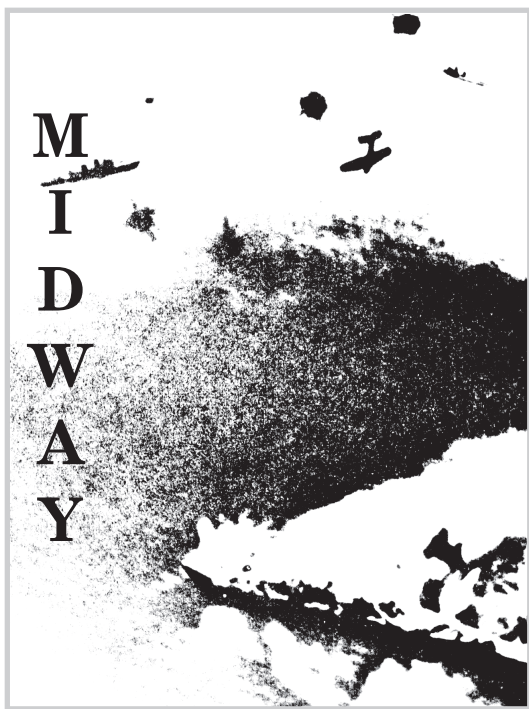
Ч. Нимиц

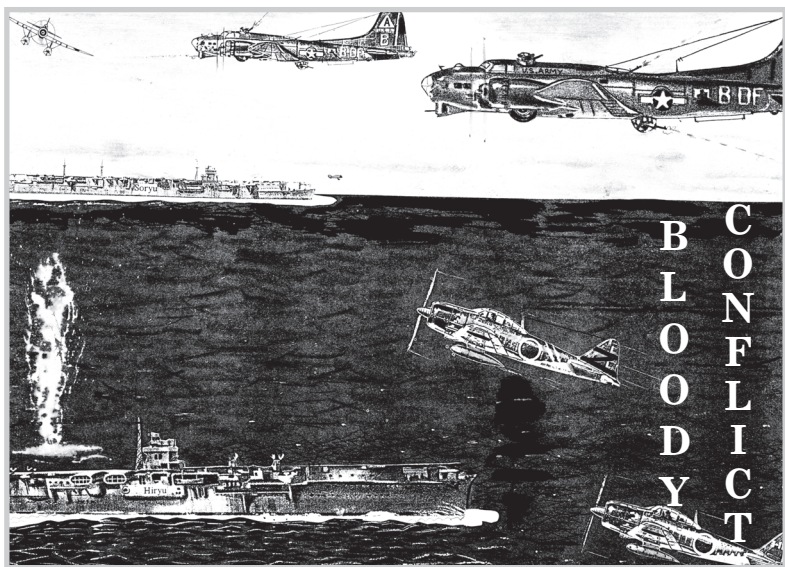

вражеских бомберов. За огромными водяными столбами от бомб скрылся «Сорю». Ровно в восемь сигнальщик с «Акаги» дал знать о приближении группы самолётов с Мидуэя. Едва за-

вершился приём машин первой волны, а вторая волна, уже прогрев моторы, готовилась к взлёту, около 30 пикировщиков «Даунтлесс» бомбардировали элитные авианосцы. Ножиданный бомбовый шквал с пикирования сокращал американцам промахи. Взлёт мстителей за префектуры срывался...

Свидетельствует лидер авиагруппы «Акаги», в тот день бескрылый (по болезни) пилот, опытный капитан Пранга М. Фугида: «Я взглянул вверх и увидел три вражеских самолёта, в крутом пике идущих прямо на корабль. Вот несколько чёрных капель отделились от их крыльев. Бомбы! Они летели прямо на меня! Инстинктивно я упал на палубу и пополз за щит управления. Сначала я ус-

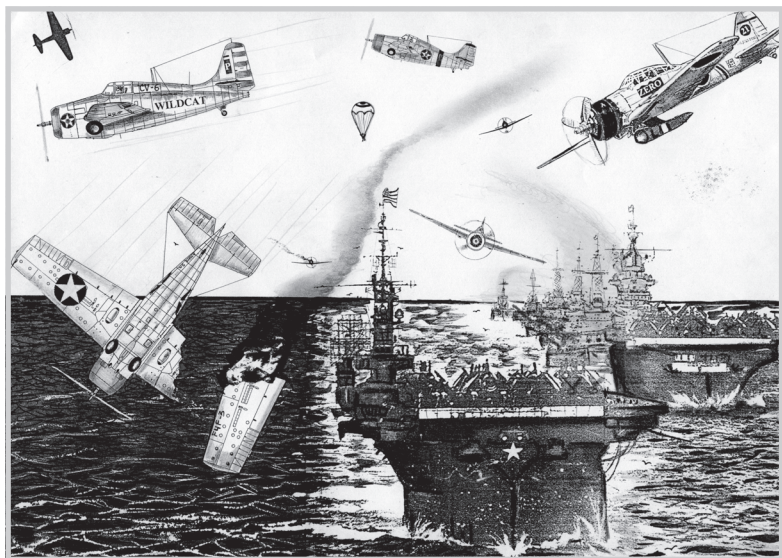

лышал ужасающий рёв пикирующих бомбардировщиков и затем страшный взрыв. Прямое попадание! Вслед за ослепительной вспышкой раздался новый взрыв. Волной горячего воздуха меня отбросило далеко в сторону. Ещё один взрыв, но уже менее сильный. Бомба, очевидно, упала в воду рядом с авианосцем.

Лай автоматов неожиданно смолк, и наступила необыкновенная тишина. Я поднялся и взглянул на небо. Американских самолётов уже не было... Оглядевшись, я был потрясён разрушениями, произведёнными за считанные секунды. В полётной палубе, как раз позади центрального люка лифта, зияла огромная дыра. Сам лифт скручен, как полоска фольги. Искорежённые листы палубной обшивки причудливо свернулись. Самолёты горели, охваченные густым чёрным дымом. Пламя разрасталось всё сильнее и сильнее».

Футида умалчивает, что фатальное разрушение вызвала детонация своих же бомб и торпед, скопившихся не только на палубах, но и под крыльями самолётов. Мицуо

сломал обе ноги, но, выжив в тихоокеанских битвах, вспомнит об этом на допросах в Аннаполисе, позднее — станет священником.

Теперь же флагман доктрины «Захват» агонизировал. Он «натворил» на суше и воде столько, что кровь погибших могла бы подняться выше ватерлинии. Он останется «чёрным кораблём» в памяти жителей Гавайев, Целебеса, Явы, Цейлона, Австралии, других районов Тихого и Индийского океанов. Это его шесть 203-мм орудий, двенадцать 127-мм орудий, 28 малокалиберных зениток и 91 самолёт утверждали «Восходящее солнце», погружали во мрак небытия человеческие судьбы, разрушали города и селения, поднимали на дыбы землю, скалы, леса, воду и песок, истребляя всё живое и сущее...

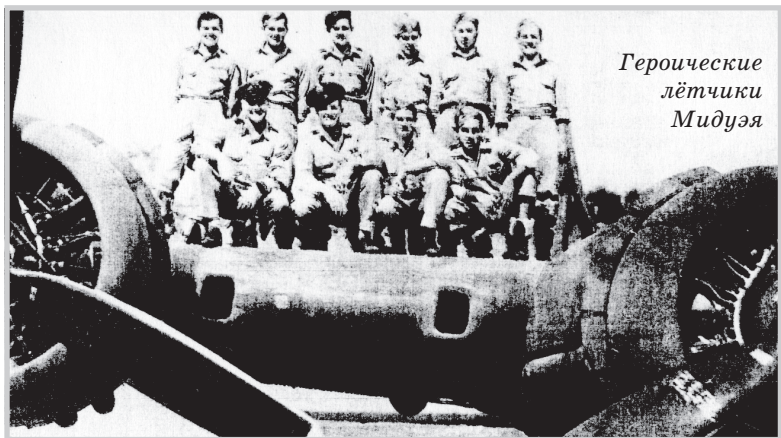
Некогда блистательный «Акаги», из иллюминаторов которого не прекращаясь валил дым чернее сажи, а борта сжимали объятия смертельного огня, был неузнаваем. То и дело «ахали» бомбы своего же производства, взрывные волны сметали за борт матросов и офицеров. Авианосец

перемалывал кости экипажу, жгя его и топя, как соучастника неслыханного разбоя под глумящимся вымпелом «процветание». Мгновение — и для сотен неуспевших спастись навсегда исчез запах родного очага, навечно отцвели сакура и орхидеи, отзолотились клёны, погибла рыбалка, и погасли глаза родных и близких, в последний момент почему-то ставших немыми. Некоторые из них, охваченные огнём, вряд ли живыми долетали до воды. А те, кому пришлось спастись на волнах, молились на спасателей, которые тоже попадали в перекрестие прицела и под осколки...

Самолёты на «Акаги» продолжали взрываться и гореть, а бомбардировщики с «Энтерпрайза», «Хорнета» и «Йорктауна» наседали, освобождаясь от смертоносного груза. В их надрывно оглушающем рёве чувствовалось торжество над неприятелем, хотя японские самолёты и корабельная артиллерия расстреливали отбомбившиеся и безоружные «Дэвастейторы», «Виндикейторы», «Даунтлессы» и «Летающие крепости». Пылающими метеоритами уходили в синюю толщу воды «Буффало» и «Уайлдкэты». Тихоходные «Накадзима» и увёртливые «Зеро» тоже спешили расквитаться, но попадали в смерч и уходили из жизни, добивая своих обладателей на пути к вечному пристанищу — железному дну. О ложных тревогах накануне забыли исключительно все.

В машинном отделении было не легче. Кто они, эти безымянные мотористы, на слуху которых было сердцебиение корабля? Они были слепыми в одном — не видели ужаса, свирепствующего по палубе и бортам. После каждого взрыва они понимали, что не землетрясение 1923 года и не тайфун ворочает ими в океане. Они не знали, что в момент атаки на «Акаги» и «Кага» на их палубах скопилось около 70 самолётов, но по эху разрывов и сотрясениям осознавали телом бомботрясение 1942 года, которое было страшнее и сильнее, чем стихия...

Разве думал лейтенант-коммодор К. Маккласки, что судьба преподнесёт ему возможность первому отомстить за Пёрл-Харбор? Под прикрытием истребителей он вывел эскадрильи пикировщиков с «Йорктауна» и «Энтерпрайза»,

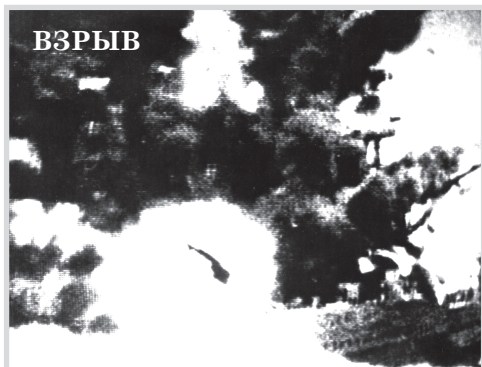

*Героические
лётчики
Мидуэя*

ударивших «Акаги» с правого и левого борта. Зенитчики авианосца сбили два бомбардировщика, третий, не выйдя из пике, врезался в левый борт. С двух заходов в разное время бомбы и торпеды сбросили три пикировщика и пять торпедоносцев, причём из семи бомб удачными и одновременно роковыми стали две. Могли ли защитить свои «гаражи» всего лишь 18 «Зеро»?

Первая торпеда, сброшенная при заходе с кормы, не достигла цели. Тут же в десяти метрах от левого борта параллельно носовой части упала бомба, не вызвавшая осложнения. Вторая бомба смяла угол центрального элеватора, а третья попала в левый угол оконечности полётной палубы. Успех трёх авианосных штатовских пикировщиков стал началом сокрушительного разгрома японского флота. Затопление «Акаги» продолжалось. «Умненьше после случившегося» — учит пословица.

Вице-адмирал Т. Нагумо не захотел покидать корабль, следуя долгу морской чести и воинской доблести. За эти минуты в свои 55 лет он стал ниже ростом и постарел на десяток лет — срослись человек и корабль. Фраза морского волка и его нач-штаба Р. Кусака вывела командующего «Кидо Бутай» из «харакирного» состояния, после остужающих слов, сыгравших роль спасательного жилета: «Боль-

шинство наших кораблей невредимы. Вы должны командовать ими». Разбитый физически и морально, адмирал, потерявший управление соединением, перенёс свой флаг на крейсер «Нагара», надеясь на остаток разобщённых сил, прежде всего на

контр-адмирала Т. Ямагути. Сражение входило в новую фазу, усугублённую критическим положением авангарда флота. Казалось, вчера — 16 апреля — в него так верил император Хирохито, одобряя план по захвату Мидуэя за два дня до налёта на Токио «Митчеллов» Д. Дулиттла...

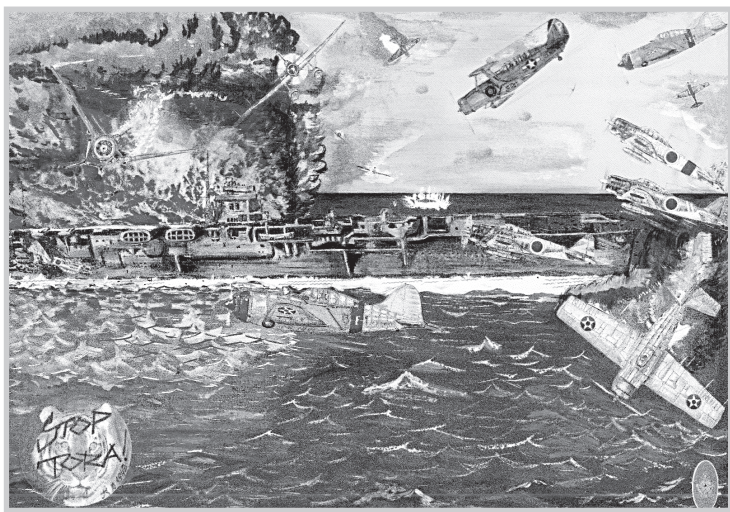
Между тем из боевого порядка помимо «Акаги» были выхвачены авианосцы «Сорю» и «Кага». Во время первой атаки, несмотря на ураганный огонь зениток и заградительно-расстрельную функцию «Зеро», к «Сорю» прорвались три «Летающие крепости» — Б-17. Бомбы легли в 50—100 метрах от кормы и в 200 метрах по правому борту. 11 огромных столбов тяжеловесной воды, полукругом опоясавшие корабли, утвердили положение — смерть идёт по пятам. Команда авианосца, воспитанная капитаном I ранга Р. Янагимото, не ошиблась, что второй налёт будет более прицельным. Зенитные расчёты вертелись, как юла, — бить в «молоко» означало идти на дно.

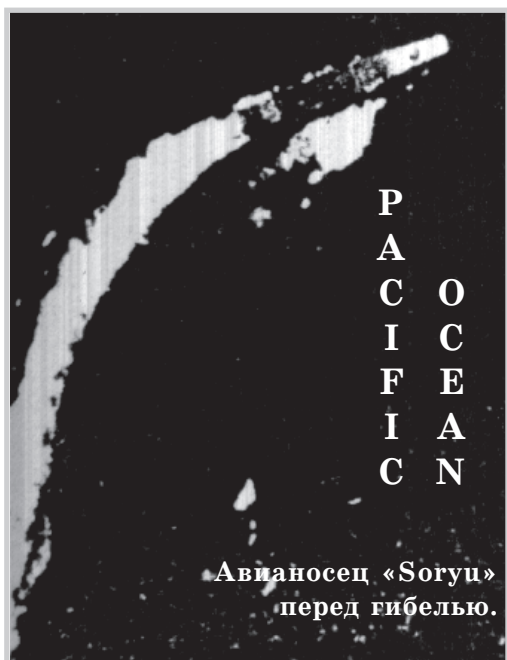
Через полчаса после «ознакомительной» бомбардировки в утреннем небе показались американские торпедоносцы. 17 тяжелогружённых машин под эскортом истребителей прикрытия шли на «Сорю», потрясая гулом пространство. Дежурные «Зеро» вылетели на перехват, злобным темпом «закашляла» зенитная артиллерия. Жестокый бой разворачивался при явном перевесе японцев.

Спешно разрядились торпедоносцы «Хорнета», произведя малоприцельную атаку. Четыре торпеды цели не достигли. Лишь по правому борту и у носа «дракона» взметнулись два близких разрыва. Ощетинившись стволами, авианосец оказывал сопротивление, а детища Д. Хорикоси «Мицубиси-Зеро» спешили приводнить торпедоносцы, но уже с распоротым фюзеляжем и хвостом, однокрылым остовом в пламенной окантовке...

Многих американских лётчиков приняли горько-солёные воды у атолла Мидуэй, смельчаков, знавших, что шанс выживания в пекле схватки один из ста. 10 торпедоносцев не дождались на «Хорнете», не увидели своих мужчин семьи на материке. Их накрыла океанская волна, а сослуживцы — матросы, офицеры, адмиралы — со скорбью поняли, что отважные потомки «пилигримов» выполнили свой долг перед Отечеством до конца. Кара за коллег по штурвалу не заставила себя долго ждать.

В 7.25 двенадцать пикировщиков с авианосцев «Йорктаун» и «Энтерпрайз» нанесли мощный удар по авианосцу «Сору», пройдя огненные клещи палубных перехватчиков

и свинцовый ливень зенитных автоматов. Взрыв трёх бомб вызвал смещение и панику на корабле. Они легли, минуя корму, так прицельно, словно морские боги провели линию от левого борта к носу. 500-килограммовые «гостинцы» уничтожили и смыли за борт часть команды, видевшей агонию «Акаги». Жуткой участи не избежали артрасчёты, невзлетевшие лётчики, офицерский состав,

знатоки турбозубчатых агрегатов и бойлеров, службы снабжения, жизнедеятельности, связи и корабельный лазарет. Дико визжала сирена, заглушая стоны и крики раненых.

Горящий и чадающий «Сорю», исковерканный до чудовищности, продержался на воде почти семь часов. Около девяти утра на исполин, ставший бесполезным, как гора металлолома, вышла субмарина «Наутилус» под командой Брокмэна, с ходу атакованная обнаружившими её эсминцами ПЛО и линкором. Экипаж, проявив мужество и настойчивость в толще воды, продолжил преследование и к двум часам дня сблизился с авианосцем на расстояние 2500 метров. Час пробил!

Три торпеды точно шли к неуправляемой цели, но радость была недолгой — японский эсминец начал зондирование глубинными бомбами, очевидно, запеленговав не капитана Немо, а врага № 1. Своевре-

менное погружение на 90-метровую глубину и точность в выборе манёвра спасли брокмэновцев от неминуемой гибели.

5 июня 1942 года авианосец «Сорю», спущенный на воду в 1937-м, значимое звено в крупных морских операциях, скрылся с глаз в 16.10, унеся с собой командира Р. Янагимото и 720 человек экипажа. Гроза океанских просторов и побережий превратилась в крупнейшую потерю Императорского флота Японии, возмнившей о своём «священном предназначении» слишком многое. Преступно многое...

Дерзкое «выдёргивание лучей из восходящего солнца» посредством мастерства, опыта и смелости американских пилотов и моряков ещё до гибели «Сорю» смертельно сдавило более тяжёлый по вооружению «Кага». Авианосцем командовал капитан I ранга Д. Окада, как и вся команда, не крещённый атаками пикирующих бомберов неприятеля. В ходе первой штурмовки в 5.30 на него сбросили несколько бомб. Три из них разорвались в 20–50 метрах от кормы, чуть не обрубив её. Хэйнеманновские «Даунтлессы», ведомые бесстрашным К. Маккласки, вышли из набегавшей облачности примерно в 7.30 и уверенно держались за своим командиром, отличившимся у Маршалловых островов в начале 1942 года. Сейчас он возглавлял лётный состав «Энтерпрайза».

Команда авианосца «Кага» работала во взвинченном состоянии, готовясь к отражению новой атаки, имея на борту 30 спешно перевооружаемых самолётов. Вскоре 11 пикировщиков плотно зажали авианосец, сбросили 11 500-килограммовых бомб. Три бомбы взорвались по левому борту, две — по правому, ближе к корме. Роковые четыре бомбы, попавшие в корабль — две с левой стороны палубы и две с правой — вызвали волнообразный, всё пожирающий пожар. С десятков оранжево-дымящихся холмиков, ближе к нему от надстройки, начинали о тех матросах, кто сгорел заживо. На их скрю-

ченные останки хаотически наступал огонь, усиленный ветром и адской температурой. Цистерны с горючим, пробитые осколками бомб, подливали в огонь не масло, а авиагазолин. Столбы клубящегося и бушующего пламени были настолько велики, что очевидцам с ближних и дальних кораблей соединения было больно смотреть на беду, цепная реакция которой ещё долго будет посещать самобытную и самовлюблённую Японию в кошмарных снах...

Первоначально задуманный как линкор, «Кага» вступил в строй 31 марта 1926 года и являлся старожилом японского флота, «сэнсеем» для выпускников Академии «Эта Дзима». Противокорабельное вооружение было сверхопасным: 10 203-миллиметровых орудий. Они размещались по три с каждого борта на уровне главной палубы, остальные четыре устанавливались попарно в двух орудийных башнях в носовой части средней взлётной палубы. Последняя была трёхступенчатой, причём дым от котлов отводился через две горизонтальные вытяжные трубы над кормой, что было тогда редкостью. Двенадцать 120-миллиметровых зениток были спаренными и монтировались в средней части авианосца на отдельных платформах.

После модернизации 1935—36 гг. на «Кага», как и на «Акаги», демонтировали две носовые взлётные палубы и оставили одну во всей 247-метровой длине корабля. По-

сколько выхлоп мешал пилотам возвращавшихся машин, изменили его проводящую систему, установив одну наклонную трубу по правому борту, на котором размещался «мозг» корабля — островная надстройка. Носовые башни убрали, зато возросло число бортовых оружейных башен: их стало четыре. Оборону усилили четырьмя 127-миллиметровыми зенитными орудиями, разместив их попарно на консолях, выступавших за края взлётной палубы. Увеличение числа принимаемых на борт машин до 91 боеединицы (бомбардировщики типа «97», «99», истребители типа «Ноль») вынудило корабелов ввести в конструкцию третий лифт, поднимавший самолёты из ангара на палубу. Личный состав в количестве от 2019 человек отчётливо понимал, что есть четыре паровых двигателя и четыре турбины суммарной мощностью 127 400 л. с. При водоизмещении в 42 541 тонну они позволяли мастодонту шириной почти 33 метра «роджерствовать» со скоростью до 29 узлов, причём радиус действия при автономном плавании составлял 10 000 миль.

И вот теперь, в июне 1942 года, авианосец, при всей стойкости команды, не мог преодолеть магнетизма океанского дна, до которого было не менее пяти километров. Бензиновые ручьи мчались в трещины и зияющие дыры полётной палубы, цепко «хватались» за самолёты, обслуживающий персонал, медиков и смертельно раненых. Охрипшие зенитные автоматы беспощадно кромсали утреннее небо, делая его похожим на дуршлаг. Пилоты «Зеро» хладнокровно атаковали «Даунтлессы», пытаясь снять с себя вину за их внезапно-сокрушительное наступление собственной обречённостью и фанатичной верой в победу. Они споро набирали высоту, пикировали, накручивали высший пилотаж, и очередная жертва очередей с несбиваемым пламенем и свистящим грохотом врезалась в сизо-багровую воду...

Девять американских пикировщиков не вырвались из этой схватки. Лёгкие догорающие части самолёта, словно буи, торчали на гребнях волн, за них пытались зацепиться чудом уцелевшие матросы и лётчики. Увы, гаки и аэрофинишёры им уже не были нужны...

Через несколько часов взрыв потрясающей силы, вызванный детонацией цистерн с горючим, размещённых под бомбохранилищем, вывернул нутро «Кага» наизнанку. Слётанность палубных самураев под девизом «Действие — удел настоящего мужчины» становилась легендой.

Командира авианосца Д. Окада уговаривали срочно оставить корабль, но он не изменил морскому закону: «Капитан покидает судно последним». На мостике вместе с ним держались офицеры штаба. Тут их настиг убийственный вихрь из осколков торпед, бомб, обломков самолётов и бензоцистерн — командный состав погиб. Ему не суждено было знать об американской подводной лодке, отправившей залп торпед. Акустики и бомбардиры с эсминцев «Хагикадзэ» и «Майкадзэ» обстреляли её глубинными бомбами, не дав субмарине развернуться. Командам миноносцев досталась тяжкая работа — спасение людей с горящего «Кага». За обломок неразорвавшейся торпеды субмарины ухватились счастливицы...

Капитан II ранга Амагаи, принявший штурвал власти после гибели Окада, предпринял попытку спасти корабль, но при всём героизме команды обречённость была неотвратима. Разорванный изнутри последними двумя взрывами, недавний оплот боевой и агрессивной славы затонул в 19.25. Погибли 800 человек, треть экипажа, формировавшегося годами. Воды атолла Мидуэй стали для него вечными.

«Кага» падал на дно первым. Следом за ним 6 июня в 2.00 своей командой будет затоплен «Акаги», начавший войну с подъёма национальной реликвии — флага броненосца «Микаса». Личный приказ И. Ямамото гласил: «С дистанции 1000—1500 метров четырём эсминцам стрелять торпедами типа «93», — что и произвёл в полном шоке лидер «Новакэ» капитан II ранга М. Кога.

Потеряв в бою много друзей и чуть не став добычей океана из-за нехватки топлива, на «Энтерпрайз» возвратился К. Маккласки. Все, кто был с ним, были героями дня, морскими защитниками США. И хотя ноющая пе-

чаль по погибшим давила мозг и душу, осознание того, что авангард японского флота смят и уничтожен, поднимало тонус жизни лётчиков и всей команды авианосца. Контр-адмирал Р. Спрюэнс быстро сошёл с мостика и, не скрывая радости, по-отцовски обнял ведущего, без конца повторяя: «Thank you!» «Благодарю вас!» Подвиг Маккласки и его боевых друзей передали в эфир, позднее он стал символом Виктории на страницах передовых газет и журналов мира. В разбитом Пёрл-Харборе, в Гонолулу и на Мидуэе, на Азиатском флоте и в Австралии с благодарностью восприняли весть о бесстрашии и снайперстве пилотов «Энтерпрайза», «Хорнета» и «Йорктауна». Тысячи похвал были высказаны устно и письменно в адрес профессионалов — капитан-лейтенанта Д. Уорлдрона, Д. Гэя, лейтенантов С. Стронга, Ч. Ирвина, С. Вейтаса, капитан-лейтенанта Д. Ли. Рядом с ними вынесли сущий ад Р. Корри, Ф. Габрески, К. Кэнфилд, Ф. Уайт, истребитель Кэри, майор Парк и подполковник Каймс, ведущий торпедоносец Эрнос и многие другие, чьи имена остались в истории морских баталлий.

Их боевой опыт, выдержка, разработка ведения воздушных боёв над Великим станут путеводителем для будущих асов бело-звёздной авиации — Р. Бонга, Дж. Фоса, Р. Хансона и Р. Хэрмера, Д. Маккембелла, Г. Бойнингтона и Т. Макгвайра. Они воспитают новую плеяду, касту небесных орденосцев, всегда поддерживаемых генералитетом ВВС Г. Арнольдом, М. Майлом, Г. Дэвидсоном, Д. Кенни, К. Спаатсом, Р. Шулгеном, самим президентом Ф. Д. Рузвельтом, требующим постройки 60 000 самолётов в год, часть их которых шла нам по Ленд-лизу через Атлантику и перегоночный маршрут Аляска—Сибирь. Забыть доброту невозможно...

...Последним оплотом, дравшимся всеми калибрами и типами самолётов, волею судьбы станет «Хирю» — флагман контр-адмирала Т. Ямагути. Участник Гавайской операции, причинивший огромный ущерб флоту США, авианосец представлял собой 2-ю авианосную дивизию, входившую в «Кидо Бутай» Т. Нагумо. Корабль 1937 года

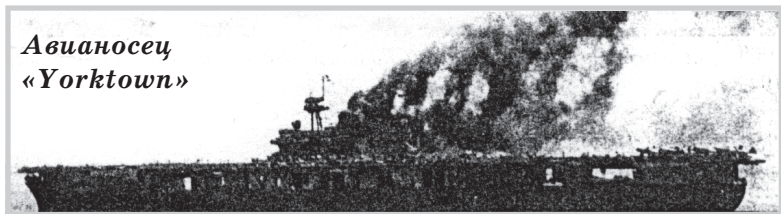
рождения олицетворял собой авианосный тип нового поколения, располагая арсеналом в виде 73 бомберов-торпедоносцев «Накадзима», пикировщиков «Айти» и истребителей «Зеро-сэн», более известных под английскими именами «Кейт», «Вэл» и «Фишер». Почти 228-метровый корабль водоизмещением 20 250 т. двигали 153 000 л.с., «рождаемых» четырьмя турбинами. При ширине около 23 метров и осадке 7,7 метров «Хирю» развивал 35 узлов полного хода при дальности действия 10300 миль (больше, чем «Кага» и «Акаги»). Мощность стволов измерялась двенадцатью 127-миллиметровыми орудиями и 28 пулемётами калибра 25 мм. Экипаж был внушительным — более 1100 человек, присягнувших Империи.

Взлётно-посадочная палуба не составляла единого целого с корпусом и поддерживалась в корме и на носу на пилонах, причём надстройка нашла своё место по левому борту. По вопросу с авиаматчастью важно заметить, что 16 самолётов из вышеназванных требовали сборки по ходу плавания, т. е. числились резервными. Авианосец был оборудован тремя самолёто-подъёмниками и двумя горизонтальными выхлопными трубами, размещёнными под палубой на правом борту.

21 истребителем командовал старший лейтенант С. Мори, пикировщиками — старший лейтенант Р. Кикутти. Главе авиагруппы Ё. Томонага вменялись обязанности ведущего в ходе атак и охранения, а капитан II ранга Кавагути отвечал за состояние палубного дивизиона.

Сотни вылетов совершили истребители и торпедоносцы, неся смерть и разрушения ещё до мидуэйских вод. Контр-ад-

*Авианосец
«Yorktown»*

миралу Т. Ямагути было что вспомнить: учился в США, был военморатташе в Берлине и Москве, встречался с военной элитой многих стран и крепко дружил с главнокомандующим Объединённым флотом И. Ямамото. Его уважали и ненавидели, ценили и недолюбливали как в морских, так и сухопутных кругах. Он познал винтовую «нарезку» судеб, изучил хитросплетения дипломатических шагов, но зная, что вода и небо — друзья и враги, больше находился в своей стихии, отстаивая линию сильного флота.

Командир «Хирю», капитан II ранга Т. Каку, внимательно слушая собеседника, помнил о его аристократическом происхождении, как и о знаменитом портсигаре с четырнадцатилепестковой хризантемой. И вдруг, словно барабаны инквизиции, донёсся угрожающий гул, улетучивший ностальгию по префектурам. Вражеские самолёты произвели заходы с носовых и кормовых курсовых углов, начав бомбометание и торпедирование. Тротиловая масса смерти, подняв на дыбы океанскую воду, пока не дошла до авианосца. Прижатая налётом, спружиненная команда вращалась на износ, готовясь ко второй атаке, а зенитчики с крейсеров и эсминцев без продыха вели отражающий огонь, помогая воздушному охранению. Техники падали, спеша доставить боеприпасы. Лётчики на палубе, словно в тетиве ожидавшие приказа командира, слышали его крик и стартовали курсом на американские корабли. 18 пикирующих «Айти» в сопровождении шести «Зеро», мелькнув красными кругами на крыльях и фюзеляжах, взлетели и шустро скрылись в облаках. Они, действительно, оказались асами, когда восемь самолётов вышли на смертельное randevu с соединением неприятеля. Янки сразу и навеки приводнили двух прорвавшихся смельчаков. В этот момент шестёрка с «Хирю» молниеносно обрушилась на «Йорктаун», подожгла и повредила его. Команда сделала невозможное, в сжатые сроки и под огнём ликвидировав очаги поражения. Зенитчики сбили 16 самолётов из 24-х взлетевших японских машин, однако «Йорктаун» получил три попадания и с негодной полётной палубой вышел из боя.

Донесение гидроразведчика о близком нахождении «Энтер-

прайза», «Хорнета» и «Йорктауна» даже при соотношении сил 1:3 не охладило пыл начинщиков бойни на Тихом океане. По приказу Т. Нагумо и Т. Ямагути в 13.00 во вторую атаку были брошены 16 самолётов — всё, что могли собрать от авиагруппы «Хирю». Они летели так низко, что казалось, пропеллеры вот-вот подкинут вверх брюхом какую-нибудь верховодную рыбу или случайно сами летуны забарахтаются в волнах. Восемь самолётов из этой группы не вернутся — сгорят и затонут...

Т. Ямагути

Теперь вместо колоды козырных карт у Т. Ямагути было 8 самолётов: 5 бомберов и 3 истребителя. Перед строем героев Японии он выяснил, что противник потерял 8 машин, что торпедирован авианосец и повреждён крейсер. И всё-таки адмирал, находясь на линии огня, видел бой в двух измерениях — в бинокль из нормального положения и в перевёрнутый бинокль. Он переживал за участника походов Кобаяси, за судьбы матросов и офицеров.

Отход на север не удался. После полудня «Хирю» настигли около 80 самолётов, сбросивших на него почти сотню бомб и торпед. Шесть бомб достигли цели, но корабль не потерял хода, плюс Ямагути решил атаковать в сумерках.

В это время дюжина самолётов с «Энтерпрайза» и «Хорнета» осуществляла спирально-кинжальный натиск с трёх заходов. Четыре бомбы угодили в «Хирю»: две в центр и пара — к носу по левому борту.

Страшный пожар охватил переднюю часть, дополняя свой «аппетит» разрядами боеприпасов и горючего. Дым, как дёготь, встал стеной над палубой, он проникал всюду. Заклинило машинное отделение, люди задыхались, варились заживо, тонули в воде и горячем мазуте...

*Герои Мидуэя. Среди них адмирал У. Хэлси
и начальник штаба М. Браунинг.*

К половине десятого вечера «Хирю» превратился в огромный факел. Вода проникла в отсеки, кубрики и каюты, в котельное отделение. «Летающий дракон» стал. Рули, противопожарное оборудование вышли из строя, умолкла связь, как будто кто-то сверху приказал: «Стоп, машины!» Ещё немного — и авианосец дал крен, достигший 15°.

С тяжёлым сердцем Ямагути известил Нагумо о решении: «Команде «Хирю» покинуть корабль», ибо считал, что только он ответственен за гибель 2-й авианосной дивизии. Около восьмисот человек экипажа слышали слова командира, пожелавшего остаться на корабле вместе с Т. Каку до конца. Вскоре команда перебралась на эсминцы «Кадзагумо» и «Югумо». В шестом часу утра 5 июня капитан I ранга Т. Абэ торпедировал «Хирю», выполнив завещание-приказ адмирала...

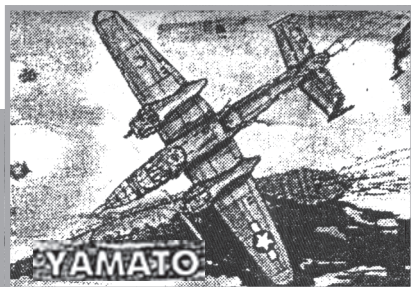
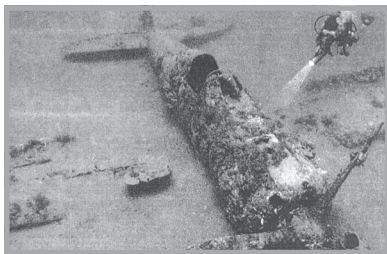
«Хирю» затонул, унеся на дно 418 жизней, о чём будет долго молчать цензура эры «Сёва» под штандартами Хирохито. Американцы, развив успех, преследовали отход японцев и потопили крейсер «Микума», сильно повредив крейсер «Могами», эсминцы «Таникадзэ» и «Арасио», а также транспорт «Акэбоно Мару». Лишь providение спасло пятитысячный десант. Японцы потеряли 3500 человек, 4 авианосца и 253 само-

лёта. Страну охватил траур, она захлебнулась в рыданиях...

Так, ценой потери 307 человек, 150 самолётов, «Йорктауна» и эсминца «Хамманн», потопленных субмариной И-168 кептэна Танабэ, союзники СССР в войне с антигитлеровской коалицией обеспечили тыл Дальнему Востоку и вынудили противника перейти к обороне...

Выживших и только призвавшихся ожидали три года сложной, большой океанской войны, преступно увенчанной атомным вандализмом в Хиросиме и Нагасаки. Наверное, то была Небесная Кара за бесчинства захватчиков в Китае, Маньчжурии, Ост-Индии и Французском Индокитае, на островах Индонезии, Океании, у берегов Австралии и Мадагаскара.

*Май — июнь 2002 г.
Орёл — Москва — Орёл,
«Путевые заметки»*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Затягивание узлов

*К волне претензий нет через века,
Она покрыла смерть и ураганы.
Но океан бушует иногда,
В цунами проворачивая беды...*

*«На воде некуда бежать»,
2002 г.*

К осени 1944 года стремительный и неуклонный натиск американских ВМС, ВВС и Армии поставил перед Императорской Японией проблемы и вопросы уже не

наступательного, а оборонительного характера. Переход баланса сил в пользу Нового Света, с трудом поднявшегося на ноги после Пёрл-Харбора, диктовался успехами в сражениях при Мидуэе, у Западных Алеутов, в акватории Соломоновых островов, у мыса Эсперанс, острова Санта-Крус, Гуадалканала, Велли-Лавельи, при захвате острова Бугенвиль и авианосных ударах по Рабаулу. После тяжёлой и кровопролитной кампании у Новой Гвинеи (весна 1943 г.), потери многих крейсеров и эсминцев в ночных и дневных боях, противостояния японской базовой и палубной авиации и гибели тысяч американцев в ходе высадок десантов, выяснилось, что армейское и морское самурайство будет «фехтовать» оружием до конца.

Операции в Центральной части Тихого океана (включая острова Гилберта и Маршалловы), проходившие с 1 июня 1943 г. по 1 марта 1944 г. доказали профессиональную выучку плавсостава ВМС США. Заокеанское военное судостроение достигло небывалых в истории масштабов по личному требованию прижавшего монополистов Президента Ф.Д. Рузвельта. На стапелях монтировались новейшие авианосцы, десятками тысяч уходили в небо все виды боевых самолётов, доставлялась на острова и базы модернизированная и новая бронетехника. Непомерно рос танкерный, вспомогательный и «москитный» флот обеих сторон, подкрепляемый ускоренным строительством больших и малых субмарин, вооружаемых усовершенствованными торпедами, электрикой и дизелями.

Гибель штаба Объединённого Фло-

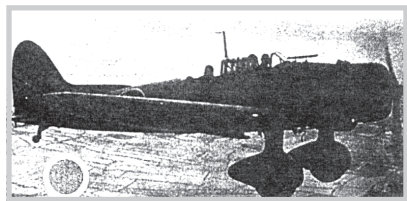
Один из последних снимков адмирала Ямато.

М. Кога

та во главе с фаворитом, адмиралом И. Ямамото в авиакатастрофе от пуль «Лайтнингов» у о. Бугенвиль нанесла непоправимый моральный удар по контингенту японских ВМС, ещё не отошедших от авианосной сечи близ Ми-дуэя. Инициатора потопления янки всем убойным калибром вверенных ему сил сменил авторитетный во флотских кругах адмирал М. Кога, имевший дипломатическую выучку и обширные связи в Европе в кругу собратьев по оружию. Однако вскоре непримиримый флотоводец, решивший удерживать линию Марианские острова — Палау любой ценой, исчез в бескрайности океана вместе со свитой на четырёхмоторной летающей лодке «Каваниси» в зоне плохой погоды между Палау и Минданао...

Захват острова Сайпан, сражение в Филиппинском море, оккупация Гуама и Тиниана, авианосные рейды и атаки палубной авиацией Иводзимы и Бонина, по единодушному мнению японской военэлиты, оказали решительный и бесповоротный перелом в ходе Тихоокеанской войны. Кабинет премьер-министра, жестокого диктатора при Императоре Хирохито генерала Х. Тодзио, 18 июля 1944-го подал в отставку...

Оперативные мероприятия и тактико-стратегическое планирование набирали темп, что виделось невооружённым глазом как внешне, так и в текстах совершенно секретных приказов, директив, в общих схемах операций развёртывания, наступления, обороны, уничтожения

и преследования противника независимо от госфлага. В конце лета — сентябре американцы реализовывали цель захватить и удержать контроль у Филиппин, Формозы и побережья Ки-

тая, обливавшегося кровью под каблуком и мечом агрессора. Были организованы и осуществлены прикрывающе-обеспечивающие

операции: рейды к о. Минданао и о. Визайяс, авианосные удары по о. Лусон, высадка десанта и оккупация о. Улити. Отличились бесстрашием, смекалкой, собранностью и напором Оперативное соединение адмирала У. Хэлси, Объединённое экспедиционное объединение вице-адмирала Т.С. Уилкинсона, Западное экспедиционное соединение контр-адмирала Дж.Х. Форта и подчинённая ему Штурмовая группа Пелелиу. А также многие другие офицеры, морпехи, моряки, лётчики, зенитчики, коки, мотористы, штурманы и оружейники, гаковые и сигнальщики, радисты, минёры, торпедисты и радиометристы...

К тому времени коварные и воинственные азиаты, располагая сильно поредевшим флотом и авиацией, планировали противопоставить движению «звёздно-полосатых» около 1150 самолётов, базировавшихся на Филиппинах, Рюкю и в районе Токио. При возможности подкрепления авиации резервами из Китая и метрополии, летучие подданные Микадо ежедневно угнетались нехваткой топлива, ибо война на материке и в океане требовала колоссальнейших запасов «чёрного золота» или же постоянно действующих «помп» на завоёванных территориях.

Сокращённое битвами число громад-авианосцев томилось на якорных стоянках в военно-морских базах «красно-солнечного» вулканического Отечества в ожидании прибытия новых пилотов и самолётов. Ощущался недостаток эскадренных миноносцев и особенно танкеров, но оставались в строю тя-

*Император
Японии
Хирохито*

С. Тойода

Президент
Ф.Д. Рузвельт

Ч. Нимиц

жёлые надводные корабли — линкоры и крейсера.

Серия альтернатив под кодовым наименованием «Сё» («Победа») включала в себя четыре плана, трактующих оборону Филиппин, Формозы, Рюкю, южной части Кюсю, Сикоку, Хонсю и Хоккайдо. Изъяв у торговых, гражданских и армейских организаций ряд танкеров, командование Объединённого флота приложило усилия обеспечения боевых кораблей топливом в целях сплочения сил в точке рандеву Линга. И всё же по-прежнему давала о себе знать катастрофическая нехватка сухопутных и морских лётчиков, опытных небесных «рыцарей», а не безусых юнцов, впервые севших за штурвал самолёта...

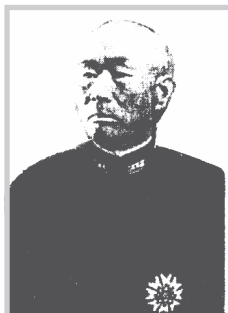
Армия Хирохито, засевшая на островах и материке по пояс в преселениях, частично охваченная малярией и тропической лихорадкой, оставалась мощной по численности, а главное — фактически не знавшей поражения. При этом она была «расквартирована» на неохватных владениях бывших колонистов («белых варваров») столь разбросанно-хаотично, что костью в горле вставали вопросы и дилеммы её своевременного снабжения. Бананов и рыбы хватало на месте, а вот патронов и штыков... Империя подхватила вирус нацистских захватов...

Новый главком адмирал С. Тойода, комментируя понятие «можно ли быть

сильными, не зная где быть сильными?», не без сарказма заметил, что «...без участия флота у сухопутных сил на Филиппинах не было вообще никаких шансов на отражение американских сил. Было решено пойти на риск и послать весь флот. Мы могли бы добиться неожиданно хороших результатов, но при худшем рисковали потерять весь флот... Если бы мы проиграли Филиппинскую операцию, а флот остался целым, морские пути сообщения с Югом были бы полностью отрезаны, и флот, если бы он возвратился в японские воды, был бы лишён возможности получать необходимое ему топливо. Оставшись в южных водах, он не смог бы получать боезапас и снаряжение. Не было никакого смысла спасать флот за счёт потери Филиппинских островов».

Для Штатов обстановка складывалась более благоприятно. Американцам не было нужды распылять силы во многих направлениях, сражаясь везде «по чуть-чуть». Хотя японцы, уяснив уроки Гуадалканала, создали оперативное контрдесантное соединение и перекинули все транспорты для укрепления гарнизона Лусона, янки оказались на распутье: «Перерезать ли Японскую Империю в её центральном пункте на Филиппинах или проделать это в более северном пункте, к северу и западу от Марианских островов с одновременным продвижением к метрополии?»

«Ахиллесовой пятой» для «посланцев демократии» оставалась специфика снабжения крупных сил материально-техническими ресурсами на сверхудалённом от метрополии театре военных действий, между которыми пролегал 6000 миль. Источники «довольствования» находились в месторождениях и портах Карибского моря и Персидского залива. При

*Т. Курита**Д. Одзава*

переходе через Атлантику суда попадали под перископ и торпеды подопечных К. Дёница. У западного побережья страны стали патрулировать и атаковать японские субмарины. А по требовательному запросу ВМС, только в октябре 1944 г. эскадрам и авианосным соединениям было доставлено 4,5 миллиона баррелей нефти. Несмотря на то, что ключевая база с переходом с атолла Эниветок на о. Улити удалась на 1000 миль, именно своевременное нефтеобеспечение позволило союзникам завоевать превосходство в воздухе.

Вслед за удачными бомбардировками Филиппин палубной авиацией, Объединённый комитет начальников штабов вооружённых сил США пересмотрел планы операций против Минданао и Талауда и поручил адмиралу Ч. Нимицу и его коллегам штурм, развёртывание и закрепление на центральных Филиппинах. Во взаимодействие с флотом привлекались: 50 250 человек XXIV корпуса; 20 000 человек из гарнизонных войск; резервная 77-я дивизия; 4 группы транспортов с десантными, эскортными, тральными силами; 6 линкоров-ветеранов, 3 тяжёлых и 3 лёгких крейсера, а также корабли эскорта. В группу поддержки входили 18 эскортных авианосцев с охранением. Имелись различные по применению многочисленные вспомогательные суда. Армейский контингент подчинялся генералу Д. Макартуру, так или иначе выполнившему обещание «Я вернусь!», провозглашённое им в 1941-м при бегстве от «джапов».

У. Хэлси

Сравнительные данные о силах Японии и США накануне сражения за стратегически важный залив Лейте позволяют заключить о крупнейшей концентрации военно-морской мощи этих стран за всю историю современности. У командующего 1-м Диверсионным ударным соединением вице-адмирала Т. Кури-та были четыре линкора, шесть тяжёлых крейсеров, два лёгких крей-

сера и одиннадцать эсминцев. Главными силами Оперативного соединения в составе тяжёлого авианосца, трёх лёгких авианосцев, двух авианосцев, переделанных из линкоров, трёх крейсеров и восьми эсминцев руководил вице-адмирал Д. Одзава. Двумя линкорами, тяжёлым крейсером и двумя эсминцами командовал флагман Соединения «С» вице-адмирал С. Нисимура. Во главе 2-го Диверсионного ударного соединения из двух крейсеров, двух лёгких крейсеров и четырёх эсминцев стоял вице-адмирал К. Симма, руководивший, как и все, Директивой императорской ставки № 431 от 21 июля 1944 г.

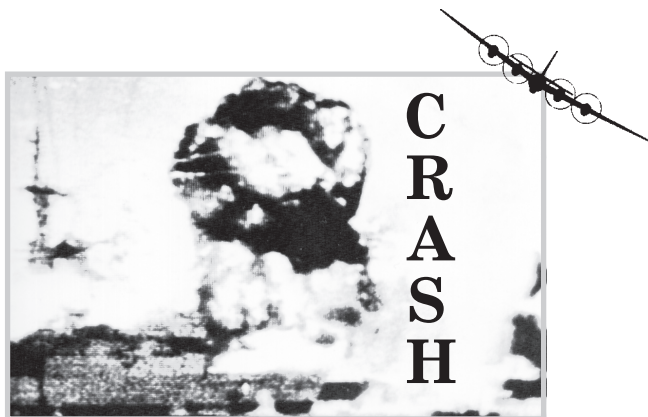
Родина Дж. Вашингтона и А. Линкольна к указанному выставляла к барьеру 26 эсминцев из Оперативных групп 77.2 и 77.3 под флагом контр-адмирала Дж. Олдендорфа. За контр-адмиралом Спрэгью, помимо 16 авианосцев, числились 11 эскортных и 9 эскадренных миноносцев. В 38-м Оперативном соединении вице-адмирала М. Митчера находились 10 авианосцев двух типов, 6 линкоров, 2 тяжёлых крейсера и 7 лёгких под охраной 44 эсминцев. Они входили в 3-й флот адмирала У. Хэлси.

По состоянию на 23 октября 1944 г. приблизительная численность авиации, вылетавшей на уничтожение друг друга, составляла для Японии 600 самолётов базовой и 117 машин палубной авиации; для США — 1290 авианосных бомбардировщиков, торпедоносцев, истребителей и пикировщиков. Противники имели по дюжине разведмашин-гидросамолётов, а также предусматривали действия подводных лодок.

Что происходило на кораблях крупнейших держав мира в их многотысячных экипажах? Что обсуждалось «звёздами» штабов в Токио и Вашингтоне? О чём задумались Франклин Рузвельт, императорская семья и миллионы родственников, насильно призванных на ненужную народам войну? О чём мечтали современники и ровесники в нескольких днях и милях от гибели, триумфа, позора и счастья вернуться, пусть калекой, домой???

Никому из вышедших на фарватер и тропу войны не мнилось, не снилось и не ясновиделось, что гребные валы и энергетические установки втянут их в стремительно вращающуюся «воронку» событий с 22 по 27 октября 1944-го. Пять суток, днём и ночью, будет кровоточить, кричать, тонуть, гореть, плакать и смеяться беспрецедентная баталия, превзошедшая по ужасу и трагизму Ютландскую битву мая 1916-го. Пять суток будут стонать и бесперебойно грохотать орудиями, торпедными аппаратами и зенитками 231 корабль, и столько же дней небо будет «освобождаться» от вспарывающих его авиаторов, жесточайше владеющих почти двумя тысячами самолётов...

Эти дни войдут фатальной, не рубцующейся зарубкой в скрижали Планетарной Истории, попадут в аннотации мировых энциклопедий под эпитет или рубрику «Величайшие морские сражения». Извечные и авторитарные враги, по-объективному, репрезентанты последнего колониального передела Мира не только на сферы влияния, но и его выкачки руками малосознательных «отстающих» рабов, будут топить и сжигать друг друга со звериной, античеловеческой жестокостью, чтобы спустя год подписать «великий мир» на линкоре «Миссури», не облегчивший судьбы убиенных атомом в Хиросиме и Нагасаки...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Вне оптики биноклей

*Из века в век — копьё против копья,
Отточенные злобой бытия.
Как жаждут крови эти остря,
То с Запада, сверкая, то с Востока...
«Шапка Мономаха», 1992 г.*

Предварительные рейды 7-го флота вице-адмирала Т. Кинкейда, авианосные удары по Окинаве и Лусону, а также не имевшие аналогов воздушные сражения над Формозой в сентябре и начале октября 1944 г. оказали знаковое влияние на базовую и палубную авиацию Страны Восходящего Солнца в преддверии битвы в заливе Лейте. 22 октября 1-е Диверсионное соединение, пополнившее запасы топлива в заливе Бруней, двинулось к берегам о. Палаван, позднее разделившись на две группы, шедшие к проливу Сан-Бернардино и в море Сулу для блокирования залива Лейте с юга. 2-е Диверсионное соединение японцев, покинув Пескадорские острова, шло на юг к западному побережью Лусона, а передовой отряд субмарин, патрулировавших близ Формозы, скрываясь толщей воды, сосредоточивался в восточной акватории Филиппин. Главные силы Объединённого флота, оставившие якорную стоянку в проливе Бунго накануне, изменили южный курс, свернув на юго-запад, к Лусону. Туда же направлялся 2-й Воздушный флот в со-

Т. Кинкейд

Р. Спруэнс

Н. Кондо

ставе 450 самолётов и «москитные» флотилии, обеспечивающие подкрепление японского гарнизона. Таким образом «увядающая» Империя бросила все силы Флота в направлении залива Лейте. «Владыки» морей — Одзава, Нисимура, Курита, Сима — и экипажи подчинённых им кораблей с лётсоставом с напряжением ожидали первую контактную встречу с врагом...

Американский десант, прикрываемый корабельной артиллерией и авиацией, закреплял плацдарм на о. Лейте, предоставляя обслуживающим командам возможность выгрузить запасы, технику и оборудование на побережье. В это же время самолёты с авианосцев бомбардировали о. Визайяс и север Лусона, сковывали авиацию противника и поддерживали «рейнджеров» и пехоту, стремясь захватить господство над заливом.

Предполагая, что адмирал Р. Спрюэнс не станет отвлекать свои корабли от о. Сайпан, а его коллега У. Хэлси неминуемо уйдёт из залива Лейте на уничтожение японских рейдеров, адмирал С. Тойода не ошибся, предсказывая гибель северного соединения, исполнявшего роль приманки. Кому-то придётся навсегда проститься с храмом Ясукуни и Фудзиямой...

Первая кровь пролилась на рассвете 23 октября, когда Т. Курита был атакован двумя штатовскими «барракудами» «Дэйс» и «Дартэр», бороздившими воды на подступах к Филиппинам. Бывший флагман Н. Кондо, тяжёлый крейсер «Атаго», ушёл на дно от четырёх торпед «Дартэра», совершившей сотни погружений-всплытий у Борнео, Палавана и Манилы. Одновременно из «йогэки бутай» (ударного соединения) выпал тяжёлый крейсер «Такао», позднее ушедший под охраной двух эсминцев в залив Бруней. 18-узловый ход противолодочным зигзагом не спас от гибели и крейсер «Майя», торпедированный «Дэйсом» и затонувший из-за взрыва артпогребов в

семь утра. Оставшихся в живых приняли на борт эсминцев «Акисимо» и «Кисинами». Курита вместе со штабом перешёл на супердредноут «Ямато», на короткое время утратив власть над событиями, ибо понимал, что после столкновения с субмаринами его силы рассекречены, несмотря на функции радиоохраны флота. Вспомнился подвиг радиомолчания «Кидо Бутай» Т. Нагумо.

На лицах вице-адмирала Т. Кинкейда, генерала Д. Маккартура, адмиралов У. Хэлси, Керни, Спрэгью, Маккейна, Дэвисона, Митчера, Шермана и Богана, Спрюэнса и Олдендорфа мелькнуло кратко-сдержанное воодушевление. Битые штормами, войной, морскими болезнями и бюрократическими неурядицами чинуш в департаментах, офицеры отдавали себе ясный отчёт в том, что случившееся — многообещающее начало. В повседневных вахтах дальних и ближних исторических походов стратеги и исполнители выработанной ими же доктрины «господства на море», возможно, представляли себя «нью-нелсонами» и «мэхенами». На вверенных им кораблях «Уосэтч», «Нэшвилл», «Нью-Джерси», «Лексингтон», «Принстон», на линкорах, поднятых и реставрированных после Гавайского разгрома, и других боевых плавединицах, как и в кругах пилотов Авиакрыла каждого авианосца, уважали и побаивались сморщенных бурями и горечью от потерь — подтянутых, запредельно дисциплинированных седых «старичков». Для большинства призванных, резервистов, волонтёров и профессионалов они были по возрасту папами, а то и дедулями, но влияние их опыта и авторитета на флоте было столь мощным и почитаемым, что исполнение задач и приказаний этих сэров выглядело автоматическим. US.NAVY жил по своим законам...

Между тем кодекс чести сминали и истребляли правила специфичной океанской войны, названной совисториками «второстепенной».

Всем названным и не названным предстояло пройти сквозь азы мужества, галсы, узлы, главные калибры оружий и торпед, сквозь высший и геройский пилотаж за-

щитников Отечества, завоевателей в лице «камикадзе». В круговороте разноязычного человеконенавистничества, воспитанного веками, традициями и устоями, далёкими от политики и идеологий, американцам и японцам выпала редкая честь, аннулирующая третью трактовку — честь выжить или умереть. «Пропасть без вести» было тогда несложно. Страх заключался в том, что в этом «кроссворде» бойни, в этом диком ребусе непредсказуемости войны, родня ждала не живших на берегу до собственного последнего вздоха...

24 октября с группы быстроходных авианосцев, оперирующих у о. Самар, разведмашины обнаружили Центральное Соединение японцев к югу от о. Миндоро. Боевые самолёты этих групп нанесли также удар по отряду у о. Негрос, повредив линкор и эсминец. Кратковременная стычка в море Сулу, вызванная дальнозоркостью опергруппы Дэвисона и бомбардировщика 5-й Воздушной армии, подсказала Т. Кинкейду, что отряды кораблей Нисимура и Сима движутся к проливу Суригао для проникновения в залив Лейте и последующих манёвров.

В девятом часу утра воздушный патруль из группы Богана уведомил адмирала У. Хэлси о приближении эскадр Т. Курита ко входу в море Сибуйн. Ветеран американского флота отдал приказ Шерману и Дэвисону: «Максимумом узлов идти на сближение!» Дислоцируясь у пролива Сан-Бернардино, сконцентрированная мощь палубной авиации работала на пользу США в течение всего дня, с успехом используя отсутствие авиаприкрытия у адмирала Курита. В ходе непрерывных налётов силами 3-го флота было нанесено пять ударов. В результате скоординированных атак тяжёлый крейсер «Мтьёко», крепясь в дыму, уходил на запад. Получили попадания различной степени тяжести четыре линкора, в том числе гордость японских корабелов линкор «Мусаси» — один из четырёх крупнейших дредноутов в мире.

С 8.30 до 17.30 пилоты ВМС США совершили 350 боевых вылетов, получив «награду» к половине восьмого ве-

чера — «Мусаси» скрылся в крови, соляре и огне. С частью погибшего и ещё жившего экипажа он канул на вечную стоянку в этих опасных отмелях водах, перевернувшись от попаданий 17 бомб и 19 торпед...

Телеграфируя главному С. Тойода, измочаленный и опустошённый Т. Курита с трудом формулировал спешные уроки потери авангарда: «Наша авиация не добилась результатов, на которые рассчитывали, что привело к постепенному росту наших потерь. Мы пришли к заключению, что самым лучшим решением будет временный отход за пределы радиуса действия самолётов противника и пересмотр своих планов».

Поздней ночью на однотипный с «Мусаси» линкор, флагман «Ямато», С. Тойода послал депешу для подъёма морального духа зароптавших моряков: «Всё соединение будет атаковать с верой в небесное провидение!»

Сама природа воспротивилась людскому самоуничтожению, принесла в облаках сильнейший ливень в эти края. Он стоял стеной, когда адмирал Ф. Шерман приказал убрать торпедоносцы и бомбардировщики в ангары, заменив их палубными истребителями. Благодаря интуитивным действиям командира, получившего донесение о приближении самолётов с японских баз, удалось парализовать авиацию, о которой жаловался Т. Курита по радио...

Утром и в течение дня 24 октября ни один из летучих самураев не смог пробиться к «плавающим гаражам» янки, если не считать прорыва «Накадзимы», сумевшего поджечь авианосец «Принстон». Разлившийся бензин от исковерканных самолётов на палубе перекинулся огнём на ангары с шестью стоявшими в них снаряжёнными торпедоносцами «Эвенджер». Торпеды взорвались, уничтожив машины, разворотив

лифты с внушительной частью полётной палубы. Проигнорировав приказ Хэлси, исходя из обстановки (объединение с группой Богана), Шерман выставил крейсерско-эсминскую охрану вокруг чадающего «Принстона» с надеждой, что службы пожаротушения и жизнеобеспечения локализуют всёпожирающее пламя. К сожалению, к середине дня оно достигло торпедного погреба, мгновенно сдетонировавшего чудовищным взрывом, который оторвал кормовую часть ВПП и корму. Убийственный шквал снарядно-самолётных обломков, осколков стали, рикошет деталей навесного оборудования сошёл лавиной на дрейфующий поблизости крейсер «Бирмингем», убив наповал 200 человек. Вдвое больше оказались легко и тяжело ранеными, погибла часть команды авианосца, в связи с чем его командир приказал всем уцелевшим срочно покинуть корабль...

А незадолго до трагедии, вперёдсмотрящие гидро-авиаторы северного Оперативного соединения адмирала Д. Одзава, уже имевшего горький опыт Филиппин после гибели своего флагмана, авианосца «Тайхо» в июне 1944-го у острова Ян, радировали о соприкосновении с противником у мыса Энгано (остров Лусон). Известный куратор Академии ВМС «Эта Дзима» немедленно поднял в воздух около 80 самолётов — ударный кулак из всех наличных у японцев авианосных машин. Тихоходные торпедоносцы «Накадзима», пикировщики «Айти» и истребители «Зеро» эшелонировались по высоте согласно последовательности и несли каждый свою функцию по выработанной годами тактике применения. Шерман задумывал повторно атаковать соединение Т. Курита, и в этот момент радиолокаторы его авианосцев засекли приближение крылатых меченосцев. Памятуя о беззащитности кораблей Т. Курита, крепённый в Коралловом море и отличившийся у Марианских островов, Ф. Шерман направил бомбардиров по назначению, обязав «Хеллкэты» и «Корсары» охранять родные палубы. Бешено завращались расчёты зенитчиков, готовых продырявить небо и приводнить хоть самого чёрта...

Истребители блестяще справились с задачей, нанеся врагу жестокое поражение, хотя надо признать, что сражались они с новым, неопытным поколением неприятеля. Из авиагруппы «сэнсея» Одзава обратно к Лусону вернулись лишь двадцать боеспособных самолётов...

Командующий 3-м флотом адмирал У. Хэлси, как и другие командиры соединений, не знал о столь значительном успехе, ослабившем и нарушившем планы противника. Прикрывавший десант в заливе Лейте 7-й Флот, по мнению руководившего им Т. Кинкейда, «ни в коей мере не был подготовлен к ведению морского боя».

Опасаясь японских палубников, американские авианосцы и линкоры всю ночь отходили на север от Сан-Бернардино. Корабли Дж. Олдендорфа остались в заливе Лейте у его южного входа в ожидании линкоров Микадо. Закрепившись на берегу, десант стянулся в линии в полном неведении происходящего за горизонтом, красоту которого в этот вечер никто не видел. Этой же ночью японцы прошли Сан-Бернардино, и выйдя в Филиппинское море, взяли курс на Лейте.

Как покажут дальнейшие кровопролитнейшие события, обе стороны допустили ряд непредвиденных для самих себя глобальных ошибок, чересчур увлечшись разбрасыванием ложных приманок друг перед другом. В них входили не только несогласованность действий, непонимание приказов высшего командования и имевший место вакуум информации, но и цепочка, грубо говоря, состыковавшихся случайностей. Они наложили характерный отпечаток на боевые операции в ходе последующих дней и на сам исход войны, идущей к своему неминуемому финалу.

А пока впереди у тысяч современников, не поделивших землю, небо, хлеб и воду были ночной бой в проливе Суригао, сражение у мыса Энгано, бой у острова Самар, тысячи самолёто-вылетов и тысячная гибель соотечественников на глазах.

Решающие факторы, триумф и поражение, недостатки внешней политики, военно-стратегического планирования,

салюты, дети, красавицы, шампанское, Токийский и Хабаровский процессы — всё это будет предворяться бессмысленным кровопролитием наций, на которое ни той, ни другой стороне при всём аналитическом мышлении не хватит одного: — ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СЛЁЗ...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Экваториальная эпопея

*Промчал тайфун.
И плачут тихо чайки над волнами,
О том, что ураган пришёл сюда
С торпедами и расчехлёнными стволами.
«Венок через полвека
шлю я вам...»*

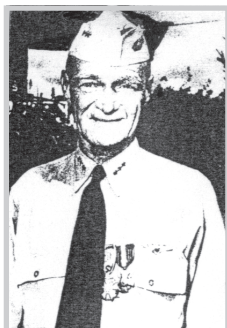
Планируя форсирование Сан-Бернардино ночью, Т. Курита не предполагал, что У. Хэлси, оценивая значимость задачи ликвидации авианосных сил, допустил крупный просчёт, не отреагировав на донесение ночного разведчика с авианосца «Индепенденс». Долгие часы следуя с потупленными навигационными огнями и соблюдая радиомолчание, адмирал исполнял безоговорочный приказ главкома С. Тойода. Выход в просторы Тихого океана, по соображениям японских флотоводцев, подставлял корабли под удары штатовских сил, и в то же время давал возможность более свободного маневрирования, освобождая эскадры от скученности.

К полуночи 24 октября 1944 г. объединённые силы Шермана, Дэвисона и Богана были готовы к бою. Прогнорировав замечания вице-адмирала Ли, контр-адмирала Богана и горделивую самоуверенность адмирала Митчера, Хэлси полным ходом преследовал авианосцы Д. Одзава, рассчитывая тремя группами атаковать их на рассвете, как раз в то время, когда Т. Курита шёл позади него...

Ещё в полдень адмирал Т. Кинкейд привёл 7-й флот в боеготовность № 1. В дозоре на выходе из Суригао в залив Лейте находились 7 эсминцев. Команды этих кораблей и 40 торпедных катеров, сосредоточенных в проливе, были предупреждены о возможной ночной атаке надводных сил противника. Контр-адмирал Дж. Олдендорф заблокировал северный выход из Суригао артиллерией 6 линкоров, 8 крейсеров двух типов, а также торпед-аппаратами 21 эсминца. В просторечии это был смертельный для японцев капкан, поскольку американские силы могли свободно маневрировать, тогда как неприятель сковывался в действиях конфигурацией и глубинами пролива.

Слабость корректировщиков огня и авиаразведки, разгром авиагруппы Д. Одзава и многочисленные радиопомехи в эфире, амбициозность и удалённость базовой авиации, предрассудки должностной иерархии не позволили морякам Его Величества правильно и объективно взвесить сложившуюся обстановку. Соединения адмиралов Нисимура и Сима, сохраняя радиомолчание, продвигались к Лейте в 40 милях друг от друга, вспенивая море Минданао, уповая на внезапность удара. Их задачей являлось уничтожение надводных сил, конвоев и десантов потомков «чёрных кораблей» Мэтью Перри.

Обеспокоенность Нисимура усилилась в конце дня, когда он узнал о зажиме сил Курита в море Сибуйан. Решив войти в залив Лейте в темноте, вице-адмирал перевёл стрелки относительно рандеву своих кораблей вперёд. Вице-адмирал Сима, продолжая играть в «молчанку», по-старшинству мог принять

*М. Митчер**Адмирал
Т. Ониси —
создатель
отрядов
камикадзе.*

командование эскадрами, но, не зная программы операции в полной форме, предпочёл мореходничать самостоятельно.

С 23.00 до 02.00 25 октября Соединение «С» вело тяжёлый бой с торпедными катерами американцев. Их шустрота в ночи при всей массе летящих в воду и буравящих её торпед, успеха не принесла, вследствие отсутствия опыта ночных боёв, однако Олдендорф теперь знал о дислокации японцев в проливе.

В пол-третьего два дивизиона эсминцев, шедших параллельным курсом, на полном ходу сбросили 47 торпед, предварительно предупредив сигналом об отходе свои катера. Под прикрытием дымовой завесы эсминцам удалось выйти из-под плотнейшего града снарядов, обрушившегося на них со стороны японских плавучих цитаделей. Передать в строке рукотворный хаос, душераздираемую какофонию ночной дуэли и кошмар происходящего на кораблях, практически невозможно. Два линкора содрогнулись от торпед, замедлив ход. Два эсминца, повреждённые до неузнаваемости, вышли из боя. На полном ходу затонул с частью команды ещё один миноносец. Флагман разом постаревшего Нисимура линкор «Ямасиро» с зияющей пробоиной от торпеды не свернул с северного курса, двигаясь средним ходом под защитой тяжёлого крейсера «Могами» и эсминца «Сигурэ». Модернизированный линкор-ветеран «Фусо», вынужденно покинув кильватерную колонну, позже взлетел на воздух и пошёл ко дну...

Дж. Олдендорф не оставлял «синдбадам» никаких шансов на выживание, помня о возмездии за Пёрл-Харбор. С флангов от его группы тяжёлых кораблей мчались эсминцы второй атакующей линии. Развивая успех первой, они всадили три торпеды в подранка «Ямасиро» и потопили повреждённый эсминец. Людей разрывало заживо, они варились в высокотемпературном котле под именем Суригао, горевшие, покидали палубы. Остывшие, изувеченные и обессилевшие, захлёбывались водой и мазутом, крича последние слова, исчезали с поверхности, покрывая тела-

ми корабельный мусор на дне. Ужас потопленных был не-описуем...

Ранним утром остатки соединения Нисимура приблизились к главным силам Кинкейда и попали под сокрушительнейший огонь артиллерии линкоров и крейсеров. От бесчисленных попаданий снарядов «Ямасиро» вобрал в себя тонны воды; загорелся «Могами»; потеряв ход, вышел из строя «Сигурэ», пронзённый неразорвавшимся снарядом. Вследствие приближения линии огня к левому флангу своих кораблей, Олдендорф приостановил расстрел японцев. Радость победы омрачалась убитыми и ранеными с эсминца «Эльберт У. Грэнт», застопорившего машины из-за попаданий 19 снарядов...

Отряд Сима, разбросав заслон торпедных катеров, был вынужден замедлить ход после торпедного попадания в крейсер «Абакума». Вскоре его Соединение, не изменившее направления, прошло мимо трагичного зрелища го-

ревших и дымящихся обломков «Фусо», принятых адмиралом по ошибке за останки двух линкоров. Пройдя левым бортом мимо пылавшего «Могами», Сима развернул крейсера вправо на 90°, получив донесение о радиолокационном контакте с врагом, находившемся после манёвра прямо по курсу. При этом из-за внезапности перестроения и жёсткости его исполнения, произошло столкновение флагманского крейсера «Нати» с «Могами».

Рассудив, что его коллега оказался в ловушке, вице-адмирал Сима лёг на обратный курс, взяв под опеку «ковылявшие» корабли. Стареющий морской волк не хотел бесславной гибели преданных ему самураев и отходил в целях выждать момент для объединения с силами Одзава-Курита, чтобы совместно нанести решающий удар по врагу.

Распалённый сражением Олдендорф отдал приказ преследовать и истребить противника силами нескольких крейсеров и эсминцев. На восходе солнца они настигли колонну и вновь подожгли настрадавшийся тяжёлый крейсер «Могами». Эта же группа позднее уничтожила «полуживой» эсминец из состава Соединения Нисимура. Четыре крейсера и пять эсминцев, непрерывно огрызаясь орудиями, вошли в море Минданао, где были атакованы самолётами с авианосцев 7-го флота. Результатом налётов «на добивание» стало затопление «Могами» своей командой. Кроме крейсера «Абакума», Сима сохранил все корабли, тогда как отряд Нисимура (за исключением эсминца «Сигурэ») оказался разгромлен и обескровлен полностью...

Параллельно этим событиям 1-е Диверсионное соединение Т. Курита атаковало эскортные авианосцы 7-го Флота, входившие в Северную группу. Ситуация осложнялась тем, что на борту этих авианосцев не было бронебойных бомб и торпед, поскольку они комплектовались бомбами для поражения живой силы противника из морского транспортного отряда и Соединения снабжения (около 20 судов). Настырный Курита, проскочив пролив Сан-Бернардино, поставил Кинкейда в затруднительное положение,

потому что 3-й Флот Хэлси ушёл далеко на север на поиски и ликвидацию авианосцев Одзава. Осознавая опасность, Кинкейд приказал Олдендорфу прекратить погоню за кораблями Сима, чтобы перебросить его группы в залив Лейте. Авиации, крушившей «Могами», предписывалось пополнить запасы горючего в Таклобани и быть готовой к ударам по центральному соединению Курита.

Сима мог вернуться в Суригао в любой момент и при удачных обстоятельствах мог нанести артурдар по десантным «сестершипам», сосредоточенным в заливе Лейте. Задача, поставленная Олдендорфу, являлась сложной по исполнению, ибо его корабли были тихоходными и в основном устаревшими. К тому же имела место нехватка снарядов, выпущенных по Нисимура без акцента на «голодание».

Между тем, рвение У. Хэлси вывело адмирала к мысу Энгано. Глубокой ночью 25 октября локаторы разведсамолётов «Индепенденса», летевших впереди 38-го Оперативного соединения, нащупали местонахождение двух групп японских кораблей. Изучив депешу, сообщавшую о randevу сил противника в 06.00, недавний участник воздушных гонок экстренным темпом сформировал 34-е Оперативное соединение, включающее 6 линкоров под своим личным контролем.

Едва забрезжил рассвет, с палуб, оглушая округу, стартовали один за другим 180 самолётов. Спустя час, четыре авианосца, два линкора — «Исэ» и «Хьюга» в роли авианосцев, три крейсера и восемь эсминцев упорного морского воина Одзава были обнаружены. В быстротечной воздушной «потасовке» янки приводнили почти все истребители «джапов», а пикировщики и торпедоносцы марок «Кертисс» и «Грумман», сметя заградливынь зенитчиков, раскрыли замки бомб и торпед. В ходе налёта авианосцы «Титосэ» и «Дзуйхо» получили повреждения, затонул эсминец и был торпедирован флагман, участник многих походов, тяжёлый авианосец «Дзуйкаку». Последующая атака, начавшаяся в 10.00, сжала клещи на всём пытавшемся

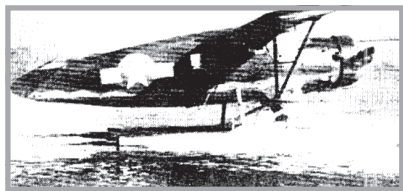
ся рассредоточиться соединении. Две группы бомбардировщиков замедлили продвижение крейсера «Тама» и подожгли авианосец «Тиёда». Последний сразу же застопорил ход и стал угрожающе крениться, сводя с ума находившихся в трюме...

О произошедшем в Суригао Хэлси узнал запоздало, как и о том, что наглый агрессор наконец-то отброшен. В 8.10. адмирал принял шоковую радиogramму. Она пришла с задержкой, а лидер группы авианосцев Т. Спрэгью, атакованный кораблями Т. Курита, взывал о помощи. Хэлси в любом случае не успел бы подойти к о. Самар, считая, что 16 эскортных авианосцев имели достаточно самолётов для успешной обороны до подхода кораблей Олдендорфа.

Японцы, перехватив незашифрованные тексты радиопереговоров Спрэгью, Хэлси и Кинкейда, поняли их неадекватно, предположив, что крупное авианосное соединение «звёздно-полосатых» совсем рядом.

На самом же деле Хэлси удалялся от Лейте, отослав в помощь Спрэгью соединение адмирала Маккейна, причём его азарт не остановило вмешательство командующего

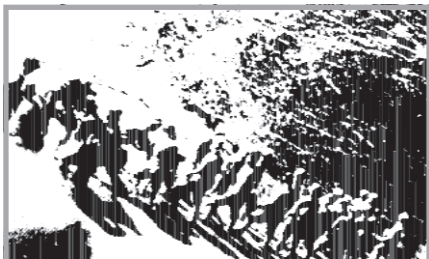

ТФ США Нимица, радировавшего из Пёрл-Харбора: «Где находится 34-е Оперативное соединение?»

Не воспользовавшись возможностью, о которой мечтал ещё кадетом, Хэлси, будучи в 42-х милях от Курита, решил добивать главные силы Одзава самолётами Соединения Митчера, к тому времени совершившими четыре налёта, рассмотренные выше. Пятым налётом американцы планировали уничтожить линкор «Исэ», однако удача на этот раз отвернулась...

При кажущейся катастрофичности положения Д. Одзава, он искусно справился с задачей привлечения авианосных сил противника для высвобождения дул Т. Курита, который проявил нерешительность в шаге от выполнения главной цели операции. Будут добивать артиллерией «Тиёду», субмарина из эскадр Ч. Локвуда торпедирует «Тама», но суть провала плана «Сё-го» заключалась в руководящей элите Императорских ВМС, местами требующей невозможного. Сильно отставая от Америки в области электроники, финансовых богатств и сырья, Япония хронически страдала от несовершенства радиосвязи, хотя имела лучшие торпеды, чем США...

В бою у о. Самар 25 октября 1944 г. было доказано, что война в Мировом океане требует прежде всего сплочения и взаимодействия скоростных авианосных соединений в союзе с линкорами и крейсерами. Роковая ошибка Т. Курита, столкнувшего-

Гибель авианосца «Дзуйкаку»

ся с оперативной группой Т. Спрэгью, скрывалась не только в переоценке сил противника, но и в спешной перестановке всего соединения в ордер ПВО. Японский адмирал, не имея эффективной поддержки с воздуха, мог отдать приказ лёгким кораблям и эсминцам перейти в торпедную атаку под прикрытием линкоров и крейсеров. Однако всё сложилось вне замыслов японцев, вероятно, в назидание за недавние преступления...

Видя напор артиллерии и быстроходность кораблей Курита, адмирал Спрэгью отвлекающим манёвром изменил курсовой угол, чтобы быстрее поднять самолёты. Выставив дымовую завесу, он также ввёл свои корабли в полосу дождя и именно в тот момент запросил Хэлси о помощи, чувствуя, что не устоит перед таким калибром.

Курита стремительно развернул преследование этой группы, известной под кодом 77.4. Американский контр-адмирал шёл на юг к Лейте, веря в мощь стволов 7-го флота и силы Хэлси, курсировавшего в 300-х милях севернее. При выходе из полосы непогоды он вновь оказался недалеко от японцев, но Курита не смог нанести ему урон и упустил слагающие разгрома, любой ценой пытаясь сорвать взлёт самолётов, перед которыми был беззащитен.

Головокружительная «регата» продолжалась, и вскоре линкоры и крейсера «дышали» Спрэгью на корму, с одновременным приближением крейсеров по левому борту. К

9.00. возникла угроза окружения и американцы атаковали японцев арсеналом шести эсминцев.

Торпеда «Джонстона» вывела из строя крейсер «Кумано», за ним были торпедированы крейсера «Тёкай» и «Тикума». Линкоры

«Ямато», «Харуна», «Нагато» и «Конго» разошлись во избежание попаданий торпед, дав Спрэгью оторваться.

Впрочем, не всё шло на пользу землякам статуи Свободы. Мощнейшая артиллерия японцев изре-

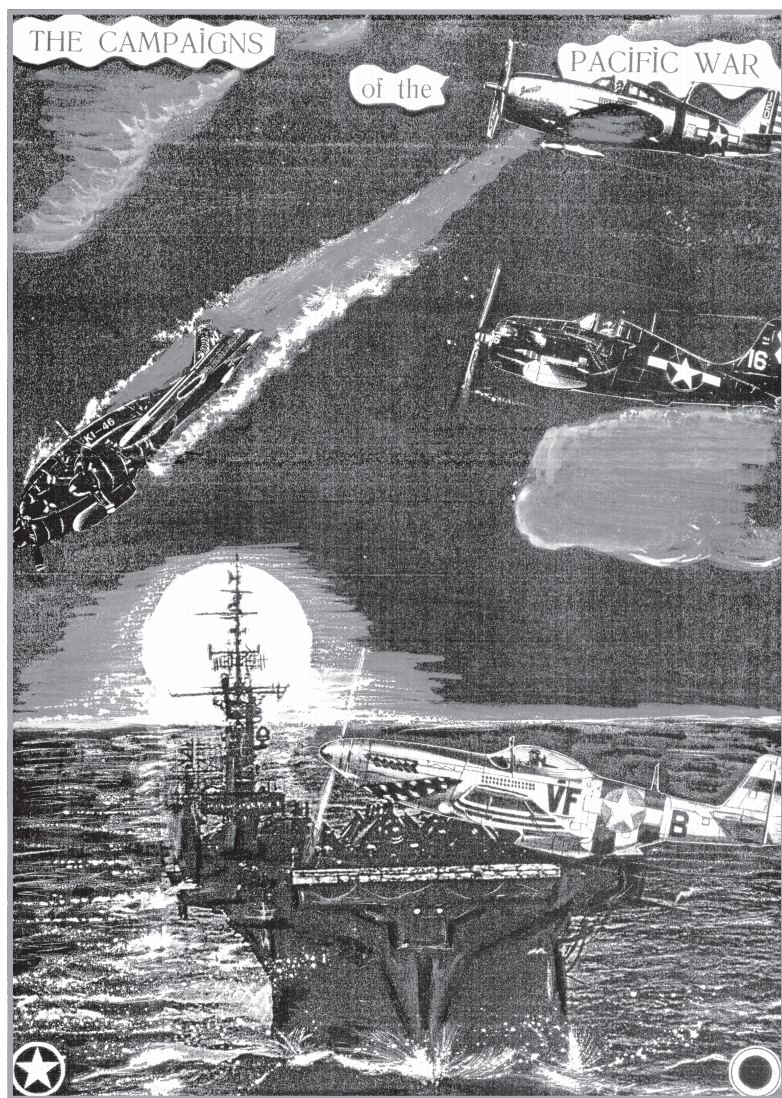
шетила эсминец «Хоул» и уничтожила эскортный миноносец «Робертс». Оставшийся без боезапаса, сильно повреждённый «Джонстон» стал мишенью и был потоплен. Ещё два эскортных корабля были покалечены артогнём противника. Тяжёлые бронебойные снаряды линкоров и крейсеров прошибали небронированные корпуса конвойных авианосцев насквозь, не нанося значительного ущерба. «Хасирский флот» был ещё далёк от агонии, заставляя шесть эскортных авианосцев идти по ветру. В начале десятого опрокинулся и ушёл на дно авианосец «Гэмбиер Бэй». Остальные удержались на плаву благодаря силе духа и воле своих экипажей.

Палубная авиация Т. Спрэгью, Стампа и К. Спрэгью беспощадно молотила бомбами, торпедами, снарядами и пулёмётными очередями корсаров Курита. Авиаторы добились крейсера «Тикума», «Тёкай», потопив их вместе с собратом «Сидзуя». На кораблях возрастало замешательство, несмотря на полную самостоятельность при уклонении от атак самолётов согласно предписаниям ордера ПВО.

Остатки могущественного соединения отвернули, задумавшись о спасении, когда американцы сами уже молились о нём. «Провидение» С. Тойода сыграло злую шутку над его соотечественниками, не сумевшими развить контратаку при всех имеющихся преимуществах.

Особо отмечая побоище у о. Самар, уважаемый адмирал Флота США Честер Нимиц в своих мемуарах о войне на море 1939–

1945 г. пишет: «Изгнание японцев в нескольких милях от залива Лейте — заслуга авианосной группы контр-адмирала К. Спрэгью, поддержанной действиями кораблей и авиации

контр-адмиралов Стампа и Т. Спрэгью, которая использовала всё, что было возможно, — ветер, дождь, дымовые завесы, манёвр, торпедные и воздушные атаки, — чтобы расстроить замысел противника и отбить атаки его значительно превосходящих сил».

*Д. Макартур, Ф. Рузвельт и Ч. Нимиц
на Гавайях. 1944 г.*

Исследуя противостояние ВМС США и Императорской Японии, мы должны помнить о полной неосвещённости этой сжатой цензурой темы, не годной к афишированию по мнению историков не только названных стран. Более всего это коснулось документации о полном боевом пути и поимённом списке экстремальных «Камикадзе», а ведь только в Филиппинской кампании их погибло 722... Бои в архипелаге унесут в вечность 68 японских кораблей и свыше 6000 самолётов. Далёкая Америка только у Лейте лишится 21 корабля, 736 самолётов палубной авиации и 231 машины из состава ВВС Дальнего Востока. Обе стороны будут лгать Миру о людских потерях и гибели «неучтённых» подводных лодок, хотя, экипажи океанских субмарин доходили до 100 человек...

Утратив Филиппины — важнейший южный сырьевой район, лишившись надводного флота в былом величии и нефти, оставшаяся без опытных пилотов Япония не собиралась мириться с Миром даже после крушения режима А. Гитлера.

Воинственная устремлённость двух наций, совершенно разных рас, территориально ущемлённых и независимых, принесла в их жизнь многомиллионные страдания, кладбища,

разрушения и безымянные захоронения на суше и под водой. Битва армад у Лейте разве не подтверждение???

«Лечение» оружием не проходит бесследно даже по прошествии немалого отрезка времени. Сухая цифирь отчётов не освобождала от ответственности ни тех, кто развязал войну, ни других, использовавших её для достижения господства в Тихом океане путём сожжения и испепеления мирных граждан.

Забывающие об этом при всём могуществе, гордости, уме и силе обречены на поражение в будущем, в котором и ныне просматривается желание смертных установить «своё царство» на костях и черепках себе подобных...

*Октябрь 2000 г. — март 2003 г.
Орёл — Москва — Трансиб —
Владивосток — Орёл,
«Путевые заметки».*

Гибель камикадзе

7 декабря 1941 года Императорская Япония мощным налётом авиации нанесла сокрушительный удар по американскому флоту в Пёрл-Харборе. В это время наши войска давали отпор под Москвой её коллегам по «Оси» — германским полчищам...

В долгих кровопролитных сражениях союзники разгромили коварные планы захватчиков и пришли к выстраданной Победе на Западе и Дальнем Востоке. Об этом краткий очерк автора.

О беспощадный рок!

Под этим славным шлемом

Теперь сверчок звенит.

*Мацуо Басё (1644–1694), поэт-новатор,
мастер японского трёхстишия-хокку*

Читая классиков пера,

Я понял:

Плох художник, отвернувшийся от мира!

*Авторское эссе «Суффиксальные пустозвоны»,
1996.*

Влажная стена густого тумана обняла пространство. Было зябко и моросило, а жизнь каждого измерялась приказом. Патрулирование акватории выдалось по-боевому штормовым, и прекращение гнева Нептуна было полностью непредсказуемым. Который день на борту супердредноута Объединённого Флота «Ямато» офицерская элита хронически недосыпала. Командир 263-метрового линкора капитан I ранга Такаянаги Гихати, ведущая голова по оперативному искусству Куросима Камэто, кептэны Мийо Тацукити и Ватанабэ Ясудзи, как и бывавшие на флагмане контр-адмирал Ониси Такидзиро и лидер авиации ВМС при Генштабе капитан II ранга Сасаки, понимали, куда закатится для Японии Солнце после захвата янками острова Иводзима.

Многое пришлось пережить завоевателям Великого океана и его атолло-островной россыпи, оглашаемой грохотом прибоя на параллелях и меридианах триумфа и смерти. Они спешили доставить десант, поддержать его высадку на материк и выработать безошибочную наступательно-оборонительную стратегию. В феврале 1945-го с трудом верилось не только «хасирцам» в фейерверк побед, рождённых стволами «Кидо Бутай» адмирала Нагумо Тюити и палубными «корсарами» авиагрупп Футида, Хасигучи, Абэ, Кусуми, Мурата, Такахаси, Итая, Симадзаки, Эгуса, Синдо и других пилотов 1-го Воздушного Флота, разгромивших корабли Франклина Делано Рузвельта в Пёрл-Харборе и авиацию на Оаху. С тех пор, как ушли на дно британские «жемчужины» — «Принс оф Уэлс» и «Рипалс», ситуации, сходные с ловушкой, в которую попала эскадра королевы Вильгельмины под стягом адмирала Карела Доормана, больше не повторялись.

Мидуэй... Авианосная сеча за крохотный островок повернула доктрину «Азия — азиатам» вспять, навечно обозначив координаты гибели, исстари сопутствующие экспансиям, преступному колонизаторскому авантюризму. За один день были потеряны мозговитые выпускники Академии «Эта Дзи-

ма», асы захватного «покроя», выпестованные бурями моряки, авиаторы, прошедшие курсы престижных авиашкол Касумигаура, Цутиура, Нагойского технического училища и передовых учреждений ВМС Англии, Франции, Италии и США... Ушли на 5000-метровую и более глубину — искорёженные, оплавленные, некогда могучие исполины, плавучие аэродромы «Акаги», «Кага», «Сорю» и «Хирю» — авангардные проекты «Кампон» и магнатов кораблестроения за всё время реализации программы «Марусан». Погибли контр-адмирал Ямагути, командиры авианосцев Каку, Янагимото, Окада, в общей сложности 3500 человек, свято веривших в «миссию Японии руководить миром», провозглашённую баронами-реакционерами Танака Гиити и Утида Рёхэем...

Позднее глава Генштаба Императорских ВМС вице-адмирал Нагано Осами, адмиралы Кондо, Номура, Йонай, Микава, Одзава, Иноуэ, Судзуки, Какута, Ито, Ямадзаки, Такаги, как и генералитет, признавали, что с гибелью главкома Флота Ямамото Исороку и сменившего его Кога Минэити, погибших в авиакатастрофах, — положение Империи резко ухудшилось, что доказали ужасные потери в ходе корабельно-авиационных битв за Гуадалканал, Сайпан, Ириан, Рабаул, Лусон и Лейте.

Эти годы покрылись волнами, и там, где прокатились «цунами» военщины, меняла формы вечная пена. «Владыки морей», помнившие заветы «азиатского Нельсона» Того Хэйхати, иронизировали в избегавшем сакэ кругу: «Три раза цвела сакура, а эра Сёва летела в бездну как бакудан (бомба) или торпеда»...

Молодой энсин (младший офицерский чин) из «Токубецу когэкитай» (Штурмового отряда), акробат-владелец истребителя «Зеро» и предмет воздыханий татиката и гейш Ямада Исабуро прошёл Филиппинский ад без ранений, хорошо запомнив проповеди Ониси о духе, воле и патриотизме, когда друг теневого патрона «якудза» Кодама Ёсио формировал 1-ю эскадрилью «Камикадзэ».

Сегодня, завтра или послезавтра обедневшему самураю древнего рода предстояло уразуметь: Путь Жизни —

это Смерть. Ночь за ночью он искал в уме лаконичные по смыслу иероглифы для завещания, которое вымучило, ибо отослать его было некому — семья погибла в Токио под развалинами землетрясения 1923 года. Патефон крутил «Японские фонарики» Есимото, а мысли кружились, словно мотыльки в хризантемах, и, надрывая мозг, залетали в тупик. Уроженца деревушки у истоков Синано закружила ностальгия — рандеву с красавицами из квартала Гион в Киото. Сложив редкий бэнто — рис с маринованными сливами, он отбросил косточку. Глядя на фото кумира, «фокусника» пилотажа Гэнда Минору, эсин разговаривал вслух:

— Ханай Юкико, смазливая шансонетка из Кагосима! Как я любил тебя, не подозревая, что ты, запоем читавшая Акутагава и Исикава, всего лишь перезрелая кельнерша дешёвого бара!..

Расстроившись, Исабуро раскрыл спасавший и тайно хранимый томик Такубоку «Горсть песка»:

*Когда приходится служить
Капризным,
Наглым самодурам,
Как страшен
Кажется весь мир!*

С утра передали шторм 7 баллов. Накадзима Тосио, пилот 1-го класса бомбера «Мицубиси G4M» заехал за Ямада в сумерках. Самолёт-снаряд из Арсенала ВМС Йокосука был наготове, сверкая новизной. Помолившись за Дай Ниппон богиням Аматаэрасу и Каннон, Исабуро, внешне балагуря и храбрясь, уселся на заднее сиденье дышавшего на ладан «Олдсмобила». Изучая карту маршрута по планшету, он дымил подаренной накануне сигарой, хотя минуты назад чуть не вырвался, представив отпевание своей души в храме Ясукуни.

Старт прошёл без суеты и эмоций. Ещё на заре старший лейтенант Хорикоси Дзиро, пилот разведчика «Ki-46» ра-

дировал командованию о 5-м Флоте адмирала Раймонда Спрюэнса, вспенивавшего океан 13-узловым ходом. Поправляя в полёте повязку «хатимаки» с надписью «Эй-Рэй» — «Душа Героя», энсин подумал, что инженер Мики поздно додумался начинать «воздушный меч» Японии 1200 килограммами тринитроанизола. Неописуемая красота мирного горизонта не смягчила сердца: — Мало звёздно-полосатые получили в лоб у Саво; десант на Гавайи или спалить 400 000 тонн мазута в декабре 1941-го, вот это да! Навряд ли подняли б тогда изуродованные линкоры Киммеля и Пая. А новый командующий Честер Нимиц — вулкан!

— Небесный рыцарь высшего дана самурай Ямада! — вернул его к реальности второй пилот Хара Тюити, проверяя радиосвязь. — Вы там смотрите, сэнсэй кэндо, не захрапите! Мы доставляем вас к цели, чтобы «солдаты Джо» Макатура меньшим числом ступили на не знавшую оккупации землю предков. Пригубите сакэ, я припрятал для вас бутылочку под сиденьем...

— О, снова ваши байки о пиратах Бидле и коммодоре Перри, — за Христа, а пушки впереди! Конвой вижу, идёт противолодочным зигзагом — торпедные атаки Санта-Барбары и Сиднея ещё не забыли. Постараюсь отправить на дно тип «Либерти»!

Отрыв от двухмоторного «Мицубиси», однотипного с тем, что угробил Ямамото и штабистов у острова Бугенвиль, мало радовал. Планируя в направлении транспорта наибольшего водоизмещения, Исабуро, по приближении к нему, включил три жидкостно-реактивных двигателя. Суммарная тяга 800 килограммов выдала ускорение по «паспортным» данным — около 850 километров в час. Кровь ударила энсину в голову до тошноты, а первые разряды зениток уже брали в «мёртвую петлю» его «Цветок вишни», который, узнай, что им назвали, тут же бы превратился бы из белого в красно-кровавый с чёрным кантом по каждому лепестку.

Любителю путешествий по префектурам не было страшно. Он упивался рикошетом пуль по плоскостям и фюзе-

ляжу, и муравьиное замешательство янки на палубе вызывало в нём диковато-дьявольский смех.

«Куро хи» — Чёрный день! Возвращение священного ветра против Хубилай-хана! Держитесь, гайдзины (чужестранцы)!»...

На сменившем курс маневрирующем бывшем сухогрузе кричали:

— Бака! — Дурак! — вперемешку с отборным штатовским матом. Возможно, Ямада плакал от мысли, что расе Ямато с начала 30-х следовало быть милосерднее, а не хвататься за оружие. Возможно...

— Тэнно хэйка бандзай! — Да здравствует Император!!! — стало фанатизмом сироты на земле, а вернее фiasco над Тихим океаном, впитавшим кровь и железо наций в сверхтрагизме Второй мировой войны.

Юнец 1917 года, почитатель «Тора! Тора! Тора!» — вероломной тактики Футида Мицуо, мечтавший увидаться с ним, рассчитал пилотаж виртуозно, снеся почти всю надстройку судна. Кто знает, может за секунды до убийства свыше 100 американцев, не считая калек, энсин Ямада Исабуро фактически открыл дверь во «второе рождение»? Увы, атакуя, он мстил за брата отца, сгоревшего в соляре у турбозубчатых агрегатов эскортного авианосца «Сёхо», затонувшего в Коралловом море. Разве для такой «нирваны» их вывели в свет матери?

«Тэнно хэйка бандзай! Тенно хэйка... Бандзай! Бандзай! Банд-зай!!!»

* * *

Император эры Сёва, его величество Хирохито, давший полный ход Тихоокеанской войне, дико закричал на своём ложе во дворце. После гибели «Ямато» ему приснилось, что он, 124-й Сын Неба совершил харакири, потому что выжил один в стране — ВСЕ погибли как камикадзэ... Шаря рукой в поисках очков, а другой протирая глаза, он вздрогнул: перед ним, склонившись в поклоне, рыдала Императрица Нагако, а мальш-наследник Акихито упрашивал мать не плакать, сжимая руками мачты дорогой модели броненосца «Микаса».

... 10 марта 1945 года «летающие крепости» ВВС Армии США применили напалм и осколочные бомбы — в бывшем городе Эдо погибло около 140 тысяч жителей и беженцев.

6 и 9 августа испарятся люди и здания в Хиросиме и Нагасаки — не стало 215 тысяч человек. Атом стал Инквизитором, породив лучевую болезнь и хаос гонки вооружений между капитализмом и коммунизмом.

Сёва — отсверкала. Это была Катастрофа, оплаченная жизнью и смертью 3 100 000 японцев. Часть из них, убивая современников на суше, в водах Тихого океана и Южных морей, в небе и под водой в большем количестве, так и не поняла с 1900 года, что их стратегия захвата едва не подвела страну под название — держава заходящего солнца.

Когда линкор «Миссури», переживший атаку смертника ранее, тихо вошёл в Токийский залив под флагом коммодора прошлого века Мэтью Колбрайта Перри, переосмысливать межнациональную трагедию не имело смысла — гибель народов не измеряется золотом. Планетная, понимаете, диктатура была тогда, извините, модной...

Сегодня мы вправе спросить: прозрели ли гомо сапиенсы после Нюрнбергского, Токийского и Хабаровского процессов? Какие уроки извлекли для себя поколения, находящиеся под ядерно-боеголовочным шантажом, и кто позволил обесточить великий Дальний Восток в рамках госграницы СССР — России???

ПРЕСТУПНИКАМ — СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

*Водителям, отдавшим жизнь
за свободу российских наций,
посвящается*

Вот уже четвёртый день стоял невыносимо адский мороз. Захар Лапиков, проворный, худенький мужичок неопределённых лет, угрюмо ругался под нос, пуская клубы дыма, смешивавшегося с паром дыхания. Вчера, по пурге, у него застучал движок. И счастье ещё, что вспомнил он про ремень на промасленном ватнике, зажал его кусочек шатунной крышкой, кое-как сотню-полторы вёрст осилил, призывая на помощь волю, удачу и Бога, правда, иногда с матком, грешен был, право. Зато не успел отогреться, как стал героем: и БАО*, и лётчики, и даже треногий «авиа»-пёс, прозванный лихо Жиклёром — все они ожидали баранины, но что более важно — почты.

Сегодня, ни грамма не отоспавшись, он вместе со славным малым с берегов Терека, тринадцати лет Гази-Магомедом, был не прочь перетряхнуть 4,5 тысячи запчастей дальнего родственника АМО и штатовских «Аутокаров». Да вот беда: дед Мороз, действительно с большой буквы, напал на Россию.

* БАО — Батальон аэродромного обслуживания

— Но ничего! Мы-то потерпим, а вот фриц с непривычки, если, конечно, выживет, может, не порадует фрау, близкий капут ощутит.

Его битое горем и рикошетом стекольной пыли лицо вызывало предельную жалость даже у сапёров и регулировщиц. Шрамы и болезненная хромота заставляли слезиться вдов и их потенциальных сестёр, а когда он, сверкая улыбкой негра, заходил пожевать в столовую или за командировочным харчем, тонюсенькая сирота-еврейка становилась Гулливером Добра прямо на глазах.

Он сам не был одинок: недавно пришло письмо от жерновецких (это ж надо! сам себе его привёз!) — слава те, Господи, чьи-то руки успели выдернуть семью прямо из-под гусениц Гудериана. Но сейчас словно пусковая рукоятка крутила мозг: — Захар, семь часов на ремонт, заберёшь интенданта и гони лошадей своей «вагонки» к детскому, да учительницу не позабудь! — так, с час назад, брал его в «оборот» полковник, глава всех «Пешек» с натуральной ЗИСовской фамилией — Важинский.

Гази-Магомет, смышлёный чеченёнок, крепко помог. К полудню Захар, проверив боковые борта кузова, оперативно сбив скамейки и натянув тент трёхтонки, легко пустил 73 лошади своего шестицилиндрового «товарища» уже обладавшего завидной репутацией на фронтах.

— Жаль вот кабина деревянная, сколько брата от баранки загубила она, кто считал? Ничего не поделаешь, знаем ведь, как холоднокатанный стальной лист нужен передовой. Однако, раскудрит «Мерседес» через коромысло, она без нас не передовая, — в момент наполнения бака какой-то низкооктановой смесью думалось ему. — Да! Помню, брат шофёрский рассказывал (не из тех, «вороных», и «эмочных» щёголей, парень Москва — Каракумы в 33-м с «Фордами» гонялся): — Захарий! «Балалайка» наша амошная почти цельнометаллическая была, ну да чёрт с ней! — Захар явственно вспомнил друга и шепнул Магомету:

— Ты смотри! Никому, турчонок! А то до Аллаха не докричишься... Андрюшка-то, покойник, сказывал, поле-

тели с середины тридцатых головы красных директоров и конструкторов, и даже НАМИ* кровь пустили... И-и-и, самовар мусульманский, что ты знаешь, тебе б с горянкой обниматься да форельку ловить!

Туго, словно природа захомуталась в бурлаки, наступила середина январского злобного дня, и эхо ночного воя ветров, казалось, ещё трясёт шапки с гектаров сосен. Издалека слышалась канонада взаимного артобстрела.

— Вишь, пророк, который день палят для проформы, а я им снаряды вози! Где ж, батарейные простофили, ваша экономия? — уже, кряхтя рессорами и торопясь, крикнул механику Захар.

Дорога, видно, его заждалась, ведь он был самый частый по ней ездок. По случаю удачно нагруженный ЗИС, с прищуром «по-японски» закамуфлированной единственной фары, не спеша полз по припорошенной за ночь грунтовке вдоль берега изредка стонавшей стыковкой льда небольшой, но глубокой речки.

Вторая, третья, четвёртая — потом наоборот. И так же тысячи раз — монотонно урчавший двигатель и полное, надо сказать, неприятное одиночество убаюкивали Захара, особенно на прямых. Парень русской глубинки, он телом и зрением знал эту заполярно-круговую, с позволения сказать, трассу и опытно гнал к спрятанному во мгле леса складу боеприпасов.

Узнал сержант об этом в последний момент, вырываясь из объятий юза близ КПП: Танюша, называемая Курочкой (родилась в Курске), правила шлагбаумом по привычке — лихо.

Какой-то неизвестный щеночный старлей сунул ему в руки дорожную, да ещё прикрикнул, срываясь на фальцет (поэт! мать его...):

— Вези — не спеши, гони — не взорви!

— Тебя бы сюда без тепла; попробуй, малец академический, передачи дёргать, да карбюратор не застуди.

* НАМИ — Научно-исследовательский автомобильный и автомоторный институт.

Попутчиков, может, к лучшему, не было. Все они тормозные — всё ноют, скулят они. А чего ныть-то? Будет умный да меткий на глаз бургер-«лаптёжник», считай, всех в стокилометровом квадрате разбудим.

— Но будет, будет! — проговорил он себе, подыгрывая левой рукой задней оси на повороте. — Что ты, Захарушка, первый раз по медвежьим углам рейсуешь-скользишь? Дурь с утра в голову не тяни.

К радости его, артсклад был от центрального аэродрома недалеко — 15 вёрст, как обычно, с чисто русским, затяжным гаком. Обтекая знакомые выбоины и бугры, Захар всё больше думал о детях, которых предстояло забрать во вторую ходку: — Эх, полковник, они ведь не ящики для ПВО...

Управился, как и планировал, быстро, благо, заступила отдохнувшая смена — недавно прибывшие парни из-за Урала. Немногословие грубоватых шуток, крепчайший самосад на два перекура и — в добрый путь.

По прибытии разгрузка тоже не затруднила: зенитчики душевно не любили случавшийся голод в боеприпасах. Подхарчившись наперёд у Сары незавидной снедью, вполтину состоявшей из ленд-лизовских обязательств в виде приличного квадрата сальца и почерствевшей краюхи хлеба, земной пилот, внимательно осмотрев радиатор, двинул, нащёлкая передачи и слегка завывая газом, по маршруту — на город. Погода потихоньку, незаметно, стала мерзить. Внезапно потянул лобовой шквал с недалёкого моря, возбуждённое дыхание хозяина ЗИСа и попутчика-интенданта не освобождало «ветровуху» от нагромождения рисунков в стиле Снежной Королевы Андерсена. Захар про художества морозяки знал, под рукой был соляной раствор, и всё же не мог не улыбнуться втихушку при воспоминании о Герде и Кае. Любила его луговая Дюймовочка-Маша старинный иней страниц.

Трагедийно изуродованный бомбардировкой, опалённый город несказанно поразил его сразу на въезде: причудливые «борода» ЛЭП, крошево железобетона, пред-

меты без названий и «опилки» от пулемётно-пушечной пальбы люфтваффовцев, немыслимые связи арматуры и тягучий, зажимающий запах пепелища судеб — всё это успокоило тем, что с месяц уже шла интенсивная эвакуация.

У фундамента бывшей школы горел слабенький костерок — братья-шофёры, по очереди, зачастую вприпрыжку, обогревали распухшие руки, балагурили, кляли немцев и грели кипяточек в латунном жбане на пару литров. Развести огонь посильней не без основания опасались — дебилов за штурвалы «Хейнкелей» и «Юнкерсов» в рейхе не призывали.

Потянуло было к хлебнувшим лиха, тихим и неприметным героям-коллегам, словно нарушился развал-схождение: поговорить, сальцом поделиться, о новостях расспросить, но суровый взгляд интенданта (кто его знает, может, парень из ГПУ) остановил духовные и желудочные подвижки.

— Курс на детдом, сержант! Кушать будем по окончании боевой задачи. Нам ещё к паровозу поспеть, а там у станционных, пожалуй, и заночуем.

Изрядно помучившись из-за потери былых ориентиров, Захар молча крутил свой «глобус», представляя, как здесь живётся сиротам. Многие ведь не были ими всего месяц назад.

Сухо подвывая трансмиссией, завёрнутый в иней ЗИС, словно недовольный дурным бензином, и то начал постанывать раненой в былом рамой, попытался было даже заглохнуть. Шутка ли, был бы спидометр, счётчик пробега показал бы сейчас, что старина — на финише второго булыжно-трактового круга. Пыли хлебнул он круто, не раз «железяку» мучила жажда, сотни раз, разрезая иглами фар дожди и метели, проходил летучий русский через туман, повизгивал клаксоном советским «Фордам» на Волге, не терял мощности на «линии Сталина», а сколько спас раненых!

Захар не дал сплеховать своему ветерану, мысленно и физически общаясь с ним. Интендант задремал. И вот,

наконец, знакомый поворот согнулся змейкой — улица Сталина.

Улица, конечно, была не Вождя, а народная, и народ за неё так крепко и исключительно неподражаемо, жертвенно стоял, что казалось, крестоносное вражьё окончательно здесь потеряет магнето, посадит «аккумулятор нового порядка», попутно открыв с десятков-другой известных и безымянных кладбищ. Стояли россияне насмерть, падали, но продолжали стоять.

Раздумья Захара прервались каким-то муравьиным шорохом и по-кошачьи хитрым поскрябыванием его простреленной «мессерами» водительской дверцы. Сквозь муть бокового стекла на него смотрела пустота, чернота размывала силуэты, треща, королева-ночь воевала со всеми.

Выйдя из заглушенного авто, он подивился, кто бы это мог быть, что за ночной Цап-Царапыч? Районные «околышевики», говорят, частично спалив «бумаженцию», погрузились на всё, что двигалось на неделе. Да до дверцы было не близко: подножки упразднили, беречь нечего — отступаем.

Вдруг по правому скату заскрежетало: звук консервной банки неприятно резанул слух, и появилась голова маленького человека — не то пацана, не то замороженной голодом девочки.

— Дядя, ты кто? Тебя генералы за нами прислали? — еле слышно, придавлено пропищал шестилетний ребёнок.

— А мы с Витькой тебя уже целый день поджидаем! Чо ж припоздал, дядька? — уже суровее и громче проговорил он. — Можно в кабину?

— Эй, товарищ капитан! Освобождай пространство! В автополку прибыло, — с трудом выдавил он из себя, пытаясь внезапно задрожавшими, чёрными от ужаса дорог руками крутануть «козью ножку».

Ржаво пропела петля. Интендант, едва не упав из-за отёкших ног и недавней тряски, виновато и скупно улыбнулся.

— А где же Прасковья Андреевна, гросс-мамаша ваша? — сбалагузив и хватая ребёнка под попку, с серьёзным видом проговорил он.

— Чей будешь, малой? Как зовут, будущий наш хранитель? Верно, об истребителях Поликарпова мечтаешь?

— Карп.

— Да ну! Ай да русич! Редка рыбёшка, всё больше зимой по ямам спит, — шутил Захар, молнией припомнив барских салухов и карпят, что водились в пруду помещицы со странной фамилией Дорф. Отец, помнится, плотвицу туда с реки запускал, зёрна подбрасывал, потом сократили барыню с внуками, как и её фамилию. Революция...

— Ишь вы, заковырочные, — жуя вручённый капитаном сухарь, отходил мальчонок.

— Вот вы, защитники наши, скажите... Тётя Паша вчера до-о-о-лго-о плакала, говорила, немец убил брата под Волоколамском. В декабре было, а только вчера узнала. Слышали про наступление и про Пирл-Харбор читали, но почему фашисты так далеко зашли? Как так? Все ведь знают, русские не одним лыком шиты.

Молчание. Долгое, с виду беспричинное молчание и нервный хруст сухаря в клубе махры, не прошедшей за тяжку. Где-то на окраине взревела сирена, ночное небо расчертило зеркало десятка прожекторов.

— Каждый день бомбят, — слезливо продолжал Карпик, — каждый день, ночь, а за что, спрашивается, наш город не может спать спокойно?

Пара воинов столкнулась с не по-детски взглядом на мир, и кто знает, чем закончился б его кровотокающий монолог, если бы паренёк не воскликнул:

— А вот и наша любимая тётя Паша! Дюже способная.

Тёте Паше на вид было лет пятнадцать. Полутораметровый подросток, придавленный болью войны. Интеллигентное лицо, словно лакмусовую бумажку, профильтровала была былой оккупации, в бездонных глазах с тенями недоедания виделась потеря родни, в угадывающейся

зарождавшейся прекрасной фигуре просматривались старческая сутулость, плети угробленных непосильным трудом рук. Одежда не имела языкового описания.

— Я — за директора интерната, — звучно и так убийственно для взрослых мужей скороговорила она. И кинжальный ком нервной, а не курительной одышки, перекрывающий сердца, начал душить полуобмороженных пап.

— А где же остальные? — капитан, увидев в ней убитую в июле жену, хлебнул спирта из фляжки.

— Пппа-шенька, где остаа-льные? — переспросил он, стараясь заглушить истерический озноб, который изредка посещал его после проклятущего лета.

— Да вы, товарищ, душу-то не рвите, тут в бомбоубежище все. Вот только не двадцать, а восемнадцать.

Молчавший Захар был словно пронзён штыком.

— Как восемнадцать? Вчера же... ВЧЕРА...

— Вчера наши «дорнье» сбили, а они, мальчишки постарше, раньше нас на «разведку» пошли — под ним и погибли...

— Ну, зови всех, поедem. Даст Бог, переправим вас в Среднюю Азию!

— А мне мама говорила, там солнышко большое-пребольшое. Да, дяденька? — с грустью спросил Карп.

Прасковья Андреевна вернулась минут через семь. Те, кого она привела, представляли собой самое несчастное из всех несчастных зрелищ, что породила война. Это были маленькие тыловые героини, не познавшие радости, ласки, любви, внимания, счастья; это были мужественные свидетели цивилизованной омашиненной бойни между народами — не подранки, а полностью искалеченные дети войны. Отнюдь не с Арбата.

Но они хотели подсознательно жить, пить, есть, расти, они уже думали, КАК убить армию крестоносцев.

Пресс многотоннажной боли нокаутно ударил военных. Капитан Хромых и Захар испытывали жгуче-коррозийную тяжесть вины перед ставшими для них своими сынишками и дочурками, а ведь её не существовало.

Время лопнуло вне циферблата. И отцам, и мужьям представлялось, что их ЗИС выехал в вечность, в великую чёрную дыру трагедии XX века, причём не обозначенного созвездия.

Капитан Хромых глянул на переправленные военкомом отцовские часы. Как вчера: Халхин-Гол, Жуков и Чойбалсан, Рычагов, Смушкевич, их друг по Испании Шахт, Кравченко и Грицевец. Где искать могилу бати? Был и нет!

...Прошло с первой встречи с Карпушкой пятнадцать минут.

— А ну, грузись! — сбросил кандалы горечи Захар.

— Жмись друг к дружке, парой рук за лавку держись! — кричал он, подсаживая ребятишек. — Я вас так прокачу, письма писать мне будете. А, может, после войны и на судаков с жерехом выберемся, как Карпий?

Мороз и впрямь обнаглел: 40°, не меньше. Капитан уселся в кузов последним, задёрнул тент, раздал детям шубины, захваченные с собой, передёрнул по справедливости и солому. Он боялся этих 70-ти километров, как и Захар, больше всего на свете, — кто может видеть ночь, то бишь, будущий день в мире, а тут...

Мины, мессер, снайпер и шмайссер.

Выехали. Самостоятельно, не дожидаясь утренней колонны. Поезд отходил на рассвете.

Лапиков, чувствуя себя внутренне постаревшим, усиленно вжимался в руль, старался мягче работать сцеплением и переключать передачи.

Он вспомнил, как возил тяжелораненых моряков Балтфлота, и прилагал максимум усилий, чтобы не беспокоить будущее поколение, которому было абсолютно всё равно, жёсткая ли, мягкая на кручение рама, тракторные обороты и малые свесы сзади и спереди.

— Мученик, великомученический наш народ! За что же пропасть такая из века в век, неужто из-за земли? У них мало — у нас до чёрта. А братец жёнки говорил: «Лагеря, лагеря, Захар, вокруг границ, лагеря».

— Тьфу, клеймёны мы, в чём-то прокляты! Царь, вишь, был иродом. Так ли было? А колхозы? — мысли мучили его, и, кивнув сосредоточенно смотрящей на дорогу Паше, бывший выпускник районного автомотоклуба при ОСОА-ВИАХИме плавно нажал на газ.

— Странное дело, полпути за спиной, а «мамаша» не спит, молчит. Боже, за что нам это. Ну вот и руль что-то тянет влево, добожился, покрышки вы мои архаичные.

Притормозив у леса ближе к обочине (штабные «Вилли» и ночью «летают»), Захар вышел и оказался прав: левый передний скат уже слегка поджевало. Осветив фонариком другие, решил всё ж помаленьку ехать — вёрст двенадцать осталось, но с оказией: хреновым гаком.

Гак — что ручник; крутишь на протектор сотни метров его, а он (до чего ж гадкая русская мера длины) никак не кончается.

Гак — бывает предатель. Сотни вёрст добре прошли, хоть в клаксон во всю мочь дуди, и вот... гак: словно гав, гав, злющий, как волкодав.

ЗИС, легендарный ЗИС, медленно в лёгком крене полз, упрямо полз вперёд, к дому. Тяжесть руля в навалившем за ночь снеге становилась невыносимой, глаза от перенапряжения и хронического недосыпания свинцово тянуло закрыть, и ноль было толку от слюны по векам: величайшим счастьем представлялся СОН. Захар не мог бросить остаток сил на запаску: времени у них с Хромых и ребятами не было. А тут ещё Гази-Магомет явился с вечной улыбкой — «И чего ж я его не взял, просился ж, как маленький, мол, когда славный город России увижу».

Капитан, не дававший заснуть малышам (мороз ведь убийца!), тоже смекнул, в чём дело, хлопнул по захаровой крыше. Остановились.

— Что, орёл, думаешь? Может, дотянем? Рассветает уже, а паровоз, сам знаешь, через три дня.

— Нет, не успеем, — выдохнул правду Захар. — Привал надо делать. Кипяточку согреем, салыца порежем, есть второй фронт — тушёнка. А? Капитан?

— Да... Что ж...

Завтрак всем поднял настроение, сняв грусть опоздания по известной причине — голод не тётка. Тронув через полчаса и удивляясь отсутствию раннештабных авто и мотоциклов, «детдом» в полном, новом составе порадовал авиационным маршем, отрепетированным ещё до войны.

Слеза вновь накатила на Захара, когда Паша непроизвольно, невзначай вспомнила, как осталась одна. И как земля носит таких, как Геринг? Читал, помнится, — ас Первой мировой войны.

На глаз оставалось не более пяти-шести километров. Дорога вынесла ЗИС из прибрежного бора, лишний вираж, словно знак, обозначил приближение к концу пути.

И тут... Знакомый звук, то был звук смерти. Он шёл с небес, и направление его было не трудно определить Лапикову. Он одиночно ныл с того берега, что был немецким, и отлаженная работа его дюжины поршней говорила Захару о «Даймлер-Бенце» — сердце пиратствующих в одиночку «мессеров», которых не тормозил от атаки даже Красный крест на борту МСЧ. То было лишнее доказательство политинформаторской коммунистической идеологии-лжи, мол, тет-а-тет «Ме» не работают, одиночную (по сути, обречённую) цель в прицел не берут.

Сержант помнил заповедь «искусству пилота ставь условия искусных гонок земли», он ненавидел страх и знал, что он обречённый, хотя случайный попутчик. Высунувшись в окно, этот тщедушный смельчак видел худой фюзеляж, угловатые формы и солнечную искру фонаря и даже представил себе лицо сына барона с опытом африканской войны и европейских сражений. Он неистово, с шестерёночным скрежетом подтолкнул вторую передачу и решил идти на гашетке, на высоких оборотах. Назад в лес уже пути не было.

Паша что-то кричала, Хромых молотил по кабине, как одержимый, но Захар их уже не слышал. В семистах метрах, он помнил, — оставленная землянка радистов, и, выжимая потроха ЗИСа напрочь, жал, жал туда.

В первый заход «109-го» отважный шофёр мастерски ушёл от атаки, нырнув в котловину грунтолки, на этот раз (который раз!) выручившей его. Захар даже забыл про крышку, которой, видимо, давно не стало, руль стал легче, должно, скат приказал жить. Секундно мозг считал метры без ландшафтных «зацепок». 150, 250, больше трехсот — где? Осинка. Вот осинка. Она! А «мессер» заходит, чуть клюя носом, вновь.

— Капитан! Здесь землянка, помнишь?! Спасай детей!

Спрыгнули все, успели. В шаге землянка от них, бежать запрещено — трассер настигнет. Бледный Хромых заталкивал, будто автокамеру, немощную девочку... Дети спасены! И тогда пулемётные очереди пошли, пошли сечь, будто кнутом, с присвистом топили снег, кратко повизгивали при этом скупой сечкой мёрзлой земли.

Рванулся в буксе Захар прямо, как птица, спасающая дитя у гнезда, в тот миг, когда «Ме», завывая на брёвном, метнул снаряд «Эрликона».

Зажжён был ЗИСок мгновенно. И долго, долго потом катилось здоровое его колесо, похрустывая бликующим настом. Трескуче пылали борта и кабина. В отсвете пламени казалось, что след протектора полит кровью, а стёкла покрылись паутиной трагедии, словно лоб столетнего старика. Сержант выпрыгнуть не успел. Не сумел. А трёхтонка ползла на берёзовый пенёк...

И слёзы катились градом из глаз капитана, судорожно рыдающей Паши. И не было слов у детства — дети, оцепенев, стали на время немые.

* * *

...Потом, когда всё утихнет, Победу отпразднуем мы, 18 седых ребятишек приедут сюда, спустя 54 весны.

Погладят землю, поплачут, наркомовских сто нальют, и правильно, что поплачут, Захария они помянут.

Рассказ этот не придуман. Ваня Хромых, отучившись на стрелка-радиста, прошёл Европу, Гоби и Хинган. Дважды был сбит с командиром эскадрильи пикировщиков

Цветовым. Дослужился до майора. Позже не раз выручал в страду и на целине, будучи начальником ПАТО.

Прасковья Андреевна станет его женой, защитит кандидатскую по Макаренко, и не устанет повторять воспитанникам:

— Запомните и славьте своих прадедов, дедов, отцов, братьев, мужей и сестёр, не забывайте, что Тыл в лице миллионов матерей и жён вынес немыслимое!

Печально, что на новый памятник Шофёрскому Подвигу в правительстве средств не нашлось. По чести, машины-то есть: стоят с белым кантом покрышек, ржавеют на свалках, ожидая металло-Бендеров, уходят на пол-аршина под землю под дождём и снегом, и, как жаль, что ни МВФ, ни Голливуду, ни КПСС они не нужны. Забыли, что ль власть и иже, что нет ничего позорней стыда беспамятства?!

Боль прошлого, боль Человечества в войнах и святая память не будоражат почерствевшее поколение.

Что ж, ЗИС — Забвение и Слава — увы, нераскушенный орех многих тысячелетий.

25 апреля 2000 г.

Орёл — Поньри — Прохоровка — Белгород.

Воспоминания о Колпне.

«РАМЗАЙ»

Дважды
премьер-
министр Японии,
принц Ф. Коноэ

Глава кабинета и
военный министр
в 1941-44 гг.
Х. Тодзио

Сергей Рассохин

Генерал Г. Ямагучи в Японии, 3. От

Токийский прокурор
М. Иосикава

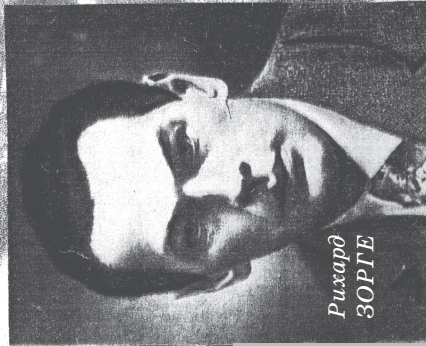
Я. Берзин

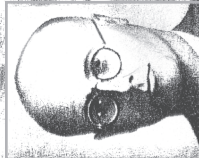
Е. Максимова

Х. Одзакэ

*Рихард
ЗОРГЕ*

Б. Вукелич с женой Иосико

Б. Вукелич с женой Иосико

Ё. Мияги

И. Ханакэ

Макс Клаузен и Анна Жданкова

Макс Клаузен и Анна Жданкова

*Молчанья подвиг зачеркнут,
Предав его забвенью.
А для народа пустят дым
«Семнацати мгновений».*

«Опасные патриоты»

(набросок стихотворения

«Страна Примкнутого Штыка»

к поэме

«Сказка об Иване Свидетеле»).

1992 г.

Рихард Зорге... Он же Ика Рихардович Зонтер. Одарённый журналист-международник, интернационалист и талантливый разведчик, работавший в логове противников Коминтерна под псевдонимами Флерис, Инсон, Леонард, И.К.З. и просто доктор Зорге. До недавнего времени жизненный путь уроженца посёлка Сабунчи, что в предместье Баку, был покрыт налётом недосказанности, пылью совершенно секретных архивов и парадоксальным столкновением противоречивых мнений, исходящих от действующих членов многоликих политическо-идеологических лагерей. Для зримого восприятия исторической действительности сжато изложу известные факты из его биографии, обобщив источниковую базу Японии, Германии и США с ранее недоступными советскими материалами. За чертою кулис эпиграфы далеки от спонтанности...

Отец Рихарда, Герман Зорге, прибыл в Россию в 1885 году, трудился техником нефтепромыслов в Балаханах. Укрепившись финансово и войдя в мир представителей «чёрного золота», он приобрёл механическо-чугунолитейный заводик на Апшеронском полуострове. В Сабунчах он познакомился, а затем и женился на дочери железнодорожника — Нине Семёновне Кобелевой.

Матери Рихарда досталось от жизни сурово не по летам. Подрядный рабочий Семён Кобелев, папа миловидной Нины, умер от тяжёлой болезни. Вслед за ним не

выдержала жалкого существования мать, оставившая в миру шестерых сирот. Нина одна поднимала сестёр и братьев на ноги. Ну а после переезда в двухэтажный особняк мужа 22-летней жене прибавилось забот: 4 октября 1895 года родился малыш Рихард.

Не прошло и трёх лет — последовал переезд семьи в кайзеровскую Германию. Здесь старший Зорге купил дом в пригороде Берлина — Вильгельмсдорфе, откуда вскоре его сын будет посещать реальное училище. Перемена языка и Родины долго не воспринималась сознанием мальчика...

В 1907 году судьба наносит внуку соратника К. Маркса жестокий и безвременный удар: скончался отец, приверженец идей «железного канцлера» О. Бисмарка. Скорбя о потере, наивный юноша, попав в круговорот национального течения, взрослеет, как на дрожжах. Скрытно от матери он поступает в Берлинскую школу военного обучения и, окончив её, попадает на Западный фронт, в Бельгию...

Шёл кровопролитный 1914 год. Во Фландрии Рихард сражается против солдат Антанты и получает три ранения. Вспоминая те годы при написании автобиографии в 1927 году, переосмысливая роман Ремарка «На Западном фронте без перемен», Зорге отметит: «Если бы у меня не было никаких убеждений, одной ненависти к войне было бы вполне достаточно, чтобы я стал коммунистом... Как мой дед, так и его братья, особенно Фридрих Альберт Адольф Зорге, а также братья отца, были до и после революции 1848 г. действительными революционерами».

Третье ранение под Верденом вышло самым тяжёлым. Три дня с осколками в раздробленной снарядом кости ноги, он пролежал у высоты № 304. Был вовремя подобран своими, лечился в Кёнингсбергском военгоспитале, перенёс операцию. Там он впервые услышал об Ульянове-Ленине, но психологическое напряжение и тупиковая безысходность от последствий хирургического вмешательства истрепали его внутренне, ибо правая нога стала немного короче. Долгих костылей и ущербной хромоты на годы было не избежать. Ухаживавшая за ним

сестра милосердия, знакомая по отцу с Р. Люксембург и К. Либкнехтом, не скрывая слёз, плакала, рассказывая о трагическом поступлении новых и новых калек и раненых — тысячах обманутых немцев...

Обратная сторона войны, гнетущее давление её молоха после заключения перемирий, личное участие в баталиях, предопределили жизнелюбивую позицию Зорге — он обращает свой взор на медицину. Ещё находясь в отпуске после ранения, Рихард поступил на медицинский факультет Берлинского университета, где увлёкся основами теорий Маркса-Энгельса. Ему казалось, что нужно лечить общество не по-латыни, а политической борьбой, революцией...

Российский переворот подтвердил направление «народного вектора», доказав воинственную, несознательную мощь пролетариата, вверившего свои жизни «германским путешественникам». Очаги всеохватного буйства малообразованных бунтарей, лавина «мировой революции» посетили и Германию. Сочувствующих и присягнувших после Брестского мира оказалось более чем достаточно. Однако правда была лишь красивой ложью, гигантоманским авантюризмом босоногих, обманутых людьми из ряда профессиональных болтунов, мечтавших погреть руки на пламени войны и на холодных «кирпичах» Мирового валютного золота. Для сотен Шикльгруберов это был наглядный урок, как манипулировать массами...

Зорге шёл двадцать третий год, когда он оказался в эпицентре революционного урагана в Европе. Веря в светлое предназначение социальной перестройки сродни позиции Эжена Потье, он оставляет медицину. Демобилизовавшись из рядов армии, молодой, но тяжело израненный человек ищет себя и поступает в Кильский университет на факультет государственно-правовых наук.

Матросский Киль лихорадило. Вступив в ряды социал-демократов, Зорге принимал участие в митингах, переросших в Кильское восстание, поддержанное рабочими и солдатами Бремена, Любека, Гамбурга и других городов. И всё-таки, несмотря на бегство Вильгельма II в

Голландию, буржуазия задушила революцию, узаконив правительство правых социал-демократов Эберта — Шейдемана — Носке. Зорге чудом избежал расстрела в Берлине. Были зверски убиты Р. Люксембург и К. Либкнехт. По счастью, жандармы Эберта не нашли у Рихарда оружия.

В августе 1919-го Зорге защитил диссертацию «Имперские тарифы центрального союза немецкого объединения потребителей» в Гамбурге, где он познакомился с Э. Тельманом. Вступив в Компартию Германии, доктор государственно-правовых наук встречается с рабочими, крестьянами и солдатами, агитирует помогать Советской Республике.

Впоследствии Зорге консультировал партгазету, а с усилением репрессий перешёл на нелегальную работу среди шахтёров Аахена, в период капповского путча в составе вооружённого отряда рабочих защищал его центр. За участие в всеобщей забастовке против монархистов преподаватель Высшей технической школы автоматически выдворяется из её стен администрацией...

Так доктор Зорге стал рабочим-горняком. Его преследуют за коммунагитацию, вынуждают покинуть Аахен. Переехав в Золинген, часовой революции редактирует партгазету «Бергише арбайтерштимме», находит соратников в лице Дангеля, Пленнге, Зюскина, Шумана, Стенела и других.

С 1922 года подающий надежды журналист преподаёт в партшколе Вуперталя, ищет единомышленников в Франкфурте-на-Майне и... арестовывается, как «враг Германии». Отбыв заключение в застенках Эльберфельда, Зорге отправляется в Берлин в ЦК КПП. Друзья подыскили ему работу ассистента соцфакультета во Франкфуртском университете с правом чтения лекций. Работа была лишь официальным прикрытием. На деле «ассистент» числился членом горкома, осуществлял нелегальную связь, ведал вопросами пропаганды и воспитания, хранил денежные фонды, секретматериалы в угольном погребе...

После апрельского съезда КПП, прошедшего нелегально в 1924 году во Франкфурте-на-Майне, в партии произошёл раскол по российскому трафарету использования ревситуаций. События в Руре, Рейнской области и Саксонии, а затем и в Тюрингии указали на важность объединения сил, но знаменитая притча об отце, сыновьях и венике сработала и здесь. Что ж, партийные распри в борьбе за власть были и будут всегда, я в этой «домашней» грязи не вижу смысла копать...

В том же году воплотилась давняя мечта — Рихард Зорге приглашается на партийную работу в Москву. Иностранец, немец, родившийся в России, профессиональный революционер стал гражданином СССР.

В период 1925–29 гг. политолог и учёный углублённо изучает вопросы и проблемы мировой политики, международных отношений и экономики. Раскрывается его умение мыслесложения на чистом листе бумаги: появляются объективные, призывающие к действиям материалы в журналах «Мировое хозяйство и мировая политика», «Красный интернационал профсоюзов», «Большевик», «Коммунистический интернационал». Война пером и умом говорит сама за себя даже по заголовкам: «Материальное положение пролетариата в Германии», «Лондон и Вашингтон», «Национал-социализм в Германии», «Экономические статьи Версальского договора и международный рабочий класс». Увидели свет глубоко интересные и содержательные работы: «Новый германский империализм» (часть книги автора), памфлет «Накопление капитала» (анализ труда Р. Люксембург), «Позиции II Интернационала в отношении послевоенного империализма», брошюра о плане Дауэса.

Такие труды не могли быть не замеченными людьми, связанными с обеспечением государственной безопасности и с внешней разведкой усиливающейся диктатуры пролетариата. Люди «касты Зорге» были тогда нарасхват. Особо ценилось не так высшее образование, как личные качества и знание языков. Учитывались — бескорыстность, неординарность, одарён-

ность, артистизм, внешность, умение управлять эмоциями и инстинктами, наконец, главное — **здоровье**.

Очевидная ложь московских захватчиков печатного, идеологического и исторического станка состоит в том, что Зорге пришёл в разведку по «велению сердца, защищая СССР — отечество трудящихся всего мира». Он был вызван на беседу с главой контрразведки Я.К. Берзиным (П. Кюзисом, он же П. Берзин) в 1926-м. Ясно, что Рихард дал согласие на работу в ведомстве «исполнителя разных поручений ЦК в 1917-м» (вспомните фактаж контртеррора) не ради денег. Как протекала беседа-вербовка можно только догадываться, хотя Зорге жил по принципу Гёте — «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идёт за них на бой». Ветеран Гражданской войны, ссыльный латыш, Старик, известный под псевдонимом Папус был своеволен и умён, согласно песне «Нас водила молодость в сабельный поход...»

Так или иначе, агент Коминтерна, партийный деятель и журналист первый раз расписывался под анкетой и в ведомости Разведуправления РККА (4-е управление). В то время большой политический резонанс произвёл геоглобальный меморандум лидера самурайства, премьер-министра Императорской Японии барона Г. Танака, с идеей через Китай подчинить «расе Ямато» весь мир. Реакционное офицерство и мощный флот поддерживали агрессивные устремления сподвижника императора Муцухито. Руководители Советской России были заинтересованы в усилении Госграницы между Монголией и Китаем, хотя власти Гоминьдана проводили враждебную политику по отношению к нам. Камнем, вернее стальной полосой преткновения служила геополитически важная Китайско-Восточная железная дорога, пережившая то же число провокаций, что и лежащих под нею шпал. Кроме того, японских милитаристов и симпатизирующих им китайцев пугала активизация Морских Сил молодой республики при строительстве баз и зарождении Тихоокеанского флота...

Советская разведка была обязана знать если не всё, то хотя бы 40% информации о Дальнем Востоке, о событиях, людях и планах потенциальных противников, с непомер-

но ссузившимися от хитрости и коварства глазами. Уроки Русско-Японской войны после страшной братоубийственной мало кому пошли впрок, что подтверждает прокол гения Ленина относительно не восстановления, а разбазаривания и распродажи плавединиц флота убиенного Николая II.

Скалисто-вулканическая Япония тоже пережила «рисовые бунты», гонения на марксистов и других лиц от простого народа. В стране кипела оголтелая полицейщина, закреплённая узаконенным беспределом налоговых кодексов при всеобщем бесправии, нищете, проституции, 12-часовом трудовом дне. Монополисты концернов «Мицуи», «Сибудзава», «Кухара» и «Мицубиси», выворачивая нутро согражданам, гнали финансы на полное перевооружение Империи во «благо» сопровствования с родственными расами народами. Зная влюблённость японских реваншистов в «синряку-какутё» (агрессию), Зорге отправляют на полпути к ним — в Шанхай, славный не только рикшами с опиумом, но и мощным центром белогвардейской эмиграции, мечтавшей о возвращении двуглавого орла. Это было первое задание, опасная работа сроком в три года...

Да, он «заболел Дальним Востоком», хотя ехал в его земли через... Германию. В окнах купе экспресса смешивалась в красках и очертаниях яркая осень ноября 1929 года. Центр документально обожал прикрытия, не жалея купюр всех видов, если можно было попользоваться приверженностью многих людей догмам коммунизма. Выйдя на давние каналы во Франкфурте-на-Майне, Рихарду удаётся аккредитоваться в журнале родного университета «Социологише мэгэзин» с удостоверением спецкора в Китае. МИД Германии рекомендовало журналисту посетить генконсула в Шанхае Колленберга с тем, чтобы тот помог ему в сборе необходимой информации на территории Поднебесной...

Париж, Марсель — быстро летело время пути, в набросках статей для газеты «Дойче гетрайде-цайтунг». Прибыв в Шанхай, Зорге за короткий срок был потрясён неповторимостью и загадочностью этого города всех национальностей, крупнейшего порта с населением шесть миллионов человек. Здесь он знакомится и работает с радистом Максом Клаузе-

ном и его женой Анной Жданковой, зрелым японским журналистом Ходзуми Одзаки, имевшим выход на принца Фумимаро Коноэ. Японский Лоуренс, полковник разведки Кэндзи Доихара, планируя похищение императора Суан-Тунга в предверии создания марионеточного правительства Генри Пу-И в Маньчжурии, просмотрел советских разведчиков буквально под ногами. Вскоре 300-тысячная армия Чжан Сюэляна под флагом Чан Кай-ши пропустила японские войска без единого выстрела в земли Маньчжурии, императора заточили в Харбин. Зорге доносил в Центр о нападении Японии в январе 1932 года...

Анализ действий Нанкинского правительства, перипетии отношений Японии, Англии, США, Китая, Франции и Голландии, проводящих единоличную (корыстную) политику в Юго-Восточном Азиатском регионе, усиление влияния этих держав, составляли канву данных, предоставляемых Рихардом в Центр до января 1933 года. Этим же месяцем ГРУ неожиданно уведомило его о вызове в Москву и передаче «хозяйства» новому резиденту.

Планом Берзина предусматривалось перебросить Зорге на разведработу в Токио, поскольку приход к власти А. Гитлера подразумевал сближение и контакт антисоветских сил. Памятуя о журналистском кредо и налаженных связях, Старик, незадолго до назначения на должность заместителя командующего Особой Краснознамённой Дальневосточной Армии, советует Зорге ехать в Японию через Германию. За два месяца, проведённые в Берлине, ему пришлось обойти многие препоны, прежде чем получить необходимые документы от «Франкфуртер цайтунг», «Дойчен фольксвирт», «Бёрзен цайтунг» и журнала «Цайтшрифт фюр Геополитик», издаваемого генерал-майором-геополитиком К. Гаусгофером. При этом, перед отъездом Зорге напомнили о трениях с руководством Отдела международных связей ИККИ — любая излишняя инициатива преследовалась режимом на уровне самого Хозяина, знавшего Рихарда по участию в заседаниях Секретариата и Президиума Информотдела Исполкома Коминтерна...

Китайская «стажировка» не прошла бесследно. Помимо работы с четой Клаас (Римм), американкой А. Смэдли и её другом Х. Одзаки, выполнявшим поручения редакции «Осака Асахи», Зорге привлекает к себе сыскное око в лице шанхайского резидента Абрама, сообщившего Центру о «шаткости и неблагонадёжности» разведчика, чересчур увлёкшегося спиртным. Трактовка пьянства Зорге образно двулика: Запад считает, что таким образом создавался образ плейбоя для сокрытия истинных намерений гросс-шпиона; Советская Россия вообще молчала более 50 лет (и ныне часть «Дела Зорге» засекречена и хранится в ГРУ Генштаба Российской армии). Возможно, порок посетил Рихарда из-за интуитивного предчувствия высочайшей гослжи и действий большевиков, похоронивших марксизм в правильном понимании на корню, ведь он пять лет прожил в СССР, видя, что в нём происходит не по газетам. Вероятно, лавирование между двух огней (в России — опасно, в Германии — Гестапо) привело доктора, человека, фактически оставшегося без Родины, к осознанию значимости собственного труда на дальних рубежах взрывоопасного мира. В любой момент его манёвры могли стать крахом всего дела, всей жизни. Поэтому злоупотребление алкоголем столь видного коммуниста важно понять, а не баснописно интерпретировать, поскольку Зорге не был эгоистом ни в отношениях с первой женой Кристиной, ни при попытке спасти фаворитов Дальневосточного бюро ИККИ в Шанхае, супругов Руэгг (Нуленс). Нелегал ГРУ в Китае Я. Виртанен, случайно встретившись с Рихардом в Москве перед его второй поездкой в Японию, удивил госпожу Л. Куусинен: «Ему было невозможно шпионить на русских, но он не знал, как вырваться, как начать новую жизнь».

Официально занимая пост пресс-атташе германского посольства в Токио, Зорге тесно сотрудничает не только с вышеназванными изданиями, но и с газетами «Тэгглихерундшау», «Алхемеен ханделсблад» и др. После профашистских путчей самурайства «Правда» и «Известия» также опубликовали его материалы по причине отсутствия в Токио собственных корреспондентов. Дополнительная инфор-

мация о дальневосточном агрессивном соседе была весьма кстати, найдя своё отражение в последующих выпусках советской прессы.

Будучи в курсе секретной переписки посла, генерал-майора Э. Отта, Рихард добивается его доверительно-товарищеского расположения. Трудна и филигранна была работа. Столь большую информационную нагрузку не мог выдержать один человек даже с извилинами ума, похожими на тройное сито. В ворохе сведений и документации, подлежащих мгновенному уничтожению, следовало выявить важное и истинное, увидеть продуманную противником «дезу», отсеять схоластику. Важным аспектом выступала конспирация, знание окружающих людей и местности, трезвая оценка международного положения страны, в которой изо дня в ночь приходилось крутиться, как белка, в колесе. Причём на глазах конкурирующих «фирм» (Интеллидженс Сервиса, Абвера, ПИДЕ, Сигуранцы, «Кемпейтай», «Дзехокеку», Ультра и т. д.). Моральную и деловую поддержку окажут «борцы невидимого фронта» — жена, Екатерина Максимова (письменно, ибо находилась в России), супруги Клаузен и Вукелич, художник Ётоку Мияги, элитное окружение Ходзуми Одзаки, работница токийского ресторана «Золото Рейна» симпатичная Ханako Исии...

Боевая подруга героя жива, здравствует в токийском районе Китидзи-одзи. Исии-сан за 80, и она, волнуясь, вспоминает первое randevu с Рихардом, произошедшее в «осевой» ресторации на его день рождения, 4 октября 1935 года. (Привожу её рассказ в сокращении. — С.Р.).

«Спустя 29 лет после войны о Зорге узнал мир, Москве понадобился герой. Из Максимовой сделали его жену (Екатерина погибла в годы войны в сталинских лагерях по одному из пунктов 58-й статьи, т. е. обозначалась, как спутница жизни «врага народа». — С.Р.), а обо мне просто-напросто забыли. Помню, Зорге был в компании немецких друзей, а меня усадили за стол, чтобы ухаживать. Он пообещал, что подарит мне пластинку, у него была боль-

шая коллекция, хотя русских в ней не было. Зорге жил в квартале Нагасака, дома ел европейские блюда, но и японскую пищу переносил нормально. Много курил трубку, предпочитая турецкий табак, иногда дымил американскими сигаретами. Пил умеренно. Картошка и алкоголь — это то, что любят русские, но я не видела его напившимся до беспмятства.

Такое случилось только раз. В 1938 году, здорово выпив, он чуть не разбился на мотоцикле, врезавшись в стену американского посольства. Разбил лицо, остались шрамы на лбу и подбородке. Выбил зубы и месяц лечился в больнице. Потом купил автомобиль, который больше стоял в гараже».

Редкостные, никому неизвестные моменты биографии... Ничтожная малость, и всё-таки много! Теперь у всех в памяти пророческая радиограмма группы «Рамзай»: «Нападение пройдёт на широком фронте на рассвете 22 июня». И никто не напишет, не вспомнит и не предположит гипотезу, что в случае с германским драндулетом, которыми торговал один из его соратников просматривается возможное решение Зорге уйти от проблем через самоубийство. Напомню, почему: в 1937—38 гг. расстреляны видные партийные, военные, общественные и культурные деятели страны советов. Среди друзей Р. Зорге — Я.К. Берзин, К.М. Римм, Л.А. Борович («Алекс»), передавший Рихарду фотоплёнку с содержанием нормативных актов «Антикоминтерновского пакта», шеф Международного отдела Коминтерна И.А. Пятницкий и, разумеется, многие другие. Из Москвы Краснокаменной последовал отзыв сотен резидентов со всего мира, в числе их — и Зорге. Рихард осмелился взбрыкнуть режиму, сославшись на сверхценность получаемых его группой данных, а те, что остались дисциплинированными, подчинившись приказу, почти все были умерщвлены НКВД или позже умерли за колючей проволокой ГУЛАГа. Учтём сюда икчисло убитых при попытке к бегству, отравленных, замученных, а также диагнозы — «инфаркт», «эпилепсия»,

«несчастный случай», «умалишённый-душевнобольной», и мы поймём, почему рванул к японцам лидер НКВД по Дальневосточному краю Г.С. Люшков, ушли за кордон уважаемый востоковед ОГПУ, знаток арабов, басмачей и Афганистана Г.С. Агабеков, опытный сотрудник МИД, дипломат Г.З. Беседовский...

В 1941 году цепкая врагомания принесёт свои трагическо-горестные плоды, семена которых были посажены ранее — в Китае, Монголии, Испании, в Польше и Франции, в Битве за Англию и страны БЕНИЛЮКС. И.В. Сталин посчитал многих «опасных» патриотов «двойниками-provокаторами», а Л.П. Берия и глава разведки Ф.И. Голиков на упреждающих донесениях размашисто ставили резолюции: «Глупость», «Ерунда», «Подшить в дело», «Пошлите информатора к ё... матери». От этих посылов навечно пострадает Родина-Мать, её сыны и дочери вместе с предками и детьми. Миллионы исчезнут в плену, лагерных резервациях, при бомбардировке городов, сёл, деревень, в ужасе оккупации, в трюмах конвоев и эшелонов, под обломками автотехники, в ходе партизанской войны и конвоирования тысяч работоспособных россиян на «нужды строительства Тысячелетнего Рейха». Дурноватым резолюциям в шаге от Великой Отечественной подвергнутся радиogramмы Ш. Радо, А. Сомохина, донесения Бозера и Рёсслера, Треппера и Воронцова под единой формулировкой: «Источник не пользуется нашим полным доверием, однако его некоторые данные заслуживают внимания»...

Военизированная реакция на материках цвела и не давилась плодами, полученными через кровь, пот, жизнь и смерть своих народов и терзаемых всеми калибрами наций. Финальной радиogramмой Зорге из токийского далека была «Япония не нападёт на СССР», в чём видится не только знание Рихарда о «репетициях» по налёту на Пёрл-Харбор, но и то влияние, которое он оказал на посла Германии Э. Отта, вскоре отозванного «по полному служебному несоответствию».

18 октября 1941 года «Кемпейтай» арестовала Зорге и его радиста Клаузена по подозрению в шпионаже в пользу СССР. С этого момента стартует вечный трагиспектакль под названием «Концы в воду»...

Жива версия, что Зорге выдали японцам по совету Сталина. Полярно мнение шефа политической разведки Рейха В. Шелленберга в его книге «Лабиринт» (Нью-Йорк, 1956). 7 ноября 1944 года Зорге повесят во дворе тюрьмы Сугамо вместе с Одзак. Шелленберг, помня, что только в 1940 году Рихард послал в Москву 300 000 групп закодированного текста, пишет: «...хотя в 1947 году японское правительство утверждало, что приговор приведён в исполнение, ходили слухи, что Зорге жив и здоров и живёт в Советском Союзе».

Сплетни обывателя и «слухи» человека, знавшего максимум о берлино-римско-токийских тайнах, отличаются друг от друга, как капли дождя от горошин града. Автор целой главы «Дело Рихарда Зорге» корпел пером перед смертью не ради «утки». Видимо, хороший друг мадам Коко Шанель знал о пронизательном коллеге нечто большее, чем его заокеанские друзья. Голос, взывающий к истине, не всегда рождает эхо, но надежда услышать его остаётся за каждым...

Вращаясь бумерангом в летах, эхо от громкого дела, нашумевшего во всём мире, «прилетело» через полвека с острова Хонсю. В течение последнего десятилетия авторитеты из адвокатской палаты Йокогамы изучали материалы, чтобы уяснить причины осуждения и казни. На документах все эти годы лежало «табу» под печатью давно умершей диктатуры Х. Тодзио, но недавно они поступили во все адвокатуры Японии. В многостраничном заключении говорится, что смертный приговор, вынесенный немецкому журналисту самурайской Фемидой, является грубейшей юридической ошибкой. Да, Зорге шпион, он передавал свои сообщения из небольшой парусной лодки, постоянно менявшей местонахождение, но был ли он чрезвычайно опасен именно для страны Ниппон?

Нынешний председатель «Комитета Зорге» в Йокогаме жёсткий юрист Тосиаке Манабэ, вместе с десятью адвокатами из Ассоциации этого города провели немалую работу в целях восстановления исторической справедливости, призываемой верхушкой правящей либерально-демократической партии. Но им перекрыли доступ к дополнительным данным, мотивируя это тем, что «Дело Зорге» не сохранилось. По мнению Манабэ и его коллег, передача сведений государству или его органу по прошлому закону не является преступлением, за которое можно было бы приговорить обвиняемого к смертной казни. Если бы Зорге радировал в Центр Коминтерна, то он мог быть казнён. Однако он связывался с центром Красной Армии, которая не информировала штаб Коминтерна, особенно после его повального роспуска Сталиным и Берия. Манабэ считает, чтобы поднять эту проблему, требуется уточнение российских специалистов. С ним солидарны сын Одзаки — Хоцуми, родня Вукелич и Клаузен.

Не всё могут знать и российские профессионалы — замки архивов неусыпно охраняются во все века, в точности, как на картине Василия Верещагина «Двери Тимура-Тамерлана». Тонкую ниточку от интернационального подвига человека-легенды с одной стороны, и двуликого гросс-шпиона с другой, кто-то из живых держит крепко, время от времени разматывая клубок. Не исключено, что сенсационный ответ на всемирную головоломку может неожиданно вынырнуть из какого-нибудь южно-американского архива, прошедшего через секретный фарватер времени, знаменующего XX век веком кровопролитных войн.

Разговор о провале группы «Рамзай» — отдельное объёмное исследование. Зорге открылся лишь раз, указав Ханако Исии идти в советское посольство после его смерти при какой-либо нужде, будь то деньги или что-либо другое. Он не был гонцом, пророком и даже послом, но являлся «послом особого назначения», лично внёс вклад в разгром фашистско-милитаристских сил, ищущих Центр Вселенной.

Верится, Рихард Зорге, когда-нибудь, может быть у Фудзиямы или в Москве, смотря на горизонт, вспомнил слова оратора античной Греции Демосфена: «Послы не имеют в своём распоряжении ни боевых кораблей, ни тяжёлой пехоты, ни крепостей; их оружие слова и благоприятные возможности. А, следовательно, в их руках отчасти и власть над событиями».

Октябрь 2002 г.,
Орёл — Москва — Орёл,
«Путевые заметки»

Теплоход "Рихард Зорге"

Виктор Рассохин
Сергей Рассохин

ЗАБЫТОЕ ДОБРО

У. Черчилль, Ф. Рузвельт, И. Сталин
на Ялтинской конференции. 1945 г.

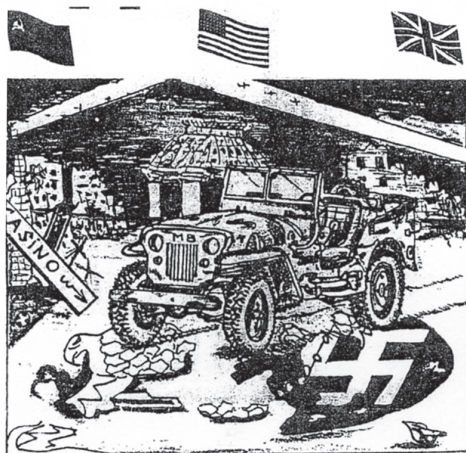

Рис. Сергей РАССОХИНА

Поводом для этой работы* послужили факты истории, совпавшие с моим детством. Когда началась война, мне было два годика и всё, кроме ужаса отступления в ходе эвакуации, со временем стёрлось в памяти. Кое-что с годами переосмыслилось и дочиталось. Немалую лепту в раскрытие истины привнесли архивные документы и встречи с ветеранами Второй мировой, прошедшими ад в Европе, Азии и на Тихом океане.

* Газетный вариант — В. Р.

Тяжко забыть, как на площади провинциального городишки под охраной НКВД жглись вещи и провиант, хотя их надо было просто подарить людям, осмелившимся остаться под игом оккупации либо не успевшим выехать до её кошмарного начала. Матушка моя, Ольга Ивановна и отец, Василий Фёдорович, к горькой боли моей, оставили меня преждевременно. Но помню, как досталось мне от сестры матери за порчу заокеанских штанов, которые были крепче «коттона».

Помню голод и пропажу людей, а потом — фунт бекона, банку тушёнки, кулёк яичного порошка и жирную селёдку, растянутые тёткой на полторы недели для семерых. Я не думал тогда о вкусе, добротности, свежести и цене. Но хищный орёл и иностранные буквы на банках надолго запечатлелись в сознании вместе с фразой нищенствующего шахтёра дяди Коли: «Наминай, Витюшка, Америку!»

Американский народ помог нам не только продуктами питания, тёплой одеждой и медикаментами, но и 14 795 самолётами. Взаимопомощь союзников организовывалась значительным образом. Судите сами, ибо СССР получил по Ленд-лизу: 105 десантных судов, 140 охотников за субмаринами, 96 торговых судов и танкеров, 28 сторожевых кораблей-фрегатов, 202 торпедных катера и три современных ледокола. А ещё — 375 883 грузовика, 8701 трактор, 51 504 «Джип-Мэна», 7537 танков различных моделей, а также 35 000 двухколёсных друзей армии, в большинстве — одиночных «Харлей-Дэвидсонов».

Кроме того, в Россию были поставлены 8218 зенитных орудий и 132 000 пулемётов, 345 000 тонн взрывчатки и 3 800 000 автопокрышек. Нельзя вычеркнуть из истории 1981 новенький паровоз, 11 300 платформ и вагонов, доставленных благодаря напряжённой работе Дальневосточного пароходства, его начальника К.Г. Кондратьева, капитанов Г.А. Мезенцева, К.С. Бадигина, многих других коллег и героев Северного Флота и Мурманского пароходства. В общем деле велики заслуги уполномоченного

закупочной комиссии на западном берегу США Л.И. Разина, начальника комиссии П.М. Захарова, комиссара авиагруппы по перегонке «Каталин» Н.Ф. Пискарьёва, главы Управления «Ленд-лиз Корпорейшн» Э. Стеттиниуса, «отца» моторной корпорации в Сан-Франциско и специалиста по закреплению локомотивов на палубах Менпи С. Гарриса, команд всех без исключения кораблей и судов. В Москве не знал сна генерал Д. Бэрнс.

Но и это, вы удивитесь, далеко не всё! Добавим к сему 2 миллиона 700 тонн газаolina, 15 миллионов пар обуви для первых людей — Солдат, 842 000 тонн сырья для химической промышленности, 2 миллиона километров телефонного кабеля, которым десятки раз можно было бы «стянуть талию» Земли-матушки по экватору. Это ли не доказательство высокой патриотичности янки и их безграничного уважения к народу страны Советов?!

Президент США Ф.Д. Рузвельт в начале октября 1942 года отвечает на запрос Сталина (7 октября Иосиф Виссарионович просил обеспечить ежемесячную поставку 500 истребителей, 10 000 грузовиков, 5000 тонн алюминия, 4–5 тысяч тонн взрывчатки):

«Я рад сообщить Вам, что предметы, о которых идёт речь (к указанному: 2 миллиона тонн пшеницы и как можно больше мясных консервов, жиров и концентратов. — С.Р.), могут быть выделены для поставок, как указано ниже:

Пшеница — 2 миллиона коротких тонн в течение оставшегося периода протокольного года приблизительно равными частями ежемесячно (короткая тонна — 0,907185 т. — С.Р.). Грузовики — 8000–10 000 в месяц. Взрывчатые вещества — 4000 коротких тонн в ноябре и по 5000 тонн в последующие месяцы. Мясо — 15 000 тонн в месяц. Свиное сало — 10 000 тонн в месяц. Мыльная основа — 5000 тонн в месяц. Растительное масло — 10 000 тонн в месяц». Как видим, «Каталог Ленд-лиза» раскрывает многие нюансы и перипетии этого сложнейшего и грандиозного по масштабам исторического явления, созданного

Правительствами стран Антигитлеровской коалиции во благо обезглавливания злобствующих сил держав «Оси». Заклучим же экскурс в историю финансовой стороной вопроса во взаимоотношениях СССР-США, ибо приближивший май Победы Рузвельт умер, не увидев её, а переживший его Коба оставил нам «Ленд-лизовский долг» — 722 миллиона долларов. В 1947 и 1960 гг., в ходе переговоров о взаиморасчётах по Ленд-лизу, стороны не пришли к соглашению из-за величины компенсации, предъявленной США в размере 1,3 млрд. долларов. По отношению к другим странам — участникам Ленд-лиза, сумма оказалась завышенной, несмотря на готовность СССР погасить задолженность и возврат части имущества*.

Так вот, с 11 марта 1941 года по 1 августа 1945 года США израсходовали на поставки по Ленд-лизу 13% военных расходов страны, т.е. более 46 миллиардов долларов, получив компенсацию на общую сумму 7 миллиардов 387 миллионов долларов...

Повествуя о колоссальной помощи США, нельзя аннулировать широкомасштабную поддержку «владычицы морей», с которой истекающий кровью и потом народ СССР рассчитывался, как и с другими странами, валютным золотом. Уместной вспомнить катастрофу, произошедшую с экипажем крейсера «Эдинбург». Мало кто из союзников знает, что, будучи загруженным золотыми русскими слитками, он был торпедирован в конце апреля 1942 года «бородачами» Кригсмарине.

О да, всё познаётся в сравнении и, отметая «уравниловку» краткокурсных кремлёвских историков, надо ясно себе представлять, что англичанам досталось от немцев и японцев крепко и ни за что. Тем не менее, Королевская Великобритания объединила силы Содружества, несмотря на «блиц»-налёты Люфтваффе и ракет В. фон Брауна.

* Срок выплаты долга истекает 1 июля 2001 г.

Читатель сам вправе судить о боевой работоспособности техники и средств, отправленных Англией в СССР не без печатей короля Георга VI и его супруги, королевы Елизаветы.

Флот получил 14 тральщиков и 9 торпедных катеров. ВВС РККА и ВМФ СССР — 7411 самолётов, в основном, истребителей.

«Богиня войны», артиллерия — 4932 противотанковых орудия.

Тысячи танкистов-героев осваивали в боях, а не на полигоне — 5218 танков различных успешных или уязвимых характеристик. На фронты, где с задержками, а где в качестве спасителей доставлены 472 миллиона снарядов(!), 4005 автоматов и винтовок, по-разному отмечаемых нашей Великой Пехотой.

Не было цены 4000 радиостанций и 55 000 километров телефонного кабеля, без которых на войне, хоть будешь сыт тушёнкой и хлебом, да всё одно: и глух и нем...

25 июля 1941 года в телеграмме из Туманного Альбиона говорилось:

«Я очень рад сообщить Вам, что Военный кабинет, несмотря на то, что это серьёзно уменьшит наши ресурсы истребителей, единодушно решил послать в возможно короткий срок в Россию двести истребителей «Томагаук».

Увы, реализация «единодушного мнения» в жизнь заняла несколько месяцев. 31 августа того же года Черчилль уведомлял мирового революционера Джугашвили:

«Мы ускоряем отправку 200 самолётов «Томагаук», о которых я телеграфировал в своём последнем послании. Наши две эскадрильи в составе 40 «Харрикейнов» должны прибыть в Мурманск около 6 сентября... Я мог бы отправить ещё 200 «Харрикейнов», что составило бы в общей сложности 440 истребителей... Речь идёт о самолётах «Харрикейн», вооружённых восемью-двенадцатью пулемётами».

Асы самолётной тематики заметили, что сэр Черчилль ни словом не обмолвился о «Спитфайрах» Р. Митчелла и

Дж. Смита. Не всё складывалось благополучно, если машины приходили на Восточный фронт и в авиацию Заполярья подержанными. Были аварии, непечатные эпители и появилась «харрикейновская» поговорка «Ройс, ройс, — не найдёшь!», рождённая нашими тружениками, авиационными инженерами и механиками в связи с неполадками двигателя «Роллс-Ройс». Любивший вздремнуть Уинстон тоже был грешен, как-то сняв с борта конвоя «Аэрокобры», предназначенные для красноречивых ВВС.

Сталин очень просил «Спитфайры», но их ожидали, словно глоток живительной влаги, пилоты-истребители RAF (Королевских ВВС) как на родине, так и в Северной Африке. Поставки будут, но в небольшом количестве с середины войны. Однако, поклон англичанам: надрывающаяся авиапромышленность, как и другие отрасли производства, сделали всё, чтобы приблизить Победу.

Итак, США субсидировали Англии 30 млрд. 265 млн. долларов, что составило 3/5 общей помощи. По обязательствам Московского, Вашингтонского, Лондонского и Оттавского протоколов, с 1941 по 45-й год поставки по Ленд-лизу принимали 42 страны. Часть из них шла через Иран и Ирак, по авиатрассе Аляска-Сибирь, везлась на палубах и в трюмах 42 караванов. Не всё выполнялось, но ведь шла война! Что творилось вокруг конвоев — разве уместить в горе с караваном «PQ-17»?

За это время СССР было принято всё, о чём говорилось выше, на сумму 11 миллиардов 260 миллионов 343 тысячи долларов, плюс 120 миллионов фунтов стерлингов, затраченных на медикаменты, заводское оборудование и продовольствие. Китаю и Франции было ассигновано 631 миллион и 1 миллиард 406 миллионов долларов. латиноамериканским и другим странам — 421 и 424 миллиона долларов соответственно.

На руку врагам сыграла удалённость полей сражений и театров военных действий от фирм-производителей. Многие из добра-имущества союзников не пришло по на-

значению. За конвоями велась непрерывная охота под перископом воспитанников Редера-Дёница. С воздуха их атаковали торпедоносцы, бомбардировщики и истребители. Были частые подрывы транспортов на минах (особо магнитных), а так же, когда торпедисты врага использовали самонаводящиеся торпеды «Цаункёнинг», ориентирующиеся на шум винтов...

Говорят, добро забывается раньше зла. Родившийся под Смоленском писатель А. Азимов был дальновиден, отмечая, что судьба коалиций — распад. Однако составляющее коалиций — люди. А люди, независимо от расы и вероисповедания, обязаны дружить, не привлекая для «мировотворчества» машины самоуничтожения.

Когда трагедии народов будут обрaмлены формулировкой «государственная ошибка» — никто из гладиаторов и кукловодов толпы не вспомнит строк:

*Как страшно, что во всех веках
Сам Человек рождает Страх...*

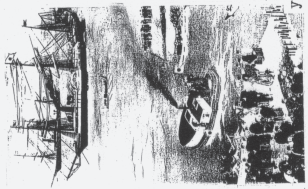
*Март 2001 г.,
Орёл — Москва, «Путевые заметки».*

Фотография на память. Они защищали Родину и мир на всех фронтах. Военно-исторический музей г. Орла.

ЗАМОК ХИМЭДЗИ

ФУДЗИЯМА

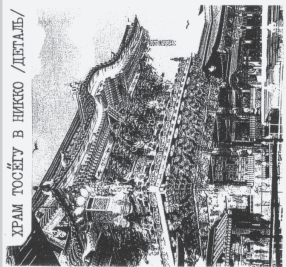
У ПОБЕРЕЖЬЯ О. МИЦУСИМА

АКАДЕМИК КОХИКА

ДУЧ ВОСКОЖАЮЩЕГО СОХИЦА В ЗАПЕНКАХ

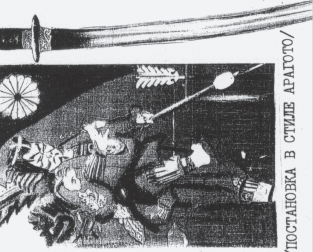
ХРАМ ТОСЮТ В НИККО /ДЕГАЛЬ/

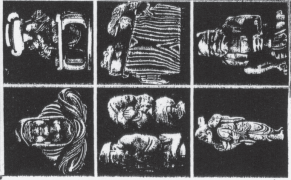
ПОРТРЕТ КЕРАМИКИ КОСТИ
У. КУТАГАВА

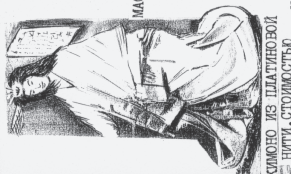
ГРАВЮРА УКИЕ-Э К. ТОБЭХАРА
/СПЕКТАКЛЬ КАБУКИ/

/ПОСТАНОВКА В СТИЛЕ АРАТОГО/

НЕЦИ

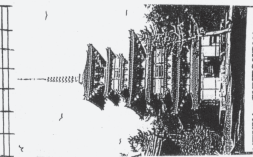
КИМОНО ИЗ ПЛАТИНОВОЙ
НИТИ, СТОИМОСТЬЮ
280 МЛН. ИЕН

МАСКИ ЗОЛОТО ЛУКА

/БОИНА-ЭЮДЭИ
/КЭТЭН/

ХРАМ ЯСУКИИ В НАРА
МЕККА СИНТОИЗМА -

ТОКИОНКА В ГЭТА

МАСКА БОГА ПРОМА
/ТЕАТР КЭТЭН/

АКАДЕМИК КОНРАД.

ЛУЧ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА В ЗАСТЕНКАХ

*Во лжи веков стремится перевод
Раскрыть нам боль чужих отцов.
Эссе автора «Зов горизонта».
2002 г.*

В среде бездарностей, лелеющих мечту причаститься ко всему великому в искусстве, науке, культуре, в технике и религии витает обывательская точка зрения об интеллигенции. С позицией «Учёный (писатель, художник, врач, музыкант, мастер) — это лентяй, который убивает время работой», было и остаётся важным бороться всегда, ибо опыт учит нас заново перечитывать старую Книгу Жизни, когда выходит новая.

Представленная работа о крупнейшем востоковеде России Н.И. Конраде не есть рецензия на его труды и лителе-пасквили, пришедшие много позже. Употреблять чужие слова для самолюбования и увековечивания в титрах нового поколения прилипал ко святому — автор не видит смысла по причине того, что учение — штудировка правил. А вот опыт — изучение их исключений.

Коротко изложу некоторые вехи биографии Николая Иосифовича, более подробно остановившись на тех параграфах, о которых так и не узнала ни одна из его знакомых провинциалок, независимо от собственного ума, красоты и происхождения в ореоле тургеневской «стихопрозы», исключившей понятие «надрыв пупка крестьянина».

...Уходящий XIX век дал России большое число талантов, как и будущих госбандитов. 13 марта 1891 г. семья Конрад, проживающая в Риге, в кругу друзей-слу-

жащих железной дороги, отметила важное событие — рождение сына. Скоротечно, как составы, шло время. Николай, проявив себя достаточно смышлёным ребёнком, вскоре окончил местную гимназию. Родителями была замечена его усидчивая тяга к гуманитарным предметам, и, с их благословения, юноша оставляет Ригу, чтобы поступить в Петербургский университет на китайско-японское отделение Восточного факультета.

Шёл 1912 год, судьбоносный для Николая Иосифовича. Никогда не знаешь, в какое время живёшь — в довоенное или послевоенное. Мир лихорадило не только от последствий Русско-Японской войны, но и от красно-марксистских бунтов. Конрад успешно экзаменуется как в Петербургском университете, так и на японском отделении Практической восточной академии. В результате, при поддержке авторитетного учителя А.М. Позднеева, Николая командируют в земли столь заманчивой Родины Хризантем, путающей своей многовековой самоизоляцией.

Ещё до заступления на стезю научной деятельности его интересовало всё: древняя история расы Ямато, искусство, театр, события, связанные с ранением царевича Николая мечом полицейского Сандзо Цуда и взаимоотношения военатташе Ц. Нокото, Р. Ясиро и Т. Хиросэ, в разные годы служившими в Северной Пальмире. Кто-кто, а они, досконально изучившие русский язык и флотскую элиту Николая II, знали немало о русских звёздах кораблестроения и авиации. Николай Иосифович не вдавался в прения по поводу бездарности правящей верхушки. Он подчёркивал единственную, по его мнению, правильную версию: Россия проиграла Японии в лице Х. Того по мотивам полного незнания своего врага от корней нации до её оперативного вооружения по программе Муцухито (реализация дальних походов Соединённого флота).

В ходе поездки по живописным и местами весьма бедным префектурам, родилась и вышла в свет стартовая работа Н.И. Конрада «Современная начальная шко-

ла в Японии» (1913 г.). Кто бы мог подумать, что другой учитель в это же время (если ещё был жив) напутствовал на верный путь сына — будущего главкома императорских ВМС Японии И. Ямамото! Воистину жизнь как депеша: полна ошибок и так коротка...

Разумеется, молодой знаток азбуки слогов Катакана и Хирагана ясно понимал дилемму «оригинал неверен по отношению к переводу» или «переводчик сдаёт слова по счёту, а не по весу». По протекции Русско-Японского Общества он систематически посещает Корею и Японию. Неоднократно бывал в Китае, изучив работы И.К. Россохина о Маньчжурии и её войске, в «осьми знамёнах состоящего». Знакомился о местным укладом жизни, быта и с наследием буддизма и синтоизма, подмятых неравноправными Ансэйскими договорами и шантажом посланников США Т. Харриса и М. Перри. А главное — Николай проводил много времени в беседах с современниками и «живыми сокровищами» — носителями фольклора и традиций воинственных и трудолюбивых народов Юго-Восточной Азии. Познание устоев бытия, легенд и сказаний, жертвенности междоусобиц феодальных времён, живое общение, а также изучение подлинников классиков, посещение театров, понимание труда гейш и рикш способствовали расширению границ миропонимания Конрада, вследствие чего ему присуждается степень магистра азиатской филологии.

В горестные 1917-18 годы, торпедировавшие, либо выбросившие за рубеж осколки монархии, интеллекта, дворянства, Веры и Мысли нации, Николай Иосифович глубоко переживает смуту, тяжело болеет. По морозам и слякоти зимы 1918-го он переезжает в грозный Орёл по месту жительства родителей, осевших здесь с 1915 года. Не стремясь понять причины поражения самодержавия и гнусность братоубийства на всех Фронтах Центра России, Средней Азии и Приморья, учёный обрёл бессонницу из-за переживаний за судьбу начатого им дела, за жизнь и творчество плеяды выдающихся востоковедов начала века — Е.Д. Поливанова, Н.А. Невского, М.Н. Рамминга и братьев Плетнеров. Он

знал: всё сказанное ныне об исследователе Арктики, последователе Седова и Русанова, адмирале Колчаке — ложь (Троцкий умел лично править всероссийский печатный станок). Принимая активное участие в организации Университета пролетариев в 1919-м, он мучил себя мыслями «как, где, что» с его друзьями-коллегами С.Г. Елисеевым, О.О. Розенбергом и многими другими сподвижниками, знавшими цену труду, времени, мыслям. Почти все рано уйдут из жизни. Будут репрессированы вместе с семьями. Покинут Отечество, чтобы жалко существовать (нищенствовать) на чужбине, о чём слёзно напоминала мембрана патефона с записями из «Печального репертуара Александра Вертинского»...

При «закладке фундамента» Орловского пединститута, в котором автору в скором будущем довелось самостоятельно пройти путь к диплому учителя, Конраду пришлось решать массу организационно-материальных задач. Сказывались нехватка кадров и финансов, оборудования и достаточно ёмкой (в его понимании) библиотеки, фондов исторического наследия и богатства цивилизации. Привыкшим к стремительности Интернета может показаться смешным, что Конрад курсировал между Орлом и Москвой по вопросам жизнеобеспечения «храма науки» вплоть до карандашей и гвоздей. Ему удалось разыскать и привлечь на орловскую «ниву» великолепных единомышленников, ошибочно поверивших в гуманизм коммунизма, в предназначении которого мог сомневаться и сам ректор университета...

Ведя курс истории культуры и философии, Николай Иосифович, несмотря на значение вопросов-дров для отопления комнат и обуви для преподавателей, продолжал интенсивно заниматься научными изысканиями и переводами восточной классики. Так, в вышедших в Орле «Записках Орловского государственного университета» (1921 г.) представлялся труд мудреца Камо-Тёмэя «Записки из кельи» в искусном переводе Конрада. Через уникальный лаконизм японского трёхстишия «хокку» и пятистишия «танка» пытливый ум стремится познать рифмованный полёт почти непереводаемых мастеров лирики, словесной живописи и боли народа — Кёрая, Басё, Иссё,

Кикаку, Рансэцу, Дзёсо, Оницура, Бонтё, Рёта, Тиё, Какэя, Бусона, Сико, Кито, Гёдая, Исса и трагично ушедшего автора «Памяти адмирала Макарова» молодого Исикава Такубоку.

В следующем году Николай Иосифович покидает Орёл по ряду профессиональных и личных причин. Однако позже он часто посещал вторую Родину, навещал родню матери, вспоминал Марию Артемьеву, выступал перед повзрослевшими учениками.

Прибыв в суету революционной разрухи и «мировых» речей в Петроград, молодой учёный возглавил кафедру японского языка.

«Я впервые услышала его голос в 1928 г., в стенах аудитории Восточного отделения Историко-филологического факультета, — вспоминает своего «сэнсея» кандидат исторических наук Ф.А. Тодер. — Николая Иосифовича окружали мы — недавние школьники, слыхом не слыхавшие о таком предмете, как история, знавшие лишь о «борьбе классов» и о том, что надо искоренять в себе все «буржуазные предрассудки».

Крепко связанный с аудиторией, Конрад уделял большое личное внимание безграмотным студентам, севшим за парты после демобилизации из армии и флота, по направлению партиячек фабрик и заводов. Болезненно-рваное, эмоционально-взрывоопасное было время. Но Учитель твёрдо держал курс «Учиться, учиться и учиться», провозглашённый беспримерным разрушителем-революционером. Вот бы глянул он на рекламу сегодняшних «стрелочников-беспартийцев», отправивших его в дебри поголовно безграмотной Африки...

В Ленинграде Николай Иосифович защитил учёную степень доктора филологических наук по специальности «Японский язык и литература», закрепив за собой звание первопроходца в истории русского японоведения. Последующие годы жизни видного учёного, как и всей выпотрошенной страны, омрачены наиподлейшим клеймом СССР — эрой репрессий, борьбой со «вражьём», не существо-

вавшим таковым с рождения. Трафарет обвинения лицемерно фокусировался на личностях, как «шпион японской разведки»; «агент империалистических сил»; «контрреволюционер-народоволец» (т.е. «кулак»); «эсэр и меньшевик»; «антиправительственный троцкистский агитатор»; «сочувствующий белому движению и попам» (и чёрт ЧК-ОГПУ знает, «какие» ещё т. д. и т. п.)...

В 1938-м «вороном» году Конрада арестовали, накинув ему «железную маску» на три года. О чём думал, мечтал, чем изнурял себя фаворит российского востоковедения, для которого ничего не стоило обучить взвод русско-дальневосточной контрразведки задолго до появления печально известной группы Рихарда Зорге? Что мог создать в этом периоде и ЧТО КОНКРЕТНО СОЗДАЛ вообще, без учёта архивных сносок потомков разного рода «симановских» и «вышинских»? Памятута о Большом Терроре в Царстве Лжи, очевидно, что на рождённое в заключении наложили вето. Ещё вернее, что рукописные произведения тысяч «конрадов» изымались, ликвидировались, либо оставлялись за пудовой дверью и платными слугами режима под грифом «Совершенно секретно до 3000 года». Закономерно задаёшься вопросом: «Каким образом бывший капитан артиллерии А. Солженицын спас в течение десятилетий жёлтый чемодан с рукописью «Архипелага ГУЛАГ»??? Без занудности и самозванства, КТО утверждал издание детского писателя А. Рыбакова? Какой «Крош» счёл «Детей Арбата» настолько своевременными и актуальными, что до сих пор не издан коллективный сборник лагерных писателей-журналистов 30-х???

Вопросы, вопросы, вопросы без ответов навсегда. По теории вероятности привлечём логику и учтём, что полное эпистолярное наследие не столь Конрада, как российских индивидуумов в рамках книгопечатной, даже брошюрной серии «Труд выдающихся людей» нереально фактически. В понятии известной категории лиц ОНО (НАСЛЕДИЕ) опасно вечно, согласно ершистой фразе Оноре де Бальзака. Образно глаголя, бесцензурно-фискаль-

ной правды мы не дождёмся ни от губернатора, ни от президента, причём вынужден констатировать: обозначенная проблема распространяется на все страны...

Больно, что кроме Конрада суровый удар судьбы и сталинской опричнины примут на себя семьи авторитетнейших людей науки — Ландау, Фока, Вавилова, Королёва, Кондратюка, Лангемака, Калинина, Поликарпова и других мучеников «культовой эпохи», «зацепившей прицепом» того же Солженицына, Лихачёва, Сахарова, Бродского и других.

В этих тисках член-корреспондент Академии наук СССР Николай Иосифович Конрад нашёл силу духа и воли, проявил мудрость не ударять заправилам власти по глазам, которым «всё божья роса». Он с головой уходит в иероглифические лабиринты манускриптов и собственных мыслей, обдуманно погружаясь в специфику. В её диапазон входили японоведение и история, театр и синология, лингвистика и философия, переводы, краеведение и литературоведение, становление и воспитание «конрадовской» школы учеников. Продолжением труда «Японская литература в образцах и очерках» (1927 г.), а также «Японский театр» (1929 г.), появляется новаторская работа «Синтаксис японского национального литературного языка», изданная в Москве в 1937 году. Значительно важны его переводы святых в Японии книг «Исэ-моногатари», «Гэндзи-моногатари», романа Нацумэ «Сердце» и многих других произведений классиков с Японских островов.

В годы Великой Отечественной самурайская Япония с трудом удерживала нейтралитет с СССР — случались провокации на границе, задержание судов и команд в портах, их затопление палубно-базовой авиацией и субмаринами Передового флота Хирохито. Руководство Советской России нарушит пакт о нейтралитете после Тегеранских и Потсдамских соглашений глав правительств Антигитлеровской коалиции. Конрад в эти годы по-своему пытался примирить державы, опубликовав «веер» статей о дружбе В. Белинского и А. Чехова с японскими писателями.

Позже найдут массового читателя работы «О национальном языке в Китае и Японии», «О перспективах развития советского языкознания», «Толстой в Японии», издаётся двухтомный словарь под его редакцией, состоявший из 100 тысяч слов. Помимо цикла статей о театрах Кабуки и Ноо, драме «Йокёку» Конрад участвовал в создании 10-томной «Всемирной истории», вёл обширную международную переписку (в частности, с английским историком А. Тойнби), мечтал написать небольшую книгу о монахе-востоковеде, которого он посетил в Оптиной пустыни в 1922 году. Золотым венцом его колоссальных трудов является интереснейший однотомник «Запад и Восток» с идеей общности развития Человечества. Особняком, предметом более детального исследования стоят заслуги Конрада в области издания академической серии «Литературные памятники»...

Николай Иосифович ушёл от нас 30 сентября 1970 года в Москве, но цель и смысл его жизни и творческо-подвижнической деятельности бессмертны. На гражданской панихиде присутствовали лучшие умы страны, иностранцы, поседевшие ученики и студентки первых выпусков востоковеда, простецкого, добродушного в быту человека. Выступавшие друзья, академики Д.С. Лихачёв и В.М. Жирмунский не умолчали о «бочке дёгтя», пролитой на изыскания учёного «вундеркиндами» журнала «Иностранная литература». Ещё живой, но уже слабый герой повествования методично отмечал, что прессовая травля неприемлема с точки зрения человеческой морали и простой порядочности...

Да, умели у нас треножить, а если и отпускали в га-лоп, так чтоб голова отлетела. Встречаясь в Орле, Москве, Риге, Владивостоке и Спасском-Лутовиново с представителями Страны Восходящего Солнца на Международной конференции «Пушкин и Тургенев», с потомками рода Толстых в Никольско-Вяземском, я рассказал им об явлении «пытливой мысли — эшафот», говорил о специфике режимного зажима инакомыслия по сценарию секрет-саги «Жизнь и смерть выдуманной оппозиции».

Признанные авторитеты от Канады и Хоккайдо, от Европы до Австралии были несказанно и наглядно удручены давлением авторитаризма лжегениеев, поставивших на кон перекрытие свободы творчества профессионалам. Заметьте, **живым**, а не ушедшим на покой асам своего дела, будь то журналист, писатель, автогонщик, певица или начальник рыбоохраны.

Выходит, флаги не будут в гости к нам??? Будут! Но убитый на дуэли гений предупреждал: «Беда стране, где раб и лжец одни приближены к престолу».

Сожалею о недалёкости сограждан, не понявших как своего, так и чужого языка хотя бы в переводе. И о каких флагах может вообще идти речь, когда сюсюкающе ворочаются личные дела репрессированного академика, награждённого двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и высочайшей наградой для иностранца — японским «Орденом Восходящего Солнца»?

Светило ли оно, грело ли душу, или радовало глаз владельца — не так важно. Главное — с 1945 года его лучи проникали в застенки, не подчиняясь вождям, конвоирам, закону и «паханам»...

*Июль 2002 г., Орёл — Рига,
«Путевые заметки»*

Хирохито

ТАЙНА НИДЕРЛАНДОВ

Ф.Д. Рузвельт

*Британский
адмирал
Том Филиппс*

*«Войну начинают
не военные, а политики»
Генерал У. Уэстморланд*

Вопреки сложившимся категорическим мнениям и трактовкам историков, Вторая Мировая война стартовала не в 1939-м в Европе, а в 1931 году в Маньчжурии и на Дальнем Востоке. Императорская Япония, ущемлённая многовековой самоизоляцией от внешнего мира, стремительно вооружившись его техническо-промышленными технологиями, ступила с оружием на материк. В целях обескровить колониальное могущество, захватить историческо-природные богатства Голландской Индии, Французского Индокитая, Великобритании, Португалии, приостановить геополитические поползновения на Китай Германии и Советской России, Страна Восходящего Солнца применяла всевозможные механизмы для оправдания войны под девизом: «Азия — азиатам!». Дальность действия самурайской захватнической мысли не имела границ, о чём не раз предупреждал в статьях журналист-международник (он же советский разведчик) Рихард Зорге.

Успех военщины на первом этапе континентальной экспансии олицетворялся не только «мозговитостью» японских штабов армии, авиации, флота или контрразведки. Триумф милитаристов клеймился бесчисленным количеством преступлений против мирного населения, попавшего под свинец, огонь, тротил и меч агрессоров. Только в Шанхае и Нанкине за два дня(!) от рук «сопротивляющихся» реваншистов погибли свыше полумиллиона человек. Разве Будда и каноны синтоизма призывали к убиению гражданского населения?!

* Печатается в авторском сокращении (газетно-журнальный вариант).

Дипломатическо-политические круги и правительство США, осознавая фашистскую доктрину и устремлённость амбициозной расы, включили рычаги подавления «банзайства» в виде нефтяного эмбарго и ультиматума с жёстким требованием «очистить весь Китай», что было для Японии неприемлемым. По всем префектурам Родины Хризантем прокатились волны негодования по поводу замораживания США японских банковских активов за рубежом. В том же 1941 году самоуверенная Америка спровоцирует Японию на мощный удар и едва не утратит стратегическую базу ВМС на Гавайях — Пёрл-Харбор...

Вокруг событий, развернувшихся на параллелях и меридианах Великого океана — бездна неясностей, загадок и противоречий, доказывающих недолгость планетарного сосуществования народов без войн. Дабы уяснить непривычное понятие «всем режимам выгодна война», настоящей публикацией рискнём разгадать ребус 69-летней давности...

Видя натянутую, словно тетива, обстановку после предъявленного ультиматума, зная, что в Токио будет взрывной резонанс, США «в целях защиты» берут под контроль Голландскую Гвиану. Далёкая Голландия, одна из маститых родоначальниц мореплавания, несмотря на лондонскую эмиграцию пожилой королевы Вильгельмины, имела в колониальных владениях серьёзный флот. ВМС под именем и стягом Её Величества Хелены Паулины Марии располагали крейсерами «Де Рюйтер», «Ява», однотипным по оснастке «Тромпом». В состав сил входили эсминцы «Пит Хейн», «Ван Гент», «Эвертсен», «Кортенер», «Витте де Вит», «Банкерт», 18 подлодок типов «К» и «О». Общее командование Королевскими ВМС в Ост-Индии осуществлял опытный адмирал К. Хелфриг. Немаловажным, хотя и малочисленным звеном была и авиация в количестве 200 самолётов. Её представляли истребители «Брюстер» и «Кертисс», бомберы «Мартин», гидропланы «Фоккер», патрульные летающие лодки «Консолидэйтед».

Высокопоставленные армейско-флотские чины, кабинет министров и МИД Японии очень болезненно отреаги-

ровали на «голландское ухаживание» со стороны Нового Света, состоявшееся 24 ноября 1941 года. Посланники Империи в Вашингтоне К. Номура и С. Курусу были предупреждены о возможном уничтожении документов, секрет-шифров, кодов. Надежд на мирное урегулирование международных дилемм, к сожалению Ф.Д. Рузвельта и окружавшей его военно-морской элиты, увы, не оставалось. Японская коварность аукнется в «коде ветров» — «Хигаси но кадзэ амэ»...

Через три дня авианосно-ударное соединение «Кидо Бутай», пополнив запасы топлива и провианта, приняв на борт лучших пилотов, отозванных из других авиадивизий Объединённого флота, покинуло воды у о-ва Итуруп, взяв курс на о. Оаху. Послание Рузвельта Императору Хирохито, в котором он просил «Сына Неба» ответить народам Филиппин, сотен островов Голландской Индии, Малайи и Таиланда «не собираются ли японские войска нанести удар», по видимому, «затерялось».

Спустя сутки после выхода кораблей вице-адмирала Т. Нагумо в Тихий океан, голландская субмарина «К-17» под командованием капитан-лейтенанта Безансона неожиданно обнаружила «Кидо Бутай» в 280 милях к северо-востоку от Тонкинского залива. Рейдеры шли противолодочным зигзагом, под охраной крейсеров и эсминцев тремя колоннами по курсу — 088°, что прямо указывало на Пёрл-Харбор, до которого им оставалось 800 миль. Безансон, понимая опасность грозящую союзникам, срочно уведомил шифротелеграммой штаб Королевского ВМФ на Дальнем Востоке, в подчинении которому находились и голландцы. Радиограмму перехватил и дешифровал «Отдел М» Дальневосточного флота Великобритании в Сингапуре. О её сути немедленно осведомили командующего этим флотом адмирала Тома Филиппса и его оперативный штаб.

Копии информационной «бомбы», означавшей начало войны на Тихом океане, экстренным порядком легли на столы майора Десмонда Мортон и генерала Уильяма Donovan — глав союзных разведок в Лондоне и Вашингто-

не. Буквой военвремени и закона оба были обязаны доложить У. Черчиллю и Ф. Рузвельту, что и сделали. Получалось, «вероломное и внезапное» нападение ВМС Императорской Японии на Америку (т.е. Пёрл-Харбор) было таковым только для миллионов, не посвящённых в гостайны? Подобные трактовки событий не были новыми, ибо дублировали несуществовавшую внезапность по всей Госгранице СССР 22 июня 1941 года. Ведь сталинскую клику предупреждали о сроках реализации «Барбароссы» минимум за год до вторжения. Если не доверяли Рамзаю (группе Р. Зорге), то могли бы перепроверить информацию главы МИД Японии Ё. Мацуока, который назвал И.В. Сталину точную дату войны — 22 и ю н я — ещё во время своего визита в Москву в апреле того же года...

«Янки» в общенациональном, а не золотомиллиардном масштабе, воевать не хотели. Рузвельт довольно долго пробыл в президентском кресле и был так же любим, как и ненавидим. В «стране грёз» изменялись политические настроения и нравственные устои, расплодилось агентство Абвера и Дзехокеку. Появились новые (в т.ч. коммунистские и фашистские) партии и движения, действовали расисты и изоляционисты. «Звёздно-полосатые» «защищались» от театров воен действий в Европе, Африке и в Евразии Атлантическим и Тихим океанами. На Штаты по-разному давила Великобритания, будучи крайне заинтересованной в вовлечении союзников в войну как в Атлантике и Средиземноморье, так и в бассейнах-акваториях Индийского и Тихого океанов. Обе державы, их многомиллионное население, уже пережили трагедии от действий Вооружённых Сил Германии, Италии, Японии. Чтобы оправдаться в глазах настоящего и будущего, главы этих стран в роли «консерваторов-демократов» никак не могли начать войну первыми. По сути, они подталкивали злобный триумвират «Берлин—Рим—Токио» нападать «вероломно» первым...

Во власти названных политиков оставалось более недели для разработки и осуществления контрмер против бороздившего океан, сохранявшего радиомолчание соеди-

нения Тюити Нагумо. Вместо того, чтобы привести в боеготовность № 1 флотских и армейцев Гавайского военокруга, вместо предупреждения Азиатского флота США и Дальневосточных ВМС Англии и Голландии, их подопечные додумались до преступления, которому не подобрать слов для комментариев.

По плану сверхсекретной операции «Субенд» было решено убрать «нежелательных свидетелей». Тайный английский агент К. Робин, отлично знакомый с экипажем «К-17» проник на её борт, пронёс и спрятал в кислородные ёмкости две небольших трубки цианида и ящик взрывчатки, фальшиво и подло промаркированный «под виски». Мало того, цианидные трубочки и взрывчатка имели часовые механизмы, но официально были представлены команде субмарины капитан-лейтенанта Безансона как «подарки к Рождеству» от имени королевы Вильгельмины и английского адмирала подводных сил, сэра Макса Хортона.

— Я стал свидетелем уничтожения «К-17» и всего её экипажа, с которым успел, за несколько дней познакомиться, — рассказывает тот самый убийца К. Робин — он же бывший офицер английской разведслужбы Кристофер Крейтон. Сетую, что война превратила его в злодея и закоренелого убийцу тысяч людей, понимая, что он предстанет перед Господом вместе с СС и Гестапо в судный день, «британский Скорцени» вспоминал эпизод своей грязной карьеры так:

«Наш самолёт содрогнулся, когда океан вздыбился огромным фонтаном. Взметнулись вверх куски человеческих тел, щепки от ящиков, солярка и разбитое вдребезги оборудование. Казалось, морское чудовище проглотило подлодку, пережевало людей и механизмы, а затем, поперхнувшись, выплюнуло всё.

Я думал о том, что голландские матери и отцы будут оплакивать гибель своих молодых сыновей. У меня из головы не выходила одна мысль: что они сказали бы или сделали, узнав правду. А правда была в том, что отважных подводников принесли в жертву, поскольку высшие

власти Британии и Америки сомневались смогут ли эти парни держать язык за зубами».

Знал ли о трагедии соотечественников флагман голландских моряков контр-адмирал Карел Доорман? Нет, не знал, как и многие другие уроженцы Нидерландов, погибшие с ним за вековые завоевания монархии в морских боях с японцами в Яванском море в феврале 1942 года.

Парадоксальная запутанность и скрытность случая с подлодкой «К-17» заключается ещё и в том, что при походе авианосно-корабельного соединения Т. Нагумо к Гавайям был выбран удалённый северный маршрут, а не центральный или южный. Следовательно, экипаж субмарины Безансона никак не мог видеть ударный отряд, чей ход и дозаправка проходили в чрезвычайной секретности с использованием ложного радиообмена в метрополии и полного радиомолчания в пути. Центральный маршрут, ведущий на восток и позднее вдоль Гавайского архипелага, как и южный, ведущий к Гавайям с юга через Маршалловы о-ва, прорабатывались штабом Объединённого флота, но факт остаётся фактом: 28 ноября 1941 года «Кидо Бугай» не мог находиться в 280 милях от Тонкинского залива, или в 518 километрах 560 метрах от его вод. Очевидно, экипаж Безансона повстречал силы вторжения (или часть эскадр) из состава флотов Н. Кондо, Д. Одзава, И. Такахаси, возможно, выполнявших демонстративно ложный манёвр, ибо известно, что налёт на Пёрл-Харбор маскировался якобы переброской японских десантов в Индокитай.

Однако преступление, совершённое англичанами, не имеет сроков давности. Позднее откровение посетило К. Крейтона при его встрече с другом, капитаном III ранга Яном Ланкастером Флемингом, начавшем карьеру в Лондоне в службе разведки ВМФ Англии в должности профессионала по особым поручениям при контр-адмирале Джоне Х. Годффри. К изумлению Крейтона, Флеминг оказался его контролёром в операции «Субенд» с позывными морзянки НК6 (буквы и цифры секрет-кода не име-

ли разделения, как в сигнале «SOS!»). Ян и нажал на кнопку уничтожения голландских подводников, причём в 1941-м он не был знаком с Кристофером. Отпавшая впасть в истерику Крейтон брэнди, Флеминг рассказал, что он заметал следы после операции. Будущий автор книг о Джеймсе Бонде, Флеминг поведал сослуживцу о его встрече с королевой Вильгельминой, жившей в изгнании близ Ридинга. Он же сфальсифицировал архив субмарины «К-17», хранившийся в штабе ВМС в Сингапуре или Сурабайе.

Без вмешательства США и катастрофы Германии под Москвой — Япония смело могла открыть второй фронт против СССР на Дальнем Востоке. Империя была в состоянии бомбардировать его промышленный и аграрно-сырьевой тыл с огромными человеческими ресурсами. Аналогичная участь готовилась народам Индии, Океании, Новой Зеландии, на протяжении десятков тысяч миль от Южной Африки до Австралии, от Курил до Аляски, вплоть до арктических и антарктических вод...

Голландские подводники, действовавшие по Кодексу Морской Чести из благоразумных побуждений, пали жертвами величайшей политавантюры на высшем госуровне. Первые Герои Тихоокеанского ТВД без орденов и медалей канули со своей тайной правдой на дно, подписав себе смертный приговор истинным выполнением приказов и злосчастной радиограммой.

Они остались в вечном круговороте Мирового Океана, но до сих пор неизвестны поимённо, как первые погибшие в Кампаниях ВМС и ВВС Японии и США на Тихом океане. Вода им пухом...

«Подводная лодка «К-17» не вернулась из своего первого похода и судьба её неизвестна. Она могла стать жертвой японской субмарины «И-66», которая донесла о потоплении подлодки примерно в то время, когда пропала лодка «К-17», — это всё, что зафиксировано публично в послевоенном резюме аса подводной войны ВМС США, кептэна У. Дж. Холмса...

ЗВЕЗДА КРИТИКИ*

Исследуя взлёты и падения цивилизации в призме доведших до нас фактов и вех, можно заметить, что на рубежах веков рождались выдающиеся личности, оказавшие значительное влияние на современников, разделивших с ними определённый отрезок времени. В многовековой истории Человечества до сих пор не освободившегося от мозговой деградации в виде братоубийственных, территориальных и религиозных войн присутствует значительное число просветительских, самопожертвенных, красноречивых и трагичных примеров, доказывающих разнополярность миропонимания всех рас, населяющих два полушария.

Искромётная судьба самородка Орловщины, экстранеординарного мыслителя и критика Дмитрия Ивановича Писарева, его эпистолярное философско-мощное наследие, ещё при жизни возвели его в ранг знаменосцев народолюбия. Стремительное восхождение не по годам одарённого, провинциального барчука из небогатых помещиков к вершинам, олицетворяющим передовую русскую интеллигенцию, не раз сподвигло представителей мыслящего пролетариата к осознанию его трудов, а также их междустрочья...

Не буду заново раскрывать страницы его сложной биографии, достаточно ёмко освещённой в разные годы

* Публикуется со значительными авторскими сокращениями.

Л. Плоткиным, Ю. Коротковым, А. Лебедевым, В. Громо-
вым, В. Ждановым, Н. Зеловым и другими в книгах и стать-
ях о личной жизни, становлении, творчестве и безвремен-
ной смерти дальнотворного публициста романовской России.
Любой уважающий малую Родину орловец, её отечествен-
ный или зарубежный гость, при возникшем глубоком инте-
ресе к произведениям Дмитрия Ивановича и к его жизнен-
ному пути может приобрести книги о нём, либо почитать
его жесткие анализы литпроцесса, истории и бытия в дей-
ствующих публичных библиотеках. Принципиальность ав-
тора поражает и сейчас...

По своей многозначительной, авангардно-гротесковой
сути, реалистическая канва созданного Писаревым, есть
непринятие монополизма во всех сферах общества от
раба до державного властелина. Хлёстко разрушая кон-
серватизм мировоззрений и трафаретную изысканность
построений литбогемы с мировыми именами, Писарев
всеми формами лобовой и иносказательной критики
призывает их обратить свой взор к убогому, но не ви-
новатому в своей забитости народу, тупо следующему
закону «кнута и пряника». Артистично перевоплоща-
ясь в роли-персонажи прошедшей эпохи и в конкрет-
ных лиц своей современности, привлекая интуицию и
полное знание важнейших аспектов в эволюции цивили-
зации, он логикой непримиримых выстраивает стро-
го личную модель антивоенного и справедливого мира,
становясь предвестником марксизма в его человеколю-
бивом понимании.

Истокаясь в штудировании фундаментальных нарабо-
ток ушедших апологетов философии, науки и литерату-
ры прошлого, Писарев, на протяжении краткого мига
своей жизни поражает душевной открытостью, искреннос-
тью, светлой верой в разум и грядущий прогресс Челове-
чества. Беспощадно кромсая пороки общества и его за-
стоявшуюся грязь, Дмитрий Иванович привлёк внима-
ние широких слоев мармеладно-крепостнической
общественности, цензоров монархии, инакомыслящей ин-

теллигенции и революционно настроенной молодёжи в кругах жаждающего новизны студенчества. В обозначенных им рамках многие вращались десятилетиями, а вот почитать критику на самих себя до этого не удавалось, пока не задули ветры грядущих перемен...

Запрет его творений, арест и прочие проверенные механизмы самодержавия лишь потворствовали ускоренному росту его громадной работоспособности, отчеканившей золотом его строки, терпение и усидчивость, как талант. Пройдя сквозь мучительную борьбу внутри самого себя, познав неустроенность и лживость бытия на личном примере, переживая предательство близких, давление режима, непечатание и дискуссионные войны вокруг своих трудов и имени, Писарев нуждается только в трёх вещах: чернильнице, перо и бумаге. Подвиг самоотрешения, негласного обета самому себе во благо Истины выльется в ряд его замечательных работ, созданных в заключении...*

Выйдя на свободу, он не изменил своих критических взглядов с элементами атеизма, как общественный деятель, продолжил хлопоты с издателями, журналистами и писателями. Отличный пловец, полный проектов и замыслов, он уехал на морские купанья в Дуббельн, где 4 июля 1868 года утонул, по официальной версии «не рассчитав сил»...

Он любил заплывать далеко, переплывая через фарватеры к мелям. Его найдут через много часов после несчастья, затем отвезут в Ригу и лишь 27 июля перевезут в Санкт-Петербург во свинцовом гробу...

«Закатилась яркая звезда, — со скорбью писал позже А. И. Герцен. — С нею исчезли едва сложившиеся дарования, оборвалась едва наметившаяся литературная деятельность».

О вдохновении, энергии, благородстве, пророчестве и язвительности не могло быть и речи. За добрые слова соратни-

* Д.И. Писареву должен быть памятник на Орловщине.

ку арестовали и сослали Д.К. Гирса, а ныне автору строк вспомнились простые вирши:

*Блеснёт — и отдана в солдаты,
Бунтует — взята на учёт.
Пытливой мысли — казематы,
Мыслителей — на эшафот.
Ежеминуто, ежечасно,
Над нею кружит вороньё.
Не потому ли мысль опасна
Всем, не имеющим ЕЁ???*

*Май 2003 г.,
Орёл—Корсаково—Грунец,
«Путевые заметки».*

АДМИРАЛ НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ: ЖИЗНЬ В ОКЕАНЕ БЕСПРАВИЯ*

«Бей, но выслушай!»
Древнегреческий стратег
Фемистокл

Будущий адмирал флота Советского Союза, его признанный Герой, видный общественный и партийный деятель Николай Герасимович Кузнецов родился в печальный для России год — год русско-японского кровопролития на Дальнем Востоке. Кто из селян и гостей деревушки Медведки, стоявшей на берегу притока Северной Двины — Ухтомки, мог предсказать, что 11(24) июля вышел в мир крупнейший флотоводец и военно-морской стратег XX века? Конечно, никто из обременённых тяжким крестьянским бытом, живших в землях нынешнего Котласского района Архангельской области, ни в одном из снов не мог увидеть того, что даст простым смертным большевистский переворот...

Двенадцати лет отроду, утратив отца, Коля идёт пешком в самобытный и суровый на нравы Архангельск. Его судьба, очевидно, сложилась бы традиционно для поморских юношей, но октябрьская революция, затем и Гражданская война перевернули и убили всё, что называлось и понималось под исконно русскими традициями.

Всенародная подоплёка разрушительного созидания, провозглашённого политавантюристами, злостными ка-

*Печатается в авторском сокращении. 07.2004 г.

рьеристами и фанатами «народной свободы» привлекла паренька в местные Советы в 1919-м году. Видя и чувствуя значительные перемены, происходящие в жизнеустройстве общества, осознавая себя частицей пролетариата, Николай, обманув приёмную военкомиссию, приписывает себе два года и добровольно зачисляется матросом на Северо-Двинскую военфлотилию.

Нехватка знаний и профессионализма преследовали сына Герасима ежеминутно от подъёма до отбоя, в снах и размышлениях о своём жизненном пути, о предназначении человека. Он вступает в комсомол и выбирает целью жизни — Море, поступает в подготовительную школу ВМФ, посещает курсы военно-морского училища и зачисляется в нём на спецкурс, которые успешно заканчивает в 1921–23 годах. В составе флотской петроградской делегации Николай выезжал в Москву на похороны В. Ленина, где твёрдо решил вступить в ряды ВКП(б).

В 1926 году молодой моряк переводится на корабли Морских Сил Чёрного моря и попадает на борт крейсера «Червона Украина» на должность вахтенного начальника. Черноморский флот, утративший огромное число плавединиц после разгрома П. Врангеля, отплытия остатков его войск и многотысячного крымского расстрела офицерства — получил очень способного командира и артиллериста, согласно характеристике училища им. М.В. Фрунзе:

«Развитие выше среднего. Курс усваивает легко. Решителен, выдержан. Говорит коротко, толково, командирским языком. Сжато, связно и грамотно излагает мысль письменно...

Общее развитие хорошее. Специальная подготовка отличная, политическая подготовка хорошая, отношение к службе отличное...»

«Червона Украина» становится альма-матер Кузнецова. Он учится сам, учит и воспитывает подчинённых, ищет пути строительства лучших взаимоотношений с коллективом, без которых невозможна служба на кораб-

лях. Дух товарищества, революционная закваска, оставшаяся на устах со времён легендарного броненосца «Потёмкин», атмосфера чисто советского энтузиазма и подъёма общенародного сплочения сил служили делу защиты морских рубежей Отечества. Волю, инициативность, порядочность и дисциплину Кузнецова замечает командование. Учитывая его растущий авторитет и будущность, беззаветную влюблённость в море, стремление к нововведениям, его направляют учиться в Военно-морскую академию.

Конец 20-х — 30-е годы — время жарких дискуссий по кораблестроению, предназначению и роли ВМС в среде Вооружённых Сил передовых держав мира. Речь идёт не только о самостоятельности, инфраструктуре, промышленном обеспечении и запасах природного сырья, но и корабельном приоритете в будущих войнах в классах: линкоры, авианосцы, крейсера, субмарины и эсминцы. В 1932 году крестьянский парень, прошедший суровую юность, схватывая знания на лету, с отличием окончил академию, где до него учились — Ф.Ф. Ушаков, П.С. Нахимов, писатель В. И. Даль, художник В.В. Верещагин, композитор Н.А. Римский-Корсаков. Николай и его сокурсники гордились деяниями и заслугами этих людей, положивших жизнь и талант на алтарь Отчизны...

Выпускник, подававший большие надежды, был награждён именным оружием и направлен старшим помощником командира крейсера «Красный Кавказ». Через год Николай Герасимович — лидер в своих «пенатах». Он командует «Червоной Украиной», разрабатывает кадровый вопрос, теорию манёвров и боевого использования кораблей, изучает иностранную и специфическую литературу по военно-морской тематике.

Крутая и беспощадная эпоха бросала Н.Г. Кузнецова на самые ответственные посты и точки, «штормила» его судьбу, словно в ревущих сороковых широтах, с добавлением силы ветров, дующих у мыса Горн. В 1934-м, буду-

чи военно-морским атташе и главным военно-морским советником в республиканской Испании, он вплотную увидел звериное лицо фашизма, применив свой флотоводческий дар при проведении многих операций, в том числе при доставке вооружения и самолётов, предназначенных для подавления режима Франко. «Комарадо Николас» называли его интернационалисты. Его организаторскими способностями и братским расположением к испанцам восхищалась Долорес Ибаррури, сын которой, Рубен, будет сражаться на русской земле, командуя пулемётным взводом...

С оскалом японской военщины Кузнецову придётся столкнуться на озере Хасан. Действия тогдашнего командующего молодым Тихоокеанским флотом были взвешены, решительны и эффективны. Главком не страдал «звёздностью», был доступен и внимателен, постоянно следил за манёврами и боевыми операциями германских, итальянских, французских, английских и японских адмиралов — Дёница и Редера, Сансонетти и Рикарди, Жансуля и Годфруа, Каннингхэма и Тови, Нагано и Ямамото...

Он всегда считал, что фактор внезапности можно упредить, частично смягчить его ураганную силу, если заблаговременно чётко отладить систему оповещения, единство взаимодействия армии, авиации и флота, а также стремился укрепить оборонительную линию баз и береговых коммуникаций, настаивал на внедрении разведывающего гарда на порядочном удалении от последних. Поиск новых форм в использовании надводных кораблей, подлодок, авиации, радиолокации и средств обороны в случае возникновения военных конфликтов или затяжных боевых действий, переходящих в прямую агрессию, — был стратегической линией в деятельности высокоодарённого аналитика.

Период 1937–38 и последующих годов заклеимён гнусностью кровавых и моральных преступлений тоталитаризма. Под эгидой «борьбы с врагами СССР» только в названные годы страна лишится сорока четырёх тысяч человек из состава сухопутных войск, ВМФ, ВВС, воен-

вузов и ОСОАВИАХИМа. Цифры ГОРЯ НАРОДА на-верняка занижены историками и наркоматчиками эпохи стука, затем их сыновьями-дочерьми. Боли сердца и разума в их материалах вы не увидите по причине: «Давно это было»...

В это страшно-смутное, непредсказуемое время капитан II ранга Кузнецов, не жалея себя, трудится заместителем главкома ТОФа, объезжает эскадры и штабы, много времени работает с личным составом кораблей, морской авиации и служб обеспечения флота. Невыносимо трудно представить новому поколению, в какой обстановке приходилось работать: командующему Балтийским флотом адмиралу В.Ф. Трибуцу; командующему Черноморским флотом вице-адмиралу В.Ф. Октябрьскому; командующему Тихоокеанским флотом адмиралу И.С. Юмашеву; командующему Северным флотом контр-адмиралу А.Г. Головкину... Прошли «галсы возмужания» в высших партийных инстанциях начальник Главморштаба, позднее репрессированный адмирал Л.М. Галлер, товарищи В.И. Зоф и В.А. Алафузов.

Были расстреляны выдающиеся флагманы, строители и флагманы флотов Советской России, либо умерли в ссылках, на этапах и в тюрьмах, пострадали вместе с семьями Э.С. Панцержанский, Р.А. Муклевич, В.М. Орлов, М.В. Викторов, К. И. Душенов, П.Е. Дыбенко, Г. С. Окунев, И.М. Лудри, И.К. Кожанов, Ф.Ф. Раскольников, Г.П. Киреев, Б.Е. Алякрицкий, Г.Г. Виноградский, А.В. Васильев, Н.В. Алякринский, Г.П. Галкин и многие другие. Ничуть не легче дышалось командующим и политработникам Пинской, Дунайской, Азовской, Каспийской, Волжской, Амурской и других малых речных и озёрных флотилий. При этом — Вермахт, Люфтваффе и Кригсмарине усиленно и качественно вооружались, цenia голову любого специалиста дороже золота.

Разумеется, тысячи Кузнецовых бесправно существовали в остром страхе, пугаясь малейшего шума от всепогодного движенья всепогодного «чёрного воронья»,

закреплённого прерогативой законных «троек». В 1939 году, после убийства наркомов ВМФ П.А. Смирнова и М.П. Фриновского, чиновников, весьма далёких от проблем флота, на пост народного комиссара флота СССР назначается бывший главком ТОФа Николай Герасимович Кузнецов. Самому молодому из всех командующих ВМС в мире, 36-летнему флагману было присуще щемящее чувство тоски и боли за судьбу Родины, живущей накануне войны. Он сменил Фриновского, большого «лоцмана» по составлению политических досье на офицеров, старшин, курсантов и матросов, итак отлично профильтрованных перед службой на флоте. Душа моряка и корабля понимались новым командующим через единство чести, благородства и достоинства, завещанное историческими традициями волевых и справедливых адмиралов парусного и броненосного флотов.

Новый нарком, памятуя о шефе Абвера, адмирале В. Канарисе, уделял большое внимание заграничной агентуре отечественной разведки. Так, получая донесения от военно-морского атташе в Берлине Воронцова, ссылавшегося на данные советско-подданого еврея Бозера, он сделал для себя пророческий вывод: Бозер-Бозером, — осторожность генштабистов, ещё веривших в договор о ненападении, — осторожностью, а флот — зеркало воинской доблести, о б я з а н спать начеку. Зная, что человек с трубкой суров, зорек и всепроникающ, что с ослушниками он расправляется, не моргнув глазом, Кузнецов, на свой страх и риск, сделал упреждающий шаг, переведя флоты в боеготовность № 2 18–19 июня 1941 года. Оперативная настороженность и желание, хотя бы минимально подстраховаться на момент «казуса белли», подкреплялись ещё раньше жёстким приказом от 5 июня: «Обнаруженные недочёты фактической оперативной готовности корабля, части, соединения флота доносить мне как о чрезвычайном происшествии. Выявлять лиц, проводивших последнюю проверку, и строго наказывать за случаи притупления внимания и очковтирательские заключения»...

Как корабельный колокол ударяет сознание мысль: что было бы, напиши какой-нибудь «умница» донос на Кузнецова? Возможно, говоря флотским языком, «обрезали не только нос, но и корму», несмотря на запрет в законе судовождения. Или, другими словами, вообще поставили крест на «внеплановом» патриотическом «крейсёрстве» адмирала...

Многое передумал народный комиссар, видевший до этого в прессе и в жизни, как летят головы маршалов, генералов и флагманов, дипломатов и политработников флотов, деятелей искусства, науки, и культуры. Он знал про цепь загадочных самоубийств и «пропаж» из домов и квартир преподавателей, академиков, финансистов и директоров, красивых студенток и наркомов. И всё же — за 4 часа 10 минут до нападения гитлеровских полчищ, по всей Госгранице СССР, он решился привести флот в полную боевую готовность. Великую ответственность взял на себя Николай Герасимович, подписав шифрограммы всем флотам Союза ССР. Все — от офицера до матроса — поняли, ЧТО означали его слова:

«Немедленно перейти на оперативную готовность № 1.
21 июня, 23. 50 мин. Кузнецов»

Шифровка шла две минуты. Её значимость сказалась сразу же: внезапные атаки врага повсеместно наткнулись на огневую мощь флота. Упреждающие мероприятия, проведённые в начале июня, не позволили агрессору применить тактику диверсионной борьбы с советскими кораблями.

Успешное отражение превосходящих сил противника в первый день войны позволило сохранить в строю все корабли и подлодки, исключило шансы разрушения военно-морских баз. Потерь не было. А могло быть иначе, не будь кузнецовского сверхоперативного вмешательства! Заслуга в этом наркома ВМФ очевидна и не подлежит забвению. Если бы на всех участках обороны, будь то застава, армейская часть, танковое соединение или авто-

бат, авиация на аэродромах, командиры различных рангов вплоть до Кремля проявили предусмотрительную инициативу, подобную поступку морского стратега, не было бы уничтожено 1200 самолётов (из них только на земле 800!); не было бы захвата техники и массового пленения, а Красная Армия не отступала бы по всему фронту...

Жёсткая принципиальность адмирала неоднократно ставила его судьбу под знак вопроса, пугавший родню, добропорядочных друзей, коллег и знакомых. Его высоко ценил Франклин Рузвельт и командующий ВМС США адмирал Эрнест Кинг, с которым он имел серьёзные беседы. Самоуверенный Уинстон Черчилль считал Кузнецова прирождённым моряком, выделяя его при встречах на Ялтинской и Потсдамской конференциях глав правительств-союзников. Сложные отношения сложились у него с И. Сталиным, и — особенно — с Г. Жуковым. А. Гитлер негодовал до конца жизни, вспоминая, под чьим руководством впервые бомбился Берлин, подвиги Маринеско и Гаджиева, ставшие всегерманской трагедией. Японцы познакомились с Кузнецовым ещё до войны, когда военно-морской атташе в Берлине контр-адмирал Т. Ямагути останавливался проездом в Москве. В скором будущем, ближайший соратник главкома императорских ВМС Японии И. Ямамото, погибнет смертью храбрых в авиационно-корабельной сече у Мидуэя, оставшись на борту затонувшего «Хирю»...

Кузнецову бы доверить не крейсер «Червона Украина», а тяжёлый авианосец «Красная Россия» или «Ленин». Но и тут ирония жизни зла систематически унижаемого наркома: как ни защищал он перспективность авианосцев, видя успехи Японии, Англии и США, этих кораблей не существовало ни на стапелях, ни на воде. «Авианосное дело» осталось на «мёртвом» якоре — к мнению заслуженного авторитета отнесутся с арктической холодностью по всему «трапу» великодержавной и партийной иерархии...

В год Всеобщей Победы стран Антигитлеровской коалиции над «Осевым» триумвиратом Николай Герасимович

награждается Золотой Звездой Героя Советского Союза. Прослужив главкомом ВМФ ещё год, он понимает, что недолюбливание верхов обрастает тралом интриг. Его постепенно понижают в должностях, назначая куратором Управления Высших военно-морских учреждений, затем — заместителем главкома войсками Дальнего Востока по ВМС.

Анализируя плавание в Океане Бесправия, Кузнецов, будучи сам человеком-архивом и крупной исторической личностью, имеет мужество сесть за мемуарные книги «На далёком меридиане», «Накануне», «На флотах боевая тревога», «Курсом к победе». Наиболее значимыми из них, на авторский взгляд, являются «Крутые повороты» («Из записок адмирала»), так и не вышедшие полновесной бесцензурной книгой.

Военно-морской министр в последние годы жизни Сталина, затем 1-й замминистра обороны СССР — главком ВМС, член партии с 1939 по 55-й год за серьёзные разногласия с Н. Хрущёвым оказался в отставке.

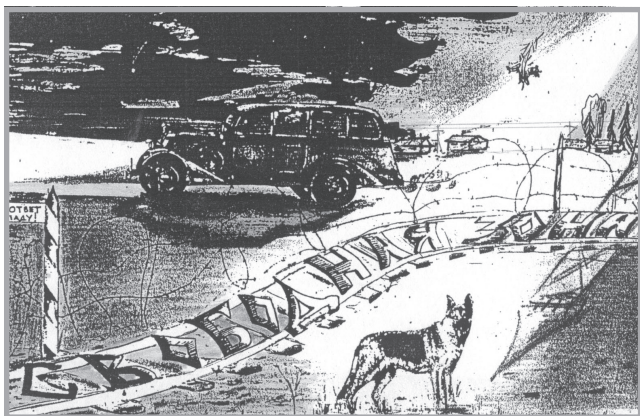
Прежде чем оставить этот бранный мир в 1974 году, моряк завещал потомкам: «Бывает, командиру приходится действовать круто, говорить резко, но и тогда в его словах и поступках не должно быть и тени высокомерия, безразличия к людям. Этого никогда и никому не прощают».

Печально, что власть поняла Истину лишь в 1988 году, восстановив Николая Герасимовича Кузнецова в звании Адмирала Флота Советского Союза с тягостной приставкой от имени Родины — (посмертно)...

*Июль 2004 г.
Орёл—Москва—Подольск—Орёл.
«По ухабам Отечества»,
«Путевые заметки».*

С
В
О
Б
О
Д
Н
А
Я

З
О
Н
А

*Ответь мне, неизвестный человек,
Мне всё равно, холоп ли ты, боярин:
Чем мучает тебя ушедший век,
Чем лечишься сегодня от печали?*

*... Молчит народ — душа, как мышь в амбаре.
Замок тяжёл и лёгок лишь в стихах.
Обидно, что, готовя летом сани,
Мы совесть разбиваем на осях.*

(Из набросков к поэме «Шапка Мономаха»).

... Они проснулись посреди ночи от громоподобного улюлюканья сирены и влажного пара, внезапно окутавшего их «батуш» — потный подвал.*

* В рассказе, записанном со слов уроженца Богом затерянного хутора Тульской области, пожелавшего остаться неизвестным, имеет место уголовно-лагерный жаргон, бытовавший в обиходе как преступников, так и политзаклужённых рассматриваемого периода. Как автор, пришло ясность той касте общества, что далеко от ужаса, беспристрастно освещённого А.И.Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ», а также многими другими известными писателями. Последовательность «блатной музыки» сохранена в том виде, каком она представлена читателю.

Гагара — богатая женщина; накатчик — доносчик из бывших преступников; джени — вагон; город Катаев — тюрьма; намордник — поражение в правах; гарандессы — элитные проститутки; банщик — вокзальный вор; беззеник — ассенизатор; переворот на лицо — узнать подлинную фамилию; брюнетка — «Чёрный ворон», автозак для арестантов; мячики — автопокрышки.

Сокращения в законе: УНКВД — Управление внутренних дел; ИТЛ — исправительно-трудовые лагеря; ГУЛАГ — Главное управление лагерей; ИАП — истребительный авиационный полк ВВС РККА, затем Советской Армии, а также в ряду авиаформирований ВМФ СССР.

— Прорвало! — просипела тень, чертыхаясь на топчан — наспех сбитую пивную тару, уморившую рёбра словно тисками.

— Чего делать-то будем, Шляпа? — продолжал голос из невидимого угла, дополняя вопрос шороховой вознёй будто стадо Шушер из сказки подрежимного писателя Алексея Толстого.

— Пойдём, что ли к вокзалу? — хрипло пробасил его друже, шаря по карманам в поисках спичек.

Пристанище их было тёплым, однако ж шпана малолетняя свернула электрозаветы Ильича. Любопытный народец: дома жевнуть нечего, кроме тошнотиков да редко лошадиных мосолыжек, штаны американские поизорвали заборы и покрывшиеся репьями злобные дикие и не очень псы, а ребятня на последние гроши шпарит на рынок за голубями...

Им обоим страшно хотелось спать после дневных мытарств за объедками и болезненно унижающим нищенским подаванием. Ходили по очереди по дворам, сначала крадучись, потом обнаглели. О, как им позавчера повезло! У людей, видно, с головой не в порядке: кинули в мусор початый, правда, подкисший торт и в придачу пяток голов жёлтой, ядовито-солёной тарани. Пир на весь теплотрассный мир, подфартило им с «гагарой», и никто из них так и не узнал тогда, что ели они со стола секретариата УНКВД. Хорошо ещё, что не узнали; поперхнулись бы от «темы праздника» — «перевыполнение планов по статье 58 со всеми подпунктами»... Одним словом, «тише дыши» — всё не говори. А завтра «генералы» кварталов на радостях малой сытости в поиске небитого винно-водочного стекла и не заметят, что солнце за горизонтом.

Теперь временное упоение чрева было прошедшим. Жизнь продолжала ворочать убожеский дуэт и сотни таких же лиц, промышлявших от заката до рассвета. Спеться с криминалитетской «крышей» или поступить на должность «накатчиков» они, по ясному разумению, не могли: стена между уголовниками и политическими была выше Джомолунгмы...

Дундук зримо вспомнил невесть с чего «Межу» — редкого товарища набекрень — Менжинского. — У-у-уу! Скотина! Это ты сделал меня таким. За что превратилась в ничто житуха на восходе коллективизации?! Сегодня же хоть бы горбушку чёрствую от сердца вручили!

Общество, годами видя скитальцев, не замечало их. Страшноватые, обрюзгшие и похожие на неандертальцев, они вдвоём перемещались из Колымы, прячась в товарных «джени» почти год. Был с ними третий — беглый «враг народа» Демьян, мотавший сроки-этапы не за «мокрый гранд», — убийство с кровопролитием или грабёж с похищением домашней животины. Грех сказать, за что получил 10 лет ИТЛ с намордником: пчёл выращивал, местным дьякам помогал, а по выходным портретом всесоюзного старосты Калинина мух да оводов бил. Рассказывал, как маялся с роем, не шёл в колхоз, и вот усмотрели пионеры — смеялся, когда заворачивал мёд в «Правду» с Кагановичем, койй отвечал за массовую «экскурсию» населения в мрачный «город Катаев»...

Шляпа, крикнув, всхлипнул: пропал бедный самодур-пчеловод на безымянном перегоне, местной огненной воды захотел...

Зажравшегося вида конвоиры, неистовый лай доберманов режима и засовный скрежет в колюче-барачном периметре долго не отпускали их память и без того стёртую надломом хребтов на лесоповале. Бывало, блатюги и ссученные на стороне шхерются, шарят места полегче, а им — «политикам 58-м» — зэкам с лживым приговором, к вечеру бинтануть руки нечем. На руки ещё подышать можно было, но ноги... ощущение было таким, что их ампутировали! Морозище безумный, цинга, туберкулёз, обмороз насмерть и ПППШ над затылком. Чего только не видали, когда освещалось будущее канонадой салютов и наши «танки быстроноги не сдавали»...

Шляпа не имел бирки на перешитой под гражданку робе, не было у него и ксивы за пазухой. Он никогда не был до удавки ГУЛАГа и Шляпой, где он родился, клич-

ки давали только собакам и скотине, вспоившей собой индустриальную мощь СССР. На родине, в Копытцах, он числился без вести пропавшим Александром Никаноровичем Шляпниковым, лётчиком-истребителем энного ИАП. Впервые схлестнулся с воздушными самураями Хирохито в Китае и на Халхин-Голе, прослыл жохом, освоив бипланы и монопланы конструкции Николая Николаевича Поликарпова. Участвовал в «войне незначительной» — Финской кампании, сражался против «Суомен Юлмавоймат» из числа истребительно-бомбардировочных эскадр генерала Пааво Талвела. И вот... над родной землёй сбили, кровоточащего и обгоревшего били, а он молчал. Пахал потом за троих, словно «ишачок», в лагере. Англичане посылки через Красный Крест мнут, — русскому от головы до паха прикладом. «Коммунистен швайн, камисар юден» — лексикон «бельзенского зверя» Йозефа Крамера был незабываем...

В 1945-м думал, счастье пришло: освободили ребята генерала Джорджа Паттона — весёлые янки — а за свободой приговор и этап. Такая вот «могучая авиация страны социализма»...

Дундук — Василий Анатольевич Атаманов отличился на виражах предвоенного лихолетья, сев за рычаги лицензионного тракторишки, здорово отстающего от гужевой вечной силушки. Ровесник Цусимы, он крепко прикладывался к чарке и под неё слагал «антинародные» частушки. Вихрастый завсегдатай «пяточков» у пруда тогда, он сейчас мог вдарить по клавишам и разогреть «бытовым» мышцы с мозгами.

*«Полетели купола
В речку неглубокую...
Не мешало б сбрить усы
Туруханцу подлому.
Надавлю весной педаль —
Пропластаю землюшку!
Брат вчерашний — кулаки —
Бьёт с обреза в спиночку».*

Попел, попил и — доулыбался: 10 лет ИТЛ с поражением в правах на три года. Семьи не создал, червонцев в погребке, трясясь, не прятал — один в поле воин...

...Дети подземелья топали, не поднимая ног, почти безкаблучными сапогами под крыло вокзальной крыши, они ещё надеялись на добрых людей. Паровозное депо пыхтело и перекликалось перестуком и возгласами ремонтных бригад, вдоль состава «колдовал» знакомый смотритель вагонов — «папаша» их тормозного благополучия. В стороне в лучах освещения виднелся дымок, резким и редким свистком напоминал о себе маневровый, а по всеобщим путям пел на стыках Симферополь-почтовый.

Вздохнули едино оскорблённые и униженные страдальцы: мысли вылетели, как подброшенная пара сизарей к облакам.

ЮГ — море, фрукты, коробка «Казбека», летние синема, рестораны и вино, огни рампы и «гарандессы»...

И хотя машинист, словно чувствуя их думы, протяжно поиграл паром, звук которого растворился над сонным городом, режимная явь выжимала их курортные мечты и надуманные желанья однотипно системе работы виноградной соковыжималки. Здесь, в центре страны, как впрочем и всюду, давились не ягоды, а человеческие судьбы, и молитвы не помогали. Кругом жили новые мишени, однако не все чувствовали себя таковыми.

«Кушать, а завтра ехать, да не попасть в лапищи «ребят» из Особого треста по очистке облцентра от вредителей и грязи общества» — вот что лишало их покоя и сна...

Бухая заполярным отголоском так и не вылеченной простуды, Шляпа поведал корешу о том, как бывал в этом городе «туристом» ещё до войны.

— Славный городишко! Оставил отец меня с чемоданами, а сам в кассу пошёл за билетами. Минут через десять чапает носильщик: «Пацан, папа уже на перроне, велел подсобить!» Ключнул я, малёк несчастный, глядь, а «банщик» улепётывает, миг — и в толпе растворился. Ух, как батяня уши мне в тот день накрутил, век не забуду!

Дундук, помня о пяти «юнкерах» и паре сбитых Шляпой «мессеров», от души рассмеялся. Наивный «беззеник» поневоле и к горечи свой в натуре, он по-простецки подумал: «Россия, великая наша Русь, геройская моя Родина, подневольная рабыня и лжица! Кого же и как ты допустила править тобою? Люду ты в себя приняла в наши тридцатые не меньше, чем в опалённую годину войны...»

Вдруг из-за памятника вождю их окликнули: «Стоять, бродяжня!»

Они, не сговариваясь, тут же побежали, молча, не глядя под ноги, в спасительную темноту. Взрослые мужи перемещались столь шустро, что, увидев их бег со стороны, можно было подумать — они подростки. Величайший страх оказаться в зоне под забором, в рыке команд и беспределе беспорядков, прикрытых распоряжением — уставом, наконец, кодексом при единой для всех овёсно-свекольной баланде жал их к земле — только бы не пальнули, только бы не облава...

Душераздирающе голосил шарик в сантиметровом пространстве свистка, разрубая ночь надвое по следам якобы бандитов и мародёров. Впереди, опережая погоню, завывали злобным речитативом местные баскервили с кормом из государственной миски. Сознание преследуемых ещё более затуманилось: «Засада!!!». Им казалось, что овчарки хрипят в полубешеной пене басом извечно картавящей «Тройки» — 10 лет без права переписки, 10 лет... расстрел».

Полнейшее безумие ворочалось в голове тиком секундной стрелки и хотелось кричать на весь мир и грызть соотечественников зубами за свои потерянные ни за что жизни.

Неудавшийся танкист Василий, словно беркут, спикировал от света фонарей на пути. Он ломился по шпалам, не оглядываясь и не видя товарища по беде. Не слыша ничего и несколько раз упав, ударившись лбом о рельсы, не чуя хлынувшей крови и искр из глаз, он чувствовал, что его вроде не заячье сердце на грани вылета. Тут его со спины и покрыла насмерть дрезина...

Кошунственно лишённый наград ас боевого пилотажа товарищ Шляпников никогда не узнает об этом. Ему «замкнули стрелки» чуть позже, когда он думал, что спасся, запрыгнув в мусорно-пищевой ящик у харчевни локомотивного депо. Увы, нюх немецко-русских собак под ажиотаж травящих Человека кинологов привёл Никанорыча к телесным травмам от прикладов, крепкой дозе успокоительного и «перевороту на лицо».

Процеженный диктатурой город спал, не ведая о новом витке чисток, хапающих, будто рогатый монстр, рядовых и крутых сограждан. По его мрачным улицам, пугая очень редких прохожих, мчалась «брюнетка» на базе ГАЗ-АА, та самая, что задумывалась для гаражей «Скорой помощи». Ревели её 50 «лошадей», везя шестерых охранников на одного мужика и нервный водитель сдвигал воем клаксона ранних автотружеников дорог. Разномастные полуторки, эмки, студеры и виллисы как бы нехотя шуршали «мячиками» и жались к тротуарам, и никто из смертных не слышал криков орденоносца:

— Пустите, мясники! Вы не знаете моего папу! Он брат Маленкова!

Час спустя взошло кровавое солнце, озарив багряную карусель листопада октября 1947 года. Диктор Левитан ещё спал, в двух полушариях неизвестными людьми шёл штурм распада вещества и реактивной эпохи, а репродуктор плакал оскоминой: «Широка страна моя родная, много в ней...»

3 сентября 2000 г.
Орёл—Болхов—Белёв
«По ухабам Отечества»
(«Путевые заметки»).

БЕЗОТВЕТНОЕ

Светлой памяти
экипажа
атомного подводного
ракетоносца «Курск»
посвящается

*И тогда вода нам — как земля,
И тогда нам экипаж — семья,
И тогда любой из нас не против
Хоть всю жизнь служить в Военном флоте!
И тогда — вода нам как земля...*

С тех далёких пор, как отковался первый меч на планете, принято считать, что гражданским к военным дорога закрыта. Увы, с веками так и не изобрели рубильник, способный обесточить гонор военщины, которая без гражданских служб обеспечения и поддержки государства бессильна раскрыть свой мощный потенциал во благо их же защиты.

Северный флот, сотни родственников и знакомых, любимые, — ВСЯ РОССИЯ — и даже «потеплевшие» враги с горечью осознали невосполнимую утрату. Не стало высокопрофессиональной, сплочённой, патриотичной, необ-

ходимой стране ежедневно мужественной команды современного атомохода...

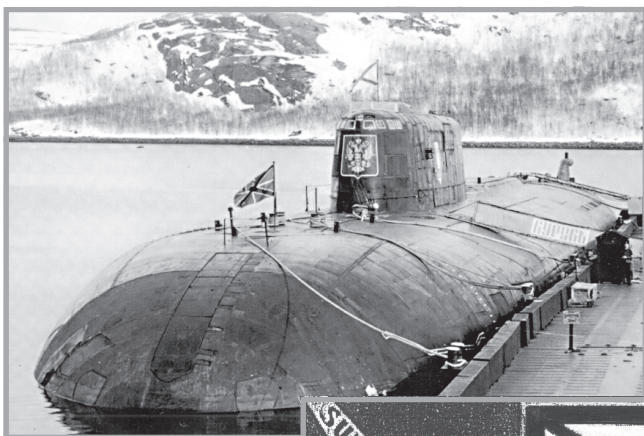
Что ж теперь можем мы, «сухопутные крабы», «чайники», «караси», и попросту обыватели сказать в своё оправдание? Разве оттают сердца родни от понятия «братская могила» или «пал смертью храбрых при исполнении долга службы перед Отечеством»? Как вернуть мамам, папам, жёнам, братьям, сёстрам, дедушкам, бабушкам и, конечно же, детям — хотя бы толику оптимизма в мире фарисейства, бескультурия, отчуждения от чужих бед?! Вдовы, сироты, пережившие сыновей родители, близкие и порядочные друзья... Кому из них нужны эти пресловутые многокупюрные компенсации и льготы, если они уже никогда не увидят любимой бескозырки, родной кокарды, шинели, кортика, бушлата и гюйсов, черного клёша и морских «душ» — тельняшек?! И — как подобрать хоть десяток слов утешения.

Да, мы гражданские, но не глухонемые, как тот Герасим, утопивший Муму. Мы тоже сегодня там, в Баренцовом, в Мурманске, Видяево и Североморске, и нам глубочайше небезразлично, ЧТО ЖЕ ВСЁ-ТАКИ ПРОИЗОШЛО...

Чем же вызвано столь разговорчивое молчание через СМИ, аналогичное молчанию о походе «Кидо Бутай» Тюити Нагумо (удар ВМС Японии по военно-морской базе США Пёрл-Харбор в декабре 1941-го), ответить чрезвычайно сложно. А может быть — элементарно просто.

Как известно, главным тактическим козырем субмарин всех типов является скрытность, в противовес которой иностранными ВМС привлекаются подводные диверсионные силы и средства. Совсем не надо заканчивать академий, чтобы понять: перед стратегическими подводными лодками с ядерной энергетической установкой, к числу которых причислен и «Курск», ставилась и будет ставиться важная задача, исключаяющая игры-«манёвры».

Не погружаясь в тактико-технические данные подводного крейсера и методы ведения подводной войны, следует акцентировать факт зримого завуалирования 60 про-

*АПРК «Курск».
Один из последних снимков у
родного причала.*

*О героических подви-
гах адмирала Н. Г. Куз-
нецова и капитана III
ранга А. И. Маринеско,
командира подводной
лодки «С-13», помнили
славные североморцы...*

центов информации отечественным руководством ВМС в течение недели, когда страна оказалась сжата, словно патрон в обойме.

Безостановочные размышления о трагедии позволяя-
ют выдвинуть свои версии произошедшего.

Первое: никто не хотел отметить, несмотря на подгото-
вку Главного Военно-Морского штаба и Штабов фло-
тов, что «Курск», будучи ракетоносцем, мог запросто
сыграть, пусть случайно, роль «ферзя» в «казусе белли»
(поводе к войне). С кем и зачем? Спросите у НАТО, с
момента основания лелеющего и спонсирующего мечту-
реалию касательно разложения не то что российских ВМС,
а России-Матушки в целом.

Второе: возможная атака неизвестным противником
или подныривание под надводный корабль, вероятно, за-
пеленговавший «Курск» и также атаковавший его (на-
пример, эсминец противолодочной обороны граничащих
с нашими водами стран).

К другим, не названным причинам катастрофы, без
обиняков следует отнести состояние позиционных гидро-
акустических средств, позиционное положение подлодки,
а также вероятность её контакта с оборонительно-минным
заграждением потенциальных «врагов».

Едва ли штурманская боевая часть «Курска», одарён-
ные и влюбленные в своё дело офицеры, могла допус-
тить ошибку кораблевождения относительно рельефа дна,
и уж тем более — возможность столкновения с субмари-
ной-инкогнито. Если так и произошло, это прямо озна-
чает, что наша подлодка «ослепла», либо её уже настоль-
ко повредили, что она была лишена хода. Только вряд ли
в точности об этом поведает нации главком ВМФ России
Куроедов.

Кроме того, помимо вполне возможной погрешности
прокладывания курса лодки, в числе причин могли ока-
заться состояние её пожаробезопасности, состояние тор-
педных аппаратов и баллистических ракет, наконец, са-
мого «сердца»: атомного реактора — долгожителя и убий-
цы. (Имеются в виду затонувшие в глубинах российские
и американские атомные субмарины, до сих пор угрожа-
ющие с океанского дна.)

Необходимо также помнить, что руководству Северного флота и далее, по иерархическим ступеням, об аварии на «Курске» стало известно через четыре часа. Но, Боже мой, ни один из «владык» моря, ни один из штатных и нештатных экспертов более полутора суток ни словом не обмолвился о поисковой противолодочной операции! Первое, что мы слышали: «Сильнейший шторм, акустика односторонняя, надежд не теряем, кислорода достаточно». А затем: «Водолазные команды — расформированы».

Оказалось, что поисковая аварийно-спасательная служба ВМФ России, о которой мы все были наслышаны, как о самой сильной в мире, находится почти на нуле, что было глубоко зацензурено. А люди-то, люди — работали на разрыв!.. Но пробиться в лежащую на дне лодку смогли лишь норвежские специалисты. Потому что на флотах мира главное понятие — СЛАЖЕННОСТЬ. Не совсем понятно, почему не воспользовались помощью, предложенной англичанами...

...Теперь мутный Гольфстрим поглотил достойнейших сынов Отечества, эстафетчиков боевой славы Маринеско, Гаджиева, Лунина, Головки, Алафузова, Кузнецова, Юмашева, Исакова, Горшкова и многих других авторитетнейших подводников и флотоводцев из числа незаконно убитых режимом Сталина ещё в предвоенные годы. Однако напрочь лишает сна ахинеяская бравада распоясавшихся пресс-теле-видео-«мудрецов», обвинивших в Горе Флотской Семьи и народной боли Президента Владимира Путина, лишь сто дней назад взявшего властные полномочия. Но поймите ж, слепцы, Президент, хоть разорвись, не мог своею рукой поднять «Курск» на 108 метров по убийственной морской вертикали! Налицо очередная идеологическо-кулуарная и коварная травля под прикрытием славных имён погибших! Впрочем, нам избранный глава державы — ни брат, ни кум, и мы не его адвокаты...

Причина трагедии, крайне болезненно усугубившей и без того обезличенно-шаткое общество, — в нём самом. И грош ему цена, если оно, захлебнувшись починками починков, фё-

доровых и лифшицев от налогов, не смогло найти сил и средств для того, чтоб спасти от удушья и разрыва лёгких своих честных и блистательных сыновей.

А между тем натуральная околофлотская сволочь из штаба (передавали по радио), продала за 18 000 рублей список имён погибших «Комсомолке». Куда ж ниже падать? Разве что на дно Марианского жёлоба или попасть в жуть круговорота Мольтрём в Норвежском море...

«Комсомолец» и «Курск» — лишь первые «киты» в преддверии Апогея рукотворных или стихийных катастроф, порождённых гонками вооружений, карибскими кризисами с «кузькиной матерью», «бурями в пустыне», гёкачепистами и прочими узурпаторами многоликих и исповедующих различные веры народов.

И всюду — венки на воде, раз в год — венки по волнам, слёзное поклонение Хиросиме и Нагасаки, Чернобылю и погибшим в борьбе с ярыми исламистами. Что сказали бы, увидев сие, Иван Айвазовский и Василий Верещагин — наши великие баталисты, защищавшие судьбы воинов и моряков, попавших в экстремальные ситуации стихии и войны?!

... Спите спокойно, сыны Отечества — матросы, старшины, офицеры. Пусть Баренцево море будет для Вас солоноватым пухом, и время создаст Вам уютное ложе и Коралловый Венок Бессмертия!

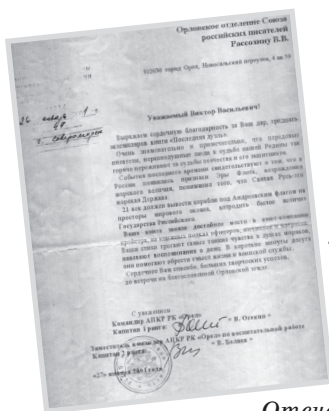
Фанфары грянут в финале безвременной панихиды, но тяжёл ужасный конец, как тяжёл и ужас без конца.

Что же теперь остаётся — искать крайнего, дежурную песчинку или светило, чтобы усыпить нацию, мечущуюся, словно юла, между Истиной и Ложью?

С поклоном и искренними пожеланием крепиться всем родным и близким, друзьям погибших моряков.

*Виктор и Сергей РАССОХИНЫ.
22 августа 2000 г.
г. Орёл.*

Орловское отделение Союза русских писателей Рассохину В.В.

*Уважаемый Виктор Васильевич!
Выражаем сердечную благодарность
за Ваш дар, тридцать экземпляров кни-
ги «Последняя дуэль».*

*Очень знаменательно и примеча-
тельно, что передовые писатели, нерав-
нодушные люди к судьбе нашей Роди-
ны так горячо переживают за судьбы*

Отечества и его защитников.

*События последнего времени свидетельствуют о том, что в Рос-
сии появились признаки Эры Флота, возрождения морского величия,
понимания того, что Святая Русь — это морская Держава.*

*21 век должен вывести корабли под Андреевским флагом на просторы
мирового океана, возродит былое величие Государства Российского.*

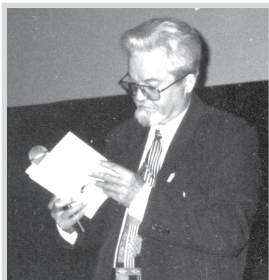
*Ваша книга заняла достойное место в кают-компании крейсера,
на книжных полках офицеров, мичманов и матросов. Ваши стихи
трогают самые тонкие чувства в душах моряков, навевают воспо-
минания о доме. В короткие минуты досуга они помогают обрести
смысл жизни и воинской службы... Сердечное Вам спасибо, больших
творческих успехов, до встречи на благословенной Орловской земле.*

*С уважением,
командир АПРК РК «Орёл» капитан 1 ранга В. Осекин,
заместитель командира АПРК РК «Орёл»
по воспитательной работе капитан 2 ранга В. Беляев.*

27 января 2001 года.

Морские офицеры в Орле. Флоту быть!

*Выступление
в кинотеатре «Победа»*

*Озёра крови, смерть, печаль,
Победы свет на скорбных лицах...
Как вы сумели поместиться
В кружочек бронзовый — медаль?!*

*Авторский блокнот
«Бессмертье Родины».*

Молодцеватого, подтянутого и опрятного старичка в глубоких морщинах я встречал на рыболовном направлении Орёл — Курск систематически — по выходным. Поговорить как-то не доводилось, хотя, скажу честно, хотелось, поскольку его стремление ко встречам с Природой и наверняка с Царь-рыбой говорило об его неслучайном выходе в массы.

В этот тёплый летний четверг, собрав мини-тормозок и нехитрые снасти, я шумел болотниками по асфальту, шагая к замыкающему вагону, думая о ходе карася в Куначе — большой слух прошёл на молочном базаре. Людей было скудно: отсыпались, либо съехали в райцентр грабители пап и мам, дедов и бабок, после выкачки их годовалой работы и взвинченной катастрофичности будней...

Примостившись у окна и рассматривая отреставрированное здание исторической станции, подумав, что где-то здесь, вероятно, прикрыли «испанкой» смерть Яши Свердлова, я вздрогнул от удара по ноге и щелчков сорвавшейся с тормозов «Невской».

— Извините, пожалуйста, лямка рюкзачная, понимаете, запуталась! О, а вы, вижу, рыбацкого племени? Куда думаете — на плотву или карпёночка? — дружески вопрошал седой, лысеющий дедушка, подтягивая катушкой размотавшуюся жилку.

— А я вас помню! Вы, если не ошибаюсь, писатель. Щас и не припомню — не то Россошенский, а может, Расплугов. Перечитывал, как же! Провожали на пенсию, вручили «Шапку Мономаха» вашу любопытную, кое-что про битвё рыбки током и трудности с публикацией «ЗИСа» слыхивал...

— Правильно, жёстко работаете! М-м-м...

— Сергей, — подсказал я ему и спросил:

— А вас как по имени-отчеству? Не раз встречались на водоёмах и в поездах, а подойти, по правде говоря, стеснялся.

— Иваном Порфирьевичем с рождения кличут, — говорил мне «сосед по лавочке» — затёртому «паркету» электричек. По его лицу прошла череда отсвета от желтоватых фонарей — сами не заметили, как тронулись.

Слушая и внимательно смотря на него, я понял, что рыбачок-то внешний, а на деле человек сложной судьбы.

Говорит мне Иван Порфирьевич: — Вот вы, Серёжа, (прямо, отец!), пишете в защиту народа и человека. Врагов российских, тиранию, падение нравов и мародёрство

обезличиваете. Послушайте, о чём поведаю, может, к месту прибудет вам ветеранское откровение. Редакторы, думаю, знают, где родились, — тоже заинтересуются...

— Служил я в Пятой танковой Гвардейской армии механиком-водителем, почти как в песне «Три танкиста». В конце июня 1944-го бросили нас в наступление, громить укрепления «Пантера», что были у Витебска под жезлом генерал-фельдмаршала Буша. Немчура в городе страшные вещи творила: ежедневно от двухсот до пятисот жителей расстреливала, построила два концлагеря. Связной из подпольного горкома партии, которым руководили Григорьев, Семёнов, Кудинов и Маценко, поведал нам на привале, что немцы уничтожили свыше 135 тысяч жителей и военнопленных во время оккупации. Эх! В какие рассказы и энциклопедии уместить злодеяния «барбароссавцев» — мерзавцев, прикрывшихся перлом «Новый парядок асвабадит Россию»...

... Электричка с подвывом, энергично ускорила разбег. Слышался говор старушек о «колорадском» нашествии, а мне стало не по себе. Становой Колодезь... Здесь тоже глумились над русским народом и изничтожали его эти самые «цивилизованные» рабы «пространства, как фактора силы», толком не осмыслившие Гёте, Ремарка, Обста и Шпенглера, Ницше, Гаусгофера, Маркса, Шопенгауэра и даже «Майн Кампф» нервного «наци №1» Гитлера...

Ранние лучи робко ворвались в окна полупустого вагона, а уважаемый попутчик не видел нового дня — он погрузился в ужас сороковых и продолжал озвучивать свою болезненную быль, изредка заглядывая мне в глаза.

— Когда двинули мы, не жалеючи детищ Кошкина и Морозова, нас поддерживали соколы Первой воздушной армии, а выходили мы на смертельную схватку из-под Рудни. Дизеля наши — В-2, конструкции... э-э-мм... Чупахина и Вихмана свеженькие были, спасали не раз. Да всё одно — сокращался их моторесурс неохватными горизонтами и боями, рвущими железо и плоть боями...

Приказ — на Толочин, обеспечить охват фрицев в Орше, затем — марш с боем в направлении Березина — Борисов.

Гнали мы по грунтовке, не помню хутора, где-то под Богушевском. И вдруг, на околице, «Святогор» наш — лейтенант и командир Николка Астров — как гаркнет, аж ток по телу промчался.

— Ванька, орёл, сворачивай! Кто-то под танк бежит. Прижми прыть, забыл, как дружка моего по Орловскому бронетанковому Трофимова подорвали?!

Передёрнул я рычаги, ушёл влево, а мы головные! В угарно-пылевой мшаре встали как вкопанные, а гул и лязг напирает вслед нам так, что и шлемофон не поможет. Жмут педали гвардейцы: девиз-то «На Запад!»

Вылезли мы, артиллерия наша 76-миллиметровая — Грушин с Казначеевым тоже. Смотрим, на дороге пацан лет десяти. Машет руками и трёт ими глаза, — плакал, видать, кутёнок. Подбегаем к нему:

— Ты чего?! Куда, хлопец, под гусеницы, обалдел?! Мы под шестьдесят летаем по шоссе, а ты тут... плакса мелкая! Ату в хату, пострелёнок! — кричу я ему, а он будто и не слышит...

— Дядя красный командир! Скорее, прошу вас, быстрее! Сволочи детишек в колодец побросали, вот только что, а мужиков у нас нема. Дед один и вдовы, а мамка моя повесилась...

Видел я меченосцев Тодзио и Умэдзу, но такого... раздавил бы ету падшую роту СС гусеницами, чтоб треск стоял до Берлина!!!

— Где сестрички твои и братья, малыш?

— Метров триста через яр, бежим скорей, укажу...

Неведомой силою, меня, сироту, понесло за мальчонкой, и не думал я о безопасности и атаке, — помчался, не взглянув на вечно сурового Астрова. Бегу, а ноги подкашиваются, горло сдавило, с непривычки «мотор» так и рвётся из груди выпорхнуть. Подбегаю. А бабы воют так, что, кажется, прямо здесь бы и помер. Заперты, понимаешь, были, спасибо ещё инвалид-старик вовремя надломил засовы...

Не раздеваясь, вытянувшись, словно на перекладине, держась руками за сруб, осторожно разжал пальцы — как падал — думал, вечность прошла. Вода — лёд, темнота, ни стопа, лишь макушка колодезная точно жерло «тридцатьчетвёрки»... А глубина — ей Богу, по кадык, счастье, что дно щебенистое. Нащупал я комочки детские — в них и весу, как в голубях. Чую, что-то в них ещё бьётся, и тут по голове мне здорово шмякнуло. Сжал зубы от боли, гляжу: трос! — молодцы Астров с Грушиным. Сдёрнул с себя ремень, и кричу, мать ету самую, копия из преисподней:

— Майнуй, ребя, шустрее! Тут ещё двое! Киньте, во что завернуть, и верёвку крепче...

Не знаю, сколько я пробыл в летней стуже, в этом внеразумном, однако реальном трагизме.

Не успел вздохнуть мерно, снова удар: детей было четверо! Вновь спустился в леденящий душу кошмар, — и не поверишь, ей-богу, — ребёнок был в нише колодца, которую я поначалу не обнаружил...

Прижал я его к себе, а он, словно проколота всяду кукла. Дышу на него, растираю, трясусь, целую. Всё без толку! И душат меня слова — поздно и напрасно...

Позвал тут-то Боженьку — спаси ты его и сохрани!!! Он-то причём?! Это мы, уродцы взрослые, накликали Вторую мировую с Отечественной, тоже второй.

Ура Богородице! Отходило дитё на глазах, захныкало. Я быстренько закутал его в овчину, а мать его тут же упала в обморок под опалённые Прохоровкой сапоги...

А Витебск мы взяли почти с ходу, уже потом, и Орша через день была нашей. Всё вокруг было разрушено, и встречали нас не больше ста жителей, еле-еле существующих соотечественников...

* * *

«Остановка 418-й километр», — ударило мне по слуху, ибо я был шокирован, и, признаюсь, — защипало глаза.

— Ну, вы на Кунач, товарищ Россошенский? Или махнёте со мною за благининскими карпушками-карасями?

Я бы припомнил, как Рокоссовский, после моего ранения лично меня наградил и назвал не Легощенским, а Ваней Орловским...

Мне было неловко, что потревожил его память, может, я смалодушничал, но взяв у Ивана Порфирьевича адрес, решил распрощаться — пока, так сказать, временно. Мы вышли в покрытый матом и «неписанностью» тамбур, он рукой жжёного курильщика мгновенно преобразил мундштук «Беломора». Когда ветеран ступил на гравий, я успел подарить ему свою лучшую удочку и сказал:

— Дорогой защитник вы наш! Вы пишите, очень прошу, пишите, мы вместе пойдём в «Вешние воды» и обязательно вас издадим!

Он искренне, сиротливо, как-то по-детски улынулся и, не поднимая грустных, жгуче-карих глаз, с болью ответил:

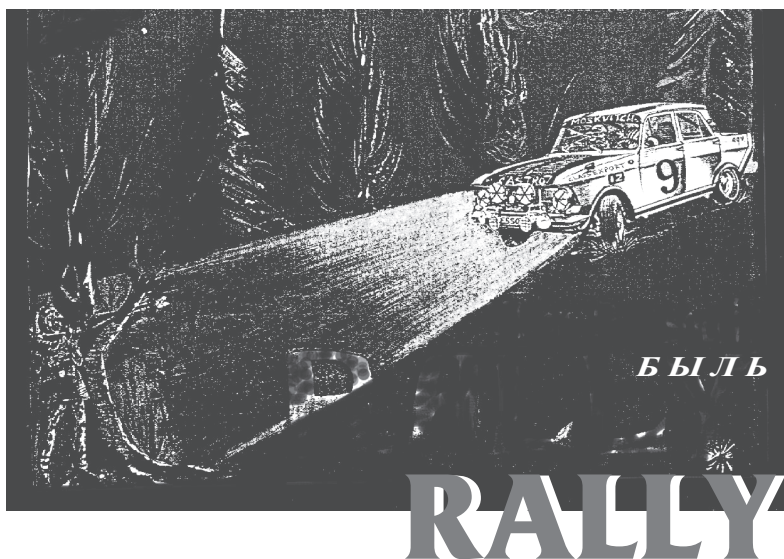
— Эх, дорогой! Кому я нужен со своими Красными Звёздами и Орденами Славы, когда за семь лет до их вручения мне, Россия была репрессирована?..

В тот день не было клёва, и рыба даже не резвилась как обычно, на зорьках. Плакало навзрыд небо, и я видел над зеркалом такую кратковременно-редчайшую радугу, которую имел счастье лицезреть не более двух раз в жизни.

Промокнув с головы до пят и уже ночью ввалившись в квартиру, я понял **ВСЁ**, отрывая листок календаря — **22 июня...**

Это была моя последняя встреча с беспартийным Героем державы Орловским Ваней.

*Июнь 2000 г.,
Орёл — Малоархангельск,
«Путевые заметки».*

*Катайтесь, жалко, что ли, топлива:
Бензин иссякнет, будет газ.
Но жаль, что тыщавтохлопоты
Перелицовывают нас!
«Неолихачи».*

Ужиная в ресторане в точности по сентиментальным нотам «Фристайла», я мысленно прокручивал в голове калейдоскоп спортивных тем для столичного журнала с ориентацией «Авто и мото». Меню и сами блюда оставляли желать лучшего, очевидно, кокер был малоопытен, создав поистине «ленивые» голубцы.

Когда джаз-банд, аккомпанирующий стопроцентной уличной, но красивой девке, умолк, я обратил хмельной взор ко звякнувшему входу. Элегантный мужчина почтенных лет, небрежно вручив чаевые швейцару — бывшему майору КГБ, — пружинящей походкой направился к моему столу, что было неудивительно: прокуренный зал был полон и все столы занимали нувориши, уголовщина и «жрицы любви».

— Вы не будете против? — сказал «Мистер Икс», отодвигая стул.

— Ну что вы! Я уже собрался ко сну, и скажу вам, в нашем городе есть харчевни, на тройку «звёзд» солиднее этой. Вы не находите смешным, что поседевшие комсомолята-основатели обозначили значную забегаловку «У Клеопатры»? Я бы мог рекомендовать...

— Не стоит, мне не впервой заправляться вдоль трасс. К тому же, я не гурман: что подали, тем и довольствуюсь, лишь бы всё было свежим, да с пылу и с жару...

Смекнув, что собеседник из водителей, я решил немного задержаться и впоследствии не пожалел, ибо интуиция писателя не изменила мне и после пары рюмок «Наполеона».

Пока официант суетился с его заказом и моим кофе, мы познакомились и разговорились. Регимантас родился в Вильнюсе и рано остался сиротой. Беспризорничая в оккупацию, жил чем подадут, воровал, наивно и по-детски мечтая найти килограммовый янтарь в песках на взморье Балтики или стать капитаном сейнера, чтобы завалить Ригу сардинами. Потом, когда немцы отступали, чуть не погиб: обстреляли на рыбацком хуторе, причём, по словам старушек-рыбачек, свои же по своим и палили...

Мелодично заверещали ресторанные мини-куранты, словно предупреждая, что с момента нашей встречи прошло более двух часов. Мы ещё много и долго говорили о Прибалтике, национализме и коммунизме. Долгая дорога в дюнах — История! Её в кошелёк и бардачок не упрячешь...

С юношества Регимантас обожал мотоциклеты и авто не меньше женщин, подружился с ребятами из мастерских, чинившими всякую отечественную и трофейную рухлядь. Поднаторев на ремонте, а, значит, в технических знаниях, понемногу стал ездить сам, да так круто, что привлёк внимание ветеранов войны — выжившей автоэлиты.

Быстро, словно скоростной доп, пролетели трудные десятилетия, победы и неудачи, две тяжкие аварии на «Опеле» и «112-м ЗИСе», а потом — врачи, врачи, врачи...

Поднялся, намертво закрутив болты воли. Позднее работал на «Вихуре» сборщиком кольцевых мотоциклов, внёс вклад в «Эстонию» и познакомился со Стасисом Брундзой, братьями Гирдаускас, Томасом Напой. Участвовал в Кубке Дружбы стран СЭВ и тренировал молодёжь, отдавая предпочтение «Москвичу» и «ИЖу-ралли» с форсированным мотором. «Жигули» тогда были только на советско-итальянской договорной бумаге...

— Послушайте, друже! А почему бы нам не продолжить беседу в том ресторане, о котором вы намекали? Есть ли рядом отель, казино? Мне всё равно придётся пару дней здесь мотаться, — молвил с акцентом Регимантас, так и не выпив ни грамма спиртного.

— Смелость города берёт? — пошутил я. — Кстати, поговаривают, казино у нас прибалтийское, но сам не бывал. Я так понял, вы у нас в гостях на машине? И что же предпочитаете водить? Уж не «Феррари», конечно? А то я смотрю: всё соки, ситро, боржоми и даже ни грамма пива...

— Пойдёмте, и сразу вы меня поймёте. Моя «тачка» юмор не любит, — загадочно ухмыльнулся бывалый гонщик.

Выйдя на улицу, я тут же был сражён наповал: чёрно-серебристый «Porsche 911» в тюнинговом исполнении выглядел в средне-русском захолустье упавшей на Землю, но не погасшей Полярной звездой.

— Сами поведёте? — окончательно добил меня Регимантас, смеясь от души, поняв, видимо, по моему лицу, что я не совсем «чайник». Вообще-то я тоже дитя войны, не трусоват и права получил давно. Но с такими заряженными экипажами, если приведётся, советую быть осмотрительнее! Немного подумав, ответил:

— Нет, дорогой, вы — хозяин, а я посмотрю, послушаю, что за штуттгартовское диво бывшие враги наши, если так можно выразиться, сварганили...

Не буду останавливаться на том, что дано понять мало кому из россиян. Промчал я и сам, будто молния по окружной — одно слово, заднемоторная пуля! Подумалось: наши шерифы в свисток не успеют дунуть, а ты уже в Подмоскowie...

В ходе «курсов вождения» Регимантас рассказал редкую историю-случай, полную трагизма. Конкретных имён и дат он, правда, не называл, но они мне и не были нужны.

В 70-х годах на одном из этапов международного ралли погиб экипаж, выступавший на собственноручно подготовленной спортивной версии «ИЖа». Мой новый друг в этих престижных гонках не стартовал. Однако вскоре по рассказам друзей узнал, что водителя убил снайпер, а штурман погиб после того, как неуправляемая машина вылетела в лес и сбила несколько деревьев...

Срочно прибывшая полиция выяснила, что с автомобиля, завязанного на узел, пропала запаска. Каким образом и, собственно, почему и зачем — долгое время оставалось неизвестным.

Прошли годы, прежде чем Регимантас прослышал через зарубежных товарищей, что ралли преступным образом использовал местный криминал. В камере запасного колеса, которое, по поговорке, не крутится на поворотах, «крутилось» то, что более всего крутится в нашей, мягко говоря, уродливой жизни: драгоценности, валюта и даже икона многовековой давности...

...Мы славно провели время. Регимантас уехал, дав мне обещание помочь в розысках хорошей машинёнки, чистой во всех деталях — от владельца до электропроводки. Один разок заскакивал в гости на свежем «Брабусе», говорил о «Тойоте-Селике» и «Понтиаке». Прошёл месяц и — «слався, отечество, наше свободное», рухнул «дружбы народов надёжный оплот»...

Мы переписывались, обменивались новостями и безделушками. Совсем недавно я уже засобирался в путь-дорогу, проверить воочию ложь о том, что в Прибалтике

честных русских не любят. Срезала всё навсегда телеграмма: «Регимантаса убили бандиты в Польше»...

Он не был мне братом, старшим товарищем, просто советчиком. У него была великолепная красавица Вия, подрастающий картингист сын, и души не чаявшая в отце малолетняя Индиборга. Он посвятил свою жизнь автотомоспорту, над ним смеялись, называя «фанатом железок», а он — влюблённый в своё дело мужчина — не смог обойти на виражах жизненного ралли подонков 80-х годов...

И почему-то жаждется возопить:

— Шофёры, объединяйтесь! Спортсмены, не унижайтесь! Власти, не допускайте их нищенства, перехода в преступность и пороки, исключите явление «седой спорт»!

*Февраль 2001 г.,
Орёл — Вильнюс — Рига,
«Путевые заметки».*

Всероссийские майские праздники удались на славу. Конечно, не всем уроженцам градов-героев посчастливилось погулять вволю и порадоваться салюту в ночных небесах. Известное дело: дачи, огороды, помощь престарелым родителям на селе, а тут ещё невпопад у многих спиногрызов экзамены. Как не помочь? Будущее семьи, страны, наша надежда и опора...

Ветеран войны Герасим Кузнецов коротал свой век бобылём вот уже второе десятилетие. Аннушка, его красавица Анютка, бой-баба, штурмовавшая Берлин, радистка штаба полка, к горечи его умерла при родах в дни хрущёвской «оттепели», унеся с собою их долгожданного ребёночка.

— Эх, пташка-инвалидушка, как не уберёг я тебя? — мучил себя иссушенный пенсионным бесправием старшина второй статьи Дунайской флотилии, подходя к уютному и облагороженному городскому скверу. — Лучше бы меня накрыло под Прагой, пусть разнесло «фаустпатроном» в трофейном «Оппель-адмирале» начальника

разведки полка. Всё равно, кто б пришиб — власовцы, фрицы или пролетарская шальная пуля...

В свете иностранных реклам и неоновых фонарей, в стартующе-тормозящем шипении расхристанных такси и свежих иномарок, под психическо-неполноценное завывание Земфиры из кассетного ларька, он шёл, не поднимая глаз, навстречу Вечному Огню. В последнее время Кузнецов всё чаще стал навещать сюда, хотя его частный домишко, унаследованный от репрессированного отца, громившего мятежников в Ливнах и Антонова на Тамбовщине, находился от места паломничества горожан в четырёх верстах. Сруб из просмолённых железнодорожных шпал задушивался героем гражданской на век без учёта маршрутов общественного транспорта. Какой тогда транспорт? Лошадку бы порезвей, ходок ладный, а то и бывшую тачанку по типу махновской под мирный быт прилаживали. Одни льготы были: голова, руки да ноги.

— Ни за что батяню из жизни выдернули, за смекалку и труд! И Климента с Будённым знал, а как дуло внутрь страны повернулось, так сразу и отвернулись, — не глядя на прохожих, думал Герасим...

Придёт он, бывало, в скверик на часок, а нет-нет, побудет полтора, а то и два. Он любил смотреть на смену караула, на молодых мамаш с колясками, по выходным покупал у оранжерейщиков красные, как кровь, тюльпаны. Пройдя сквозь палево сороковых и не найдя своего «рубикона», он понимал, что «гордиев узел» коммунизма разрублен и, будучи членом партии с 1943-го, незаметно для себя пристрастился спорить с «пехотой» — завсегдатаями «парковки» Александром Сергеевичем и Моисеем Габриэловичем.

О, что это были за споры! Не диспуты, а партийные съезды с доскональным знанием истории мира и сегодняшних администраций. Дружья не уважали карты и домино, никогда не ругались, изредка выпивали крепкого дорогого винца, вспоминали погибших, раненых, пленных, Победу, тяжесть подъёма из руин и даже Юру Гагарина.

— Ого-го! Это ж мы нечисть побили и первыми к звёздам вышли. Какую же силищу разрушили псевдодемократы, мусульман с христианами поссорили, а ведь как дружили! Средняя Азия полегла костями наполовину от Москвы до Берлина. Великая была моща — СССР! — частенько повторялся Герасим Павлович. — Помнишь, товарищ Моисейка:

*Выпить нам есть повод:
За военный провод,
За У-2, за «эмку», за успех.*

Безногий Моисей Габриэлович тут же заводил свою любимую:

*Эх, путь-дорожка фронтовая,
Не страшна нам бомбёжка лихая.
А помирать нам рановато,
Есть ещё у нас дома дела.*

...Покрупневшая в кости, более массовая милиция (терроризм ведь кругом!) славных дедушек не обижала. И всё было в ладу, да с молодёжью «пепси-прикольной» что-то случилось: лезет, — вы разве не видели — нагло-хамовито лезет с ногами на лавочки. Наряд идёт — ноль; родители кричат — ноль; ветераны со старушками шумят, обижаются — ноль; ну нет никакой управы!!! Зато анаши, девок красивых подешевле, да «сникерс» подавай под червивку и рэп...

Несколько встреч освобождавшей этот город, достойной во всех отношениях троицы, было омрачено тупостью и беспардонностью подобных прибалтнённых «субчиков» и «чувих». Что делать? Как поднять интеллектуальный уровень и организовать досуг «нашего будущего»? — эти вопросы ставились ребром и в быту, и в мэрии. Однако в последней, видимо, не перечитывают на досуге Ивана Андреевича Крылова, а жаль! Мудрость прошлого непреходяща и актуальна и ныне, господа современники. Так зачем же вы сами превращаете жизнь в басню?

Так думал Герасим, спеша домой: хотелось посмотреть, как гоняются Вильнёв с Шумахером, дочитать «После-

дную дуэль» местного поэта. Проходя по аллее, он уже видел «налётчиков», прозванных так сапёром-понтонщиком Александром Сергеевичем, форсировавшим с боями Днепр, Вислу и Одер.

Подошёл, попросил закурить. Трое ребят и девушка в приличной загранодежде были навеселе.

— Кури, дед! Хочешь коньяку? Бабка-то твоя таким тебя не угостит, бутылка — пенсия. Омаров не кушаем. На, палочкой крабовой закуси, — гнусавил допризывной гвоздь-акселерат с бритым затылком под гогот, очевидно, «общаковой» девицы.

Молча выпив действительно крутого коньяку (всё одно, хуже парижского победного 45-го), Герасим отступил пару шагов назад и, испугавшись своего голоса, закричал:

— Слезай, мажоры, с лавочки, нечего в святом месте пирушки бесцельные устраивать. Это глумление, кощунство над памятью, разве не понимаете?!

— Ну вот, — кыхыкая прокуренным нутром, молвил малыш с бледным лицом. — На добро злом отвечает! Нехороший дед. Отойди, побьём!

— Да ты кто такой? Прикуси язык, Покрышкин! — осклабился, поддакивая дружку, подросток, сидевший, несмотря на ночь, в чёрных очках. Принял дозу, топай мемуары писать, не заставляй внуков плакать!

Боль с привкусом желчи во рту, тяга под ложечкой и учащённое сердцебиение напомнили старшине речфлота миномётную утку, госпитали, Аннушку, пленение Власова и белого коня Жукова на Красной площади. Внезапно нагнувшись, он резко схватил за ногу «очкарика», закинул её вверх и, навалившись, свалил его с лавки, одновременно ударив в грудь «бритого». Он не должен был этого делать, должен был пройти мимо компании, молча, даже если бы она представилась ему шайкой карателей из-под Ровно...

Но теперь было поздно: собутыльники, матерясь на чём свет стоит, били ногами его израненное на войне тело.

— Мочи, бей гада! — истерично визжала молодая стерва и, размахнувшись, ударила лежащего деда бутылкой

по голове. Он оглох, обмяк и почувствовал привычную соль в горле, как когда-то там, на Дунае, когда их бывалый монитор подорвался на мине. Перед глазами поплыли боевые товарищи, Сталин, Аня, отец, мать, братья и сёстры, загубленные в крематории Освенцима. Откуда-то заверещал Утёсов: «Раскинулось море широко»...

* * *

На следующий день молодчики подшофе или под кайфом, решили, что пешком ходить плохо. Напав на почти ровесника, только что получившего права, они связали его, бросили в кювет и продолжили «развлекаться», на этот раз на колёсах. Полусгнивший старенький «Жигуль», хрипя глушителем и ноя редуктором, словно возмущался тому, что его так нещадно дёргают изнутри. Уркаганы заехали за подружками среди ночи и мчались выше «сотни» за город, на пруд. Шашлычка изуверам захотелось, танцев, немножко секса. На полпути оторвалась у них на полном ходу шаровая опора. Кончилась лавочка...

Вылетев на встречную полосу, затем ворочаясь в юзе на её обочине, «Лада-копеечка» «клюнула» капотом в кювет и через несколько секунд легла на крышу, избавившись от ветрового стекла, улетевшего вперёд на полсотни метров. В рассветающей идиллии утра, среди пенья птиц и распутившейся молодой зелени цеплялось за ребро крыла еле вращавшееся колесо и слышались слова: «Между землёй и небом — война»...

* * *

Герасим Павлович Кузнецов пришёл в себя на третий день в реанимации и ничего не помнил. Выйдя из «госпиталя» в восьмой раз, он поехал в приют и усыновил ребёнка, которых теперь брошенных по стране тысячи.

Борька — задумчивый малый. Он обожает смотреть «Формулу-1» и фильмы про Великую Отечественную войну, но читать ещё не умеет.

Его новому «папке» только сняли швы с головы, он показывает мальчонке награды и фотографии. Глядя его рукой по русой головушке, он рассказывает про адмиралов Абрамова и Фролова и часто приговаривает: «В апреле, ельцинёнок, возьмём твою сестру Аннушку, а в мае вместе пойдём к Вечному Огню».

Он не знал, что Александр Сергеевич и Моисей Габриэлович ему уже никогда не поклонятся...

Константин
Циолковский

РОЙ

Станислав Лем

МЕТАГАЛАКТИЧЕСКИЙ ОПУС

*Ну, с чем мы придём к двадцать первому веку?
Сошедший с горящего неба —*

теперь повелитель земли.

Конец и начало столетья

мятежным живут человеком,

Открытие Марса свободе грозит.

Мишель Нострадамус.

Центурия X, катрен 72, 1560 год (?)

*«На Марс! На Марс!» — цель жизни
великого российского ракетчика XX века
Фридриха Цандера, верившего в покорение
Бесконечной Вселенной без какого-либо оружия.*

В овальной кают-компании транспланетного флагмана «нью-пилигримов» «Нотэаф» бесшумно завершался ужин. Меню было скудноватым, но досуг скрашивался чарующим мурлыканием симфонии Андромеды — любимого спейс-хита кептэна корабля, лучшего навигатора 3699 года Сержа Гласса. Многие из 200 колонистов и 120-ти членов экипажа уже отдыхали, половина блюла вахту, остальные были введены в анабиоз в 88-ми парсеках от астероида Тупик, прозванного в честь своих многочисленных лабиринтов.

На Уране 20-й год шла война с редким, эпизодическим затишьем. Люди, где бы они не поселились, при всей роботизации и новых электровирусах — везли с собой отголоски древности: веры, многопартийность, атеистское убожество и сонм пороков, несмотря на то, что золото было упразднено. Мусульмане по-прежнему стояли стеной за Автономию Аллаха, нападали на православных, а те на них, не гнушаясь нести на бортах эскадр скорбный лик распятого Христа. Неслыханного роста достигло размножение искусственной нации — крэйзи — страшно живучих звёздных корсаров, выращенных израильтянами. Можно было бы процитировать новую Планетарную Конституцию, говорить о межнациональном дележе сфер влияния от планет до созвездий, раскрыть приобретения, загадки и преступления Нового Мира, но Гласс не хотел антимонить с шефом механиков по гелиево-водородной установке, сидевшим напротив.

Стирание исторической памяти было, конечно, обусловлено присутствием Дженифер Гарриссон, соответствующей своему прозвищу — Метаморфоза Белая Лошадь. Её формы всего что в форме — говорили о земных корнях, однако взгляд наголо обритой бестии не выдерживал никто — Пролд, её отец, был родом из «Куккарачи», как в шутку называли Карлика Вдохновенья...

Это было очень-очень далеко: полтысячи световых лет ходу для тех «болванок», на которых смешили Землю прадедули Коллинз с Армстронгом.

— Впрочем, — хмыкнул под кофе Серж, — кто не любил самого свободного и красивого эксперта «Нотэафа» по его жизнедеятельности?! Киборговые тупицы, и те, жгя её камерами, обожали поухаживать за единственной и неста-реющей гёрлз в экипаже.

Они молча разъехались на электрокарах по каютам — сказывалась монотонность не первого круиза и настрое-ния к общению не было.

Через два часа, в 5.00 по плутониевому времени, их 900-метровая устаревшая «Каракатица» входила в Квад-рат Аномальностей — запретное для всепланетных вояд-жеров сокращение звёздных трасс. Этих мест избегали даже флибустьеры с Ориона, а им, — цивилизации, опере-дившей землян на миллионы лет по развитию как мысли, так и прогресса — было бояться нечего...

Ни один из «челноков» или флагманов флотилий из зем-ных колоний ещё не проходил через этот кишащий безвест-ностью вакуум. Правда, штурман, потомок архидревней-ших скифов Иван, ещё утром, сидя за ультраклипсерами Центрального поста управления, неприятно смеясь, про-чёл: «13.13.2666 г. 27 час. по всегалактическому. Орби-тальные станции слежения и спутники приняли SOS от икс-корабля. Были подняты два суперболида «Орёл» и «Рей-нджер», однако даже выход на гиперсветовой режим ско-рости, разрешаемый в экстремальных случаях СПНКО* результата не дал. Звездолёт среднего тоннажа пропал без вести, причём удалось зафиксировать, что это, видимо, был приближенный к маткам-гигантам корабль, не заходивший ранее в Солнечную систему».

— Вы меня поняли, кептэн Гласс? — психологически глумясь, расставлял ударения Ваня, имевший странную

* СПНКО — Служба предупреждения непредвиденных космических обстоятельств.

фамилию Поллукс. — «1000-летняя энциклопедия астрономических наблюдений и космических странствий» — это вам не попастая мадмуазель-поллукровка с пропиской на нашу рухлядь. Вы, фаворит-навигатор, даёте гарантию, что улыбчивая Джени живая баба, а не силиконовая топ-модель, подставленная под нас простофилями из УСРВ*?..

Гласс промолчал. Он никогда не спорил с Мастером по пространству: парень был не «роботяка» и не биомасса — год назад дважды спас «Нотэаф» — летом в метеоритном тайфуне и зимой при посадке на Венеру.

— О, как я чертыхал её тогда! Думал, не вернусь в Каньон Баз, из-за суеверия накричал на безрукую статую... Были, говорят, умные греки, — думал внештатный консультант СПНКО уважаемый асс Гласс.

... Багрово-иссизый с чернотой теней, клинообразный лидер первопроходцев с надстройкой-зондом на корме пересёк номинальную границу Квadrата по графику. Дежурный координатор с родного, но жуть как далёкого Уэлена дал добро на прохождение Бездны вне астронавтского футуризма Айзека Азимова, без книг которого, естественно, не обходились библиотеки межзвёздных линкоров и навигационных лайнеров.

Бездна ударила наотмашь, без видимых причин завывала тревогой система обнаружения противника. Явление заявило о себе отнюдь не вдруг: на экранах к гонцам Земли приближались тысячи чёрных точек, и зрачок каждого неумолимо высекал их рост. Это был Рой, — не известный РОЙ Неизвестности...

— Специфика цели... построение разумное... их двигатели вне списков Академического Каталога Всеобщего Галактического Совета... орудия к бою!.. — кричал по внутрикорабельной связи командир, но было уже поздно.

* УСРВ — Управление стратегической разведки Вселенной, контролирующее Местное скопление Галактик под надзором Недремлющего Ока Нового колониального правительства (основаны по Указу Единой Диктатуры в 2059 году по общепринятому летоисчислению).

Атака была жесточайшей, продолжительной и высококлассно продуманной. Перед глазами прильнувших к иллюминаторам и перед теми, кто был перекрыт многоярусной палубой, трюмом и переборками, но довольствовался экранными показаниями радаров противопиратской службы — мелькали тысячи чёрных крестов, красных и белых звёзд, разноцветных полос и окружностей. Увы, никто на «Нотэафе» не осознал тогда ребус, не высказал вслух мысли, что корабль провалился в дыру во времени. 98-летний кок, уроженец Луны Айртон Чапмэн и тот не мог родить фразы: «Сопланетчики! Мы во Второй мировой войне...»

Мессершмитты, Фокке-Вульфы, Спитфайры и Харрикейны, Поликарповы, Яки и Лавочкины, Кертиссы, Тандерболты, Накадзима, Зеро и Фиаты продолжали безумно сражаться за нацизм, коммунизм, остров королей-консерваторов, Штаты, за Императора и префектуры. Сегодня они объединились против общего врага — в их понятии сатанинского, инопланетного, непонятного и опасного, с которым следовало сделать одно: уничтожить!!!

Захлёбывались злобным лаем пулемёты, утробно отхаркивались снарядной массой пушки, пилоты были молоды и бессмертны, ибо их не взяло Время и не брало совершеннейшее оружие будущего. Высший пилотаж при таком «москитном» скоплении — это было уму не постижимое столкновение прошлого с виртуальным настоящим. Утомлённые идеологиями рыцари небес форсажировали и лупили, крушили из неиссякаемых магазинов и раскалённых стволов по флагману «богов»...

Сверхновая технология не спасла «Нотэаф» — гордость подневольных корабелов и любимый корабль Нового колониального правительства во главе с демонами вторжения, правящими людьми с эры Ирода. Взрыв резервуаров с газом или каким-нибудь ещё твёрдо-топливным ускорителем — разметал звездолёт завоевателей надвое, и он с гулом, соря обломками и экипажем, глухо вошёл в

Тихий океан, вызвав цунами на Хоккайдо, в Гонконге, Порт-Морсби и австралийском Дарвине.

Поршневой рой упрятался в ульи, а Квадрат Аномалий вновь затянулся своей секретной девственной плевой под именем Система Вечной Войны. Охранявшие её были проще, у них был девиз: «Сила — выше воскрешения»...

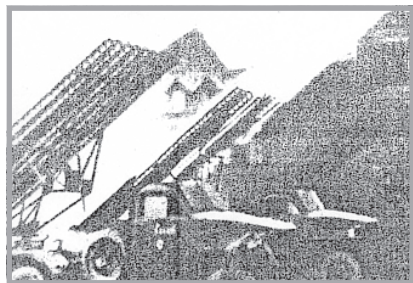
* * *

... Станислав Лем проснулся мокрый от пота, он дрожал как осиновый лист. В ту ночь он дважды прочёл вроде простецкие вирши русского так себе поэта под общим заголовком «Сказка об Иване Свидетеле». — Ничего себе землячок Тургенева, Лескова и Бунина — вольтова дуга... просит довести до панов и пани...

Глянув на календарь с госфлагами и подумав об их расцветке, автор «Соляриса» и походов пилота Пиркса здорово напугал жену репликой:

— Чёрт! Да в Этой Системе мы уже жили...

1 октября 2000 г.,
Орёл — Калуга,
«Одинокое застолье
в гостях у К.Э. Циолковского»
(«Путевые заметки»).

ЦАРЖОТА

*Красота идёт не твоя,
Солнце светит
И растёт трава —
Без тебя!*

*Переосмысленный
Виктор Цой.*

...Ночь. Пятый и последний день пути. Бешено хлещет по кузову дождь. На изломе балок бликующей трассы аквапланируешь, словно в «Кэмэл трофи», однако со скоростями среднего ускорения «Париж — Дакара». Лампочка указателя топлива подло мигает, но спешу — всё больше за «100» — родня из командировки, верно, давно поджидает.

Крейсирующих попутных и встречных авто что майских жуков в декабре: подтрунивают, что ли, ночами ездить или непогода прижала ко сну? А, может, и совесть нечиста — к бессонной ГАИ и её завуалированным кафе жмутся...

Впрочем, водный ураган любителям и дальнобойщикам, как и «челнокам», «на мотор и на руку»: пикет тружеников дорог иногда с нарушением прав человека сегодня, как никогда, галантен — его попросту нет. А светофор красный! Тормози, шоферюга! Где помидорная «зачистка», а где террористические «маслята» в дыне. Бдительность превыше всего, однако ж ливень — не упоминать такого... Кивнув мне из будки, магистральный смотритель смачно зевнул и отвернулся — устал...

Я помнил про Чёртов мост над железнодорожным полотном и предвещающие его S-образные повороты. Снизил, конечно, обороты, и вдруг — **Чёртов мост!..**

На выходе из виража посреди трассы лежало *нечто*, в свете фар явно похожее на живое существо — Человека. Не без невроза я переложил руль и, ступенчато тормозя, съехал на встречную обочину, с мыслями: «Ну почему я? За что такие ужасные стрессы после восьмиста миль?»

Потирая глаза с висками, я вышел, подошёл ближе. Прилично одетый молодой человек лет под тридцать лежал на спине и совершенно безаварийно улыбался.

— Всё в порядке? — кричу ему. А он:

— Помоги, отец, трудно мне, умираю...

— Уж не напился ли «Иванушка» огненной водицы? — мелькнуло в моей голове. Здесь змиев на каждом шагу залейся, да и народец-то сучной: будешь идти к маме или жене, могут по «кумполу тюкнуть» и всё; видя, никто не видел, слыша, никто не слышал. Рой, РОВД, ров под своих ли, чужих — без разницы...

Не мог я его бросить, поймите! Не хотел омрачать финал командировки и эмоциональные встречи с народом протокольными подписями вкупе с дознанием службы ОЗ. Человек человеку — брат! — первый что ль я промолвил?

Мы ехали, уважая ГИБДД, узаконенные пешие нарушители в большинстве своём спали. Горе-попутчик сидел рядом со мной и мычал, тело его ломало. Мне тяжело было понять, что с ним, его речь была полным хаосом англо-русских аббревиатур, недалеко ушедших по выговору и акценту от булгаковского Климата Чугункина. Не видевший и не прочувствовавший апперкотов судьбы малец бредил какими-то «паханами», «барыгами» и «аптеками», а лицо его было настолько мертвецки бледным, что был момент — хотел я рвануть в Семашко...

И всё же вспомнил он про сестру или сожительницу, проживавшую на городской околице, промямлил невменяемый адрес, который был для него соломинкой утопающего.

Привёз я его до дома, хорошо ещё не тяжёл паренёк был, довёл до квартиры. Открыли не сразу, хотя, очевидно, не спали — громко играла музыка. Девчушка, было, разрыдалась, но, совладав с собой, пригласила на кружку кофею.

— Вы же с дороги! Боже, как я вам благодарна! — замкнуло в её крашеной головушке. Подумалось: «Буксует твой мозг, повторяется, не впервой рождённая фраза и человек перед тобой чужой, мало ли что».

Я очень спешил домой, но решил-таки перевести дух. Понять круг жития, по всей видимости, семейства музыкантов. Куда ни бросишь взгляд, смотрели на меня Элвис Пресли, Элла Фицджеральд, грустный Леннон в обнимку с Йоко, попрыгунчик Янг из AC/DC и Курт Кобейн со своей «небоскрёбной» женой. На подпаленном линолеуме в углу у газовой плитки валялась дорогая гитара с надломленным грифом. Картина друзей Пикассо: «Рокеры 90-х в поисках Нирваны»!

Уложив галлюцинировавшего «пациента» дремушки (благо, не буйный), Лена, смахивая слёзы по почерневшему от туши лицу, вышла на кухню. Чайник ещё не кипел, и мы, с её согласия, закурили и разговорились.

Не знаю, чем я расположил её к откровенности — вероятно, тем, что не сдал брата (или любовника?) Органам. Может, скрашивала одиночество красноречием, будучи сама под кайфом?..

А она, как водится у людей бряцающе-малюющего общества, была здорово хороша, несмотря на макияж буднично-ежедневного горя. Нельзя сказать, что «спайс гёрлз», но что-то было, удивитесь, от Сабрины, и тут я невольно позавидовал молодости.

Я спросил у Лены, как же «это» произошло — недосмотрели, недоглядели мальчишку? Оказалось, Игорёк давно уже пристрастился к игле, в горбачёвские годы один из немногих «байкерствовал» по Союзу. Вот и подхватил мерзкую заразу на свою талантливую голову: ге-

роин стал потребой жизни, стимулом дыхания с утра до вечера. За дозы любимую «Яву» продал...

«Талантливую?! Ведь он же урка, изгой общества, самоубийца и возмутитель спокойствия, гад!» — отметят законопослушные вундеркинды.

Эх, господа, в бездиктатурное времечко парень пропадад одарённый: девчонка раскрыла его стихотворный Талмуд — сотни текстов и песен, попытки симфонических, даже оперных построений, проект концертной программы, правда, с больным названием «Круиз в никуда». Нахвтался, конечно, дури у Запада, не понял Сатанинской профилактики в армии. Увы, как понять? Служил в Фергане — исчадии марихуано-маковой Долины Смерти...

Незаметно ушёл час безвозвратно. Магнитная Лена показала мне рисунки Игоря — пейзажи Крыма и Балтики, космический авангард, реализм нищего у Государственной Думы, беспризорников в метро. Предложила остаться, мол, он отойдёт, пусть увидит своего спасителя, но я, разумеется, отказался. Велика разница в возрасте, и, вдобавок, соседи у подобных людей безоговорочно — стукачи. А мне, как и всем, много не надо; была б картошка, перо да бумага.

* * *

Не уродилась в этом году что-то клубника. А ведро на базаре — дорогое-аппетитное — не дороже денег и всё ж немало. Я двигался меж рядов представителей нью-НЭПа, вступал с ними в «дискуссии», приценивался, грустил и смеялся. Рынок вытворял обалденные выкрутасы, до которых суперреволюционер Ленин не додумался бы ни в Смольном, ни в Мавзолее...

Чу! Навстречу мне топает «сверхкутюрная» орловчанка — от пят до макушки — о`кей! Глаз нет: вместо них защита зеркал «Peredays», утончённость линий — с обложки «Плейбоя». В общем, цветки, банты, кружева, декольте — не определишь, миссис или мэм...

Она шла в упор на меня, седого, словно вышла из шлягера Анны Герман. Я уклонился, но она, коснувшись плеча, остановила меня:

— Извините, неужели Вы?! — она подняла очки.

Да, это была Сабрина-Лена! Прошло полгода, опасная жизнь должна была её состарить, а она распустилась, точно мак. Конкурсная подружка и только, но зрочки выдавали её, и тащила она не мясо, не рыбу, а какие-то нужные ей для ремонта баклажки с растворителем.

— Как Игорь? Думаю, выдурился при Вашей любви? — подковырнул я её...

... — О, эх, ммм, — запнулась она, вновь пряча глаза по Канту. — Вы разве не знаете! Нет его, — умер...

Помолчали в ажиотаже спекулятивных наворотов под надрывы «ZZ TOP» из кассетного ларька и роботизированные зазывы «напёрсточников». К чему теперь слова? Не доиграл человек, не додумал поэмы из-за своего же безволия. А хотел же, как мечтал! Но героиновый рок порвал все вены и струны...

В тот день не один я попал в трёхчасовую пробку: прибыл господин президент. Желая отвлечься от мысли (сколько таких Игорей!), навернул магнитоу. Как на-зло, Макаревич загрузил:

*Он сгинул в январе,
В чужом дворе...*

Так это было или не было? И как в продолжение дум прокатила по разуму «Машина времени»:

*Вот новый поворот,
И мотор режёт,
Что он нам несёт —
Пропасть или взлёт?!*

*30 июля 2000 года,
Орёл — Тамбов, «Путевые заметки».*

*«Беды обычно
приходят парами —
пара за парой,
пара за парой,
пара за парой...»*

*«Следствие Кона
из закона Мэрфи»*

КРУШЕНИЕ НЬЮ-ВАВИЛОНА

Томас Вулф, известный американский писатель, как-то неподражаемо точно обрисовал панораму Манхэттена: «Эта сказочная скала, этот корабль жизни».

Сегодня Соединённые Штаты Америки, весь Мир скорбят от чудовищно-вероломного акта лобовой агрессии, продуманного маниакальными прожектёрами, воспитанными в духе преступных традиций минувших войн. В целях запугать население супердержавы, посеять страх и панику, ими запущено четыре корабля смерти...

Неслучайно многонациональная Америка в эти дни, зайдясь стоном и плачем, часто вспоминает Пёрл-Харбор 1941-го, речь президента Франклина Рузвельта в Конгрессе и вступление страны во Вторую мировую войну, 60-летие начала которой планируется отмечать в декабре 2001 года. День бегущий и день прошедший — напоминают нам о хрупкости могучих цивилизаций во все времена после Ноего ковчега. Главное отличие произошедших катаклизмов и катастроф лишь в том, стихийны ли они были, или же продуманно-рукотворны...

Олицетворение ума, сноровки и экономической мощи Нового Света с одной стороны и порождение вируса корпоративного модернизма с другой, знаменитые каменно-стеклянные джунгли небоскрёбов, словно сваи, подпиравшие небо, рухнули в результате чётко скоординированной операции, превратившись в руины. Никакие сверхновые технологии, ни обывательско-философская позиция граждан, ни внешняя и внутренняя политика лидеров страны демократии, её МИД и департаментов при всемирном объединении против терроризма, как выяснилось, не гарантируют страхования соотечественников от угрозы жизни внутри и извне.

Кем были захвачены отнюдь не устаревшие пассажирские лайнеры ведущих авиакомпаний — вопрос максимально запутанный, многоликий, где-то неисповедимый. Он может варьироваться экспертами и несведущими в неопределённой степени чрезвычайно продолжительное время как в мире новомодно компьютерных отношений, так просто в разговорах патрициев и плебеев «на кухне» и «по душам».

Враги Америки с видимым удовольствием уже сейчас празднуют «победу», упоминая «волю Аллаха». Одномоментно не стоит забывать, что «мусульманско-арабская» версия столько оправданна, сколь и ошибочна, ибо в разрушении экономического и военного потенциала США прямо или косвенно глубоко заинтересованы многие страны. Враг пришёл на не знавшую бомб землю внезапно. Он

переплыл или перелетел океаны, оставаясь человеком-невидимкой с очевидным замыслом перекройки существующей карты Планеты. Примечательно, что в тяжелейшие для Америки дни, когда по сообщениям средств массовой информации погибло несколько тысяч ни в чём не повинных американцев и граждан других государств, к нациям обратились Джордж Буш, Герхард Шрёдер, Тони Блэр, Владимир Путин, мировая прогрессивная общественность, разоблачившая антигуманную направленность последователей доктрины диктатур.

Большинством подчёркивается пиковая ситуация, стрессовость, эмоциональная выживаемость человека, сплочение народов и исключение опрометчивых решений-поступков, способных привести не к локальному конфликту, а к Третьей мировой войне. Заявление Буш-младшего, отец которого, Джордж, был самым молодым пилотом ВМС в годы, когда над Великим океаном встречались «камикадзе» — прямое подтверждение того, что Америка готова нанести удар (или удары) любому противнику, посягнувшему на жизнь янки и её территорию...

На фоне повальной западнизации, наркотического дурмана, жестокого криминального беспредела и извращённого секса российскому обществу значительно важно проявить солидарность с нашим далёким, но верным союзником по Второму фронту — американским народом, капитально выручившим СССР поставками по Ленд-лизу. Учитывая нездоровую целеустремлённость мыслесложения платных «недоносков» изжитой идеологии, работающей и ныне не на добро, а в ущерб взаимовыгодным отношениям между великими державами, следует помнить, что флюгерманы попытаются взорвать стереотипы честной и популярной американистики.

Свежая поросль урбанизации и мода на небоскрёбы — немые свидетели зигзагов развития высотной архитектуры — не умерли в понятии уважающих историю цивилизации политологов, музыкантов, писателей и журналис-

тов, несмотря на глобализацию вплоть до Программы СОИ. Однако, в одиссеях, описывающих мультиэтажную Америку вне голливудского гротеска Стивена Спилберга, бездушность и чванство её обитателей, либо стабильность конституции, автомобилизацию и патриотизм — ваятелями фарисейского портрета страны вычеркнуты конструктивные элементы ещё одного «стереотипа»...

Как всё гениальное, он лаконично прост, подразумевая под собой реальность появления в преуспевающем обществе касты злобно настроенных сил оппозиции. Памятуя о гостеприимстве «страны грёз» на всех этапах её развития от авантюры при освоении Дикого Запада до братоубийства между Севером и Югом, от работорговли до уничтожения индейцев, нельзя исключать того, что в одном из Штатов могла зародиться подпольная организация, взявшая на вооружение стратегию исламских фундаменталистов и японских радикалов. Не исключено, что мозговой центр и патроны беспрецедентного акта насилия не одно десятилетие отживали свой век в джунглях Южной Америки, прячась от судебного процесса, аналогичного Нюрнбергскому или Токийскому 40-х годов XX столетия.

И в новое тысячелетие мир входит с войнами и катастрофами, убивающими сущность человеческую на воде, в небе и на корню. Но что бы ни интерпретировалось, что бы ни написалось и переосмыслилось вчера, сегодня, завтра, какие бы «чёрные ящики» ни разыскивались — *людей уже не вернуть*. Сколько их там — бизнесменов, домохозяек, детей и стариков, спортсменов, изгоев, звёзд и бомжей, полицейских и пожарных, шофёров, капелланов, медиков и военных, объединённых болезненно-горестным эпитетом «пропавший без вести»? Какая голова не спала ночи, чтобы лишить Пентагон крупнейших специалистов своего дела?

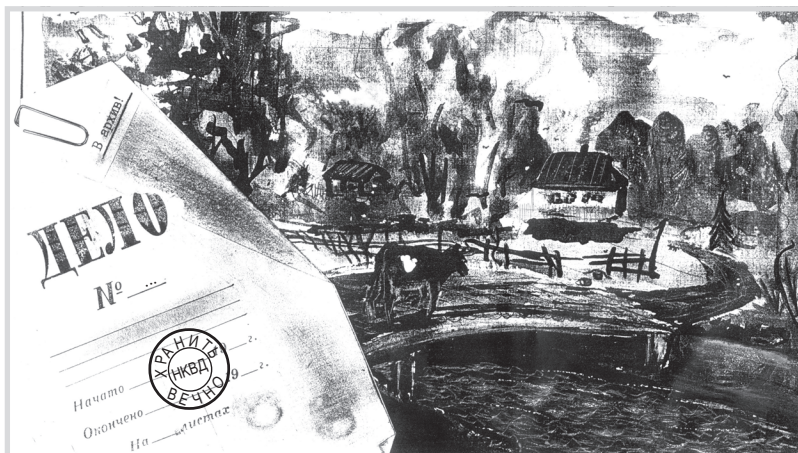
Справедливо замечено: «Есть ложь, красивая ложь и статистика». Когда мчишься на 400-сильном «Корветте» по мосту Трайборо или Бруклинскому на подъезде к Ман-

хэттену, осознавая величие повседневного подвига честных и добропорядочных американцев, «рыцарей труда» — мало задумываешься над ложью и человеческим увлечением гигантоманией, вавилонской мегаполисностью, стремлением всюду быть первыми. И если В. Маяковский ошибся, назвав Ист-ривер Гудзоном, если для М. Горького Нью-Йорк был «городом Жёлтого Дьявола», а С. Есенин был унижен на приёмах, несмотря на А. Дункан, то «наше открытие» Америки заключено в строках поэтессы Э. Лазарус на подножии величественной Статуи Свободы:

*Укрою гонимых, согрею озябших,
Бездомным дам пищу и кров.
Всем, кто свободой дышал,
Факел мой путь указал.*

...Россия приспускает госфлаги, но вряд ли помолчит минуту — быт съедает сограждан по афоризму «Они далеко!» И всё же мы верим, что люди всех национальностей, переплавившись в новую человеческую расу, обязаны не разрывать «томагавк» войны. В этом и должна заключаться цель жизни здравомыслящих сил двух полушарий, ибо общенациональные интересы наших держав, исповедующих Веру Христову, зиждятся по мудрости веков: «Возлюбь ближнего своего, как самого себя!» Мухаммед, Будда, Шива, Аватэрасу — учат тому же с момента первой устной проповеди.

*12 сентября 2001 года,
г. Орёл.*

«Оперативная ориентировка на контрреволюционных, прокулацких элементов — Бельдяжкина Игнатия Тимофеевича и Скрябина Антона Никифоровича. Специально для ст. уп. розыскной районной группы НКВД, действующей на выезде, тов. Катка И.С.

1. Бельдяжкин И.Т., 18... г.р., уроженец с. Пустомазово Воронежской губернии, из крестьян.

Образование 3 класса, сын зажиточного мельника, бывшего дворецкого помещиков Кауфманов. Русский, женат, имеет 4 детей (3 сыновей и дочь — 21, 18, 15, 7 лет). В Пустомазово проживают два родных брата: Фёдор и Серафим (младшие).

В настоящее время обосновался на х. Погорельцы Орловской губернии и владеет имуществом: сруб — 12 x 8 аршин; 2 коровы и 2 лошади; годовалый жеребчик, 10 овец и домашняя птица (всего 30-40 голов). Имеется обширное подворье, сельхозинвентарь (10 единиц), обрабатывает 5 десятин казённой и 3 десятины владельческой земли. По сезону занимается рыболовством на близлежащих прудах и реке.

По непроверенным данным, его жена, Глафира Кузьминична (урожд. Тихонравова) торгует пшеницей, фуражом

Нумерация документа, инициалы официальных и физических лиц, географические названия и даты опущены или изменены. — Р.С.В.

и самогоном из-под полы, в обход государства. (Заявление Комитета Ржавецкой бедноты вместе с фото супругов Бельдяжкиных приложено.)

2. Скрыбин Антон Никифорович, 18... г.р., уроженец г. Ельца Орловской губернии, из семьи военных, русский. Вместе с отцом, штабс-капитаном Никифоровым Алексеевичем, участвовал в Брусиловском прорыве в звании поручика (Особая армия), где отличился храбростью и находчивостью. Мать (урожд. Софья Полянская) эмигрировала в Харбин.

Холост, часто посещает церковь. По сообщениям тов. Загрювого (агента «Почтальона»), имел связь с ливенскими мятежниками и белобандитами Антонова, возможно, осведомлён о нахождении тайных складов оружия и провианта. Дружен с Бельдяжкиным И.Т. (спекулятивный оборот продуктов, в т. ч. мяса, рыбы) по новому месту жительства — с. Ржавецкое Орловской губернии.

Словесный портрет: худощав, среднего роста, на висках лёгкая проседь. Немного сутуловат, взгляд исподлобья, неразговорчив и внимателен к посторонним, незнакомым ему людям. Предполагается, что в совершенстве владеет оружием, в частности пулемётом «люис». Весьма неплохой наездник. Ведёт спокойный, размеренный образ жизни, равнодушен к алкоголю. Увлечения: охота, рыбалка, верховая езда, свободные красивые женщины с городской пропиской. Особых примет нет.

Основания для ареста обоих:

а) Граждане Бельдяжкин И.Т. и Скрыбин А.Н. неоднократно высказывались (в т. ч. нецензурно) против Советской власти и руководителей партии и правительства. Так, Бельдяжкин 18 мая с. г. производил незаконный улов рыбы на нересте, и, обмывая улов, отметил, что «ни одна из партий не способна накормить народ» (см. записку бывшего батрака тов. Кривошеева).

Братья Бельдяжкина, будучи в гостях у него на Говдовщину смерти В.И. Ленина в изрядном подпитии, кри-

тиковали «Декрет о земле». Причём, глумились над именем и заслугами Великого Ильича: «Декрет создал, а в землю не лёг...».

Семейство Бельдяжкиных подлежит аресту и конфискации имущества в пользу государства.

б) Белогвардейский недобиток, враг народа Скрябин А.Н., как антисоветски чуждый элемент, паразитирующий на рабоче-крестьянском обществе, дважды замечен при попытках агитировать местное население, призывал «саботировать сатанинские методы колхозного оброка, большевистско-еврейской барщины».

В связи с вышеназванной характеристикой, при вооружённом сопротивлении, оказанном при задержании, подлежит расстрелу на месте.

*Нач. УНКВД по ... области
Нач. УГРО по ... области»
(подписи неразборчивы).*

* * *

...Вторые сутки напролёт полоскал губернию обложной ноябрьский дождь, то морося, то разряжаясь ливнем. Привычное дело: есть урожай, нет урожая — до горизонта пеший ли, конный — жмёт на сознание и животину слякоть. И в чём ты её не меси — в лапотках, яловых, кирзовых сапогах или в обмотках, — среднерусская хлюпающая затяжная чёрная жижа с тающим снегом, случается, настолько мерзка, что собаку со двора выгонять жалко. Кому горе не беда, кому тоска в запое, а кому-то и без бутыли забот полон рот. Как тюкнет по земле и водам первый морозец, того и гляди, чтоб православные грехом не обокрали...

— Всё нажитое умом и рученьками объявили общенародным. Это как же додуматься, а?! — недовольно гнусавил бородатый возница подводы в тулупе, из-под ворота которого глазели, словно калина, пуговицы косоворотки.

— Прадед мой соху по корнямью тамбовскому ковыркал да ломал. Деда, беднягу, у Демидова вместе с немчу-

ками в штольне на прииске задавило. Батяка с матерью, а она нас малых роженицей совсем молодой покинула, — своими руками мельницу подняли, босоту работой, мукой и денежкой обеспечивали. И вдруг, поди-ка, народная!!! Слышь-ко, адъютант божий, что есть раскулачивание? Ты, Никифоров сын, поди-ка, грамотей, коль Пушкина с Некрасовым на зубок помнишь. Чо насупился — растрясло малость?..

Хлёстко, с присвистом стеганул по крупу ладной лошадки длинный плетёный кнут.

— Эгей, милая! Быть тебе, выкормошка моя, общаковой, по-ихнему пролетарской. Ну так, чего молчишь, ахвицер? Два раза не прошу, сказывай!

— Ага, задела тебя, старый, голытьба на наряде! Что былое шарошить через столько лет после Брестского мира? Позор армии и Романовым. Соль на раны солдатам и горечь поминок вдовам с сиротками. Братьев в гражданскую били, сабель и свинца не жалея. Махно недавно читал: столярничает «анархист бакунинского-кропоткинского толка» в Париже. Бедовый крестьянский сын был батяко, в когорте первых орден Красного Знамени получил... Басмачи снова на скакунов сели. Гордости и коварства у воинов Аллаха не занимать...

— Ты мне голову не морочь, — сворачивая в Горбатый ров, злобно крикнул дедок. — Твои речи завсегда к одному — хоть пьяный, хочь тверёзый: «Позор России»... Мало, что ль, достойного славного???

— Раскулачивание, отец, как есть, для лучших крестьян — плаха. Сызнова воротить время не сможем, поздно уже — «прод-развёрстка». Я тебе объяснять ничего не буду, у тебя братцы не промах. Считают, отстреливать «красных барин» надобно, за единоличность гутарить, середняка, и других, кто с умишком, приблизить. Там — десять, здесь — двадцать, а ежели по губерниям тыщи недовольных слово и силу займут, несдобровать грабителям Церкви Русской. Попомни...

Перед въездом в ручей скрипучий ходок подбросило на сочной, ещё зелёной кочке, да так шибко, что заговорщик-дед чуть не прикусил язык. Вспотевшая, дышащая паром Вьюга натянула вожжи, и, как вкопанная, застыла посреди русла, склонив красивую, с белым пятном на лбу, голову. Кобыла неспешно пила студёную воду, позвякивая удилами и скрипя орнаментным хомутом. Ездоки молчали, думая, о чём думают больше всего — о жизни, пока ломкая шуга, крошась, цеплялась за берега...

В розовых сумерках они подъедут к Погорельцам, обеспокоенные лаем дворовых собак, причитанием Глафиры Кузьминичны и непрерывным рёвом детей. Дико мычали встревоженные чем-то коровы, почему-то на улице бегал несмышлёныш-жеребёнок. Ощущение творящегося хаоса, бедлама дополняли неистовым гоготом перелетавшие забор гуси...

Скрябин давно готовился к встрече, чувствуя, что когда-нибудь его всё равно загребут, не так, так по «соседским бумажкам» — бдительным доносам сверхбдительных граждан. Борцы за народную справедливость на этот раз заехали со двора, смяв копытами огород, очевидно, решив застать хозяина усадьбы врасплох. Так и вышло, но его с утра не было дома...

Сотрудники группы захвата, зная Бельдяжкина в лицо, сразу, не обращая на него внимания, затребовали документы у попутчика. Тот молча выдернул из сена обрез и разрядил его в двух оперов, стоявших рядом. Паренёк-комсомолец, помня инструкцию, выстрелил в убийцу, бросившегося на него врукопашную.

Пуля попала экс-поручику в горло. Он захрипел и, падая, вцепился в грудь своего противника.

Дед Игнатий, зарывав, как медведь, кинулся на помощь, но помогать было некому. Вредитель и враг общества был мёртв, но и в мёртвых глазах светилась ярая, фанатичная непримиримость. Замахнувшись охотничьей финкой, старичонко неуклюже прыгнул на испуганного парня, ударив его в живот...

Грохнул выстрел. На крыльце, непонятно чему улыбаясь, стоял старший уполномоченный группы товарищ Каток, сдувая дым со ствола «маузера».

— Раскулачили, право-троцкистское падло, — хихикая, сказал он, раскуривая трубку. Глядя на него, спасённый им юноша упал на траву, рвал её руками и тихо смеялся. Через минуту его вырвало.

Двинулся молодой чекист рассудком, и десятилетием позже, когда сгинул при освоении вечной мерзлоты род Бельдяжкиных, он мучил шизофреников в психлечебнице мемуарами «Опыт раскулачивания в СССР»...

Сентябрь 2001 г.
Орёл — Воронеж — Тамбов,
«Путевые заметки».

Рисунок Олега Маслова, члена Международного
Художественного фонда.

*Диктатор захватит солнце,
Марионетка — лучик,
Слабейшему остаётся
в страхе от войн дрожать...
В недрах лабораторий
столько учёных лучших;
Думайте о Вселенной,
Как о ребёнке мать!
«Шапка Мономаха», 1992 г.*

UFO — они же НЛО

Около двух с половиной тысячелетий звёздное небо волновало умы философов, учёных, гадалелей-магов, жрецов и шаманов, чудаков-мечтателей, простонародья. Развитию и крушению древнейших цивилизаций издревле сопутствовали удивительные природные явления, которые, обрастая с годами мистицизмом, параллельно возводились в ранг сверхъестественных сил, становились основополагающим составляющим всех известных ныне религий.

Космические часы имеют свой ход, а нам представляется, что в небесах волшебная идиллия. В обывательско-порочном круге современности мы забываем, что мисти-

ческие черты всеобъемлющего вакуума, грандиозно бездонного Ничего — космоса могут материализоваться и представлять угрозу всему живому. Ведь во Вселенной никогда не было и не будет покоя — она живёт по круговоротному закону жизни и смерти, образует новое, уничтожая старое...

В истории народов пяти континентов и быте островитян морей и океанов с незапамятных времён, несмотря на жестокие условия естественного отбора, бесконечные войны и ландшафтные катаклизмы, остались драгоценные крупницы фольклора, повествующие о необъяснимом.

Вспомните: огненные птицы и колесницы, слуги Бога Солнца Ра в Египте, драконы и летающие змеи, циклопы, русалки и жар-птицы, пропавшая Атлантида, истуканы острова Пасхи и японские нэцки. А ещё поищите материалы о рисунках в пустыне Наска и о Бермудах, поинтересуйтесь сказаниями и астрономическими познаниями египтян, ацтеков, майя, инков, догонов, англосаксов, готтов и русичей, легендами и мифами народов Крайнего Севера, Тибета, Индии, аборигенов Австралии и Океании. Представьте, сколько негласных табу, передаваемых из уст в уста, унесли с собою хранители загадок!

По прошествии веков изменялась природа, а вместе с нею и её главное совершенство — гомо сапиенс, уже тогда безнаказанно убивавший себе подобных. Мир механики предоставил Человечеству слишком многое, одновременно истребляя его на земле, в небесах и на море. Географическая ущемлённость, скудность природных богатств либо их излишек под убойными перлами идеологий двух полушарий привели собратьев по планете к двум мировым войнам, локальным конфликтам, к расизму и к нездоровой погоне за вооружениями всех видов, в основе своей рождённых на примитиве — трении. Примечательно, что на каждом витке противостояний между нациями и религиями возникали всё те же «пламенные колесницы», правда, под другими, соответствующими времени названиями (шар, диск, зонд, звездолёт).

Не будем приводить здесь конкретных примеров, галлюцинаций, экстрасенсорного шарлатанства, прямых провокаций и массы контактов землян, раскрывающих или фальсифицирующих внеземной абсолютизм покорения космического пространства иноземным, т. е. необъяснимым. В своё время это достаточно философски проделывал самиздат. Чуть позже, хотя и подцензурно, в торжество истины над здравым смыслом и раскрытие уфологических тайн привнесли дискуссионная оригинальность, научно-популярная периодика и специализированные издания ограниченным тиражом. Интеллектуалы себе на уме оставались под «телескопом» фискалов, крадущих у них энергию.

Но если секрет-архивы Германии, Франции, Англии и США что-то и приоткрыли согражданам, то в Отечестве, не чтущем пророков, настораживает давняя акция молчания. Очевидно, постсоветские СМИ делают ставку на многопартийность, национальную травлю, гротесковость ума при безденежье, наглый атеизм и скоморошество переметнувшихся в веру. Спрашивается (думаю, тысячами): «Неужели на огромной территории России ничего не падало и не происходило после взрыва Тунгусского метеорита? Пресса писала немало, а три президента весьма упорно молчат. С чего бы это? Нонсенс!»

Понимая, что будоражить общественное сознание в век «терпения и примирения» (при войнах) чревато, обратимся к документам — рассекреченному в 1974 году меморандуму Президента США Ф. Д. Рузвельта от февраля 1942 года. В памятной записке, направленной ему 25 февраля, говорилось, что в этот же день в ночном небе Лос-Анджелеса маневрировали на разных скоростях неопознанные летающие объекты с поразительными техническими возможностями. Гремела война с Германией и Японией, и первая версия военных и гражданских сводилась к новому чуду — оружию стран «Оси». Однако глубоко поражает тот факт, что при скорости аппаратов от 0 до 360 км/ч их не сбил ни один из 1430 снарядов, выпущенных янки по «нео-

познанным самолётам»! О вертолётах — массовых геликоптерах — тогда не могло быть и речи, а объекты, летая «очень медленно», остались невредимыми.

Гиперпараграфами в феномене НЛО (англ. UFO) стоит не только тип энергетической установки, вид топлива, жизнеобеспечения и т. д., но и их способность к мгновенному изменению траектории полёта с горизонтальной на вертикальную, а также бесшумность. Сюда же относятся трансплантация на глазах очевидцев, помехо-давление на радиолокационные станции, появление в толще воды с диапазоном скоростей, не имеющим аналогов в машинном и живом мире. Предполагается, что НЛО в движении окружены плазменной оболочкой, но отражение радиоволн от неё говорит о том, что пришельцы могут перемещаться всего лишь... в искусственно создаваемом вакууме...

Любопытная история случилась с американскими ВМС в годы военно-морских кампаний на Тихом океане, причём с завидным постоянством она повторялась как с надводными кораблями, так и с субмаринами. Яркие точки систематически появлялись на экране индикатора, а затем, словно «камикадзе», шли на таран обнаружившей их цели. Ни одна из созданных человеком плавединиц не могла уйти от «атаки» сверхмобильного противника. Когда экипаж уже молился о спасении своих душ, в момент столкновения, считавшегося неминуемым, точка пропадала с экрана, как призрак. Это неординарное явление окрестили «Нансэй-Сото» — скачущий призрак...

После Второй мировой войны активность НЛО ничуть не ослабла. Наоборот, она достигла своего апогея, увенчавшегося двумя катастрофами «летающих дисков» летом 1947 года. Американцы, наследники проектов ракетно-космической техники авторства Шривера, Габермоля, Шаубергера, Брауна, Годдарда, вполне возможно, владельцы спейс-архива «Зондербюро-13», действовавшего в «Операции УРАН» (конец 40-х годов), оказались в состоянии истерии, будучи не готовыми к фактическому при-

ёму тех, о ком позднее будут снимать кинофильмы С. Спилберг и С. Кубрик. Многие вопросы навсегда повисли в воздухе, но ответы на них знают единицы госдеятелей, целенаправленно искажающих историческую достоверность фактов.

Задолго до появления на экранах шедевра «Ангар-18», документального фильма о вскрытии погибшего гуманоида, и последующих за ними фальшивок начальник Управления материально-технического обеспечения ВВС генерал-лейтенант Н. Туайнинг, один из руководителей Розуэлльской операции, отправил командованию ВВС «Точку зрения Управления о «летающих дисках». В документе от 23 сентября 1947 года безоптимистично сообщалось:

«1. По запросу AC/AS-2, сообщаем точку зрения Управления о так называемых «летающих дисках». Выводы основываются на данных, представленных AC/AS-2, и на предварительных исследованиях сотрудников Отдела Т-2 и лаборатории летательных аппаратов Отдела Т-3. Эта точка зрения сформулирована на совещании сотрудников Авиационного технологического института, Отдела технической разведки Т-2, начальника Отдела механики и представителей лабораторий по изучению самолётов, двигателей и винтов Отдела Т-3.

2. Сформировано следующее мнение:

- а) сообщаемые феномены действительны и не являются плодом галлюцинаций;
- б) существуют объекты, имеющие примерно форму диска и размеры самолётов, изготавливаемых людьми;
- в) можно допустить, что некоторые из наблюдавшихся случаев вызваны природными явлениями, в частности, метеоритами;
- г) отмеченные характеристики (обозначены выше. — Р.С.В.);
- д) чаще всего наблюдаются следующие характеристики: — поверхность металлическая или из материала со слабым отражением;

- отсутствие следа, за исключением редких моментов, совпадающих, вероятно, с манёврами на сверхмощности;
- форма круглая или эллиптическая, дно плоское, вершина в виде купола;
- в основном отсутствие звука, в трёх случаях был слышен глухой рокот;
- несколько сообщений о полётах в геометрических формациях, включающих от трех до девяти объектов...

3. Рекомендуются, чтобы штаб ВВС отдал распоряжение о приоритете, о засекречивании темы и о кодовом наименовании...

4. В ожидании специальной директивы Управление материально-технического обеспечения будет продолжать исследование...»

Изыскания Пентагона призывали к пожизненному молчанию, но, как бы там в Новом Свете ни было, военным приходилось обращаться за помощью к специалистам крупных и мелких фирм авиационного направления. Среди них «Дженерал Электрик», «Аллисон», «Флэдэр», «Аллис-Чалмерс», «Локхид» и «Боинг», «Риэкшен Моторс», «Нортроп», «Вестингауз» и «Райт», «Ферчайлд», «Пратт-Уитт-ни», «Лайкоминг» и «Маркуардт». После «Розуэллского инцидента» в штате Нью-Мексико на «страну демократии» спустилась лавина «драконовских мер» по отношению к свидетелям, прессе, отдельным исследователям. Были предприняты экстренные «финты» по полному искоренению паломничества и слухов. Дополнительно к ажиотажу от расследования было отстранено ФБР во главе с асом слежки и дознания Э. Гувером, вскоре признавшим, что «летом 1947 года в США потерпели катастрофу две летающие тарелки». **ВНИМАНИЕ!** Когда лидер «холодной войны» Гарри Трумэн не находил себе места, опасаясь инопланетного нашествия, в дни создания архисекретного аппарата операции «Маджестик-12», на население страны рухнули тонны газетно-журнальной и телерадиовеща-

тельной дезинформации. Не любит правда пышного церемониала — чужда ей прыткость испокон. А при человеческой кровожадности, глупости и невежестве её и поныне не вобьёшь в закон любой из поправок к Конституции. Героев же сметали с хайвея магистральными «Кэнвортами» и «Макками»...

* * *

Эпоха летит быстрее НЛО, потому что каждая жизнь пульсирует во времени, игнорируя всякие изобретения и достижения, по причине отнюдь не гравитации, а вечности времени. Через полвека, согласно якобы свободе мысли и информации, она же отпускается дозами повсеместно от Северного Полюса до Антарктиды, по экватору и поперёк него. На фоне глобализации вплоть до Программы СОИ, гибели атомоходов и аварий на ядерных электростанциях, озоновой беды, нефтяного шантажа, религиозной злобы, землетрясений и цунами земляне незаметно для себя перечеркнули фантазию об угрозе планете извне. Незабвенный во-

енно-морской министр, затем министр обороны Д. Форрестол, памятуя о двух трагедиях внеземного разума на Земле, только за один эпатаж «Нас захватили, мы в их власти!» — был выброшен из окна госпиталя с диагнозом «сумасшедший» (т. е. «чрезвычайно опасный»). Вероятно, он в детстве-юношестве обчитался Г. Уэллса, «Война миров» которого при трансляции по всеамериканскому радио произвела проклятие прогресса и неслыханную панику. Тогда почему в пик депрессии его перевели с третьего этажа на девятнадцатый да ещё с открывающимися окнами? Поднимали ли космические вопросы Горбачёв с Бушем или Путин с Бушем-младшим? Что знает семейство Хрущёвых о галактических познаниях клана Кеннеди?

Большинство астронавтов, побывавших в лунных экспедициях, окончили триумфальную карьеру печально: монастырь, «палата № 6», институт обследования мозга, горькое фиаско в общественной и личной жизни, ранняя смерть. Ходили слухи, что они видели (и не раз!) НЛО, отпечаток «протектора» лунохода. Многие очевидцы полётов пришельцев удручают схожестью сюжетов-свидетельств, крайне боязливы даже на смертном одре, лгут родне, словно повязаны Омертой — обетом молчания. Некоторые из них часто рассказывают о «людях в чёрном» — тупоголовых верзилах устаревшего типа стиля 50-х годов, посещающих их дома на старых автомобилях, номера которых в списках не значатся. Директору Международного Бюро по летающим тарелкам (1953) А.К. Бендеру и одновременно краснобаям из НАСА и Капитолия, без обиняков, есть что рассказать...

Дискуссия по проблеме НЛО безостановочна, содержит в себе каскад головокружительных гипотез, основанных не на пустом месте. Уфологические организации МУФОН (США), СОБЕПС (Бельгия), КУН (Италия), уважаемые «адмиралы» Вселенной — уфологи Австралии, России, Великобритании, Франции, Канады, Китая, Японии и Испании ведут сложную, важную и необходимую работу в целях приблизить Час Встречи, в которую верил сам Михайло Ло-

моносов. Запрещено забывать титанический труд наших современников — А. Кларка, Р. Брэдбери, С. Лема, И. Ефремова, А. Беляева, А. Азимова, М. Крайтона и многих-многих других подвижников науки и техники, ведущих за собой, как вёл за собой легендарный Данко. Факел Истины несли Э. Хемингуэй, Д. Лихачёв, А. Сахаров, А. Прохоров, отец и сын Кусто.

Перевооружая и бесконечно хлямя нашу Общую Родину — Планету Солнечной Системы Земля, Человечество логически подводит себя к переделу Мира, — не дай Бог, третьей мировой войне. Самоистребление ради пресловутого «светлого будущего» или «места под солнцем» теоретически может лишить нас возможности стать равноправными жителями во Вселенной. Фактически добровольное самоуничтожение действует без перерыва рычагами алкоголя, табака, гашиша, кокаина и мака, неизвестного ранее вируса СПИДа... Тема для докторской диссертации — смертоносность золота и драгоценностей...

Насилие, разврат, слабоволие и бесхарактерность, атрофирование патриотизма и любви к ближнему, утрата памяти и вещизм способны похоронить планетарный интеллект, воспитанный тысячелетиями. И кто же уверен в том, что тогда беспилотные НЛО тёмных сил пролетят мимо всего готового? Дисней-лэнда и Луна-парка они не построят!

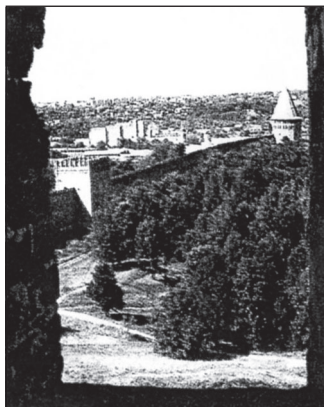
Конечно, апокалипсные пророчества неприемлемы для слабонервных, привыкших смаковать телеинтернетные картинки под стеклом и без него. Оно и правда: важнее и выгоднее не поднимать глаз на небо и не мыслить о космосе, а бороться с международным терроризмом, устно плача о «МИРе» и проектах лунно-марсовых эпопей.

К вопросам UFO мы вернёмся с более весомым анализом позже, когда земное необъяснимое станет достоянием гласности. Как бы ни повернулась Земля на орбите, ответы на эти вопросы станут воистину грандиозными. Будущему встречать будущее! А на сегодня авторская рифма заключит нашу мини-одиссею:

*Мы любим сполохи сенсаций,
Плохи они иль хороши.
Сложнее всех
 цивилизаций —
Ц и в и л и з а ц и я души.*

*Уже и шарик облетели,
Луна —
 с рисунком башмака.
А вот земное просмотрели,
Ограбили до волоска.*

*Декабрь 2001 г.
Орёл—Смоленск—Минск—Орёл,
«Путевые заметки».*

Древний Смоленск. Вид на город из бойницы башни Орёл

БЫЛЬ Т О К

Около пяти утра в квартире оперуполномоченного УГРО Саши Карпова раздался телефонный звонок*. Лейтенант кемарил после дежурства, не предполагая о нарушении его выходного дня.

Звонил сослуживец, майор в отставке Толя Барабанов, прозванный в народе «Спиннингистом». Но сейчас было не до блёсен и прочей премудрости подводной охоты по открытой воде. К счастью рыболовов, наконец-то двинул к середине зеркал первый лёд.

— Саня, привет! Звоню насчет леща, помнишь, на Курском озере нахлёстывали по перволёдью под лесом? — скороговоркой мормышечника басил в трубку Толик.

— Помню, помню, прокураторец! Ты же знаешь, я больше на хищников любитель. Как там судак? — вопрошал Александр.

— Тачка-то есть? Не забыл, что там подъезд мученический? «Козёл» или «Нива» и те не всегда на ухабах отеческих вручают...

* Совпадение инициалов случайно.

Толян сразу обнадёжил: «Найдём! Тёзка твой, зачислитель Чечни, «Пыж» ключики мне и доверенность от «469-го» оформил, с такой мощью-раздаткой — все шуки наши. Суетись, через часок заеду!»

Вскоре спящий двор огласил скрипом колодок «лимузин», катавший до этого крещёный люд по кутузкам.

«А не виделись мы со «Спиннингистом» порядком. Верно, с тех пор, пока не думал о курке наглец Пуго», — думал Карпов, собирая харч, чемодан, насадку и ножи ледобура.

Люди военные ещё до пенсии знают цену секундам. Да, детищу «Пыжа», отреставрированному в дрызгах капремонта, досталось по ноябрю. Гнали спешно ребята на рыбу, словно уплывёт она в Чёрное море...

Наконец прибыли, вдоволь «накозлившись» по мерзлоте пахоты, созданной пьянчугой, дабы помешать рыбакам. Анатолий шпарил матом от души в адрес «плугового вредителя», мерзавца, вспахавшего полосу в 300 метров, чтобы ни местный, ни приезжий не увлекались поклёвками и сетями.

Книги С.Т. Аксакова «Записки об ужении» и «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» вот уже второй век служат природе и человеку, которому она дорога.

А лёд был первым из первых! Через сотню шагов он стонал и прогибался, распуская в немислимых направлениях сетку сверхсложных долгоиграющих трещин. Компаньоны, не отрывая ног, скользили по дошвами в стороне друг от друга, приближаясь к зияющей промоине. Тут было русло реки,

благодаря которой, к радости рыбаков, было построено богатое всеми видами рыб водохранилище...

На подходе лёд угрожающе затрещал, да так, что заныло под ложечкой. Но отточенная пешня с первого удара не проходила. Замерили ледок — полпальца; опасно! — но если осторожно, то половить можно. Другим повезло: шутка ли, начать рыбачить около русла!

Санёк готовил снасти, любимые с юности, а Толян собирал электроудочку, подмостыя из досок для более прочного подхода к промоине.

— Что за прилада? Аккумулятор, провода, палки... Зачем они тебе, день ведь уже, — искренне удивившись, недопонимал Карпов.

— Эге! Волшебная снасточка. Великий Лёня Сабанеев никогда б не додумался; безотказность клёва стопроцентная! Собирай-ка пока подсак, двинем к промоине. Там глубина, а «глубина» по зиме есть «рыба», — спешил «рационализатор» Барабанов, позабыв застегнуть казённую дублёнку. — Бросай на хрен своих мотылей и блёсны. Два-три часа ловли — багажник, и накакого живца не надо!

— А после нас хоть потоп? Что твой сыночка завтра ловить-то будет? Плавающее и затонувшее пластиковое дерьмо Запада? Или в день совершеннолетия электроудочку с японскими комплектующими ему подаришь? — съязвил лейтенант, по чести заступившись за рыбу.

— Чего ноешь, салага? Не балагурь, твою мать, рыбнадзор! Сам поймёшь, ДЕЛО! Вон до сих пор мотаешься в своём УГРО, как оборванец, а Фомич из ГАИ дочери и сыну неподдержанный «Чероки» дарит. Старайся, Шурик, ты ж напарник, а не олух? Десяток рыбалок — не джип, так мотоциклет получишь, может, и с коляской...

Теперь Александр очень пожалел, что ввязался в авантюру со «Спиннингстом», глядя, с какой проворностью он подхватил подмышку четыре «китайских» мешка. Подумалось: «Хапуга, раб наживы и рынка, а помогать всё равно придётся. 250 км по гололёду и бездорожью

Величайший знаток флоры и фауны, открывший миру жизнь пресноводных обитателей России, Л.П. Сабанеев стремился к полной гармонии человека с природой, обогатив его замечательными произведениями.

отмахали, чтобы ругаться и учить жизни друг друга?»

Мороз отступил, пошёл хлопьями первый снег, где-то далеко простужено «закудахтал» дизель, очевидно, единственного на всю округу «Беларуся». Над промоиной барражировали чайки, опрометчиво оставшиеся зимовать. Вспомнилась выходцу из интеллигентной семьи Серая Шейка Мамина-Сибиряка: «Свою не сломать бы...»

Майор Барабанов не ошибся — рыба «шла дуром». Здесь были крупные окуни и плотва, лещи, краснопёрка и густера, пара судаков, щука и

даже толстолобик. Карпов в азарте «ловли» еле поспевал за «рыболовом-любителем», орудуя подсачеком на длинной рукоятке, пожалев, что не захватил свою двухместную надувную «Омегу». «Какой там багажник, весь «Козёл» завалили бы!»

Они прошли вдоль кромки воды более двухсот метров. Прошли молча, без перекуров, позабыв про «Столичную» местного разлива. Хищническая, супералчная жадность, охватившая лжепромысловиков, не знала границ, а рыба, иногда выбрасываясь на лёд, молчала. Она не могла возмутиться преступному безобразию, и даже дебелый судак не мог, как дельфин, сигналом, вызвать голубой вертолёт рыбнадзора. Ибо и он, рыбнадзор, систематически окунался в похоть добычи, когда своими руками, а когда путём конфискации и последующей продажи уловов. Рыболовецкая «коза-ностра», или по-новорусски синдикат «Два хвоста — бакс», держала под своим протекторатом зеркало «моря» и впадающие в него речушки вместе с не-

рестными ручьями. Узаконенное браконьерство культивировалось влобовую. Его слуги не реагировали на воинственность местных жителей и выступления умниц в печати, в рупор прессы оно кричало о росте самосознания рыбаков и поголовья карпа со стерлядкой, когда исчезали голец и пескарь.

Новые «цивилизованные» варвары не знали пределов в бесконтрольных отловах, сжигая госденьги и эксплуатируя служебную технику по мотивам повальной фальшизации в крокодильих слезах: ДЕНЕГ НЕТ!!! Купюр было валом, а вот ума у обладавших ими явно не хватало...

И сейчас вроде бы честному парню с рыбной фамилией Карпов на миг показалось, что за неделю он «заработает» не мотоцикл, а «Мицубиси-Паджеро». Он лелеял себя картинкой: он за рулём рядом с длинноногой Надеждой «ля амур от кутюр» в шиншилловых мехах. Злостно трепетал ушами треуха ветер, а лейтенанту мечталось о полном освобождении от налогов, о том рае, когда его семья не будет метаться от безысходности из-за скачек, натурального галопа цен. Мысль «после нас хоть потоп» была стёрта в мозгу, словно запись в магнитофоне...

Народом подмечено давно: свои опаснее врага. Природа воспротивилась вопиющему наgleжу и хамству, лишаящим рыбное племя потомства. Оттепель при перволёдье сделала своё дело: слабо состыковавшийся лёд лопнул, не предупреждая. Ватные штаны Барабанова, разом намокнув, двухпудовой гирей потащили его под лёд. Он пытался вылезти на него по-научному — с локтей, со спины и в стремительном иступлении крошил его руками изо всех сил, раскрывав кисти. А он — Его Величество первый лёд — «Спиннингиста» уже не держал или не хотел держать...

Судорожно ухватившись за поданную соломинку — подсачек, он же, незаконный кормилец, тучный майор с безумными глазами потянул в ледяную купель смерти

напарника, который последний раз плавал школьником в пионерлагере «Артек», да и то по-собачьи...

Их кратковременные нечеловеческие вопли сотрясали гектары, но не были слышны люду прибрежной деревеньки — не то Чертога, не то Волчьих Ям. Но если бы кто рядом и был, местные лучше всех знали о тяге в фарватере, что была у утопающих под ногами. Видя трагедию, на лёд не осмелился б выйти никто...

* * *

...Двумя неделями позже, после заявления о розыске, поданном родственниками, знавшими о выезде на рыбалку в неизвестном направлении, сотрудники РОВД случайно обнаружили полностью заметённый «УАЗ» с незапертыми дверями, сиротой стоявший в сосновом бору. Только по документам и форме удалось выяснить, кто прибыл порыбачить на нём. Увы, из-за пурги попытка отыскать место гибели, снаряжение и улов потерпела полное фиаско, за исключением ленинградского ледобура, вкрученного Сашей Карповым для ориентира, «работавшего» на их возвращение.

Двадцатиградусный мороз под шапкой снега заковал место провала близ русла, где теперь смело шастали с «флажками» местные подростки.

Тяга ещё долго волокла трупы сынов «электронного» века, но даже премудрые пескари и караси-идеалисты избегали тех мест, где плыли в скрюченных позах их убийцы. Тысячелетний закон звал обитателей водных просторов к икромёту на новые места, излуки, мели, близомутье.

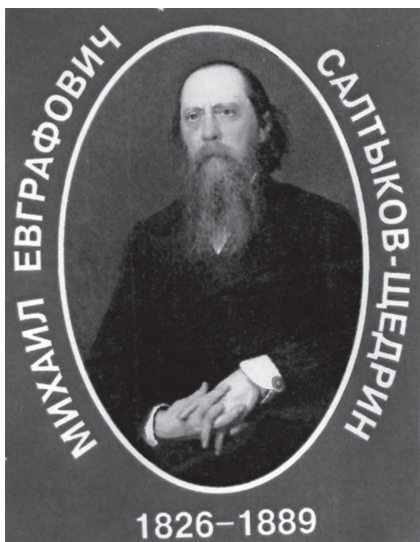
Глубоко жаль пропавших НИ ЗА ЧТО людей-хищников. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, современник чистейшей российской природы, задолго до сегодняшних катаклизмов и падения нравов, словно в воду смотрел: «Повсеместно идёт чавканье и заглатыванье, а челюсти так торопливо работают, что поневоле становится холодно. Невольно спрашиваешь себя: что

же будет, когда хищники переедят всех слабых и ни одного из них не останется налицо, чтобы ответить на мучительные и всеминутные вопросы плотоядности? Как поступят они? Начнут ли рвать за горло друг друга или же сочтут свою миссию оконченной и положат зубы на полку?»

Скукожилась икра — потомство было убито. Почернела родня — жизнь совсем не по щучьему велению превратилась в хождение по мукам. До каких же пор мы, разумные млекопитающие, будем вызывать на себя гнев и ток Божьей кары???

23 ноября 1999 года.

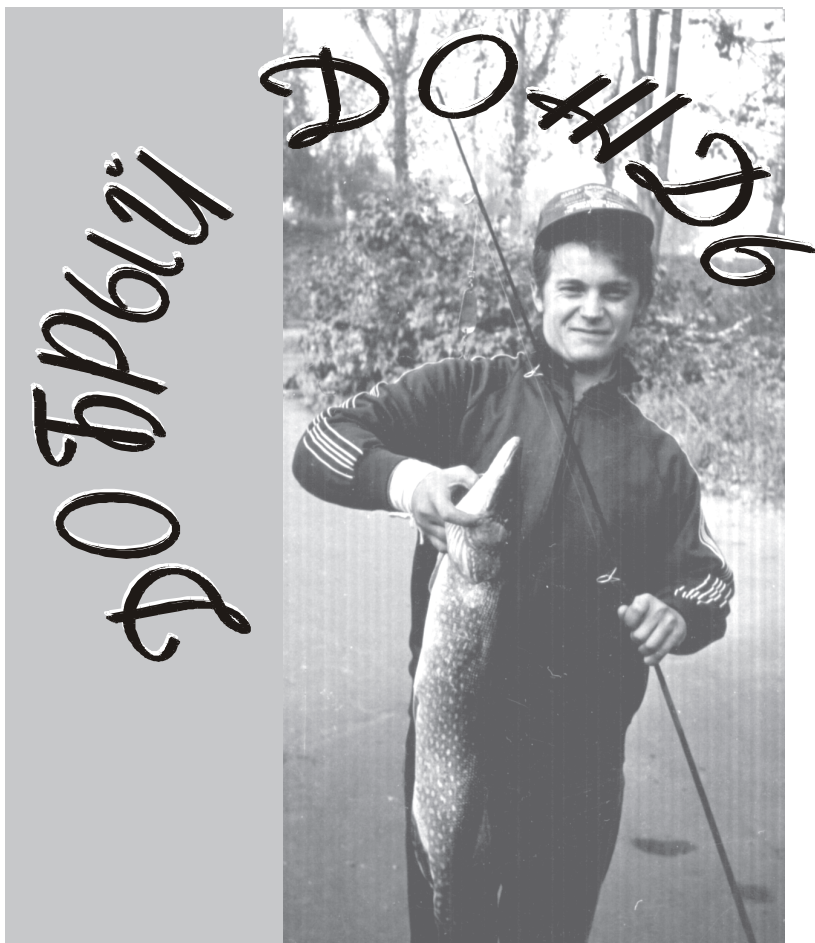
Орёл — Курск,
«Путевые заметки».

СВЕТОЧ

При всех режимах он —
НАРОДЕН!
Имейте, недруги, в виду:
Тому сатирик не угоден,
Кто с правдой-маткой
не в ладу.

Великий защитник человечества
и всего живого.

Как-то очень захотелось порыбачить. Погода была пасмурная, щучья. Нежданно прорвались тучи, хлынул дождь, долго не утихая до мороси.

— Может поблесним? — сказал я любителям спиннинга. Они громко рассмеялись:

— Да она спит под корягами! Жора нет в проливной.

Не поверив в их прогнозы, прихватив болотники и накидку, я уехал на Зушу. Поставив машину на взгорке, спустился к помутневшей реке. Дождь то затихал, то опять набирал силу. От пляски крупных капель пузырилась

вода. На время приютился у ракиты и открыл подарочную коробку. Там красовались ювелирные снасти на хищников — судака, окуня, жереха и голавля. На пятнистую — выбор был больше.

Глаза разбежались: какую забросить? Внимательно посмотрев на золотящийся виброхвост, решил остановиться на «Трофимовской».

Полоскать рыбь пришлось недолго. Окунь граммов на триста, погнавшись за блесной, промахнулся и стремительно вылетел почти у самого берега. Факт активности рыбы придал мне уверенность, и я улыбнулся непоехавшим скептикам. Поклёвок не было с полчаса, а дождь набегал то слева, то справа в зависимости от гулявшего ветра. Водители грузовиков, иномарок иногда притормаживали, с любопытством, видимо, глядя на мою одинокую фигуру в зелёной блестящей накидке. Может быть, первое, что им приходило в голову, были слова «чудак» и «фанат». Возможно, они были частично правы. Вскоре моё упорство увенчалось успехом. В металлическом садке бунтовали три щурёнка.

Потом лихо развернулся ветер, плотной полосой дождя окатил лицо и мне показалось, что он из рук вырывает спиннинг. Он согнулся в дугу.

— Взяла!!! — мелькнула мысль, озаряя меня всего. Резкая подсечка и — началась борьба. Леска звенела от напряжения, я даже боялся, что катушка не выдержит. Туго, рывок за рывком, изредка создавая буруны, внушительная «бандура» из глубины подтягивалась на мель. Но и на мели она продолжала отчаянно сопротивляться и могла бы сойти, дав «свечу», если бы не жадный захват тройника. От напряжённой работы и радости я не замечал сильного дождя. Зушинская гроза плотвы и мелочи не помещалась в садок.

Рюкзак сразу потяжелел. На глаз в ней было килограмма четыре...

Домой сразу не поехал, зашёл к рыбакам-суховикам, побоявшимся дождя. Они смотрели футбол. Ещё больше

их поразил улов. Кроме цоканья языком и расширенных от удивления глаз я ничего не слышал и не видел. Опомнившись, домоседы почти одновременно произнесли:

— С тебя магарыч!

А за что? Они ж не поверили в клёв при дожде.

Назавтра было солнечно и тепло. А вечером я их увидел уставших, в репьях и в «собачках». Они пролазали весь день по течению под Лыковкой, оставив на корягах и камнях десятки дорогих блёсен.

Клёв пропал. В чём мне тогда повезло — надежда на добрый дождь или вера в рыбный водоём — сказать трудно. Знаю одно — оптимизма терять не надо!

Гроза пронеслась...

Редчайшая удача!

*«Эти — с Богом, а эти — с бесом.
На знамёнах то Бог, то бес.
И сознание сдавили прессом:
Шмотки. Ужас. Жратва и Секс».*

*«На лжи не мчитесь в новый век».
«Последняя дуэль», 1997.*

Бывшая отличница-комсомолочка, мадемуазель Анжелика Симановская мертвецки спала после внезапной и буйной секс-идиллии прошедшей ночи*.

С тех пор, как её выгнал из дома отец — большой ферзь по партлинии — она жила, подвешенная неизвестностью, не зная, каким образом будет существовать в обозримом будущем. Сны давно не посещали её биологический остров, брошенный ею добровольно ради мужичьих прихотей и мелких подачек. Девка она была со школьной скамьи хоть куда на выданье, ан нет — повелась за

* Совпадение инициалов — случайно.

теми, кто кулаком своим блеснёт, мало задумываясь над тем, к у д а она загоняет родителей.

Рассвело, но для неё новый день начался привычной рвотой. Много, много выпивала до совершеннолетия, любила покусать и веселиться на чужие гроши, а потом начала дуреть от анаши и мака, радуясь тому, что её сексапильное тело по-прежнему востребовано холостяками и залётными женатиками-водителями.

Нынче с нею баловался всю ночь Сева, втайне уже подумывавший о сутенёрстве над дюжиной таких, как знойная Анжелика. За свои 25 он не научился ничему, кроме «гоп-стопов», мотал срок за разбой, когда ровесники призывались в армию...

Он понимал, что рано или поздно ловушка, поставленная его же наглым авантюризмом, на нём и захлопнется. Талантливо вербуя путан для крутых и не очень, Сева не первый месяц обдумывал «мощное дело», способное дать возможность воплощению мечты — свалу за кордон и обязательно с Анжеликой.

Он обожал её, а она его — люто ненавидела. Схождение этой пары напоминало спектакль, до которого не додумался бы ни один из столичных или провинциальных драматургов. Здесь можно было бы намалевать целый романище, но... в жизни всё решали Севушкины деньжата.

Не то, что их было многовато и постоянно, однако алчной его подружке, щепетильно любившей тряпье, хватало с гаком. Она прощала ему затяжные «командировки», потому что сама была ветрена и шла по жизни, словно перекасти-поле. Зато фешенебельная квартира, шикарная «750-я» BMW, дача и независимость грели её выпотрошенную душу: «Смотрите, люди, не такая уж я и дура!»

Люди не разумели, что соседи — бандиты, ибо распутствовали они образованно — малым кружком и без криков. Вот и вчера Севочка многозначаче гутарил с дружкой. Беседа текла спокойно, а закончилась вечеринка

системно: пьянкой, порно на видео, а затем и в спальне. Она вскочила с кровати, вспомнив слова Андрея — «Если надо, так надо!»

— А ну вставай, щенявый! — толкала она его, и её оттянутые чужими руками груди болтались, словно коробки спичек в океане.

— Поднимайся, «муженёк»! Дело у вас с Андрейкой какое-то срочное, а что и как не припомню...

Сева вскочил, и захлопывая себя в джентльменский набор, рывкнул в обычной манере:

— Ты, Анжелка, гляжу, сдобна и умна. Поедешь со мной, иди точи морду свою смазливую перед зеркалом. Клиентик у нас есть — выйдет чего, аборт прекратишь делать...

Сладкая парочка не успевала по времени. Для «дела» им ещё предстояло заехать к подружке Анжелы за ребёнком, которого, по замыслам Севы, следовало укутать побогаче.

На трассе Сева обрисовал в двух словах схему преступления. Клиент продавал «Линкольн», свежий, из Пенсильвании, по ломовой цене. Зная его местожительство, Сева с Андреем решили «бомбануть» парня, кстати, честного торговца чужой просроченной колбасой и прочей мясистой снедью.

«Бомбануть» — это отобрать аппарат и «включить» нуворишу «счётчик». Акулы в людском обличье оказались поистине коварны, как будто выплыли из повести Хемингуэя «Старик и море»: для того, чтоб оттяпать «кусок», требовались ребёнок и богатая баба.

Анжелика не заканчивала голливудских курсов по каскадёрству, и сразу же захныкала, давясь дымом «Мальборо»:

— Как ты мог! Позови своих московских блядей, пусть они тебя выручают. Я не хочу на капот прыгать, даже если лимузин какого-то дурня не ехать, а стоять будет! Тебе хочется в Женеве осесть, так сам под колёса прыгай! А лучше — путёвку в кишялту закажи...

— Ах ты, сука! (Далее последовал мат объёмом в страницу). — Я тебя, как в песне, змею подколодную, от лосьонов до крылышек содержу, живёшь, как у Христа за пазухой! А ты меня за дауна прокатываешь, душонка ты ленинская!..

Немного порычав и дав Анжелике для трезвости крепкую оплеуху, Сева сосредоточился — под колёсами лёд, помела по стеклу пурга.

В гробовом молчании они закончили приготовления, захватив ребёнка и хмельного Андрея. Подрулили ко двору — «Линкольн» был на месте, поменяв цвет с чёрного на белый. Пацанва подворотня, смахивая с него снег, волтузилась тут же, дружно радуясь, что их проказы заставили петюкать сигнализацию и горланить с окна хозяина.

Клиент вышел — встреча была оговорена. Он явно не ожидал, что на выезде, из-за арки на него шаркнет подставная шлюха не со своим дитём.

Не вышло у паразитов ничего. На «тачках» с президентским именем лохи не ездят, а если и катаются, то с оружием...

Потенциальная жертва сбила Анжелику с ребёнком, хладнокровно давя на газ: коробка-автомат собиралась за океаном на славу.

Вечером, когда она, боднувшая дом головой, пришла в себя, к ней в палату пришёл Андрей и сказал, что Севу застрелили. Она рванулась к окну расквитаться с жизнью, потому что ненавидя, всё-таки любила его, планировала родить. Не знала Анжелика, что и сыночка подружки тоже погиб...

Андрей суетился, собираясь в бега. Тут их и накрыли мужчины-спортсмены из ФСБ. Головой в пол и конечностями нараскоряк, чтобы на людей больше не прыгали. Наутро в тереме-борделе нашли шесть паспортов. Но ни в одном из них не было фамилии — Симановская.

* * *

Признаться, я долго думал, достойна ли столь жгучая трагедия публикации. Я услышал её от серенького торговца подержанными иномарками на авторынке столицы, и почти ничего не изменив, перенёс на бумагу. Наверное, всё же достойна, если хотя бы одна будущая мать задумалась бы о своих — матери и отце. Может быть тогда она бы не украсила себя робой и «макияжем в клеточку», осознавая, что Женское Начало в ней не потеряно.

Редактор просил меня, активного писателя:

— Тащи, что актуально и желательно, как можно круче! Ты же всю страну объездил, а подался в её историю!

Я принёс ему правду. Опубликует он её или нет, на его «не разделяющей мнения» совести.

*Февраль 2001 года.
Орёл — Москва,
«Путевые заметки».*

ОСТРЫЙ НЮХ

Не все словари одинаковы,
Я многое вынес из них.
Одни — редактируют яковы,
Иваны — мышкуют в других.

К трудам приглядись обязательно,
И станет вдруг грустно-смешно:
Вычёркивают внимательно,
Что мыслью освещено.

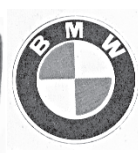
ГРАН-ПРИ

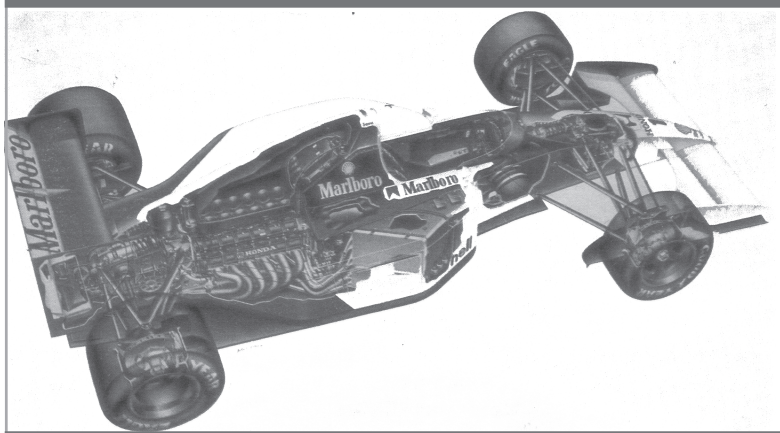
УМОВ И МОТОРОВ

Стремительная эволюция мирового автомобилестроения, стартовавшая на освоение обжитых и затерянных земель, благодаря стараниям Отто, Ж.Э. Ленуара, Бо де Роша, Г. Даймлера, В. Майбаха, К. Бенца, К. Бискаретти и Д. Анъелли, Г.А. Лесснера и И.П. Пузырёва, а также благодаря У. Стэнвею, Г. Форду, Ч. Дьюри, В. Лянча и Э. Феррари, имеет свою незабвенную историю, окаймлённую триумфом побед и горечью поражений.

На протяжении всеохватного бума моторизации, охватившего, в первую очередь, передовые страны Европы и

FORMULA ONE

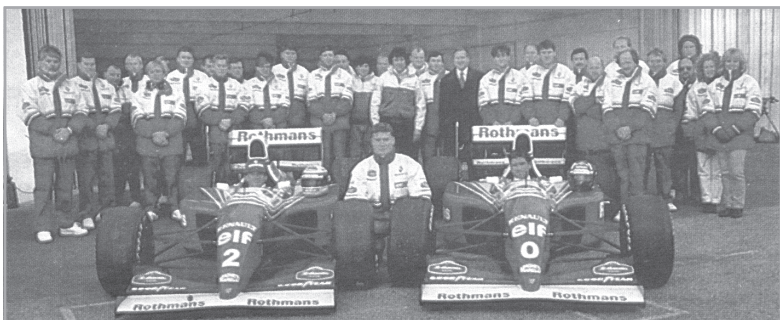
Совместное детище «Мак-Ларена», «Хонды», «TAG Электроник», «Компьютервизион», «Кенвуда» и «Геркулес Айроспейс» — «Мак-Ларен»-MP4/7A был окрещён «электронной смертью «вильямсов» (сделано в Уокинге, Англия, 1992-94 гг.).

двух Америк, «дети» омашиненного века, начинавшие с малолитражных двигателей, рессорных подвесок, цепных передач, а также с паровых и электрических конструкций, столкнулись не только с техническими проблемами, но и с понятием «автомобили требуют жертв».

Однако ещё на стадии ручной сборки, когда умницы машиностроения видели конвейер лишь в мечтах, логично назрела срочная необходимость жёстких испытаний фазтонов, купе, ландо и кабриолетов, лимузинов и грузовиков в условиях гонок. Французские фирмы «Панар-Левассор», «Братья Рено», «Пежо», «Де Дион-Бутон», «Леон Болле», «Дековиль», «Де Дитриш», «Даррак»,

«Делайе», немецкие «Даймлер» и «Бенц», «Адлер», «Фафнир» и «Бреннабор», итальянские «Фиат», «Лянча», «Бугатти», английские «Ланчестер», «Роллс-Ройс», «Воксхолл», «Хиллман», «Нэпир», «Волслей» и «Хамбер», испанская «Испано-Сюиза», штатовские «Стэнли», «Аутокар», «Олдсмобил», «Кадиллак», «Пирс-Эрроу» и «Форд», русские «Хрущовы, Лесснеры и Руссо-Балты» — открыли эру сверхзатяжного чемпионата в целях захвата обширных рынков более отстающих стран. Обладание ими означало не только баснословные прибыли, но и ускорение конструкторско-производственного процесса, совершенствование и рождение новых технологий, снимало напряжённость по безработице, наконец, делало человека более мобильным...

Практика первых ралли, кольцевых погонь и длительных пробегов на выживание имела мало общего при сравнении с голливудским опусом «Большие гонки» и, уж тем более, с «Антилопой-Гну» из «Золотого телёнка». Хотя канва обоих фильмов претендует на достоверность, а число приверженцев авто росло, как на дрожжах, широкая публика приходила в ярость, если гибли сограждане и животные «по вине вонючих карет». Заслуживает внимания рапирный выпад одного из анархистов того лошадиного века: «Автомобиль — это тиранический символ

Команда «Вильямс-Рено» (ген. спонсор «Ротманс»). Внизу (слева направо): А. Сенна, Д. Култхард и Д. Хилл (1994).

избыточного богатства. Инструмент усиления классово-враждебной ненависти между массой эксплуатируемых и горсткой привилегированных снобов». Великолепная формулировка, не правда ли? Зато Ленин конфисковал «Роллс-Ройс» Императора Николая II в первый же день «царствования», да и Махно, Петлюра, Деникин, Сталин и Ворошилов с Троцким были не прочь покаяться, позабыв седло...

Самовлюблённо-авантюрную Америку тоже не обошла кампания по борьбе с «избыточным богатством» или средством массовой опасности для окружающих. Крупнейшая деловая

(!) газета разразилась негодованием по отношению к «чуме XX века» так: «Ради бессмысленного удовольствия глупого спортсмена или истеричной дамы полусвета на дорогах калечатся и гибнут здоровые люди и даже дети — надежда нации; тысячи жизней, которые заслуживают защиты!»

Авария на дороге — трагедия для семьи. И всё же важно отметить, что сотрудники редакции, используя накал в обществе, очевидно, выполняли заказ магнатов железных дорог, главных конкурентов автомобилизации страны. Конечно, они приложили все силы, чтобы надежда и старость нации не знала о том, что, например, только в 1906 году на железных дорогах США погибло 3969 человек, тогда как на грунтовом бездорожье автомобили унесли жизнь 135 человек...

Испытание Первой мировой войной показало приверженцам традиционных и эксклюзивных схем высокую эксплуатационную пригодность как поршневых двигателей, так и всего, что связано в подшипниково-шестерённом зацеплении с ними. Выросло значение боевой и гражданской авиации, которая летает не на дровах и угле, а всё на тех же двигателях внутреннего сгорания, в чём видится заслуга автомобильного моторостроения. Совершенствование карбюраторов, механизмов газораспределения, трансмиссий и разного типа подвесок охарактеризовало мощный скачок индустрии, способствовало творческому росту автоинженерии, пуску конвейерного производства и влюблённости масс в «стального коня». При этом, ведущие автофирмы, на протяжении своей короткой либо многолетней родословной никогда не забывали назначения автогонок как с технической, так с коммерческой стороны. (Во все времена требовались хлеб, женщины и зрелища).

После Второй мировой войны наиболее передовыми, с точки зрения технической интеллигенции, явились состязания автогигантов в классе «Формула-1». С самого рождения эти соревнования, ещё на стадии разработки правил и требований, показали не только авангардизм конструкций, но и выявили высокое мастерство гонщи-

ков и профессионализм механиков. «Мальборо», «Кэмел», «Шелл» и «Канон» — миллионов не жалели...

Бешеный рывок в мощности, литраже двигателей и скорости, установка системы впрыска топлива, эксперименты с подвеской и аэроди-

намикой, газовыми установками и автоматическими коробками передач, а также с высококачественными маслами и суперэтилированным горючим унесли на пути к чемпионскому титулу горестное число «укротителей болидов».

Немало красоток со всего мира, будучи «окольцованными» с лучшими водителями Земли, безвременно овдовели, ибо их мужья гоняли на износ и погибли в «формулах поменьше», на трассах международных ралли, картинга, Ле-Мана, Индианаполиса, за рулём НАСКАР, драгстеров, при рекордных заездах и постановке сложнейших трюков всем известных кинофильмов. Такова автотопилотская судьба-жизнь, классно показанная С. Сталлоне в фильме «Гонщик».

О Петерсоне, Мак-Ларене, Кларке, Фанхио, Нуволари, Брэбхеме, братьях Андретти, Лауде, Фиттипальди, Хилле и Стюарте, как и об их знаменитых коллегах — властелинах скорости

родом из двух полушарий — за рубежом сказано и красочно отпечатано с лихвой. Автором собран фундаментальный материал, который при его обобщении в книгу перешагнул бы трагичными фактами знаковый роман Э.М. Ремарка «Жизнь взаимы». Но на одной из звёзд первой величины — гонщике милостью Божьей, хотелось бы остановиться особо, чтобы хоть немного узнать сверхзасекреченную изнанку «конюшен».

В эпоху КПСС, когда С. Ческидов крутил педали велосипеда, я был приглашён друзьями в Венгрию, причём попадал по времени под первую (обкатную) гонку на не-

давно построенной трассе «Хунгаро-ринг». Радовался, мечтая захватить с собой сына Сергея, но... родная властутка беспричинно не пустила. «Железный занавес» распространявший своё влияние и на соцстраны, заставил задуматься тогда о многом. Особенно о поколении воинов, их родственников, которым было кровно необходимо посещать места боёв и захоронений...

Репортаж с места событий не удался. Потом — как-то закрутилось, забылось, но за неукротимым бразильцем Айртоном Сенной, его тяжёлой работой я всегда следил с интересом, не переставая восторгаться его многократным успехам, независимо от того, в какой команде он состоял.

Он родился в семье состоятельных родителей и, казалось, судьба с самого первого шага благосклонна к нему. Ему исполнился год, когда полетел к звёздам Юрий Гагарин, планету лихорадил Карибский кризис и сводила с ума сексуально-наркотическая революция. Пройдёт немного времени, и он, не обременённый в средствах, освоит велосипед, мопед, карт, с любовью подаренные родителями, интуитивно понявшими его призвание.

В тринадцать лет малыш Айртон официально дебютировал в картинге. Именно этот микро-автомобильчик с маломощным мотоциклетным мотором стал «университетами» подростка на трассе, позволил отчеканивать до автоматизма приёмы вождения, натренировал глазомер и боковое чувство помех при старте и маневрировании. За рулём обычного, но хорошо подготовленного карта Сенна проходит искусство виражей и выхода из заноса, учится управлять одной рукой, экспериментирует с разными по мощности моторами, познаёт, что без огромного числа тренировок невозможна Победа. Так им была доказана теорема успеха личности, главная догма коей — заниматься любимым делом с раннего детства, что можно укрепить многими примерами из истории...

Он продолжает интенсивно работать, благо средства, выделяемые отцом, позволяют не тратить силы и время на поиск заинтересованных спонсоров, в большинстве случа-

ев весьма приземлённых при взгляде в будущее. Утром — трасса, в обед — трасса, вечером — «потрошение нутра» наземного «истребителя». Сбитые руки и ноги, шишки сквозь шлем и перевороты, ноющая грудная клетка от ударов руля — всё познал он сполна, но молчал и не плакал, не курил марихуану и не играл роль стойки в многочисленных барах. Увлечение неопытными и заматерелыми пассивами, конечно же, было, однако цель — призовое (никак не меньше!) место в южноамериканском чемпионате по картингу исключала долговременность объятий и поцелуев...

Таким образом сила воли, детальное знание техники, филигранность вождения при собственном «почерке» и вера в Победу «привезли» симпатягу Айртона к первому месту чемпионата в 1977 году. Затем он стартует и ведёт напряжённую борьбу на чемпионатах мира, где ум, карт и опыт выводят его на вторую ступень пьедестала в ряду маститых соперников. Уже тогда он понимает, что нельзя заикливаться на достигнутом и решает участвовать в кольцевых автогонках в Великобритании, славящейся своими давними и прочными традициями в многомоторном покорении тысяч сердец и миль.

Отважный и напористый, Сенна крепко тренируется и побеждает на чемпионате «Тоунсэнд», заставив говорить о себе вечную монархию в 1981 году. С ходу, шокировав конкурентов, он меняет кокпит «Форда-1600» на формулу «Форд-2000», причём, не оставляя противникам никаких шансов, вновь выходит в лидеры. В 1983-м он за рулём «Формулы-3» выигрывает первенство Англии, тем самым «отрулив» себе путёвку в супермир технологических новинок, фаворитов техники и сверхвысоких скоростей, мир её величества — «Формулы-1»...

«Бенеттон-
В194-Форд»

В 1984 году на Гран-При в ЮАР Сенна непостижимым образом зарабатывает в свой актив зачётные очки, несмотря на неполадки с машиной. Здесь, во второй гонке на пути к Автоолимпу в «Формуле-1», его подвело здоровье: он обратился в медцентр из-за судорог в шее и плечах. Нервничая по поводу «шоссейных вирусов» — первых отголосков опасной профессии, Айртон ни в одном из кошмаров не мог предположить, что в конце этого сезона его настигнет парез Белла. В переводе с медицинского диагноз звучит приговором не только для автогонщиков: вирусное поражение лицевого нерва. У Сенны парализовало часть лица, перекосило рот, не закрывался глаз...

К счастью, друзья посоветовали ему обратиться за помощью к страстному поклоннику автогонок, нейрохирургу, профессору Сиду Уоткинсу, практикующему в Лондонской королевской больнице. На протяжении многих лет он работал в медслужбе на гонках Гран-При. Как выяснится, курс стероидов, выписанный им Сенне освобождает его от недуга и сыграет важную роль в их дружбе, продолжавшейся десять лет.

По воспоминаниям друзей и врагов, руководства Международной федерации автоспорта, механиков, родственников и сходивших с ума фанатичных «мисс», Сенна не мыслил себя без гонок. Колоссальные перегрузки на старте и виражах, риск и монотонность квалификационных заездов, личное вмешательство в конструкцию машин и бесценные рекомендации её создателям, аварии и призы, ежегодная кругосветка чемпионата были его жизнью. Ни женитьба, ни учёба в университете Сан-Паулу, ни бизнес и ни звёздность не прельщали бразильца — они были попутным явлением, хотя и в «пешей» жизни он

был очень добрым человеком. Однако будучи натуральным автоголиком, он фокусировал все свои качества на Успех, разрабатывал и вводил в практику «дрессировку» баланса между силой сцепления шин и трассой, внёс свою тактику и стратегию в торможение, разгон, прохождение поворотов и пит-стопов, не уважал неоправданный риск и автоматические коробки передач, поддерживал начинающих «формулистов»...

Ему довелось стартовать и соперничать с признанными асами тех лет — Н. Лауда, А. Простом, Н. Мансэллом и Н. Пике, Р. Патресе и М. Альборето, К. Росбергом, Г. Бергером и многими другими. Анализируя их работу и сопоставляя её со своей, Сенна стремится к идеалу, ищет свою команду и машину, пройдя школу «Тоулмен-Харт», «Лотос-Рено», «Лотос-Хонда», «Мак-Ларен-Хонда», «Мак-Ларен-Форд» и «Вильямс-Рено». 160 раз Айртон Сенна участвовал в Гран-При, 65 раз были лидером на старте, 41 раз финишировал первым, 19 раз становился рекордсменом, показав лучшее время прохождения круга. Три титула чемпиона мира (1988, 1990, 1991 гг.) он завоевал титаническим напряжением за рулём красно-белого «Мак-Ларена». В нём смешалось всё: он мог быть бесстрашным и осмотрительным, непредсказуемым и рассудительным, артистичным и грубым. Сплав этих качеств, умение владеть ими, зоркий глаз и интуиция позволили ему закрепить свой дар в 1989-м, 1993-м и 1987-м годах, когда он дважды поднимался на вторую ступень Почёта и однажды на третью соответственно.

После несчастного случая с автогонщиком Мартином Доннели в Хересе (Испания, 1990 г.), кумир автопоколения и просто зевак, не смыслящих в «железках», стал замкнутым, недоверчивым, недолголюбивым прессу. Но Сенна был ещё и общительным, любил встречаться с боготворившими его мальчишками, и что удивительно, был неплохим оратором. Епископ Трусский (Великобритания) впоследствии признавал, что «Айр-

тон Сенна и словесно, и духовно оставил его, как поведника, далеко позади».

Гран-При в Сан-Марино (Имола, Италия) 1994 года обещал быть очень захватывающим. 31 апреля, к ужасу собравшихся и участников квалификационных заездов, погиб австриец Роланд Ратценбергер. После случившегося «товарищи по несчастью» сохранили молчаливое спокойствие, и только один — Сенна — рыдал. Неужели у него было предчувствие, что и с ним случится что-то страшное??? Двенадцать лет Гран-При не знали смертельных исходов, хотя все помнили Жюля Вильнёва...

1 мая выдалось по погоде прекрасным. Сенна возглавил круг почёта перед трибунами, предстоял его 161-й старт.

Зелёный свет! И машины, неподражаемо «голоса» звуком растревоженного улья, чадя копотью от шлейфов визжащей резины, в мгновение ока — устремились к первому виражу боевого круга. Тут же произошло столкновение, но к счастью, никто из двух пилотов повреждённых «формул» не пострадал. Темп гонки был приостановлен, чтобы машины безопасности смогли очистить трассу от коварных обломков.

Вскоре гонка продолжилась. Лидировал трёхкратный чемпион мира, за ним, не жалея мотора, вовсю мчался талантливый немец Михаэль Шумахер. Они пронеслись на следующий круг, всё равно что две молнии. Через секунды загорелись красные флажки — бедствие!!!

Рассказывает профессор Сид Уоткинс, автор книги «Жизнь и конец: Триумф и трагедия в Формуле-1» (Лондон, 1996):

«Каким-то образом я почувствовал, что это Сенна. Когда я добрался до места происшествия, он беспомощно лежал в кабине своего болида. Врач из машины «скорой помощи» уже был рядом с ним, придерживая его голову в шлеме.

Мы спешно перерезали ремень под подбородком и, поддерживая шею, стащили шлем. Глаза Сенны были зак-

рыты. Он был без сознания, лицо ничего не выражало.

Я приподнял его веки. По зрачкам было ясно, что у него серьёзно повреждён мозг. Мы аккуратно извлекли его из кабины болида и положили на землю. При этом он издал громкий вздох. Мне показалось, что в этот момент его душа простилась с телом.

Мы вызвали вертолёт, и моего друга доставили в больницу. Но я уже знал, что он не выживет».

Сверкнув огненным росчерком на небосводе, так погасла звезда мирового автоспорта. Великий гонщик Айртон Сenna да Силва, мечтавший, чтобы все гонки на планете проходили без катастроф, говоривший о слишком сильном увлечении организаторов гонок их коммерциализацией, доллароманией прибылей. Его жизнь, состояв-

Логотип компании «Ройял Датч-Шелл Групп» — крупнейшего производителя ГСМ и спонсора автогонок

Раздумья перед стартом

Айртон среди «Мисс-эскорт»

шая из миллионов миль, прожитых в риске и страхе, — тридцать четыре года — взметнулись фейерверком и рассыпались тысячами осколков, воткнувшихся в сердца тех, кто любил, ценил и даже ненавидел его.

Видится, вспоминать Мастера по перемещению в наземном пространстве будут постоянно и долго, хотя он не воспитал учеников, оставив тысячи автографов, столь же стремительных, как он сам...

От хорошего знакомого в «ЮКОСе» как-то слышал о планах бразильских кинематографистов снять фильм о выдающемся земляке. Не знаю, вышел ли он, и мог ли справиться с такой сложной ролью дружок Мадонны А. Бандерас. Было бы классно, если бы «Роскиносервис» прокатил бы эту ленту с новейшей системой звука «Dolby Surround», в назидание малышам-нуворишам, бездумно маневрирующим на «Меринах», где не пролезть «Оке» или анекдотичному «Запорожцу».

Без шуток старается разве что В. Путин, подписавший бумаги о строительстве российской трассы «Формулы-1» в пригороде Санкт-Петербурга (ещё до озвучивания Программы оздоровления нации).

Сможем ли мы полноценно участвовать в Гран-При умов и моторов — вопрос большого времени и ещё больших денег.

*Апрель 2002 г.,
Орёл — Тольятти — Орёл,
«Путевые заметки».*

СОН ГУБЕРНАТОРА

*«Доброе дело и искренняя,
душевная инициатива во всём —
премируется бессмертием».
Эссе «Зов горизонта», 1988.*

Глеб Иванович Ёлкин — добрейшей души человек, избранный народом на высокую должность губернского правителя, по не понятной ему причине ни с того ни с сего захворал.

Освободившись от пут резиденции, лгущих секретарей, помощников и массы прилипал к его имени и заслугам, Глеб Иванович ушёл вчера с работы пешком и был счастлив, что город растёт, а жители и гости губернии ему улыбаются.

Пройдя к дому не менее трёх километров, он никак не ожидал того, что соберёт своим поступком столь обширную уличную толпу. Здесь были все, и — как назло — все объединились в одно целое, представляя тех, кто нужен и даром не нужен. Однако губернатор был действительно с большой буквы и как человек-растение думать не мог...

Объевшись заграничных яств и отсмаковав все виды спиртного, многие из нагло-сытой богемы уже хамили, выкрикивая непристойности и требуя отсоединения губернии от Империи.

Ёлкин молчал. От отца он унаследовал этот великий дар — умение слушать человека, — не притворяться слушателем, а именно слушать. Из часа в час, изо дня в день, из ночи в месяц и месяц и так далее десятилетиями, он слушал и слушал, не замечая того, что сердце его превращается в губернский аккумулятор жалоб, несчаст-

тий и радостей. Он давно переступил тот порог, когда кто-то впопыхах, по ошибке, мог окликнуть, не зная его: «Молодой человек!», и заметно стал уставать, чувствуя в себе всёвозрастающий рост нервного переутомления и физического истощения.

Внутренняя боль была внесена в его организм древнейшими способами — элементарно. Сетка болезни забрасывалась завистниками, врагами, друзьями, знакомыми, и сами они — те и эти — не понимали того, что когда-нибудь наступит черёд оплаты долгов. Тех долгов, что не имеют счетов — долгов здоровья, чести, памяти, дружбы, науки, культуры, долгов праведности, религиозности, наконец, уважения друг к другу...

Каждый день в тоннаже документации, в эмоциональных и официальных встречах, в ажиотаже поездок и ворохе отсеянных пресс-службой писем его преследовал

страшный зверь под именем «ДАЙ!»

Это чудовище — дальнзоркое и слепое, наглое и добрейшее, лживое и правдивое, массовое и эксклюзивное, жестокое и милое, вредно-коварное и преступное, мстящее и льстящее — «ДАЙ!» — находило немислимые лазейки в и без того расстроенном народном общежитии. Супермонстр мог прикрываться войной, болью, гневом, родней и её телом, трагедиями, радостями, счастьем и ужасом, потерями и драгоценностями, женшением и ядом заради одного: чтобы Ему д а л и...

Ёлкин, не зная того, родился в рубашке. Он имел пророчески-ясновидящее чутьё, знал тра-

екторию взлётов и падений, трепетно чтит Землю, вотчину и всех предков без исключения. Понимая значение слова, он любил людей, как завещала ему мать, уважал Веру и верил в Веру людей, старался изо всех сил, хлопоча о народе перед Верховным Правителем.

С тех пор, как седина сжала виски, а потом полностью обелила голову Глеба Ивановича, метеорами сгорели десятилетия. Несколько Верховных Правителей, Главных цензоров и прокураторов легли на покой, не сделав для жителей Большой Родины абсолютно ничего, кроме безостановочного Горя...

И вот сегодня, держа речь перед народом в его защиту, проводя линию не краснобайщины, а конкретных дел, Ёлкин говорил с людьми, хотя уже было далеко за полночь. Ему очень хотелось, чтобы его поняли, что кроме «Дай!» существует ещё и «Отдай!» — полярная сила на чаше весов Добра и Зла. Не вышло; толпа неистово продолжала реветь: «Глеб Иванович, дай!», «Глеб Иванович, выручи!», «Глеб Иванович, спаси!», «Глеб Иванович, защити!» Синонимы, сотенные преобразования «ДАЙ!» рвали его душу, мозг, сердце, били по перепонкам ушей и слепили глаза и, казалось, что эхо над площадью повалит статую последнего инквизитора...

Больше говорить о росте самосознания нации административный лидер не мог. Вежливо пожелав спокойной ночи наэлектризованной публике разных сословий, вероятно, подумавшей, что губернатор ряженный или напился для «аттракциона», он, не зная сего, но догадываясь, вошёл в собственную квартиру, не заметив, что одна из старух съела его глазами и бросила в ноги чёрную кошку.

Он жил один. Ему невесть с чего, как малышу, которому не купили велик, хотелось плакать. — Почему они такие? Каждый из них рождён для мощных, хороших дел... Вроде как сыты, одеты, деньжатами, как могу, всячески помогаю... Неужели всё повторяется — одна белковая оболочка... базарно-валютное, эротично-предметное

быдло... Зачем мучаю себя? Молчать надо, не видеть, иначе не выдержу. А доктор прав: «Сон — великое лекарство»...

Он заснул мгновенно, — свежий воздух при эмоциях и красноречии сделали своё дело. В эту ночь ему приснилось, что с завтрашнего дня в Империи будет введён закон Всеобщего равноправия, братства и уважения, закон, освободивший нации от сора — бумажек и железок, за которые убивают. Безмятежно похрапывая и улыбаясь, Ёлкин спал не ворочаясь, видя то, что позднее назовёт «сон с небес».

...Он стал Верховным Правителем и отменил все кодексы. Он один — Глеб Иванович Ёлкин — разрушил тюрьмы и отменил госграницы, разрешив народам и расам обмениваться на время детьми, чтобы в их взрослых головушках не зарождалось желания хвататься за курки и рычаги той или иной изрыгающей смерть машины. В его правление разыщут Атлантиду, найдут новый вид безвредного топлива, а уничтожение ядерного оружия даст возможность официальным приземлениям звездолётов Великих Цивилизаций ИКС-Галактик. Гуманоиды из других Вселенных, освоившие бесконечность — помогут увеличить жизнь Человека, излечат Землю от озоновых дыр и загрязнений Мирового океана...

— А сколько экзотических птиц и зверей привезут они с собой, — сладко мнилось Ёлкину. — И кругом цветы, цветы, цветы вне сезонов, улыбающиеся безболезненные лица и счастливые дети, и слово «война» становится безумным анахронизмом...

... Утром за ним бесшумно подкатит лимузин, устало окружит, в принципе, ненужная охрана. Он промчит с кортежем как это было 15, 10, 5 лет назад, но только не так, как вчера, когда он, маленький губернатор, полночи провёл с народом.

В этот же день, в возрасте 85 лет, он застрелился по неопределённым мотивам. Узкий круг приближённых решил, что Старик выжил из ума, судя по его предсмертной записке:

«Я не могу жить для того, ради чего живёте вы. Честь имею, и больше ничего не дам, кроме как хлопот по панихиде. Черкните на камне: «Здесь упокоился от невежд преступного века добрый человек Глеб Иванович Ёлкин».

* * *

Спустя 10 лет губернию разворовали и затравили, частично уничтожив род Ёлкиных. Пришёл голод, эпидемии, сонм пороков и две неизвестные доселе вирусные болезни. Верховным Правителем стал захвативший власть демагог, выдвинувший теорию национализации и исключительности расы. Инопланетяне приземлялись, но не вступили в контакт Дружбы и в этом тысячелетии. Накопленное оружие готовилось к выходу. Озоновые дыры расширились. ДАЙ временно победил, но в пещерах Тибета уже ожидал Хозяина двухпудовый меч, который вскоре навсегда отсечёт мерзости голову...

Предсказание Небес свершится, и все честные люди обретут себя в новом облике и измерении.

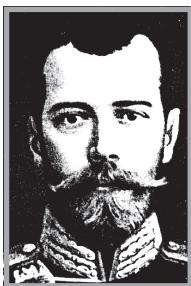
Мощь пещер. Картина Н.К. Рериха

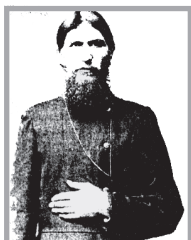
*Спят по лаврам
Святые ушедшего века,
Живота не жалевшие во имя Христа.
В новом храме
Отвыкшие от божества —
Жадно ловят в апостолах дух человека.
Луч Творца возвратился сюда...*

Дневник поэта «Поругание вечности».

...Когда в 1917 году грянула Великая Октябрьская революция, известившая полушария выстрелом «Авро-ры», которую честнее было назвать «Бедой», никто и не предполагал, что с падением самодержавия братья-дворяне схлестнутся в жесточайшей сече с братьями-простыми мужиками. К чему привела надуманная революционная ситуация (см. 55 томов) — эта горемычная из горемычнейших трагедий нашего Великого, однако, заблудшего

Николай II

Г.Е. Распутин

А.Ф. Керенский

народа — болезнейшим образом стала известно массам лишь к закату 20-го столетия. Величайшая авантюра истории под прикрытием «добропорядочности» по отношению к «малым» смертным, к глубочайшему сожалению, привела к тому Ужасу, что до сих пор не осознан религиозными конфессиями и псевдонаучными флюгерманами атеизма...

Разорванная, истощённая, голодающая, овшивевшая, изнурённо-порочная Россия потеряла свой многовековой праведный лик, попав в жесточайшие руки эмигрантов-большевиков и под страшный гипноз их лозунгов, открывших путь идеологическому глумлению над всеми слоями общества, независимо от расовой принадлежности и установившихся форм вероисповеданий, необходимых народам ежедневно как воздух, вода, хлеб, солнце, как продолжение рода во благо его жизни на Земле...

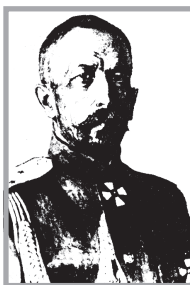
Катастрофичность событий на фронтах Первой мировой войны сорвала строившуюся веками дамбу терпимости, что привело к подрыву народного возмущения на гражданской mine, а также к безжалостно-противо-

Н.Н. Юденич

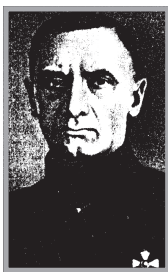
А.И. Деникин

Л.Г. Корнилов

П.Н. Врангель

*Н.И. Махно**А.В. Колчак**А.И. Дутов**Р.Ф. Унгерн**Сейид Алим-хан*

стояниям Юденичу, Корнилову, Деникину, Колчаку, Врангелю, Махно, Дутову, Энверпаше, Сейиду Алим-хану, Унгерну, разномастным интервентам и многим другим, не посмевающим поднять головы и оружие при главной опоре — Императоре Николае II.

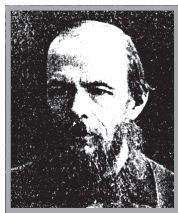
Да, внешняя и внутренняя политика самодержавия была крайне ошибочной, где-то антинародной и, вероятно, фальшивой, но глупо было бы забывать о Гришке Распутине и попе Гапоне, коему верующие с большим удовольствием отбивали бы щелчки, — как Балда из пушкинской сказки, и не допустили бы тех грехов, что имели место в жизни князя Ф. Юсупова и депутата Думы В.М. Пуришкевича. И вот на фоне последующего демонического хаоса и мародёрства, даже при микро-проценте истинных патриотов от Красной Армии и Флота — верующих соотечественников — заметим, что тем, кто находился по ту сторону баррикад, чистым и грязным на руку, интеллигентам, священнослужителям и далёким от них мещанам оставалось одно: бежать...

Куда? К кому? Для чего и зачем? Почему и ради кого?! Ответы на бесконечные вопросы для большинства пройдут через дуло к виску или в рот; другие погибли в пути, а те страдальцы, кто, любя Россию, остались терпеть с нею муки — позднее подводились к реям, обрывам и ямам.

Помните Хлудова, Сашу Брусенцова, «Сорок первый» реалиста Лавренёва? Мы уж помолчим о документальных лицах, творивших историю вопиющим братоубийством, которое изничтожало напрочь высоты духа и воли Общероссийского трудолюбивого населения. Да и «Тихий Дон» далёк от штилей зорь — Шолохов, как бы новые идолопоклонники не покрывали его грязью, высек кровопад потоков простейшим слогом! «Окаянные дни» борца за правду воронежца Бунина, буквально вчера униженного на Родине новым витком «бунинианы» при пустозвонстве — это ещё мягко сказано; бег проклятой самой собой нации превратится в окаянную дистанцию не промерянных никем трагедийных миль с последующим многолетним стартом во сверхокайную эпоху, о которой и не мечтали — Батый, Герман фон Зальц, Карл XII и Наполеон...

6 августа 1921 года Иван Алексеевич, рвя душу, оставит потомкам: «И как надоела всему миру своими гнустями и несчастьями это подлая, жадная, нелепая сволочь Русь!» А разве ждали сонмища осиротевших и обездоленных — Анкара, Стамбул, Констанца, Берлин, Париж, Рим, Иерусалим, Харбин, Шанхай, Токио, Сан-Франциско и Нью-Йорк??? Чужие далёкие страны и города...

Кто их гнал в никуда? Конечно, иностранные ножи революции — бронштейны, бланки, землячки, рейснеры, дзержинские, эйдуки, саёнки, шварцманы, розенфельды и несостоявшиеся вундеркинды извращённого ими же марксизма, не желавшие ра-

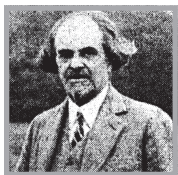
Ф.М. Достоевский

И.А. Бунин

М.А. Булгаков

Н.А. Бердяев

М.А. Шолохов

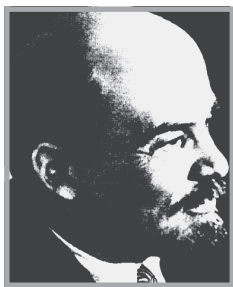

А.Н. Вертинский

ботать лопатой на собственном огороде, круглогодично пачкаться в навозе из-за здоровья животинушки и по 12 часов стоять у станка, вытачивая «болванки» войны.

Расследование данного момента всероссийской истории — захвата власти изучившими Веры высокообразованными бесами — не имеет освещения ни в одном из учебников новейшей истории, хронически и продуманно разлагаемой нашей в бытность Великой державы. Революционеры прибыли сюда не только для того, чтобы построить новое государство с нечитаемыми аббревиатурами для крестьянства и рассчитаться с потомками Владимира Мономаха, пророчески предсказавшего падение страны в случае госпереворота во главе с иностранцами. Психологически верно рассчитав посулы грамотному народу, жаждущему свободы, они привезли с собой динамит для будущей репрессивной войны с родным населением, — войны, погубившей своими осколками не менее 50% их самих вместе с семьями...

Пока динамит был еще сырым, а новая партаристократия наслаждалась возможностью понежить себя видом золотых штабелей рублёво-валютного запаса России — её сыны, чьи пращуры создавали сие — бывшие дворяне, белое духовенство, бары, князья с армией почитателей вошли в измерение душевных мук, попав в тупик вопросов, поставленных перед ними капитал-владыками зарубежья. Те, кто выжили, в позоре и унижении не наложи-

*В.И. Ульянов-
Бланк (Ленин)*

*Я.М. Свердлов
(Янкель Мошевич
Гаухман)*

*Л.Д. Троцкий
(Бронштейн)*

Лидеры отечественного и мирового марксизма, погибшие в основном насильственной смертью в схватках за власть.

ли на себя руки, слёзно ставили зеркально-сверкавшую мембрану патефона с новенькой острой иглой совсем не для того, чтобы посмаковать буржуйные песенки. Нагляд-

*И.В. Сталин и В.И. Ленин.
«Два сокола ясных на дубу зелёном...»*

ный пример — потрясающий по откровению репертуар «Печальные песни Александра Вертинского»...

Была, надо сказать, ещё одна «проблема» — Внутренняя война новых инквизиторов с христиан-

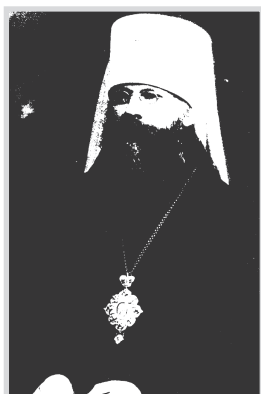
ством Руси, проводимая под девизом «Религия — опиум народа» (идеологи не заметили, что сбросив «опи» остаётся УМ). Забыли они и о том, чему учит Евангелие от Марка (гл. 4:22):

«Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным: и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу».

Однако ЧТО могли бы сказать ясновидящие и пророки, прорицатели, мудрецы и святые старцы, узнай они о приводимых ниже устрашающих и ныне фактах?!

Самым страшным проявлением «религиозности» здесь видится то, что когда в православие, католицизм, протестантизм, ислам, иудаизм, буддизм и синтоизм постоянно шёл новый приток верующих и почитателей, в это же время в России, получившей чёрное клеймо безбожников, проводился в жизнь вопиющий декрет совнаркома Ленина «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», опубликованный в январе 1918 года.

Атеистически глумясь над религиозными вековыми канонами, «свет на-

В 1922 году расстрелян митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский). Причислен к лику святых.

ции» без Отечества проявил максимум маниакальной изобретательности при строительстве гильотины былому духовному величию державы. Имена сотен «германских путешественников», среди которых русские считались по пальцам одной руки, называть не будем по причине их «высококультурного» хамства и бездушья. Но и они ответят позднее перед всеми теми, перед которыми отвечают: сталинский бумеранг лишит большинства жизни, потянув в рай иль ад и невинные семьи...

Тогда же, когда ещё был жив «гений» террора, а попросту красный мафиози Камо, пополнивший бездонные карманы «деятельной» партии, лидеры «свободы», идущей из-под пули, пыток и штыка, не задумывались об ударах дружеских товарищей — ВЧК, ОГПУ и по этапу т.д. — исподтишка, в затылок и спину. Развязывание рук голытьбе-лентяям, карьеристам и злопыхателям со «всемирной сумасшедшинкой» при объединении с великолепно продуманной идеологией, играющей на земельных и низменных чувствах под прикрытием плакатно-трафаретных «измов», привело к безумству трагедий задолго до взрыва Храма Христа Спасителя. Потом, более чем через полвека, его восстановят и это прекрасно, но никто из здравствующих партийцев так и не выйдет на площадь Покаяния с тремя словами: «Простите ВКП(б) и КПСС!»

...Под прикрытием первой б... в 1918 году в Петрограде алчные красногвардейцы пытались разграбить Александро-Невскую Лавру и убили вызывавшего не совершать тяжкий грех протоиерея отца Петра Скипетрова; затем был расстрелян невинный настоятель Санкт-Петербургского собора, один из образованнейших людей

*Архиепископ
Орловский
и Ливенский
Пaisий.*

своего времени протоиерей Алексей Ставровский; в купеческой Елабуге умерщвлён протоиерей отец Павел Дернов, безвременно ушедший вслед за тремя мучениками-сыновьями; в оружейной Туле и в столице УССР Харькове безжалостно расстреляны крестные ходы; на совести 5-го отдела народного комиссариата юстиции несмываемы-неокупаемы подлейшие злодеяния: изрубленный пашками на станции Вятка, взывавший к умиротворению епископ Дионисий Измаильский; немыслимый по жестокости расстрел собравшихся верующих при ревизии церковного имущества в Пермской епархии; три дня блюстители революционного «порядка» истязали священника станицы Усть-Лабинская Кубанской епархии Михаила Лисицына, замучив его насмерть; убиты видные представители православной церкви — митрополит Владимир Киевский и Галицкий (Богоявленский) и протоиерей Иоанн Восторгов, привечавший паству в московском соборе Василия Блаженного (Покровском), который, позднее, по слухам, «кожаные» лоббировали взорвать...

Преосвященнейший епископ Макарий (Гневушев) руководивший Орловской кафедрой в труднейший период истории Русской Православной Церкви, перед лицом врага воззвал к умиротворению и терпимости, за что не без подписи Свердлова был лишен общения с паствой и сослан в Спасо-Преображенский монастырь города Вязьма. Многоуважаемого Владыку, образованнейшего патриота Отчизны, арестуют в августе 1918 как «контрреволюционера». Просим читательского внимания к выдержкам из его статьи, впервые опубликованной в ...1999 году в «Сборнике Орловского церковного историко-археологического общества» с благословения Московского Патриархата. Расследующий антихристские злодеяния, неутомимый архивариус, товарищ председательствующего упомянутого общества протоиерея Иоанна (Троицкого) Дмитрий Краюхин при поддержке Архиепископа Орловского и Ливенского Паисия в союзе с малым числом помощников делают святейшее, воскрешая священ-

номучеников истинно по словам Апостола: «...нас почитают умершими, но вот мы живы, нас наказывают, но мы не умираем...» (2 Коринф, 6,9).

По афористичному выражению «религиозного гения» XX века, замечательного ливенца, отца Сергия (Булгакова), «в России не было и нет культуры вне религии, и с разрушением её остаётся варварство».

Так прислушаемся к голосу солидарного с ним по многим вопросам мудрого философа и провидца Преосвященнейшего Владыки Макария, прозревшего непостижимое задолго до своего расстрела в сентябре 1918 по предательски-коварному обвинению ЧК Западной области...

«Церковь Христова и Православное русское государство, несомненно, стоят перед лицом самого страшного врага, нередко меняющего свой вид и наименование, но в существе являющегося одним и тем же. Это враг — враг христианства и всего созданного им, — это воскресающее язычество...

Нет нужды указывать те стадии, которые уже пройдены, и очень успешно врагом христианства в его борьбе с последним...

Потрясая устои христианской жизни и мировоззрения, язычество к XX веку в глазах так называемого образованного мира явилось во всеоружии и особенно ценимой привлекательности... В области государственного быта — почти полное и почти повсеместное разрушение бывших непоколебимыми и освящёнными свыше авторитетов и водворение на месте власти, Богом освящённой, — авторитета единичной личности гражданина, как высшей, непререкаемой в области законодательства и государственного строительства, причём такая фикция государственной власти, как парла-

*о. Сергий
(С.Н. Булгаков),
переживший
тиски
репрессий.*

мент, народное представительство сведено до явного для всех нуля, ибо для всех стало уже понятным, что парламент и народное представительство есть ничто иное, как более или менее обширное поле для проявления не столько партийных даже вожделений, сколько вожделений отдельных личностей...

Механизм, отсутствие одухотворённости, высших земных начал жизни, естественно, должны были и в области морали всё низвести до такой же механической, грубой борьбы за существование, за права. Ставши на такую точку миропонимания, нетрудно уже оправдать всё грубое и жестокое и снять с человека ответственность за злобу и её проявления...

Забыто всё действительное значение науки, оставлена только форма её, так сказать, флаг; забыты интересы учащихся; приложены все усилия к тому, чтобы смешать интересы знания, дальнейшего развития ума человеческого, жизни общественной, всех сторон её с интересами идущей борьбы».

Справедливости ради важно подчеркнуть, что волеизъявление, стремление Владыки Макария раскрыть глаза народу российскому, — что ни строка — золото мышления, праведности, высоконравственности и сочувствия к заблудшим в хаосе революции, деградации собственных душ и характеров нации, попавших в мотню идеологического брежня многоликих общественных, также лживых партий, и уголовно-анархистских ответвлений, с назначением — ЗАХВАТ власти любой ценой.

Это, мягко говоря, сорнячное явление более кратко обозначено в книге отца «Шапка Мономаха», вышедшей с великими тяжбами в Орле при крепкой поддержке честного борца за крестьянство, тружеников производств, ныне губернатора Орловской области Егора Семёновича Строева. Однотомник избранного, увидевший свет в труднейшее для страны время — в 1992 году, состоит из поэм и стихотворений, среди которых имеются и такие (строки 1965 года, зацензулены тогдашними фискалами):

* * *

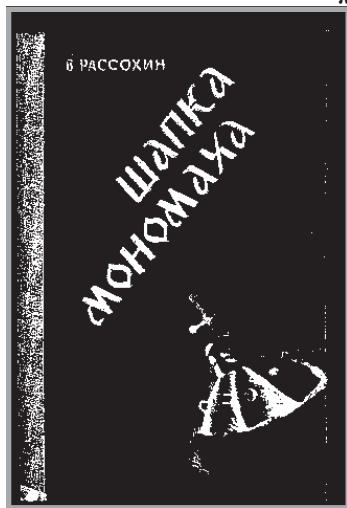
*Бунтари! Глаза, как свёрла.
Чинно выстроившись в ряд,
Тиранию, взяв за горло,
Личной властушки хотят.*

* * *

*Говорят: «Печать остра!
Для властей — забота.
Мало классикам костра:
Ждите эшафота!»*

* * *

*Эх, костёр! Под стать заре —
Аж трещат поленья.
Почернели на огне
Новые ученья...*

Смиренный Тихон, Божию Милостию патриарх Московский и всея России, января 19 дня 1918 года обращается к Возлюбленным о Господе архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской:

*«Да избавит нас Господь
от настоящего века лукаваго*

(Гал.1.4).

Тяжкое время переживает ныне Святая православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины, и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеют семена злобы, ненависти и братоубийственной брани.

Забыты и попораны заповеди Христовы о любви к ближним, ежедневно до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чём неповинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных разве только в том, что честно исполняли свой долг перед родиной, что все силы свои полагали на служение благу народному. И всё это совершает-

*30-тысячный тираж книги обошёл мир.

ся не только под покровом ночной темноты, но и въявь при дневном свете с неслыханною доселе дерзостью и беспощадною жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности, — совершается в наши дни во всех почти городах и всях нашей отчизны: и в столицах и на отдалённых окраинах (в Москве, Петрограде, Иркутске, Севастополе и др.).

Всё сие преисполняет сердце наше глубокою болезненною скорбью и вынуждает нас обратиться к такому извергам рода человеческого с грозным словом обличения и прошения по завету св. апостола: «со-

грешающих пред всеми обличай, да и прочие страх примут» (1 Тим. 5, 20).

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, — это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной.

Властию, данною нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите ещё имена христианския и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви православной (90% лжемиссионеров марксизма приняло псевдонимы и официально дало возможность перемирания собственных фамилий на 70 лет. — **Р.С.В.**).

Заклинаем и всех вас верных чад православной Церкви Христовой, не вступать с такими извергами рода человеческого в какое-либо общение: «измите злаго от вас самих» (Кор. 5, 13).

Гонение жесточайшее воздвигнуто и на Святую Церковь Христову: благодатныя таинства, освящающия рождение на свет человека, или благославляющия супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними, святые храмы подвергаются или разрушению через разстрел орудий смертоносных (святые соборы Кремля московского), или ограблению и кощунственному оскорбле-

нию (часовня Спасителя в Петрограде); чтимые верующим народом обители святых (как Александро-Невская и Почаевская Лавры), захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием, школы, содержащиеся на средства Церкви православной и подготовлявшие пастырей Церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия или даже прямо в разсадники безнравственности. Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом что это народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с законною волею самого народа. И, наконец власть, обещавшая водворить порядок на Руси, право на правду, обезпечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и в частности — над Святою Церковью православной.

Где же пределы этим издевательствам над Церковью Христовой? Как и чем можно остановить это наступление на неё врагов неистовых?

Зовём всех вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой матери нашей.

Враги Церкви захватывают власть над нею и ея достоянием силою смертоносного оружия, а вы противопоставьте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют даже прямо противно совести народа!

А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовём вас возлюбленные чада Церкви, зовём вас на эти страдания вместе с собою словами святого апостола: «кто иы разлучить от любви Божия: скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или бедн, или мач?» (Рим. 8, 35).

А вы, братие архипастыри, пастыри, не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви православной, немедленно устройте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею, становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления, и мы твёрдо уповаем, что враги Церкви будут и посрамлены и расточатся силою Креста Христова, ибо непреложно обетоване Самого божественного Крестonosца: Созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ей».

Какова мощьность Послания!

И здесь же, за инициалами мудрого патриарха имеется примечание: «Патриарху было указано присутствующими при составлении этого воззвания на резкия выражения, предлагая их несколько смягчить. Патриарх, подумав немного, перекрестился, подписался и заявил: «Готов на всякия страдания, даже на смерть во имя веры Христовой».

Заметьте: «это» только первые годы Советской власти! Какими добрыми трудами можно смыть позор невежества и наиподлейшего кощунства, когда в 1922 году одетых в лохмотья и побритых, чтоб не опознал народ — митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского) и трёх новомучеников Российских — без суда и следствия расстреляли на станции Пороховые, что по Ириновской железной дороге?! Продолжаться же война с «опиумом народа» будет, как вы помните, десятилетиями...

Очевидно, что руководство пролетариата Советской России, призывающее к повиновению девизами «Земля — крестьянам!», «Мир хижинам — война дворцам!», «Фабрики — рабочим!» — напрочь забыло о той святой роли Церкви, которую она имела в Императорских Армии и Флоте. А может быть, эмигранты русско-еврейского происхождения с высокообразовательными грабительскими наклонностями, пустив корни в Германии, Франции, Швейцарии и др., не вникали или не хотели вникать в суть церковных разработок и начинаний по причине пожизненной симуляции собственного «становления» под ружьё? Существовали и готовились к выходу в мир сотни призывающих к милосердию церковных изданий, и задумываешься: какими же надо быть ненавистниками религии, изучив её годами раньше, можно сказать досконально, какими надо быть сыновьями-дочерьми, чтобы с террором в голове и в руках нагло идти против отцов и дедов?!!!

Апогеем клятвопреступничества, отречения от вековых традиций народа и максимумом убожества бесов, присягнувших Идолу — первому врагу Бога — Рогатому ангелу, явится ничем не обоснованное убийство коронованной се-

мы Романовых и её ближайшего окружения. Да, и царь, основавший подводный Флот, был не святым, пусть недобрым, но он был Русским, а не иностранцем, гадающим на вскормившей его земле! Мы не монархисты и не космисты, однако не вызывает сомнения, что Екатеринбургская трагедия была отголоском многолетней злобы общего мозга Ульяновых-Бланков, воплотившейся в последнем отпрыске рода, наказанного непреданием земле. Тогда же ему надо было отомстить за брата Сашу, за клубок вамп-девиц со сдвинутой психикой (киллерш Императорской династии), за ссылочные унижения; беспримерному лидеру умопомра-

Семья Романовых.

чительного по всеохватности движения, поддержанного баснословным «эннским» капиталом — было кровно необходимо доказать всему миру мощь его силы. Силищи, для которой не существует никаких тормозов — ни духовно-нравственных, ни физических, а уж тем более морально-психологических...

На лету бил и на гнёздышке — жалость с «Роллс-Ройса», конфискованного в гараже Императора — в кювет... Передачи включены в одном абзаце, и тот, кто верен и не верен, перечитают его дважды.

В годы ленинско-сталинской диктатуры будут расстреляны по суду и без суда тысячи представителей белого духовенства, монахов и монахинь, послушниц и звонарей, а также ядро интеллигенции, сочувствующее Учению Христову, церкви, именно люди, глубоко веровавшие в её житейскую роль. В стране, извращённо идущей по пути социализма, были взорваны и вандалистски разграблены тысячи храмов и монастырей — архитектурных и духовных памятников России, места многовекового паломничества...

...Спустя более полувека начался возврат нации к религиозным канонам христианства, мудрость и значимость коего ковалась лучшими умами ушедшего ныне тысячелетия и, конечно же, много ранее...

Возвращение здравствующего, вновь униженного народа к Истокам Веры есть высшая материализация подвижничества великих святых, праведников и великомучеников Всея Руси. Честь и хвала им в веках: мы шлём им своё слово и поклон из будущего!

Но и сегодня мы стоим на распутье перед лицом истинного врага Края Предков, ибо при малопроцентном и «модном» покаянии с отсутствием искренней исповедальности, мы видим новый захват власти сатанинским язычеством, нередко настолько завуалированным, что граждане, мечущиеся между Истиной и Ложью, не замечают того, что они в капкане для душ, прикрытом

якобы патриотизмом и болтовнёй вокруг праведного пути воспитания.

Примеры? Да хватит единого: Справочник школьника по истории России в XX веке не содержит не то что заслуг, а даже имени... Великого Патриарха, Его Святейшества Тихона...

Автором этих строк ведётся широкомасштабная общественная работа в районах Орловщины и далеко за её пределами в целях поднятия хоть на вершок общего самосознания тружеников глубинки, брошенных на произвол естественного отбора, наших Героев Провинции, вспоившей собою индустриальную (былую) мощь СССР. Мною официально, но с искажениями редакции «Сельской нови» (натурально Змиёвка), предложено по просьбам жителей и гостей переименовать Свердловский район в Неручанский или какой-либо другой по желанию жителей, однако главное — без его принадлежности любой из партий либо движений. Ведь это же прямое безбожие, именно то идолопоклонничество, что по легенде сгубило народ атлантов,

*Убийцы Царской семьи,
не достойные даже
упоминания по фамилиям*

знаменитую Атлантиду!.. Сожалею, что читатели не видели подлинника статьи и других разработок автора, направленных во благо их же самих...

Даже через столько лет не утихают страсти, затонированные «Терпимостью и Согласием» Б. Ельцина, обвиняющие меня в разжигающей беспорядки «голословности» и «олигарховости» по поводу разоблачения антихристского заболевания революционных времён — псевдонимии (вирус жив и сегодня). Это они — носители псевдонимов под «друзей народа», прямо способствовали и санкционировали всеохватное братоубийство, разорение, обезглавливание Веры и уничтожение генофонда нашей многострадальной, великой нации.

Сегодня многие из долгоживущих «праведников», пережившие на многие лета современников, неустанно вторят о «счастье народа», пришедшем благодаря стройкам и другим завоеваниям пролетариата, позабыв о том, кто в них вселился, исключив из памяти миллиарды доносов, наконец, тех, кто был положен костью семей вмес-

то фундамента ради этого пресловутого счастья, именуемого ВСЕНАРОДНЫМ ГОРЕМ...

Глубоко жаль живущих слепцов, так и не понявших к седине, что коммунизм в советском виде привёл не только к жесточайшим репрессиям, но и к Второй мировой войне нашего многонационального народа с итало-германским фашизмом и самурайским милитаризмом, слабо видимых при «буржуинах» и Николае II. Стройки... Камням не больно! Хотя кричат и они, как осквернённая глыба духовников Амфитеатровых, что в селе Высокое на Орловщине.

Обладая огромным количеством архивов по истории стран «Оси» и Антигитлеровской коалиции, я мог бы цитировать такое, отчего многие пережили бы инфаркт, а это, как вы понимаете, прямопротивопоказано читателям любого возраста. Кроме того, имеются материалы о причастности Я. Свердлова и других товарищей с хамелеонской «совестью» к госперевороту внутри РКП (б) и разоблачительные документы, касательно умерщвления В.И. Ульянова-Бланка.

Однако я говорю соотечественникам и выкинутым Родины эмигрантам: «Спасибо за внимательное прочтение!»

Помните: ни в одной стране Мира не было столь позорного, повторного распятия Христа в таком, наиубийственном, злодейском масштабе, как в так любимой нами России! Всмотритесь: отголоски происшедшего Апокалипсиса на каждом шагу! Сие обозначает, что язычество внутри нас... И на тысячи марионеток бюджета, режима, криминала у нас творит один герой своего времени.

Докричится ли он? Поймут ли его те, кто считает себя Человеком, а не балластным животным или растением-одногодком?!

Ответ, он же совет, прост: «Дерзайте, други и недруги! Дуэль не кончается!»

Ноябрь 2000 г.

*Орёл — Козельск — Оптина Пустынь —
Троице-Сергиевская Лавра,
«Путевые заметки».*

АБВЕР НА ОРЛОВЩИНЕ

*Начальник
Главного
Разведывательного
Управления РККА
Филипп ГОЛИКОВ*

*Носитель
тайн держав
Вильгельм
КАНАРИС*

*Дерзновение —
великий дар Божий
и великое сокровище души! В
земной брани или войне
смелость или храбрость
много значит, ибо она
творит чудеса,
а в духовной брани
и тем паче.*

*Святой Праведный
Иоанн Кронштадтский.*

1. У ИСТОКОВ «БЛИЦКРИГА»

Древний китайский полководец Сунь-цзы, а за ним и Александр Македонский и его тезка, великий Суворов, в своё время мудро сформулировал воинскую заповедь, не потерявшую актуальности и ныне: «Не знающий врага обречён на поражение».

Следуя вечному наставлению, более детально пройдем по истории нашего главного противника во Второй мировой и Великой Отечественной войнах — гитлеровской Германии. В бытность КПСС глубоко аналитическое раскрытие и афиширование логова врага не особо приветствовалось, хотя первостепенным изучаемым языком в

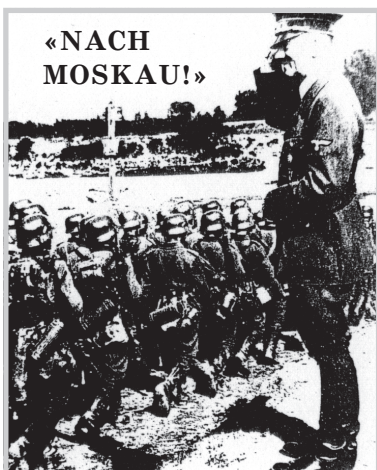
стране назывался немецкий. Тогда никто не предвидел тихий развал СССР...

Итак, датой образования ведущего органа разведки Третьего Рейха — Абвера — считается 1919 год, когда правительство Веймарской республики вверило генералу фон Шлейхеру объединить все секретслужбы под опеку министерства обороны. Несмотря на запрет, исходящий из положений Версальского договора, рождение и становление

организации пропустили сквозь пальцы, поскольку официально она занималась контрразведкой в Рейхсвере.

К приходу А. Гитлера Абвер (от нем. — оборона, отражение) нажил себе массу врагов в ходе междоусобных интриг, казнокрадства и пр. пороков общества. Самыми опасными и непредсказуемыми из них были СД и Гестапо.

Зимой 1935 г. гранд-шефом учреждения назначается авторитетный адмирал Кригсмарине Фридрих Вильгельм Канарис. Отстояв «вахту» вплоть до покушения на фюрера в 1944-м, опытный разведчик превратил Абвер в грозную силу при Верховном командовании вооружёнными силами Германии (ОКВ). С 1938 г., реорганизованный в Управление разведки и контрразведки, Абвер обеспечивал секретность приготовлений к войне. На его обширный контингент

*Пропаганда
по Геббельсу*

ложились задачи подрыва и развала потенциальных противников, дезорганизация и дезинформация объектов нападения, вербовка и выгодное использование новых слуг Рейха в двух полушариях.

«Мозг» Абвера включал 5 отделов. 1-й (А-I) налаживал, добывал и систематизировал работу агентуры. 2-й (А-II) занимался диверсиями за рубежом и в тылу в случае военных действий. 3-й осуществлял политический сыск в Вермахте, Люфтваффе, Кригсмарине и промышленности Германии, а также вёл военную контрразведку. Центральный аппарат делился на подотделы: «Вест», «Ост», «Зюйд-Ост», «Аусланд», «III-Ф», «Абверштелле», «Кригсорганизацион» и др.

Подотдел «Вест» работал по странам Запада, «Ост» — ведал трудоспособностью разведки в державах Востока, где внедрялись агенты во все интересующие их сферы общества под многоликими прикрытиями. Были организованы спецподразделения для диверсионно-террористической деятельности, подрыва морального духа войск и тыла противников. Например, отдел А-II ведал формированием «пятых колонн», планировал и проводил захваты важных лиц и объектов, дезинформировал население, политическое и военное руководство.

«Щупальца» Абвера к 1939 году имели поистине глобальный размах, ибо дошли до Франции, США, Англии, Норвегии, Швеции, Финляндии, СССР. Искусно разветвлённая резидентура скрытно обосновалась в Китае, странах Африки, Ближнего и Дальнего Востока, на островах Океании и даже в Австралии. Отдел «Аусланд» и подотдел «III-Ф» специализировались (во взаимодействии с МИД) на проникновении в разведслужбы почти всех государств, выявляли планы их разработок, собирали и изучали литературу, прессу, радиопередачи, обрабатывали донесения атташатов и дипломатов. Центральный отдел патронировал финансовые, организационно-административные мероприятия, контролировал архив и картотеку разведagensуры. «Военные организации» с острым оком

и нюхом функционировали в Греции, Турции, Болгарии, Румынии, Югославии, в Иране и Японии, в Швейцарии, Португалии, Испании, Аргентине...

Достоинство выдержав заговорщеское противостояние со службой безопасности нацистской партии и с небездарной военэлитой СА и СС, Абвер занял прочные позиции в военной иерархии Фатерланда накануне Второй мировой войны. Не вкусившие проблем обеспечения и финансирования, «питомцы» В. Канариса укрепили фундамент Рейха за рубежом и сыграли горестно-значительную роль в деле аншлюса Австрии. Следуя догмам «Майн Кампфа» и кличу «Хайль Гитлер!», они спровоцировали Глейвицкий инцидент, открывший вторжение в Польшу по плану «Вейс». Реализуя доктрину террора, саботаж, распространяя антисемитизм и смуту среди населения, подкрепляя дезертиров и рекламируя «счастье нового порядка», они «удобрили» почву агрессии против стран БЕНИЛЮКС, участвовали в подготовке операций «Морской лев» (блокада Англии) и «Барбаросса» (вторжение в СССР).

После заключения лживого пакта о ненападении, подписанного И. Риббентропом и В. Молотовым. Абвер развернул широкомасштабную деятельность в землях Страны Советов, народ которой поставлял Рейху всё необходимое для «блицкрига» (пшеница, уголь, стратегические металлы). Были сформированы диверсионные группы, на оккупированных территориях открывались разведшколы, принимавшие ненавидевших коммунизм, строго по выверенной конкурсной основе. Часть немалых сил была брошена на маскировку приготовлений, оставшихся в памяти, как «внезапность» и «вероломство», от которых не отмахнёшься парашютизмом, «Катюшами» и «Т-34»...

В кровопролитнейший месяц за всю историю Мира — июнь 1941 года — с протекции и по директивам ОКВ Абвер создаёт оперативный «штаб Валли», подбирает соотечественников — знатоков Русланда, воспитывает новый контингент сочувствующих в кругу недовольных сталинизмом, ищет пути к выходу на советское подполье в целях его истребления. Преступно попирая международные законы и концепции человеческого общежития, руководство разведдеятельностью на советско-германском фронте разделяло антигуманную тактику «выжженной земли» и в союзе с другими видами войск сокращало население нашей Родины, ещё не отошедшей от репрессий ГУЛАГа, смертоносного добровольчества в Испании, Китае, Монголии, а также в позорной финской кампании...

Через год поражений, отступлений, ужаса многомиллионного плена, неопишуемого бега сотен тысяч с родных земель и варварского ига оккупации, учреждается «Зондерштаб Р». Подчинённые ему силы боролись с партизанским движением, вели агитпропаганду, поддерживали среду националистов в захваченных регионах, вели поисковые операции советских разведгрупп, заброшенных с самолётов, катеров и лодок у прифронтовой полосы. Это было сложнее японского разгрома ВМС США в Пёрл-Харборе...

«Подвиг разведчика», «Щит и меч», «Семнадцать мгновений весны», «Мерседес» уходит от погони», «Их знали только в лицо», «Шёл четвёртый год войны», «Конец «Сатурна» — советский кинематограф оставил высокохудожественное наследство, жестокое и патриотичное одновременно. И при неопределяющейся демократии из сотен миль документальных лент народу не показано практически ничего. Образ врага — человека и нечеловека, изменившего самому святому — Матери-Родине, подбирался по принципу С. Герасимова и С. Бондарчука: бандитский тип лица, полная безграмотность, звериные повадки, пожизненная фанатичность и стопроцентная обречённость судьбой, которую сотворил сам при неминуемом расколе войны на два лагеря...

Всякий, уклонившийся от боевого долга перед Отчеством, преследовался вплоть до погоста. Многие оказались запуганными НКВД, СМЕРШ и народными мстителями. Часть отторглась от земли-матушки по бездушию и слабохарактерности. Другие — присягнули свастике из-за «шмайссера», поставленного в затылок отца, матери, братьев, сестёр, мужей и возлюбленных. Ещё не забыли про раскулачивание, взрывы церквей и «воронков», ещё жила родня, потерявшая всех за Полярным кругом и при стройках пролетариата. «В законе» матерела уголовщина...

Предательство советского гражданина — это парадокс, не освещённый мастерами союзов писателей, журналистов, кинематографистов, артистов, певцов. Ибо сложилось так, что справедливость в России приправляется щепоткой мести, посетившей и нашу Орловщину.

В боевую задачу настоящих «исаевых» и «вихрей» входила борьба не с карикатурным врагом-сеголетком, а с умным, изворотливым, предельно оснащённым противником, отнюдь не мечтавшем о героизме.

Не всех предателей знали в лицо, ведь прошлое — чужая страна, где всё от А до Я абсолютно по-другому. Однако приказ командования, разума, сердца, Отчизны,

сама война выявила лица изменников, и тот момент истины стоил многим и многим нашим пращурам собственной жизни. Той самой обыкновенной довоенной жизни, тысячекратно осветившей салютом Май Победы, ради которой погибло **ТРИДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ** граждан Союза Советских Социалистических Республик...

2. ДИВЕРСАНТЫ

О катастрофичности 1941 года, вступлении лязгающих полчищ Г. Гудериана в Орёл, героизме орловского подполья (известного не только по взрыву в отеле «Коммуналь»), как и о других событиях первого этапа Великой Отечественной войны, сказано и написано довольно подробно и много. Местная пресса с момента освобождения Земли предков от захватчиков, считала святым делом поиск и разработку материалов, приоткрывающих занавес над закулисным фронтом, тыла, оккупированных владений и логова противника. После войны прошёл ряд показательных процессов над предателями и убийцами своего народа. По фактам, рассказанным мне ветеранами, я попытался отобразить преступников в стихотворении «Вор чести воинской» и новелле-были «Узнал...»

А задолго до празднования побед, чествования и антисыновьего унижения воинов, калек и героев тыла ледяным бездушием бюрократ-аппарата партии, министерств

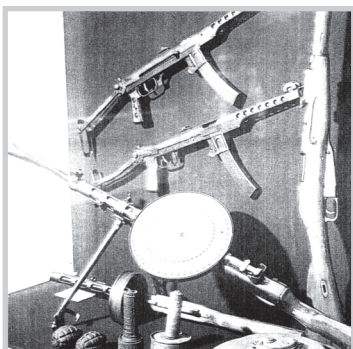
обороны и внутренних дел Абвер забросил в советскую Россию теперь уже неподсчётное число диверсионно-разведывательных групп. Изощёрённо подготовленные подразделения в составе от 10 до 50 человек (в зависимости от фактора обстановки и цели поставленных задач) добывали и

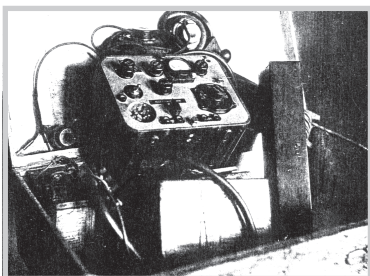
Погоны на выбор.

классифицировали разведданные, укрепляли резидентуру, привлекали к сотрудничеству новых лиц, развивали сеть внедрения в советскую армию и её учреждения, способствовали открытию либо изменению конспиративных явок и подпольных типографий. Многонациональный, смешанный состав групп вооружался специдиверсионным снаряжением, стрелковым оружием, иногда — миномётами, лёгкими артиллерийскими орудиями и обязательно — портативными средствами радиотехнической разведки и связи. Перед скрытым переходом линии фронта наиболее важным персонам «нон грата» вручались крупные суммы денег, безукоризненные поддельные документы (часто из обмундирования ими же убитых советских военнослужащих), холодное оружие, мини-фотоаппараты, химикаты и яды для мгновенного уничтожения в случае обнаружения или захвата неприятелем.

В переводе с латинского «диверсия» — отвлечение, отклонение. Толкуя с общевойскового — это действия отдельных лиц и групп в тылу врага, обеспечивающие вывод из строя военно-промышленных объектов, кораблей и баз ВМС. Под диверсиями подразумевают разрушение аэродромов, береговых и гидротехнических сооружений, коммуникаций, боносетевых заграждений, узлов и линий связи, важнейших транспортных артерий страны. Кредо диверсантов — ликвидация пунктов управления и руководства, пленение комсоста-

*Средства убийства
своих и чужих.*

Ключ диверсий.

ва противника, истребление крупных группировок живой силы и боевой техники меньшим числом при снижении собственных потерь. Указанное едино для «Д. Бондов» под любым флагом. Как говаривал Роберт Зенд, общее у людей одно: «Все они разные»...

По сути огромного дела по задержанным шпионам-диверсантам в границах обширной тогда Орловской области давно плачет фундаментальный том, к сожалению, упущенный сонмом пенкособираателей сюжетов из пустоты (птички и фиалки в их «трудах» важнее истории человеческих взаимоотношений). Поразительно и показательно, что даже в демократическое время дипломированные, премируемые и шибко оплачиваемые эрудиты обходят лабиринтную проблему околицей, чересчур увлекаясь нескладушными ладушками напоказ. Профессионалы наук и академий при допуске к архивным богатствам, если и дорастают до диссертаций, держат их в секрете под подпиской, причём исключают возможность построения версий и субъективизм, без которых нереально приблизиться к истине. Отечествоведы, краеведы, публицисты, журналисты, писатели и очеркисты, телевизионщики и фотокорреспонденты уморили пастилой вдоль проторенных автобанов и молочных рек с кисельными берегами. Учитывая трусость, лень и подкупность «конструкторов» общественного мнения, сегодня частично восполним «не-

мой» пробел представленной публикацией...

В годы оккупации в Орле были созданы спецшкола диверсантов (часть 0049) и школа разведчиков при разведотделе штаба «Виддер», которыми руководили граф Тун и капитан Фурман.

В 1942 г. органами госбезопасности СССР при по-

*Параюты людские
и грузовые
агентов-диверсантов.*

пытках и переходе линии фронта неоднократно задерживались агенты немецкой разведки. Так, в мае выявили и пресекли деятельность Козьмина В.Л., Шолохова Б.А., Сергиенко Н.С., Терехова И.Ф. и Антонова А.М. Бывший помощник командира батареи, лейтенант РККА, бывшие сержант и штурман авиации, бывшие командир роты и сапер, младший лейтенант соответственно, будучи в форме Красной Армии, имели фиктивные документы, справки, штампы и удостоверения, изготовленные в Орловской спецшколе. На допросах они пояснили, что в её стенах работает особая лаборатория по взрывчатым веществам. При аресте у группы изъяли: тол, находившийся во флягах и коробках противогазов, револьверы «наган», гранаты РГД-33, винтовки «СВТ» с батареями капсюлями-детонаторами в прикладах.

В июле 1942 г., вслед за этой группой, мышковавшей в районе с. Красные Лужки, обезоружили диверсантов во главе с бывшим командиром отделения, сержантом А.М. Трофимчуком. В боевые обязанности его подчинённым — Курскому В.В., Титенко В.И. и Соболеву А.М. (все — дезертиры, бывшие красноармейцы) вменялось уничтожение железнодорожного полотна у ключевых станций и важных военобъектов.

Все четверо в начале войны оказались в плену, позже попали в Орловский централ, где были завербованы людьми графа Туна и направлены в его школу на ул. Георгиевской (Тургеневской) в г. Орле.

Окончив её в ритме спаренных двоек в начале июля, они были переброшены на самолёте под Нижнюю Любовшу (последние двое), а Трофимчук с Курским — в район развилки ж/д Елец — Ефремов и Елец — Лебедянь. Врагов снабдили двумя толовыми пашками по два килограмма каждая.

Одетые в форму красноармейцев, диверсанты имели сфабрикованные Орловской спецшколой документы — аттестаты продовольствия, справки о лечении в госпитале, командировочные предписания. Трофимчук страхо-

вался справкой эвакогоспиталя на имя Богаткова. Этой группе удалось провести ряд диверсионных актов, до того как она была установлена, прослежена и арестована.

Ночью с 5-го на 6-е сентября 1942 года с немецкого самолёта парашютировался неизвестный, приземлившись у одного из населённых пунктов Иэмайловского района Орловской области. В ходе оперативно-розыскных мероприятий его быстро схватили. Выяснилось, что он — агент немецкой разведки, радист «Б», прикрывавшийся фиктивными документами на имя уроженца г. Краснодара Лебедева Ф.Л., комиссованного от воинской службы приказом НКО СССР № 184 от 1/VIII 1940 года. Рязенный старший лейтенант, бывший помощник командира батальона связи, «прописался» в Ростове и Воронеже. Вместе с ним для сбора шпионских сведений был сброшен агент «П», однотипно экипированный и снабжённый ложными документами. Как доказательства, изъяты и предъявлены в качестве улик — парашют, портативный радиопередатчик в портфеле, запасные батареи к нему, личное оружие.

В ночь на 12-е ноября 1942 года в радиусе 50 км в районе Тулы кружил немецкий самолёт, взлетевший со Смоленского аэродрома. На его борту находился некто «Дуров» — он же П. Данилевский, П. Данильченко, М. Горшков. Покинув машину, он собирал информацию о передислокации советских войск на ж/д Епифановско-

го района. Паспорт, свидетельства об освобождении от воинской обязанности на разные имена были отштампованы германской разведкой.

Всего три месяца назад, после потери 70 миллионов человек под игом оккупации, после потери более 800 милли-

Продукты питания.

онов пудов хлеба и более 10 миллионов тонн металла в год, до сведения командования Красной Армии, ВВС, ВМФ и военнослужащих доводится Приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР И. Сталина. Помимо вопросов организационного характера и успехов боевого применения штрафных рот, в нём, в частности, говорилось (привожу Приказ № 227 выборочно и с сокращениями):

«...б) сформировать в пределах армии 3-5 хорошо вооружённых заградотрядов (по 200 чел. в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникёров и трусов;

в) сформировать в пределах армии от 5 до 10 штрафных рот от 150 до 200 чел. в каждой (в пределах фронта от 1 до 3 штрафбатов по 800 чел. — Р.С.В.), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной»...

Не за этой ли горестной страницей в нашей истории кроется всплеск фронтовых самоубийств, членовредительство, рост дезертирства, саботажа, клеймо обречённости власовцев, бандеровцев, «лесных братцев» Прибалтики? Никто не хотел умирать...

В январе 1942 года к шефу сыскотдела полиции Орла Г. Коху пришёл мрачно известный на Орловщине душегубец М. Букин — злейший враг коммунистов и советской власти. Выполняя задания Гестапо, преследовал местных жителей, разыскивал евреев и комсомольцев. При нём арестовали свыше 250 человек — почти все были расстреляны или погибли в концлагерях.

В отличие от злостных дезертиров А. Полеева, В. Шемлянникова, Н. Данчука и др. изгоев, скрывавшихся в Калябинском лесу близ Ельца, убивавших себе подобных для пропитания, Букин скроется от правосудия и будет бес-

чинствовать в каунаасском концлагере «Провинишки». Возмездие настигнет отребье запоздало, но обязательно. Букин, Романников, Марунов, Швейгер, Серебряков, Мельник, Макрушин, Лунёв, как исполнители злодеяний, в ходе которых было расстреляно и уничтожено около 1150 ни в чём не повинных граждан, уйдут в землю в 1976 году так же, как диверсанты Абвера в опалённых сороковых.

И всё же повременим ставить точку, памятуя о том, что первой жертвой войны становится правда. Впереди сжатый рассказ о немецкой резидентуре в Колпнянском районе, о деятельности агентов «Сатурна» на Елецком, Воронежском и Тамбовском направлениях, о захвате диверсантов-парашютистов под Комаричами и Навлей. Более подробно рассмотрим многие забытые события и дело антисоветской фашистской организации «О.З.Р.Н.» — «Общества защиты русского народа», разрабатывавшей планы «русского порядка» в Клинцах, а также дело ячейки «Истинно-православных христиан» в Красненском районе. Вспомним и о разгроме монархической организации «Иоанитов» в Орле...

3. ПРОКЛЯТЫЕ ВРЕМЕНЕМ

До войны Колпнянский район входил в административное деление Курской области. Здесь, на берегах суетливо-каменистой Сосны, родился один из первых Героев Советского Союза лётчик-истребитель Владимир Бочаров. Добровольно сражаясь в небе Испании, он проявил себя асом, сбив несколько франкистов и нацистских «кондорцев», но был пленён и изрублен извергами на куски, «в назидание красным собакам-коммунистам». Позже здесь едва не погиб один из лучших пилотов страны, тактик и исполнитель таранных атак Герой Советского Союза Борис Ковзан, спасённый колпнянцами...

Кто бы мог подумать, что германец, прошедший огнём и мечом Европу и часть Северной Африки, «вбурится» на такие глубины пролетарско-аграрной России! Кто из

смертных по обе стороны фронта предвидел, что молох, эшафот, каток, гильотина и душегубка сверхтяжелейшей войны будут давить их жизни долгих-долгих четыре года?

Немцы прекрасно понимали стратегическое расположение района. Сразу же после захвата его земель Вермахтом сюда командируются тёртые офицеры: комендант Майер, его заместитель Клепп, специалист парашютного дела Ланг, бывший польский генерал Горин. Они координируют работу разведки и контрразведки, не скупясь спонсируют организацию сети осведомителей, вербовку шатко настроенных местных жителей. Один из значимых разведпунктов находился в Даниловке, где проживала предательница и резидент немецкой разведки П.Е. Белякова-Токарева. Подыскивая верных единомышленников, она сплотила вокруг супругов Тамбовцевых, а также А. Агееву и Ф. Коптева. По разным причинам или изломам жизни все они ненавидели советскую власть и, как тогда говорили, являлись социально-чуждыми, контрреволюционно-прокулацкими элементами.

С первых дней оккупации Колпнянского района они переступили понятие «Родина-Мать — зовёт!», вступив в преступный контакт с лидерами карательно-разведывательных органов всенародного врага. Активно занимаясь пропагандой «пряника нового порядка», они лично применяли «кнут» против своих соотечественников, мирных сограждан. Изменники, тайно действуя на пользу фашистской Германии, отслеживали, вылавливали и выдавали наглой и заматеревшей немчуре коммунистов, евреев, партизан, комсомольцев и других советских граждан, не успевших уйти от бронированного нашествия «цивилизованных» варваров, либо осознанно оставшихся для борьбы с врагом методом диверсий и отстрела наиболее отъявленных палачей. Проинструктированная Майером Белякова-Токарева совместно с членами своей группы запугивала, грабила и издевалась над местными. Сотрудничая с немецкими разведчиками, она переодевалась старухой, а затем «бродяжничала» по деревням и хуто-

рам в поиске раненных бойцов Красной Армии и забрасываемых парашютистов. Та же система слежки культивировалась в кругу подчинённой ей резидентуры, в оформлении документов которой ощутимо помогали капитаны Маркс, Фишер и лейтенант Лойтш. Вся группа была арестована и предана суду в период освобождения Колпнянского района с 10 по 22 февраля 1943 года. Капкан захлопнула опергруппа УНКВД по Орловской области.

В мае того же года в семи километрах от Ельца, ночью были сброшены с самолёта агенты «Н» и «Д», окончившие разведшколу при штабе «Сатурн» (разведпункт «Ольга», отдел 1-ц; взлёт со Смоленского аэродрома). Целью заброса в советский тыл являлись подрыв ж/д полотна на путях Елец — Ефремов, а также поджоги военскладов. Диверсанты укомплектовывались 10 килограммами тола и 4 зажигательными снарядами с жидкой смесью, имели красноармейские книжки от имени ОО НКВД 48-й армии и числились в партизанском отряде «Волкова».

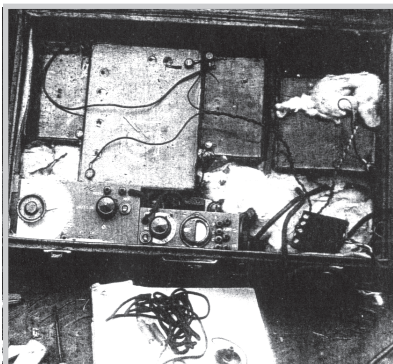
По легенде, «Н» и «Д» двигались к партизанам, идущим в тыл противника (уже после совершения диверсионных актов), однако для обратного перехода линии фронта их снабдили спецпропусками. Маленькая бумажка заворачивалась в тонкую непроницаемую резину и пряталась между пальцами ноги. Мандат был короток: «Особое задание, немедленно доложить 1-ц (разведотделу)». Кроме того, агенты надеялись на командировочные предписания от 209-го отдельного сапёрного батальона, по которым они ехали в Ефремов якобы за сапёрным имуществом. Лазутчики скрывались под формой старшего сержанта и рядового в погонах. Были вооружены винтовками Мосина образца 1891/1930 гг. и имели при себе продовольствие: прессованный хлеб, сыр в тубике, колбасу, ветчину, сахар, галеты. Даже махорку и спички они получили от снабженцев Абвера...

Разведчик-парашютист «Хлебников» олицетворял ту же «сатурнскую» школу, расположенную в Катыни Смоленской области. Вышколившие его кадровики из Отдела 1-ц, в котором хватало умниц и подонков, направи-

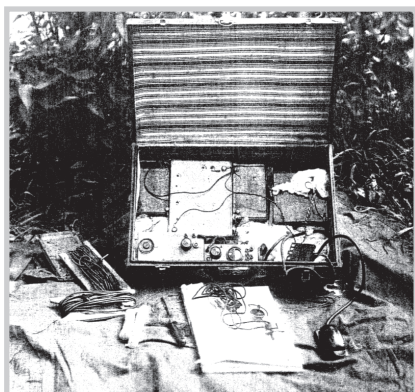
ли Иванова М.П. в Задонский район не пешком, а на «Юнкерсе-88». В задачу «раненого красноармейца, следовавшего из госпиталя», входил вояж по ж/д от Ряжска до Ельца через Мичуринск. «Командировка» сроком 7 — 10 дней включала выполнение следующих поручений: а) проверка состояния ж/д ст. Елец, анализ прохождения эшелонов и погрузки-разгрузки складов; б) сбор данных о всех перемещениях на ж/д ветке Елец — Ливны; в) разведка в Ливнах о гарнизоне, скоплении войск и техники; г) детальный шпионаж по маршруту Ливны — Коробеш — Кослюковка — Моховое — Ивановка — Жерская — Мурсино — Александра; д) переход линии фронта у д. Ивановка у позиций 409-го полка.

Небольшого росточка «Хлебников» имел при себе немецкий компас, «наган» с семью патронами, 2000 рублей и харч ровно на неделю. При задержании изъяты поддельные документы: справка из эвакогоспиталя, продат-тестат, требование на проезд по ж/д и записки о передвижении воинских соединений Красной Армии.

Гнали немцев с израненной и оплаканной Орловской земли, а суровым мужчинам из РО НКВД Колпнянского района предстояло потратить немало сил, смекалки и мат-средств, прежде чем арестовать и ликвидировать резид-дентуру во главе с Д. Пушечниковым в составе М. Лога-чёва, А. Прокопова, А. Еськова, И. Русанова, А. Савони-на. Во время оккупации, действуя под «крышей» капи-тана Майера и «пинкертона» Турсика, работник Гестапо, предатель Гала, лесник Пушечников, староста Русанов, бывший старшина Прокопов и другие «борцы с больше-визмом» производили аресты и обыски, глумились над

Надёжная связь.

С поличным.

населением, распространяли нацистскую литературу. Они несли в дома ложную информацию о положении на фронтах, повсеместно утверждали о непобедимости германских войск и оружия, клеветали на советское правительство, партию и её вождей. Грифом местной комендатуры Крутое Майер выбил им привилегии, которые и привели преда-

телей к должной мере наказания за содеянное зло, не имеющее покаяния и оправдания.

Уроженец д. Каменка Моховского района Орловской области В.И. Фомин обучался радиodelу в облцентре под надзором начальника разведшколы капитана Фурмана. 19 февраля, успешно окончив курсы, он был доставлен в Малоархангельск по секретному заданию штаба «Виддер» под псевдонимом Деев. К этому времени немцы оставили Малоархангельск, поэтому «Деев», как квалифицированный разведчик, был необходим «секьюрити» Рейха в облике его глаз и ушей. Парню 1919 года рождения вручили радиостанцию типа «Север», 9.225 рублей, револьвер «наган» и обильный запас продуктов при всеобщем голоде. Местом хранения портативного передатчика и его выхода в эфир выбрали подвал разрушенного дома, бывшего... райотдела милиции. Чтобы «Деев» мог передвигаться по Малоархангельску более легально, а также на случай провала, его «подстраховали» метрикой на имя С.П. Машенина, по которой он значился душевнобольным, эвакуированным из госпиталя № 3653. Прикинутый по одежке умалишённым, в миру Василий, успел разработать шифр и другие условности, до тех пор пока не был запеленгован и обезврежен как вменяемый враг народа...

В конце мая 1943 года, в результате чётко продуманных оперативно-агентурных комбинаций, 2-м отделом при УНКВД Орловской области были выявлены и арестованы парашютисты-радиисты Абвера, разведчики «Репин», «Бойко» и «Перов». Наилучшие качества защитников Отечества в ходе розыска особо опасных госпреступников, продолжительное время шпионивших в Тамбовской, Воронежской и Орловской областях, проявили «володавы» отдела А.Е. Никульников. П.В. Райков, М.М. Исаев и Н.Н. Миронов. Все документы, изъятые у задержанных, фабриковались мастерами фальшивопечатания Германии от имени 409-го стрелкового полка Красной Армии и управления 60-й стрелковой дивизии. При них имелись: немецкая радиостанция, закамуфлированная под гражданский чемодан, график выхода на определённую волну, допитание в батарейках, шифр метеорологических сведений, подробные топографические карты и шифровки из Центра. Группа вредительски проживала 10 дней в Ельце и официально могла квартироваться в Мичуринске. Из дома у ж/д ст. Елец «художнички» контролировали движение поездов, за что поплатились жизнью по законам воен-времени...

Несмотря на череду провалов, штаб «Сатурна» и разведчики диверсионной школы «Ольга» не успокоились в своих притязаниях на советскую территорию. Ночью с 15 на 16 июня 1943 года в Краснозренском районе Орловской области были десантированы агенты «Ж» и «В». Приземлившись в двух километрах от совхоза «Красный Октябрь», диверсанты не стали искушать судьбу, явившись с повинной. Обладая 12 кг тола, минами замедленного действия и зажигательными смесями в порошке, Г.З. Жуков и И.В. Волков легендировались именем штаба 41-й стрелковой дивизии и рембазы № 82,

Меч возмездия.

выступая в роли автоинтендантов, закупающих имущество для «ЗиСов», «ГАЗов», «Студеров», «Доджей»... У опомнившихся перебежчиков были отобраны: красноармейские книжки, аттестаты на продовольственное и денежное довольствие, удостоверения личности, справки и немецкие «аусвайсы» для беспроblemного перехода линии фронта при возвращении. Участь раскаявшихся осталась неизвестной...

В далёкой Германии, ежеминутно терявшей своих сыновей, в драматической прострации холил лошадок Вильгельм Канарис. Операция «Эрих» (взрыв Беломорканала), «Эрна» (террор сов-войск в Эстонии), «Тамара» (переворот в Грузии), казались шуткой на фоне гитлеровской программы уничтожения пяти миллионов российских евреев. Дороги войны и поход на Восток усилили давление СС, СД, РСХА. Адмиралу пришлось уступить элитную дивизию «Бранденбург», брошенную в самое пекло в кризисную зиму 1942-43 гг. На фаворита — основателя Абвера — пошли в наступление Г. Геринг, Г. Гиммлер, Г. Мюллер, В. Шелленберг и другие профи по укладке своих проблем на чужие плечи. «Тысячелетний Рейх» лихорадило изнутри, и это было предвестие надвигающейся агонии и катастрофы, обесчестившей трудолюбивый германский народ...

4. ОЧИЩЕНИЕ РОДИНЫ

Жители Орловского края поднялись на священную войну с крестоносцами с первого дня Великой Отечественной. В противовес вандальскому установлению оккупационного режима, фарисейски прикрывавшегося воскрешением православия, действовало классически организованное партизанское движение. В Орле, на глазах у врага, работала школа партизан и кадров подполья, подготовившая более 3000 подрывников, минёров и разведчиков. Основные отряды формировались под Брасово и

Тросной. В Навлинском районе побывала делегация С.А. Ковпака. Началась сокрушительная рельсовая эпопея...

В бессмертной памяти Человечества остались подвиги и заслуги патриотов, ведомых А.Д. Бондаренко, Н.А. Алёшинским, Д.В. Емлютиным, А.П. Матвеевым. За два года войны в тылу противника партизаны взорвали 81 железнодорожный мост, пустили под откос 841 эшелон, 832 паровоза и 7 бронепоездов. Они уничтожили 175 танков, 70 самолётов, 63 танкетки, 1837 автомашин, 164 арторудия, а однажды, взорвав 64 км путей, парализовали врага на срок больше месяца. Защитники Края Предков истребили 147835 захватчиков (в том числе трёх генералов), пленили 1683 «рейховцев». Тысячи партизан награждены орденами и медалями СССР.

Глубокий рейд.

Партизанский натиск.

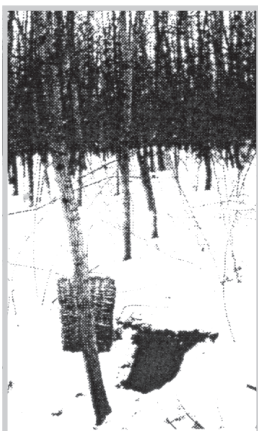
Германское командование, активизируя областные репрессии, решило перейти к аналогичной практике диверсий, для чего с Минского аэродрома в Брянские леса под село Игрицкое Комаричского района были заброшены на «Юнкерсе-88» шестеро парашютистов. Во главе группы, имевшей задание осесть в Брянских дебрях с целью организации банд из дезертиров, предателей и немецких ставленников, стояли «Кравченко» (он же «Доронин») и радист «Колосов». Помимо спланирования вокруг себя отщепенцев, на них возлагались теракты на ж/д, против советско-партийного, партизанского актива и командиров Красной Армии.

В ходе проработки агентурно-оперативных сведений, мерами, принятыми начальником Комаричского РО НКГБ, майором госбезопасности Поповым, группу разыскивали и обезвредили. «Кравченко» и «Коришкову» удалось скрыться, но были схвачены их напарники, агенты Абвера «Фёдоров», «Андреев», «Пермин». У всех были при себе фальшивые книжки красноармейцев, бланки поддельных документов — аттестатов, предписаний, требований, удостоверений и справок. Так, на имя бежавшего «Кравченко» немецкая контрразведка сфабриковала удостоверение от имени СМЕРШа 1-го Белорусского фронта, предоставлявшее ему неограниченные полномочия при передвижении, особо если оговаривалось «секретное задание». Диверсанты располагали рацией, вмонтированной в чемодан, ППШ, финками, топорами, противогазами, крупным запасом продуктов и 40000 подлинными рублями. После десантирования в ночь с 19 на 20 июля 1944 года к ним повторно высылался самолёт, сбросивший подробную топографическую карту для облегчения дальнейших действий. В письме от обер-лейтенанта-инкогнито сообщалось: «Посылаю несколько ремней и палатку, чтобы починить чемодан. Автомат тебе тоже нужен. Не падай духом, продолжай хорошо работать и ты спасёшь положение. В деревне Ямное замечены огни, значит, есть жители. Привет от всех и много счастья. Прилагаю письмо друзей».

Ещё до «пришельцев» из Вильно явились с повинной с повинной «Стельмахов» и «Касинский», прилетевшие на ночном разведчике в Навлинский район севернее деревень Пролысово и Сытинка. Благодаря помощи спецпеленгаторной машины НКГБ и в результате розыскных мер, выяснилось, что агенты входили в бандгруппу из 18 человек. Ею руководил крайне опасный изменник Родины, участник многих операций «Отнашев». Связь с Центром осуществлялась через ключ радиста «Сабирова». В задержании и ликвидации диверсантов-парашютистов в течение нескольких дней отличились работники Трубчевского РО НКВД и Орловского УНКГБ Гадаев, Зайцев, Кугучев, Шарабурин и Исаев, впоследствии награждённые правительственными наградами.

Согласно выверенному сценарию, эта группа представляла серьёзную опасность, ибо была мощно вооружена: 5 автоматов, 3 ручных пулемёта Дегтярёва, 4 бесшумных винтовки и несколько ручных гранат. Имея продовольствие на 10 суток, шанцевый инструмент и радиопередатчик, она готовила мини-аэродром для приёма самолётов и затем планировала произвести вербовку лиц из числа способных на террор своего народа, а также на убийство командиров Красной Армии и видных начальников советского тыла. Задуманное зло пресекли...

Война шла огненным валом на Запад, уже как год освободили Орёл, а в Германии наиболее здравомыслящие офицеры предприняли отчаянную попытку освободить Фа-

*Логово обречённых
— лесная землянка.*

Атака под Орлом.

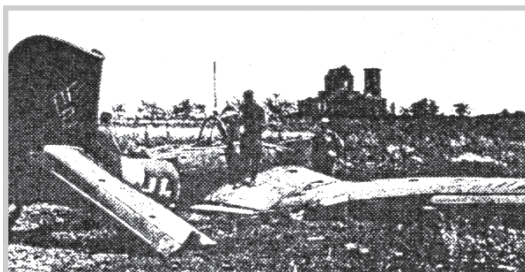

Освобождение пришло!!!

терланд от главного виновника кровопролития всех времён и народов — А. Гитлера. Война могла окончиться раньше, были бы спасены тысячи и тысячи жизней по обе стороны фронта, но заговор провалился 20 июля 1944 года. Фюрера легко контузило и ранило. Расстреляли генералов Ф. Фромма, Ф. Ольбрихта, полковника К. Штауффенберга. Покончили жизнь самоубийством генералы Х. фон Тресков, Л. Бек и «лис пустыни» — фельдмаршал Э. Роммель. Казнили около 200 человек. Среди них — фельдмаршала Э. фон Вицлебена и адмирала В. Канариса. Из-за неудач в войне с Советским Союзом шеф Абвера и создатель беспрецедентного заграничного разведывательного аппарата ещё в феврале был уволен в отставку, а вверенные ему силы в связи с падением доверия к его руководителю перепрофилировали в Главное управление имперской безопасности (РСХА). Адмирала повесили в концлагере Флоссенбург, доказав всему Рейху, что при диктатуре правды не существует. Ефрейтор, которого слишком долго лелеяли и повышали в звании, поздно переосмыслил Хельмута фон Мольтке: «Ни один из планов не выдерживает встречи с

противником».

Возмездие неминуемо приближалось к Берлину, оно ускорило с открытием Второго фронта, но монстроподобные силы Империи Зла двигали

На переплавку.

«пешками» и «ферзями» на чёрно-красной «доске» Второй мировой войны. На Орловщине опергруппы НКВД ловят поляка «Чеховича» и парашютиста «Каюмова», радировавших о передвижении советских войск. В конце июня 1944 года в Почепском районе с трёхмоторного самолёта немцы сбросили группу из 16 человек, приземлившихся вблизи деревушки Пьяный Рог. Они подчинялись предателю «Курбанову», не раз выполнявшему задания «барбароссовцев», и вооружённые и экипированные до зубов, шли на randevу со шпион-группой «Хасанова», которая скрывалась в чащах Навлинского района. Усилиями НКВД, НКГБ, СМЕРШа и лично зам. начальника УНКВД по Орловской области подполковника Зайцева банду разгромили за неделю...

В деревне Красный Стяг сдаётся парашютист «Демухамедов», задерживается правая рука «Курбанова» — агент «Украинов», 12 лазутчиков кладут оружие в Ромасухинском лесу. Наголову разгромленные и распотрошённые на Орловско-Курской дуге, фашисты зондируют почву для новых реваншей, сбрасывая повсюду грузы для агентуры. Так, для радиста «Х», вредительствовавшего под Шахово Кромского района, доставили немецкий радиопередатчик нового типа, каучуковые штампы, печати и чистые бланки частей Красной Армии, закреплённые деньгами в сумме 100 тысяч рублей. В посёлке Локоть Брасовского района Абвер санкционировал рождение «национально-социалистической партии Всея Руси», известной как «Викинг». Представители Локотского округа самоуправления комбриг РОА Б. Каминский, обер-бур-

*Генерал-лейтенант
А.А. Власов —
автор
антисталинского
манифеста.*

гомистр К. Воскобойник и другие самовлюблённые аферисты под надзором главы штаба «Виддер» зондерфюрера Гринбаума и лидеров 2-й танковой армии, мечтали о всероссийском объединении антисталинских сил. Ново-явленные господа собирались с визитом к А. Гитлеру, но почти все обрели смерть в ходе дерзкого налёта партизан и чекистов, отомстивших за издевательства над народом не только в Брасовском концлагере. Это они повернули наизнанку сознание ученику Локотской неполной средней школы Ивану Меркелову, по подростковой дури ставшему распространителем листовок. Разыскал заблудшего отрока начальник 6-го отделения 2 Отдела УНКГБ Орловской области майор Новосёлов. Неизвестно, остался ли юный борец жив после ареста, ибо в листовках значилась приговорная для него пуля. Вот что не учёл М.М. Мартынов в книге «Фронт в тылу»: «...В чём заключается «Сталинская свобода»? В том, что нас за малейший прогул судят и штрафуют. Нас с завода не выпускают. Выходит, как поступил на работу, так и помирай на ней. Товарищи! Чтобы предотвратить голод, который неизбежен при существовании нынешнего строя, вступай-те в наш союз. Союз борьбы против колхозов».

Вот вам, бабушка, пойми, чей тут день... Был я в Брасовском районе в недельной командировке. Народец там прелюбопытнейший: больше хитровато зыркает, чем говорит, хотя к 60-летию освобождения Орловщины ох как многих не стало. Оттуда я привёз стихотворение «Бывшая», вошедшее в однотомник «Шапка Мономаха»...

Бывшие подлецы, вставшие наперекор общечеловеческим канонам в ряды тайной полевой полиции (ГФП) вновь взорвут мирный ход жизни в конце 70-х годов, когда на суд новых поколений выведут предателей А. Рындина и Г. Голубева. Попад в плен, оба забыли о клятве Верности Отечеству, продали остовы и души врагу, вступив в команду 580 под патронаж полицайкомиссара Грамша. Эта группа хладнокровно учинила жесточайший расстрел в Медведевском лесу. На руках зло-

деев невинная кровь сотен комсомольцев, подпольщиков, партизан, коммунистов, евреев и местных жителей не только Орловской, но и Брянской, Смоленской, Могилёвской областей. Участники зверств и карательных походов, немцы Редигер, Клееберг, Бендикс, Горни были уже давно схвачены, а их приспешники-русские скрывались под святым ликом героев-ветеранов. В суровую годину преступники рядились окруженцами, ездили на облавы, арестовывали и расстреливали несчастных соотечественников, в некоторых случаях с неопишуемым словами садизмом...

Именем Союза Советских Социалистических Республик, именем трагедии, боли и слёз нашего народа, жизнью своей победившего нацизм и милитаризм, нелюди в человеческом облике станут мишенями по негласному Закону Справедливости. Его тайна тысячелетиями хранится в народной памяти — в крови, сознании и генах. Исполнителей-палачей однозначно казнят, но мы обязаны помнить, что в любом противоборстве наций виноваты дипломаты, политики, вожди, премьеры, короли и царевны, знающие когда и как подкинуть массам хлеба и зрелищ...

Вопрос — какой ценой и по каким ценам доведут они Человечество до вечного планетарного милосердия?

5. ПРЕДАТЕЛИ ПОД ВОПРОСОМ

В завершение новейшего экскурса о деятельности шпионской сети германских вооружённых сил на Орловщине необходимо повернуть в фас ещё одну форму предательства. Проблема символизируется тем, что в период расцвета советских карательных органов широко практиковалась фальсификация уголовных дел в угоду провозглашённой линии Компартии: «Все на борьбу с троцкистами, контрреволюционерами и врагами народа!». Облзачистки, раскулачивание, насильный сгон в колхозы и

но скорее ликвидировать свободолобивых людей, изолировать их от остальной обманутой массы, для быстрейшего построения второй Палестины (...). Мы им напомним, что наша родина — это будущая свободная Россия, а не существующая Советская Палестина».

Яро выраженный русский национализм под девизом «Смерть жидам!», к сожалению, был не нов. Он шёл параллельно истории страны аж со времён великого князя Владимира Мономаха, пророчески предсказавшего окаянную смуту в случае госпереворота во главе с иностранцами. Родоначальник династии самодержцев расейских, боровшийся с язычеством ради укрепления христианства, знал, за что Сын Божий проклинал предавший его народ. В пустыне зачали зародыш Утопий.

Вдохновителем клинцовских антисемитов был бывший брянский кулак А.С. Щёлоков. Украд на рабфаке печатную машинку, он вместе с «русскими патриотами» И. Кашкиным, К. Непши, Г. Фёдоровым, Я. Марченко, В. Максименко и др. (все — дети служителей культа и кулаков, к тому времени расстрелянных НКВД) распространял шовинистские прокламации, призывая быть готовыми к вооружённому бунту. Вот, например, контрреволюционные вирши тогдашних скинхэдов:

*Отчизна — мать Россия
родная ты моя,
сыны твои проснулись,
восстанут для тебя.*

Фактически сироты, объединившиеся в злобный союз из-за потери кормильцев, естественно, не созрели до понимания общенациональной کرو-вожадности ита-

*Власов в школе пропагандистов РОА.
Надежда не сбылась.*

ло-германского фашизма и уж тем более самурайского экстремизма, провозгласивших «избранность» двух рас. Они не предусмотрели, что русские нацисты, не имея самостоятельности, в стане покровителей всё равно останутся рабами, в лучшем случае сыграют роль дворовых собак. Вредная правда аукнется на РОА Андрея Власова, отрядах Степана Бандеры, Ивановского и Акинчица, на Евгене Коновальце, убитом НКВД, на программе и жизни Йонаса Жемайтиса и Карлиса Ульманиса. Карающая длань большевизма настигнет представителей казачества — Петра Краснова, Ивана Кононова, атамана Григория Семёнова, лидера русского фашизма Константина Родзиевского, ударит бумерангом атеизма по главам духовенства и мусульманского движения Средней Азии. Но до предательства 2-й Ударной армии, репрессий на инакомыслящих «язычников» и переселения народов Ставкой ГКО, товарищи Холин, Пономарёв и Столяров, служившие при УНКВД по Орловской области, поставят крест на фашистах в Клинцах в сентябре 1938 года...

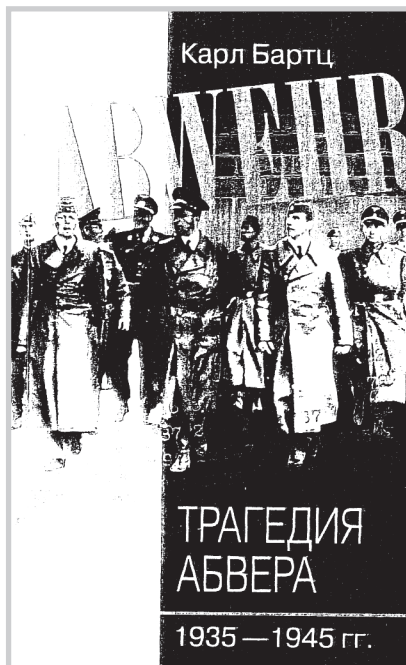
В Красненском районе, уже в годы оккупации, пресекли ячейку антисоветской организации «Истинно-православные христиане» (ИПХ) во главе с нелегалом В.Ф. Сериковым. Будучи под следствием в 1938 г., он бежал из-под стражи и продолжил «миссионерские проповеди» в положении «вне закона». По агентурному

делу «Паутина» проходили 17 человек, руководимых также нелегалом С.С. Денисовым. Десять «истинно-православных христиан» проживали в подполье, образно названном «Закут». В ходе оперативных мероприятий, проводимых майором Андреевым, старшим лейтенантом Гамолиным, майором Новиковым и другими «шерлоками холмсами» были обнаружены тайники. Группа была ликвидирована, причём конкретных

дел и формулировок её жизненного кредо, доказывающих архипоопасность для коммунистического строя, автору разыскать не удалось. Одним словом, «религия — опиум для народа»...

Непосредственно перед вступлением армاد Вермахта в Орёл «приказал долго жить» филиал монархической организации «Иоанитов», занимавшийся антисоветской работой с 1935 г. Благодаря сотрудничеству с НКГБ и НКВД соседних областей было установлено, что филиал имеет пять домов, приобретённых за свои средства. В них оборудовались конспиративные тайники, где скрывались нелегалы, церковно-монархическая литература, товары, ценности и продукты. Бразды правления нёс Старец, он же Черенков М.И., Самойлов И.П. и Корольков Я.Ф. — нелегал, руководивший «Иоанитами» с 1907 г. В миру вне псевдонимии то был Василий Фёдорович Пустошкин, с 1925-го возглавлявший Союзное сообщество «Иоанитов» на подпольном положении. Схроны находились в доме № 9 на Бригадной улице в квартире М.А. Васильева, в квартире сына Пустошкина — Павла по улице Первомайской, 35, на улице Революции, в доме № 40, в квартире Л.А. Логвина, а также у Д.А. Дубовского и А.Е. Маслик. Организация ставила целью суще-

*Книга издательства
«Центр-полиграф»
о секретах
разведслужб Рейха.
2002 год.*

ствования свержение Советской власти и возвращение самодержавия — каким образом (не со свечками же!) — осталось загадкой...

В результате произведённых с пристрастием обысков, у сектантов изъяли фотоколлекцию. На бережно хранимых фото были запечатлены: упокойная Матрёна Киселёва, религиозная фаворитка, умершая в 1906 г. и вознесённая в святость Иоанном Кронштадтским как Парфирия; проповедник Кронштадтского собора Назарий, сподвижник и правая рука И. Кронштадтского; матушка проповедника и духовного писателя Иоанна Кронштадтского, от рождения Ивана Ильича Сергеева (Сергиева); сам протоирей и настоятель Андреевского собора в Кронштадте отец Иоанн, превозносимый, как святыня (портрет и фото вместе с матерью и тётёй). Там же конфискованы сочинения «народного святого» и других мудрых старцев Русской Православной Церкви, нарукавники, пояса, передники для совершения религиозных обрядов, утварь, ценности и сбережения. У Луки Логвина арестовали Жилину Пелагею, Брюхнову Евдокию и их друга, оставшегося неизвестным. Неужели они молились за Гитлера и Абвер?

В июне 1941 г. 19 членов филиала организации «Иоанитов» расстреляли как «врагов народа» по приговору Орловского облсуда. Вопрос о посмертной реабилитации, ставшей возможной после XX съезда КПСС, вряд ли кем поднимался...

До и после рождения Будды, Христа, Магомета — тайное становилось явным, доставляя душевные муки живым и освобождая от мук души мёртвых. Предательство и ныне живо не только в отрицающем всё Миров, но и в буддизме, синтоизме, мусульманстве, иудаизме, христианстве, в среде протестантов, баптистов, католиков и кришнаитов. У предательства нет родины, тела и лица. Однако, как одно из реальных проявлений демонизма на Земле оно под контролем, хорошо обучено, вооружено и щедро оплачено. В нём заключены рождение, эволюция

и эксплуатация планетарной лжи о «пятых колоннах». Ибо ни одно из производных человеческой жизни не действует без составляющих деталей общего механизма государственной машины, использующей предательство и ложь для убийства генофонда собственного народа якобы для его же блага. Внутренняя и внешняя дуэль Человечества с самим собой пока ещё не кончается...

Не о том ли предупреждал Святой Праведный Иоанн Кронштадтский верующих и неверующих на века:

*Дерзновение — великий дар Божий
и великое сокровище души!
В земной брани или войне
смелость или храбрость много значит,
ибо она творит чудеса,
А в духовной брани и тем паче.*

*Январь-февраль 2003 г.
Орёл — Ливны — Елец — Липецк —
Ефремов — Тула — Брянск —
Оптина Пустынь — Орёл.*

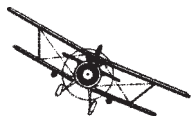

НА РОДИНЕ АВИАКОНСТРУКТОРА Н.Н. ПОЛИКАРПОВА

*Светлой памяти
Марианны Николаевны —
его дочери.*

Разбита церковь... Колокол беззвучен.
Металл и тот — был новой властью скручен.
Обломками глядит на нас с укором,
Как мы ещё не справились с позором.
За древним храмом быстрая Сосна —
Безбожием **своих** потрясена!

НЕБОПРОХОДЕЦ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*На взлёте лет промчат нас озаренья.
В пике судьбы вращаются года...
Но как простить давление режима,
КАК вычеркнуть полёт творца?*

Ранним утром 9 Мая я ехал по Московскому шоссе, будучи приглашённым на празднование 56-й годовщины Победы в город-герой Тулу. Ещё не взошло солнце, а таксомотористы уже во всю накручивали жизнь на асфальт, промелькнули бомжи, полупьяные невыспанные проститутки и почему-то поголовно седые садоводы-огородники. 9 Мая!

Остановившись у кинотеатра «Родина», чтобы купить воды на дорогу, невольно засмотрелся на памятник Поликарпову, решил подойти поклониться замечательному земляку. Но праздничный настрой и гордость моя за наш народ, его ратный и трудовой Подвиг, — были тут же омрачены. Ни малого букета, ни большого венка, ни одного искусственного цветика, ни единой публикации в прессе, превратившейся в клоунаду критиканов коммунизма, национализма и демократии...

Что же вы так, ребята? Чему вас мама и ректор учили? Критиковать или созидать? Очевидно, интеллектуальное торможение нынче в моде.

Не выдержал я, развернулся. Пара минут — доехал до молочного рынка, купил букет тюльпанов только что с грядки. Иду вновь к подножию. Смотрю, пока был на базаре, кто-то несколько цветиков бритвою с клумбы смахнул...

Долго, не смотря на то, что уже не успеваю, гляжу на конструктора и мысленно с ним разговариваю. Высший

пилотаж мысли не удаётся... В голове одни тупые вопросы: «Почему так?», «От чего?», «За что?» и «Кто же здесь крайний?», «Кто родил автора циркуляра, воскресившего ледяную бесчувственность зрячих людей?»

* * *

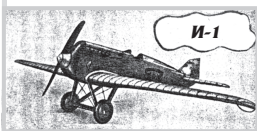
Не раз и не два бывали мы на родине пионера советской истребительной авиации. Поклонились земле, породившей его, полуразрушенной церкви, о всесоюзном разгроме которых пророчески предупреждал Божию Милость патриарх Московский и всея Руси, Его Святейшество Тихон ещё в 1918 году. Вспомнили добрым словом мудрого философа отца Сергия (Булгакова), с неослабевающим интересом переступали порог музея авиаконструктора, всего лишь класса 9-летней школы. Потом — беседовали с местными жителями, для которых всё, что связано с именем земляка, свято и лучезарно. Слушали незабываемые рассказы старейшего ливенского писателя Д. Головина, редактора районной газеты Н. Барабанова, краеведа Ф. Ковалёва, поэта М. Беляева, секретаря горкома А. Якубсона...

...Будущий главный конструктор крылатых машин впервые заставил говорить о себе тружеников-односельчан своим тоненьким голоском в день рождения — 28 мая 1892 года. Радостный миг переживала семья сельского священника, выбравшая своей обителью живописное село Георгиевское Орловской губернии, что на крутом берегу лопочущей что-то вечное реки Сосны, без которой бы и Дон не был бы Тихим Доном.

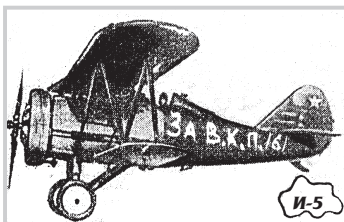
Почитающий библейские заповеди отец Николай Петрович, ранее опекаемый княгиней Л.В. Букановой-Голицыной, светился и шутил:

«Ей-богу, матушка, вот так крепыш! Николай-второй — кормилец...»

Помогавшая супругу Александра Сергеевна Аракина, знала, «что» есть трудные дороги христианства и всячес-

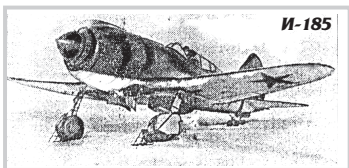
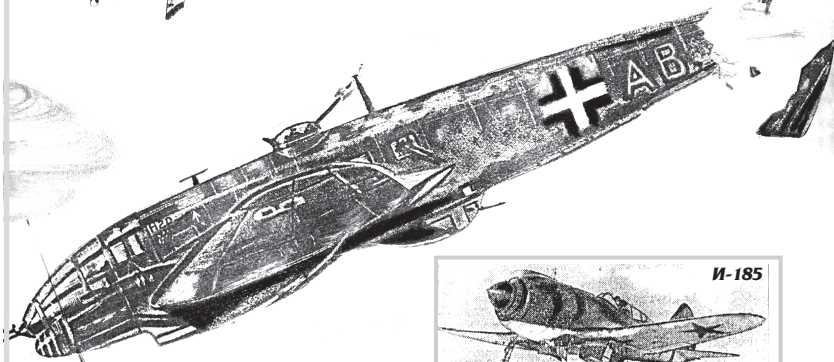
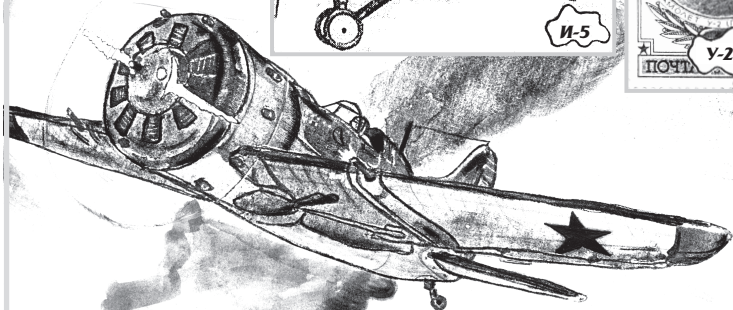
И-1

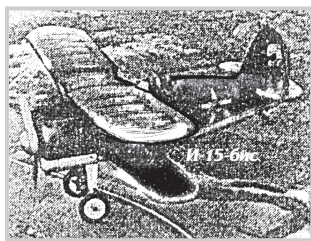
И-5

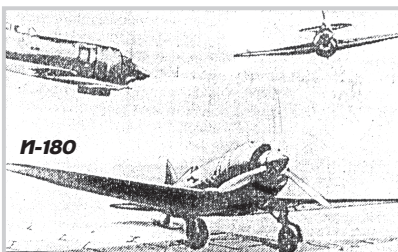
И-2

И-185

Поликарпов

ки поддерживала благотворительные мероприятия отца Николая, будь то учёба детей прихожан или престольные праздники. Да и сами названия поселений, жители которых спешили на службу по воскресеньям, будням и праздникам в церковь великомученика Георгия, говорят сами за себя, обнажая ироничную самобытность наших позавчерашних предков: Парный Колодезь, Овечьи Воды, Круглое, Апушкино, Ровенка, Костомаровка, Окунёвы Горы, Дубровка, Положенцево и Петровка, Викторовка, отдалённые Шереметьево и Грязцы...

«Вот здесь, на огороде, был когда-то выгон, — вспоминал старожил нынешнего Калинино С. Калинин. — Вместе с Колей мы тут играли в прятки. Потом он уехал учиться в Ливенское духовное училище — тогда, известное дело, эта была единственная возможность получить бесплатное образование. Что касалось карьеры священнослужителя, то Николка даже и не помышлял. Нам, мальчишкам, это было доподлинно известно. О крыльях он мечтал».

О — да, красочная окружающая природа, кристальная лазурь неба, изобильная на перекаты и поклёвки подустов, голавлей, рыбцов и клинков островная Сосна с впадающими в неё ручьями, само ощущение огромного простора Родины, не блещущий баловством крестьянский быт, воспитали в отроке русский характер. Вероятно, именно с крутояров Сосны Коля запустил своего первого воздушного змея...

В 1907 году Николай с положительными оценками оканчивает Ливенское духовное училище. Спустя 4 года он приезжает в Орёл, где, посещая семинарию, решает приступом брать «бастيون» — 1-ю классическую гимназию, «вспоившую на своих мелких водах» учёных, писателей, государственных деятелей и революционеров. Стратегически изучая предметы, он часто вспоминает Поповку, народную библиотеку батюшки, врачевание матушки, одногодков-крестьян и рыбалку...

Пока юноша готовился к сдаче экзаменов, в жизни города произошло чрезвычайное событие, наложившее

мощный отпечаток на мировоззрение и жизненный путь молодого человека.

В один из августовских вечеров шёл он по Воскресенскому переулку и, залюбовавшись искрами заката на куполах церкви Михаила Архангела, решил полчаса прогуляться по берегу мерно текущего Орлика.

Вдруг из-под арки моста выбежал «гаврош» с объёмистой пачкой газет. Николай вздрогнул, когда он срывающимся голосом прокричал: «Граждане! Впервые в истории! Русский Икар — Сергей Уточкин покоряет небо! Спешите видеть!»

«Орловский вестник», являясь каталогом губернских событий, в популярной форме извещал об ожидаемом прилёте Сергея Исаевича, верившего в радужную перспективу российской, да что там — Мировой авиации...

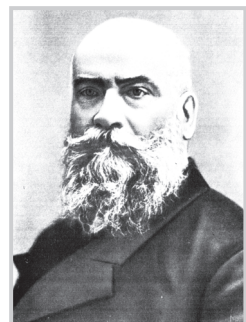
С этого момента юный Поликарпов решительно и упорно повторял себе днём и ночью: «Я тоже буду летать!»

Блистательным экстерном сдав экзамены на аттестат зрелости, он со свойственной ему обстоятельностью хлопочет о дальнейшем образовании. Вскоре бывший неприметный сельский паренёк Николка покидает Орёл под встречно-прощальные свистки паровозов. Впереди Санкт-Петербург...

В то время инженер-кораблестроитель К. Боклевский был известен не только как основатель-декан кораблестроительного факультета Петербургского политехнического института, но и как «отец» курсов воздухоплавания. Среди студентов он славился неприступностью и требовательностью по всем дисциплинам и по самой Дисциплине.

С.И. Уточкин

Н.Е. Жуковский

И.И. Сикорский

Однако, студент механического отделения Поликарпов приглянулся ему сразу. Ещё бы! Георгиевец просил зачислить его на авиационное отделение без отрыва от механического.

«Ну, впрямь — орёл! Усердный математик, далеко пойдёт!» — вполне мог подумать профессор.

Бесспорно, ежедневная самоотдача, «творческий пожар» разума — были просто обязаны привести черноволосого красавца к награждению за его труды. Большую радость испытала семья, когда он, в апреле 1916 года получил из рук декана удостоверение об окончании курсов, диплом инженер-механика и направление в отдел воздухоплавания Русско-Балтийского вагонного завода, которым руководил И. Сикорский. Николай Николаевич позднее вспоминал, что «все братья и сёстры мои — семь человек — учились, и отец с матерью отказывали себе во всём, чтобы содержать нас. Мы это понимали и учились изо всех сил».

Полёт мысли, энтузиазм, царившие в коллективе, участие в постройке богатыря-четырёхмоторника «Илья Муромец», опыт «общения» с иностранными моторами послужили фундаментом при становлении почерка одарённого авиаинженера.

К.К. Арцеулов

После перехода (захвата) власти Красным Советам, Поликарпов, зная лживость анархистско-товарищеских и эсеро-меньшевистских политиканов, не стремился примкнуть к идеологической ереси, разорвавшей нацию. Он продолжает заниматься любимым делом и переезжает в Москву, не обращая внимания на «швондеровские пения».

Здесь в должности руководителя технического отдела авиазавода «Дукс» он проек-

тирует лыжи для 4-тонных самолётов, авиавинты, следит за сборкой «Де Хэвиллендов-4», «Фарманов-30», «Ньюпоров» 17-й и 24-й моделей. Здесь ему вручают первую в жизни премию...

В 1919–20-х годах, ведя колоссальную работу на производстве, Поликарпов, осознавая значение кадрового вопроса ВВС РККА, встречается с лидерами Вооружённых Сил и принимает приглашение в Авиационную техническую школу ВВС на почётное место преподавателя. Окружавшая действительность в виде разрухи, голода, отсутствия крупных капиталовложений, нехватки комплектующих и, наконец, грамотных специалистов, разъехавшихся по всему Миру, — несказанно удручали тупиковой безысходностью и разрушением православия. Обстановка явно не способствовала и крупносерийному выпуску «Гномов», «Сальмсонов», «Ронов», «Клерже», «BMW», «Мерседесов», «Испано-Сюиз» и «Оберуселей». Пролетят, как птицы, года, и всё же Поликарпов ещё не раз столкнётся с проблемой выбора силовой установки для своих истребителей при всей разнопортретности их компоновок и схем...

В 1923 году круто изменилась и личная жизнь Поликарпова, повстречавшегося с Шурочкой Самышкиной, врачом, весьма схожей с молодой Клавдией Шульженко. Вскоре после женитьбы в их тесной квартирке появился родной «пилот» — дочь, наречённая счастливыми родителями редким именем — Марианна...

Ну а партия умела ставить задачи и сроки: люди — население бывшей царской России, остались у разбитого корыта Империи, плача у тысяч могил гражданской. Люди — бурлаки диктатуры пролетариата, потрясли Мир, увы, не за десять дней.

1-й пятилетний план, включавший в себя и авиапромышленность, захлестнул начальника отдела опытного самолётостроения в стремительный вихрь событий, перекраивающих страну от Владивостока до Мурманска, от Питера до Кушки. Поликарпов, как умелый организа-

Николай с сестрой Лидией

тор, проявил недюжинные способности, разбив проектирование по конвейерному принципу. Это было справедливо: кустарность в инженерных кругах ощутимо мешала штурмовать небеса.

Пахари КБ Поликарпова за короткий срок поняли смысл задела и убедились в результате того ускорения, что задавал Генеральный, или «Батяня». Последовательно проектируются, строятся и испытываются истребители ИЛ-400 (1923 г.), ИМ-1 (1925), ДИ-1, И-3, ДИ-2 (1925–26), имевшие множество модификаций, различавшихся моторами, конструкцией фюзеляжа и оперения. Некоторые машины пошли в малую серию, другие — были «заморожены» после катастроф и гибели лётчиков-испытателей. Конструктор переживал потерю друзей неимоверно, а ведь тогда и не знали, как бороться с врагами авиации — штопором, флаттером, бафтингом и многими другими! Аэродинамика — наиковарнейшая наука, особо, если ты — первопроходец, поставивший жизнь на покорение Пятого океана.

В 1927-м Николай Николаевич, будучи фаворитом среди конструкторов при Авиатресте, побывал на Международном авиаконгрессе в Риме. Возможно, увиденные успехи лидеров авиамысли Европы и Америки подтолкнули его к идее создания многоцелевых самолётов, а затем к её реализации в жизнь. Вместе с тружениками И.М. Косткиным, В.Д. Яровицким, В.М. Ольховским, Д.И. Сутугиным, П.Ф. Фёдоровым и многими другими уважаемыми товарищами, которым ещё предстояло сказать своё оригинальное слово в самолётостроении, он плодотворно работал над бипланом У-2, полуторарапланом Р-5

и истребителем И-6. Никто из них ни в одном из кошмаров не мог предположить, что за обвинения и «чистки» обрушатся на них вместе с семьями...

Чего только не пережили! «Буржуазные перерожденцы, вредители, контры, старые кадры, сочувствующие Промпартии и шпионы» — термины ОГПУ-НКВД — сократили жизнь фактически, лагерно, смяли души, взорвали изнутри родню. По доносу «тихой гадюки», посаженной в ЦКБ, прокатились по авиаторам обыски, конфискация, аресты, приговоры и этапирование.

Горькая чаша не миновала Поликарпова: лишь только чудо спасло его и соратника Д.П. Григоровича от расстрела. Смерть «заменили» 10 годами исправительно-трудовых лагерей. К наипечальнейшему сожалению, коллектив Николая Николаевича был в своём горе не одинок: немногим позднее будет творить в «шарагах» А. Туполев, В. Петляков, Р. Бартини, И. Неман, С. Королёв, Л. Курчевский, К. Страхович; расстреляют более половины руководящего состава ВВС, ветеранов партии и наркоматов, талантливых авиаконструкторов А. Пороховщикова и К. Калинина. Верхушка «айсберга» РККА, ВМФ, Гражданской авиации, сам исполнитель — НКВД — ВСЕ попадут под карающую костодробилку, разработанную мировыми революционерами. То было царство явного и секретного террора, накрывшего даже ОСОАВИАХИМ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*Вон ястреба и те над рощей,
Забился перепел во ржи...
Ты мне, сынок, о жизни прошлой
Без гениальности скажи!*

Несмотря на повсеместное закручивание «шурупов» свободомыслия и всесоюзную войну с «троцкистами» и «саботажниками» идолопоклонники тоталитаризма понимали, что без усадки пролетариев в самолёт мировая

революция — декретный опус. Инженерная когорта Н. Поликарпова была с ходу загружена заданием партии и правительства СССР — проектировкой и испытаниями манёвренного и скоростного биплана И-5. Девиз един: «Летать дальше, выше и быстрее всех!» О том, что «вредители трудящихся» были лишены номинанты естественного быта, вслух не говорилось — деятельностью ЦКБ-39 при ОГПУ был заинтересован Хозяин — вождь трудового народа И. Сталин.

Результат «рационально» принимаемых решений виден по паспорту данных летучего «борца за ВКП(б)»: мощность мотора М-22 — 480 л. с.; вес — 1260 кг; площадь крыльев при размахе крыла 10,24 м — 21 метр; скорость — 286 км/ч; потолок — 7300 метров; дальность полёта — свыше 500 км. Подтверждением того, что самолёт удался, служит факт его постановки в серийное производство, ибо поликарповская формула истребителя была преобразована в «тираж» в количестве 800 экземпляров...

Летом 1931-го разом постаревший Поликарпов и его соратники были освобождены. В дальнейшем, совмещая накопленный опыт, замечания лётчиков и коллег, а также приказные пожелания командования ВВС РККА, роль истребителей развивает кипучую деятельность, направленную на улучшение У-2, Р-5 и модификаций, много времени уделяет новому истребителю И-15. Он стал угрюм, молчалив, всё меньше говорил, — видно, сказывалась затравленность ума и души. Даже через 55 лет многоуважаемая Марианна Николаевна Поликарпова, после получения дарственных книг автора этих скромных строк, видимо, очень-очень волновалась, «рецензируя» мои выстраданные вирши:

«Особенно большое впечатление произвёл на меня «Приговор». Прошло много лет, как всё коснулось Н.Н. и нашей семьи, а кажется, что всё это случилось только вчера. Я всю жизнь живу под этими страшными воспоминаниями детства».

А между тем её папа — авангардист по теории и практике в разработке истребителей боя — был добрым человеком. Он прекрасно играл на рояле ещё в бытность мамы, ушедшей вместе с тётушкой на покой из-за революционного отголоска — тифа. Великолепно рисовал — натюрморты, пейзажи, не говоря о чертёжном строительстве крылатых машин. Любил классическую музыку, играл на флейте, обожал рыбачить в редкие выходные, — золотой, всесторонне одарённый человек!

Анализируя триумф в ореоле большинства неудач, достойный сын Орловщины уже тогда считает, что будущее авиации за монопланами, но в «переходном» периоде чеканит бипланную схему, «гравирруя» её в своём стиле «чайка».

Период испытаний И-15 был началом дружбы с Чкаловым. Именно Валерий настоял на том, чтобы вся команда Поликарпова училась летать, напомнив Главному И. Сикорского, звавшего Николая Николаевича с собой в США, куда он уехал, не выдержав вакханалии чекизма...

И-15 послужил прототипом для быстрого биплана поликарповцев И-153 «Чайка», отличившегося во время воздушных сражений на Халхин-Голе. Однако самое невероятное, что к концу 1933 года бывший инженер-расчётчик ЦКБ, наращивая продуктивность самосжигающей работы, смог завершить Главное дело своей жизни — он создаёт новый истребитель, не имевший аналогов-стереотипов.

По-простецки — моноплан — самолёт с двумя крыльями, а биплан с четырьмя. На собственном примере Поликарпов доказал, что творческий поиск и пыл исследователя способны нарушить мнения, взгляды, профессиональный консерватизм и пустозвонство.

И-16 (ЦКБ-12) виртуозно испытал «дрессировщик» многих поликарповских машин В. Чкалов, веривший в будущность истребителя с мощным мотором воздушного охлаждения и убирающимся в полёте шасси. Как выяснится впоследствии, ас, на которого было совершено семь покушений в одной из избирательных кампаний, словно в воду смотрел...

Вообще, самолёты Н.Н. Поликарпова были для своего тяжкого времени эпохальными машинами. Чего стоит только легендарный У-2! Он возил пассажиров и почту, служил «фотографом», нёс дозор над лесами и вдоль побережий морей-океанов, полюбился учлётам, медикам, стоял на «вооружении» колхозов, связи и рыбацких хозяйств.

А вот другой пример из героического, ещё мирного прошлого, не менее знаменитый покоритель Заполярья Р-5. Один из первых Героев Советского Союза В. Молоков посвятил ему часть жизни и простые слова: «Честь и хвала самолёту Р-5. Он оказался очень прочным и допускал возможность работать при наличии неблагоустроенных аэродромов. В пилотажном отношении машина также обладает отличными качествами».

Не всем моделям и модификациям самолётов, разработанным в КБ Поликарпова, повезло так выйти в массы, как влетел в них И-16. Не пошёл в серию перспективный, очень аэродинамичный истребитель И-17, «летающие танки» ВИТ-1 и ВИТ-2, фронтовой бомбардировщик «Иванов». Не реализовались некоторые задумки по самолётам моря, лишала фантазии политика уничтожения соотечественников соотечественниками при сравнении, к слову, с панибратской тогда Германией, забросившей «троянского коня» в виде наикощунственного пакта с А. Гитлером.

В авиационных, инженерно-технических кругах и по сей день расхожа версия, трактующая «пикирование» Н.Н. Поликарпова как конструктора после сногшибательных катастроф с истребителями И-180. С человеческой точки зрения, это вполне возможно, — кроме Чкалова, на машинах «короля» разбились и стали калекami многие лётчики. Но полным опровержением «теоремы истощения» служит малоизвестный проект И-200 — предтеча всех «МиГов» времён Великой Отечественной...

В 1940 году документация на эту машину с многообещающим потенциалом при двигателях А. Микулина

была передана только сформированному ОКБ А. Микояна и М. Гуревича без ведома Поликарпова, который в конце 1939-го находился в длительной служебной командировке в Германии. Приехал — не успел отойти от факельных торжищ, как при загадочных обстоятельствах ушёл из жизни нарком авиапромышленности М. Каганович.

«В Германии можно жаловаться Герингу, у нас некому!» — в сердцах бросал тогда Николай Николаевич, по счастью, в ближнем кругу.

Он начал проектировать новый истребитель с мощным пушечным вооружением — И-185. Это был исключительно передовой самолёт по всем параметрам лётно-тактических и технических характеристик. Однако камень преткновения на всём пути Поликарпова — моторы — вновь подвели и здесь. Не будем исключать процент диверсий на производстве с целью дискредитировать авторитет конструктора «доброжелательной» стороной в фокусе линзы НКВД.

А потом — война, эвакуация, болезнь, переживания, бесконечные командировки по маршруту Новосибирск — Москва и наоборот; изыскания в области реактивного истребителя «Малютка», задумки штурмовиков и даже высокогрузоподъёмного планёра...

Теперь он с грустной улыбкой вспоминал «труд по нужде», — посещение семинарии, а заодно и отца Николая Петровича, ушедшего в 1938 году, и своего деда, Петра Михайловича Поликарпова, первого священника в Сергиевском-на-Кшени. Он, конечно, не знал, что держатель его традиций, почти ровесник И. Высотский, был расстрелян в ливенском подземелье УНКВД, но мог помнить высоту разрушенной колокольни под 30 метров. Вот где может скрываться причина штопора, так это в подрежимном пике...

Но волею судьбы всем боевым и мирным машинам Н.Н. Поликарпова довоенного выпуска будет предписана яркая на события и трагедии боевая жизнь. Тысячи похвал заслужат его самолёты в Испании, Китае, Монго-

лии. Там, где того требовало лихолетье и интернациональная миссия освобождения народов от паучьего гипноза свастики, «нового порядка» дуче и окровавленного с начала века меча самураев.

В годы Великой Отечественной, несмотря на беспрецедентный разгром советской авиации в первые дни войны, И-15, И-15-бис, И-15З «Чайка», все типы И-16 и даже единицы И-5 достойно встретили агрессора, оставляя ему минимум шансов на спасение. «Мирянин» У-2 стал избранником прекрасной половины человечества, народным мстителем от лица всех матерей, жён, сестёр, возлюбленных и дочурок. Сотни тысяч раз он спасал раненых партизан. Работал связным, летая на бреющем, продолжал нести на себе функции разведки и воспитания новых авиакадров, которым ещё предстояло трагедийно вступить в строй.

Многие машины оставались на вооружении ВВС, ПВО и авиации Флотов вплоть до середины войны, нещадно привлекались к боевым действиям почти повсеместно. Чтобы читатель яснее увидел масштабы производства машин КБ Поликарпова, приведём заставляющие задуматься цифры: с 1933 по 1940 год советской авиационной промышленностью было выпущено 6,5 тыс. И-15 и более 8 тыс. И-16; за 30 лет после появления «кукурузника» на 10-ю годовщину октября было построено 33 тыс. машин. Вот и подумайте теперь о России, выключив телевизор с лживой рекламой и смакованием трагедий. И не надо полоскать грязью евреев с Америкой — они нам здорово и вовремя помогли, как могли, поставками по Ленд-лизу!

Самолёты Поликарпова подняли к небесам и воспитали лучшую истребительскую школу в Мировой истории. Яковлев, Лавочкин, Горбунов, Сухой, Микоян — все учились у «короля», и все их конструкции пришли позднее, либо несли в себе отголосок многолетней наработки поликарповского содружества инженеров-ратоборцев, многие из которых стали самостоятельными авиаконструкторами или позже вступили в область вертолётостроения.

Среди неподражаемых бесстрашных асов пролетарских ВВС — наши великолепные прадеды, деды, отцы, братья, сыновья, мужья и Герои, выступившие против диктаторской сцепки держав «Оси». Тот, кто не прокажён беспамятством, многое знают о П. Рычагове, Я. Смушкевиче, Ф. Аржанухине, В. Бочарове, А. Герасимове, А. Серове, С. Грицевце, С. Тархове, Е. Кондрате и Г. Захарове, И. Копеце и А. Таюрском. Помнят Е. Птухина, П. Пампура, М. Якушина, И. Солдатенко, П. Бутрыма, И. Леонова, Г. Кравченко, П. Харитонову, М. Жукова, А. Ворожейкина, Б. Сафронова, Н. Звонарёва, Н. Гринёва, И. Грачёва, В. Голубева, С. Луганского. Достойные потомки чтут память А. Мошина, Ю. Лямина, Н. Власова, В. Сталина, Д. Кокорева, Г. Костылёва и многих, ОЧЕНЬ многих дорогих защитников Отечества. Большинство из них не вернулось...

* * *

30 июля 1944 года вследствие пережитого и болезни Николая Николаевича Поликарпова не стало. В последние четыре года жизни депутат Верховного Совета СССР занимал пост директора и главного конструктора опытного завода в Новосибирске, где так мечтал запустить в серию И-185. Ему было присвоено звание Героя СоцТруда и докторская степень, правительство дважды премировало его. Он назначался зав.кафедрой «Конструкция и проектирование самолётов» Московского авиационного института, был утверждён в звании профессора. Затем он состоял в руководстве научно-методического совета при Главном управлении учебных заведений Наркомата авиационной промышленности СССР.

Лишь через 12 лет Николая Николаевича реабилитировали, но к стыду потомков и это замалчивалось несколько десятилетий. Что там ещё раскопают, если не будет ядерной войны???

Ровесники и конструкторская молодёжь всегда вспоминали его добрым словом, постоянно напоминая об отеческой заботе конструктора по отношению к каждому: от

П
О
К
Л
О
Н
З
Е
М
Л
Я
К
У

* * *

*Не могут передать слова
Всего того в горниле века,
Что сделал самолёт У-2,
Освобождая человека!*

шофёра до детей сотрудников. Вместе с единомышленниками Поликарпов создаст около 70 опытных и серийных самолётов, каждый из которых нёс в себе многие новшества, был строго индивидуален и обладал «изюминкой». Даже звёзды на Боровицкой и Никольской башнях Кремля были изготовлены умельцами из КБ Поликарпова, чем он по праву гордился, как впрочем, и проектом одноместного дальнего бомбардировщика с расчётной скоростью 585 км/ч.

Очевидно, что по законам тогдашнего времени конструктора, небопроходца от души, заставили или обязали напрягать геркулесовую мощь своего гения только лишь на военщину. Видится, если бы сложилось в истории всё по-другому, творец грозных машин мог выпустить в небо скоростные пассажирские лайнеры, а может, что и ещё...

Талант есть чудо не случайное; не все плоды падают на головы «ньютонов». Ясно одно: Николай Николаевич Поликарпов — конструктор, летящий впереди времени.

...Я стою в раздумье на Московском шоссе под ливнем возле его памятника, заслуженного умом, кровью и болезнями. Положенные накануне цветы (не могу молчать) снова украли. В руках прославленного земляка, с великой помощью которого зарождались, строились и воевали советские ВВС, его любимец — И-16...

Миряне и недруги! Будете рядом, не отворачивайтесь, отбросьте личностное. Просто поклонитесь и снимите шапку перед Героем, на чьих машинах завоёвывалась наша и не только наша свобода!

Вопрос о всемирном статусе торжеств, посвящённых будущему юбилею, мы ещё поднимем. Дай-то Бог, чтобы святому делу не помешали известные в России и в Орле люди...

9 мая — 10 июня 2001 года,
Орёл — Тула — Орёл,
«Путевые заметки».

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЧКАЛОВ

*Летать выше всех,
быстрее всех и дальше всех!
Девиз 30–40-х годов XX века*

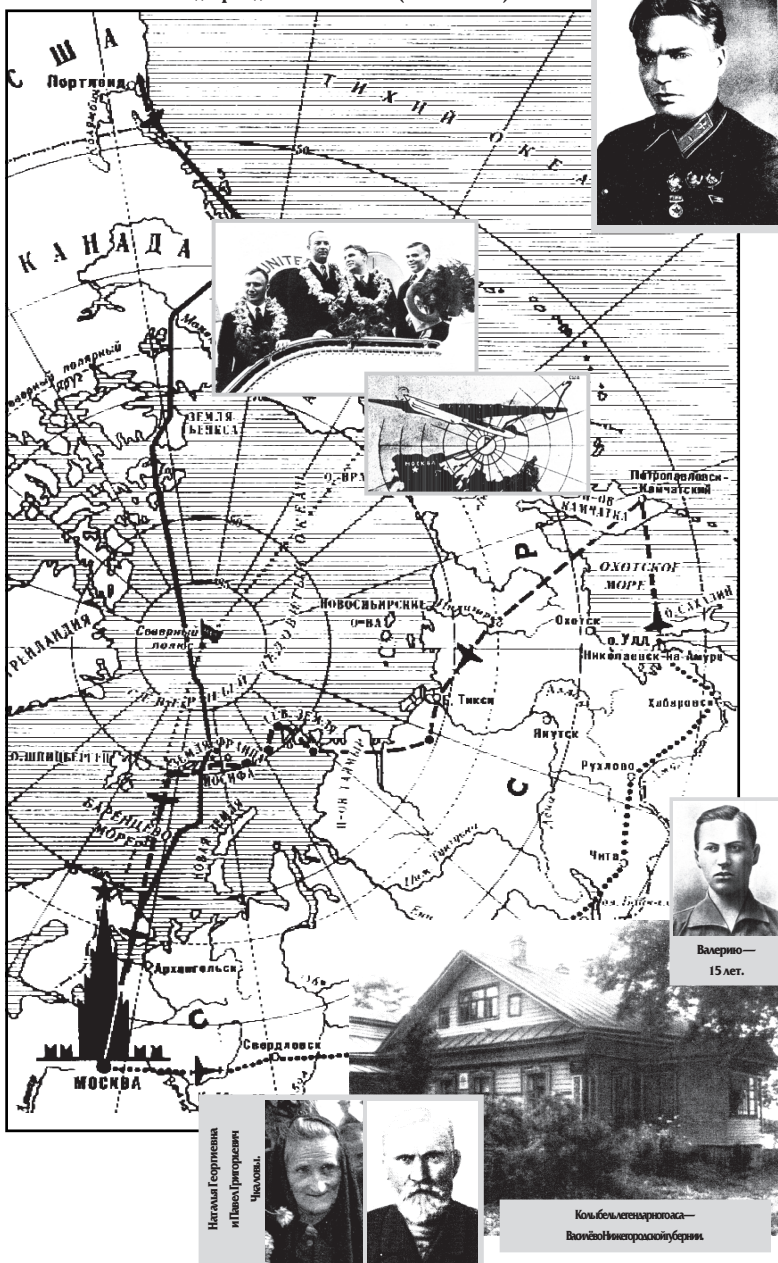
В. Чкалов

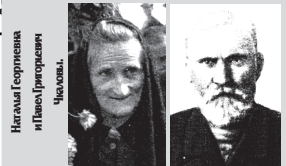
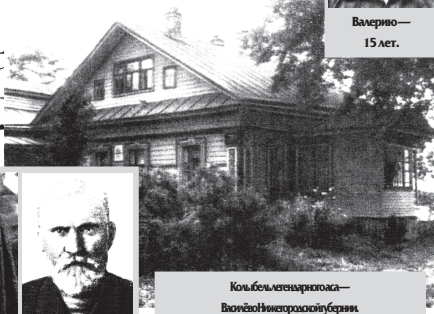
Жизнь, метеоритно прожитая одним из лучших лётчиков-испытателей ВВС СССР Валерием Павловичем Чкаловым, редчайший пример достижений простого человека при его упорном рвении к реализации идеи и цели. Виртуозности пилота, его инженерным знаниям, характеру и взаимоотношениям с коллегами и конструкторами авиатехники посвящено достаточно много книг, статей, художественных и документальных фильмов, полотен и радиопередач с момента его нелепой гибели...

В разные годы уважаемому лидеру пришлось крепко поработать-поспорить с лётной элитой страны, а уж знали его, конечно же, все. В рядах ведущих асов Страны Советов стояли Г. Седов, М. Громов, А. Павлов, К. Арцеулов, Ю. Пионтковский, Б. Бухгольц, В. Коккинаки, А. Анисимов, К. Груздев, П. Стефановский, В. Евсеев, Э. Преман, С. Супрун, В. Раков. Узнали суровую трагичность будней А. Залевский, И. Козлов, Т. Сузи, А. Прошаков, Б. Кудрин, А. Томашевский, А. Гринчик, А. Екастов, Г. Головин, И. Антошин, И. Петров, Г. Байдуков, С. Шестаков, С. Анохин, А. Юмашев, Г. Шеянов, А. Кочетков, М. Алексеев, А. Якимов, А. Никашин, М. Нюх-

К 100-летию со дня рождения В.П. Чкалова (1904—1938)

Валерий —
15 лет.

Николай Горунов
и Екатерина
Чкалова.

Колыбель чкаловского —
Восточно-Иркутской губернии.

тиков, Н. Журов, И. Спирин, Е. Стоман, А. Филин, А. Кржижевский. Не отставали от них в небе и на воде А. Ершов, Ф. Усачёв, Н. Кастанаев, С. Рейдель, М. Коровкин, К. Ганулич, Ф. Болотов, Б. Агров, Т. Рябенко и Н. Благин, Н. Котяков, И. Погосский, Д. Ильинский, Г. Полозенко и Б. Чухновский — разве всех назовёшь? Сколько слюнявых и сопливых «чкаловых» смотрело на общенародных кумиров как на богов, не представляя себе понятия «господство в воздухе», за которое им придётся, обливаясь кровью, сражаться в Испании, Китае, Монголии, а затем и на Родине??? Наяву же — штудировали труды Д. Дуэ и Ч. Линдберга.

Горестно, что не за 20 дней, а за *годы* до Второй мировой войны, в будни испытаний будет не до романтики, что список рыцарей неба будет трагически сокращаться, покрывая родню сединой и слёзами. Ещё печальней было выжить, чтобы попасть в... ГУЛАГ...

Каждый из них знал, что их профессия подразумевает не только чистое небо и возможность наслаждаться полётом, но и вероятную, и что самое страшное, непредсказуемую смерть...

А на деле? «Нам разум дал стальные крылья, а вместо сердца пламенный мотор?» Все знали, но молчали. Улыбались, балагурили, пели любимые песни и выпивали, обожали детей и жён, в редкие часы выбирались порыбачить на места, известные им ещё с детства, охотились на кабана и дичь, ударяли за комсомолочками, влюблёнными в них «от тайги до британских морей». А как они гоняли наперегонки на мотоциклетах «Триумф», «Индиан», «Кавалер», «Харлей», ленинградских «Элах» и на «ИЖах», без преувеличения, мог позавидовать знаменитый мотогонщик тех «вороних» лет С.И. Карзинкин! Кстати и В.П. Чкалов считал своим долгом шефство над всеми патриотично-оборонными мероприятиями ОСОАВИАХИМа, неоднократно встречался с разновозрастной (иногда неграмотной) аудиторией, агитировал за повышение технических знаний, что-

бы народ из «слепого» стал «зрячим», смелым, боеспособным...

Приходилось снимать с себя ежедневный перегрузочно-психологический стресс, усугублённый узаконенным беспределом «пикировщиков» официально подгонорарных НКВД. «Первым делом, первым делом самолёты!» А так как самолётов к тому времени у СССР было не меньше девушек, давить на педали фортепьяно и вымученно рассказывать слабые анекдоты будущим истребителям армад Люфтваффе не оставалось времени. Лётчики продолжали гибнуть, а самолёты — им что, они ведь железные (пусть хоть фанерные)...

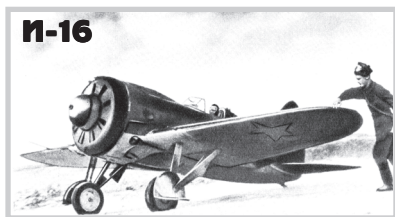
Вдумайтесь, сколько режущей скорби в словах профессионала высочайшего класса М.М. Громова:

«Кто же первым встречал, встречает и будет ещё встречать неведомое в воздухе? Лётчики-испытатели!

Могли ли предвидеть Поликарпов и Косткин, что их «Истребитель Либерти» окажется таким неустойчивым, что при первой же попытке подняться в воздух К.К. Арцеулов, блестящий лётчик, потерпит аварию? (Самолёт после отрыва от земли, не слушая рулей, пошёл на петлю. Константин Константинович, внук великого мариниста И.К. Айвазовского, к счастью, остался жив, сломав руку и ногу. По воспоминаниям Г.Ф. Байдукова, В.П. Чкалов также видел, как выпрыгивал с парашютом из попавшего в штопор И-1 длинный, огромный Громов — Р.С.В.).

— Могли ли они предвидеть, — продолжает Михаил Михайлович, — что лётчик Шарапов на том же самолёте серийного выпуска войдёт в плоский штопор и не выйдет из него?

Не только Поликарпов и Косткин, но никто в нашей стране не знал, отчего самолёт попадает в штопор, тем более — в плоский. Не знали, что такое самовращение самолёта (авторотация) и по какой причине она возникает. А ведь штопор лётчики уже делали в течение нескольких лет и выходили из него благополучно!..

А кто открыл первым вибрацию типа бафтинг? Кто первым попал в вибрацию типа флаттер? Лётчик-испытатель в воздухе! Могли ли конструкторы предвидеть эти явления? Нет.

Мог ли Поликарпов предвидеть, что у его двухместного истребителя (2И-Н1 — одностоечный полутораяплан с фюзеляжем-монококом круглого сечения с двигателем «Нэпир-Лайон» в 450 л. с. — Р.С.В.) на максимальной скорости сорвётся обшивка с крыла и лётчик Филиппов со своим хронометражистом Михайловым погибнет? Не мог! — справедливо подчёркивает покоритель Полюса Неприступности...

Несмотря на обвинения в «воздушном хулиганстве» и отстранения от полётов, Валерий, уже будучи ведущим лётчиком-испытателем НИИ ВВС РККА, очень сдружился с нашим замечательным земляком, авиаконструктором Николаем Николаевичем Поликарповым. Время было архисложное: процветали донос, шапкозакидательство, партийный эгоизм, эйфория от идей, не материализованных успехами, нездоровый глобализм и грабёж «опиумной религии». Не надо говорить, как переживали из-за беззакония соратники по Центральному конструкторскому бюро — они ведь лично знали всю лётную элиту периода И.В. Сталина. Но сказать тогда вслух что-либо было равносильно самоубийству, ибо говорящий подрубал себе «крылья», подвергал риску семью, родственников и знакомых. И, хотя человеческое доверие кощунственно разлагалось на корню, многие шептались, что неспроста погиб в авиакатастрофе начальник Управления ВВС РККА П.И. Баранов. Молнией промчат года, и заберут его зама, сменившего его на этом посту, организатора и разработчика структуры ВВС страны, спасителя Чкалова, бывавшего в Орле Я.И. Алксниса. Так «раскручивался пропеллер» Эры репрессий...

«Шельмец Валерьяшка», как называл его ближайший друг, отважный пилот А.Ф. Анисимов, напоминал Н.Н. Поликарпову своего учителя И.И. Сикорского, который перед отъездом в США часто повторял:

— Николай Николаевич, Вы непременно должны научиться летать!

Герой Советского Союза, член чкаловского экипажа во время перелётов на остров Удд и через Северный Полюс, ас-полярник Г.Ф. Байдуков вспоминал, что Валерий говорил конструкторам:

«Побывайте в нашей шкуре, будете строить машины такие, какие нужны советским лётчикам. — И он предложил при аэроклубе завода создать небольшую школу для работников завода и добился, чтобы для занятий выделяли самолёт У-2. Первыми его учениками стали конструкторы. Прежде всего сам Николай Николаевич Поликарпов, затем Дубровин, Таиров, Буксаков и другие, всего 11 человек (то есть, вся команда «короля истребителей» — Р.С.В.). Летали перед работой с шести часов утра и после её завершения до захода солнца. Валерий Павлович не зря затратил на это много энергии — все его учлёты сдали экзамены в Центральном аэроклубе и получили права на самостоятельное управление самолётом».

Действительно, Чкалов, как никто другой, знал, что вкус победы придаёт человеку силы. Силы, чтобы быть сильнее собственного страха, сильнее железа, сильнее самого себя, поскольку помнил истину — чтобы научиться управлять самолётом, нужно научиться управлять собой. Он не раз говорил ближайшим друзьям, что иногда полезно испытать безумную опасность, до конца испугаться, а затем — до конца разозлиться, выложиться до предела возможностей, напрячься так, чтобы каждый нерв, каждая клеточка кричали. Как теоретик высшего пилотажа боевых машин (в первую очередь истребителей) уроженец Василёво ясно понимал, что без этого победа в борьбе с воздухом, неполадками и подлыми слу-

чайностями так же расплывчата, как инверсионный след, оставляемый самолётом...

Сотрудничество с авторитетным КБ Н.Н. Поликарпова плодотворно продолжится на пользу наступлению и обороне соединяющихся пролетариев. Дальнейшим развитием бипланной схемы, внедрённой на И-5 и И-6, стал опытный ЦКБ-3 с видоизменённой формой верхнего крыла, что улучшало обзор из кабины. Чкалов не нарадовался одноместному манёвренному истребителю, причём установил рекорд, пройдя с умиротворённым рёвом вираж на высоте 1000 метров за 8 секунд. Сам ЦКБ-3, более известный, как И-15, вероятно, «радовался», выдавая «двадцать пятой эмкой» все свои 715 лошадиных сил, когда он, «чувствуя» пилота, стремительно поднимался на пятитысячную «планку» за шесть минут. После успешных испытаний самолёт был запущен в крупную серию, завоевав уважение и любовь у пилотов и техников (всего было выпущено 674 И-15 и 2 408 И-15-бис в 11 модификациях).

Чёрный для мира 1933 год пролетел, словно визг, оставляемый экстренным торможением на взлётно-посадочной полосе. Поликарпов мрачен: теперь у его КБ были настоящие, а не дутые из чепушинок «враги». Враги, ставшие под штандарты каудильо Франко, противник, в виде «Фиатов», «Капрони», «САНТов», «Саэтт» и «Хейнкелей». То был зловещий период чёрного двухлетия, ибо Испанская фаланга под лидерством Хосе Антонио Примо де Ривера и генерала Санхурхо, ездивших в конце октября за фюрерской поддержкой в Берлин, открыла путь войне в 32 месяца...

Фашиствующие триумфаторы из «Стального шлема», НСДАП заседали на Вилли Мессершмитта, «центурионы» дуче — на Челестино Розателли, а скромный орловец не без давления партии и правительства к концу года завершил проект авангардного истребителя. Это была замечательная машина, будущая победно-трагичная знаменитость всех крылатых противостояний между госидеологиями и системами — истребитель-моноплан И-16. Так

было сломлено консервативное мнение ряда авиаграндов, заключавшееся в том, что биплан является традиционной схемой самолёта.

Первым, кто испытывал ЦКБ-12 с убирающимся в полёте шасси, был искусный укротитель боевых болидов Валерий Павлович Чкалов, и на этот раз безжалостно рисквавший жизнью. Почерневший от горя после гибели «народного лётного артиста, кинозвезды Фролыча», как он окрестил своего лучшего друга А.Ф. Анисимова, он «отрывался» под облаками так, что какой там адреналин — кровь закипала в жилах. Создатели машины, присутствующие здесь же лидеры ВВС, НИИ, наркоматов, представители самолётостроительной отрасли и смежных с нею производств, холодели изнутри от головокружительных пируэтов компактного «курносого», с честью выдержавшего колоссальные нагрузки и перегрузки. Благодаря их деятельному участию и вмешательству в судьбу многообещающей машины, она была тут же, без провололочек документационно оформлена для постановки в крупносерийное производство.

Новый самолёт вскоре станет всеобщим любимцем лётчиков за счёт своей лёгкости, чуткости в управлении, манёвренности и высокой скорости. Однако, чтобы полноправно владеть этим шустрым истребителем (модельный ряд моторов представлял собой мощь от 460 до 1100 л. с.), многим «сталинским соколам» придётся основательно пересмотреть не только технику пилотирования, но и тактику и стратегию ведения воздушного боя как на малых, так и на средних высотах.

«Шестнадцатый» ошибок не прощал. К глубокому сожалению, участились катастрофы даже среди «стариков», а «безусые кузнечики» с малым налётом часов могли изучать «ишачок» в едином положении — на земле. Многих тогда бросала в дрожь приговорно-сухая отписка комиссий по расследованию несчастных случаев — «не справился с управлением»... Ау, шрифто-станки просторов России!

Как бы там ни было, опыт качественной сборки, детальные инструктажи кудесников лётного искусства, теоретические и практические занятия-манёвры удобрили почву для приёма этих истребителей в спешно создаваемые формирования ВВС СССР. Чкалов, по воспоминаниям соратников и родни, был очень доволен, но мало кто знал, как ему пришлось «воевать» за будущее самолёта ещё в мирное время и в каких «заоблачных» инстанциях он доказывал необходимость его скорейшего внедрения в массы...

Самосжигающий труд Николая Николаевича Поликарпова и Валерия Павловича Чкалова будет замечен и высоко оценен правительством. Простые слова наркома тяжёлой промышленности Григория Константиновича Орджоникидзе, позднее загадочно ушедшего из жизни, говорят, как закалялась сталь:

«Конструктор авиационного завода тов. Поликарпов Н.Н. является одним из способнейших работников нашей авиации. Им сконструированы И-15 и И-16. Оба самолёта приняты на вооружение. Лётчик В.П. Чкалов ведёт испытания этих новых истребителей и считается одним из лучших лётчиков. Я прошу наградить орденами Ленина конструктора авиазавода Поликарпова Н.Н., лётчика Чкалова В.П.».

Награды — наградами, общественное признание — это одно (как говорится, штрих биографии), а направление деятельности «Антикоминтерновских» побратимов по «Оси» вынуждало тружеников Советской России спать начеку, ускоряло развитие промышленных производств, экономики, открыло путь антинародной политике в ореоле культа личности и лживому марксизму в обрамлении искажённого ленинизма.

Одним из ярких примеров, олицетворяющим гигантоманские идеи революционеров, следует назвать одномоторный АНТ-25 А.Н. Туполева, бензоцистерны которого задумывалось использовать под химическое оружие массового поражения. Кому оно было предназначено, мог и не знать один из руководителей химического Управле-

ния РККА Я.М.Фишман; однако он знал о ёмкости крыльевых баков покорителя Страны снега и айсбергов, составлявшей объём от четырёх до пяти тонн...

Знал ли об этом «рекордном ляпсусе» Чкалов? Трудно сказать. А так как проект приказал «долго жить», более важным видится то, что с 1933 по 1939 год маленький, похожий на бочонок, И-16, развивавший скорость 490 км/ч, стал главной опорой истребительной авиации Советского Союза как в сухопутных частях, так и в базовых формированиях трёх флотов (всего выпущено 6555 экз. в 18-ти модификациях).

Отрадно заметить, что КБ Н.Н. Поликарпова, в противовес разработкам Вилли Мессершмитта и других потенциальных «врагов», вновь отличилось в проектировании истребителей, выпустив в свет любопытный моноплан И-17 (ЦКБ-19). Самолёт представлял собой развитие на основе И-16, однако был настолько выведен по аэродинамике — глаз колол! Плавность внешних черт не имела ничего общего с И-16 — не самолёт, а нарицательно, Анна Павлова!

Работа над ним развернулась в полную силу с зимы 1934 года, всем хотелось поскорее вывести его на испытания. Оставляя в стороне скелет и материалы конструкции, отметим, что моноплан вышел удачным в лучших традициях воздушной акробатики. Правда, были проблемы с мотором, но вскоре и этот весьма важный вопрос был решён положительно. Рождался самолётище! С учётом скоростной заявки, его ожидало большое будущее...

Чкалов перед испытаниями не утомим, взвинчен не меньше авторов. Ему нравилось в безоружном истребителе всё: нормальная длина хвостовой части, сдвинутая вперёд центровка, усиленный лонжерон крыла, сваренный из стальных труб; полированный пропеллер «Ратье», сдвижной фонарь и окна для освещения приборов, и сам кумачовый цвет машины с тёмно-синим капотом и коком винта.

Случилось так, что партийная аристократия решила воочию лицезреть показательные полёты. Не будем рассматривать, кто что указал, направил, прозрел, кому кивнул, что подал или кого увёз. Замкнуло у Чкалова на финальных литрах: надо садиться, в руках мечта любого пилота мира (минута назад — 424 км/ч), а тут — эта очередная «петрушка», мать её через Иммельмана!

Убирающееся шасси оставляло желать лучшего ввиду прежнего (как и на И-16), «шарманного» привода. Механический привод не устраивал «всю королевскую рать» ЦКБ из-за своей ненадёжности по типу «в тихом омуте черти водятся». Заедание шлицев и, как всегда, внезапный отказ амортизации систематически одолевали инженер-группу то аналгином, то валерианой из-за Валерия...

Он спасёт и в этот раз себя и машину, хотя мог спикировать на антинародных лидеров аналогично попытке Н. Благина, угробившего «Максим Горький» (АНТ-20) с 40 невинновыми несчастными (думал, наивный, будет лететь Сталин). Но как он спасал И-17, себя, авторитет поликарповцев — это господа, надо было не в хронике под ширпотребовский пирожок глазеть, а в натуре...

...Стрелка уровня топлива — нуль, а жить хочется и красную «ласточку» чуть не до слёз жалко! Плавный разворот, газ по стуку сердца, лёгкий крен в сторону вышедшей стойки... касание земли... внеплановая эффективная рулёжка на одном колесе (!) и бег по полосе! Где же вы, «звёзды» бесппроблемно-улыбчивого кинематографа?!

Всё обошлось, — текст не кинофильма. Валерий Павлович, мокрый, как мышь, неизвестно что мысленно пережил и о чём думал, вылезая «из стойки боком», как он подсмеивался над своим любимцем за тесную кабину и малый мидель только вчера. Поликарпов, наверное, как и все, плакал от счастья, что лётчик, Друг — жив. А может быть, он подумал, что чёрт с ним, с опытным экземпляром? Или наоборот: «Вложим по-новой душу в железяку бездушную! Лишь бы потерь не было...»

Немногим позднее, на «фундаменте» «семнадцатого», побывавшего в Париже и Милане на авиавыставках, зарождается, строится и испытывается (опять же Чкаловым) пушечный истребитель ЦКБ-19. За рубежом только вызревали планы пушечного перевооружения «Мессершмиттов»-109 и 110, «Спитфайров» и «Харрикейнов» «Кертиссов», «Буффало», «Грумманов» и меча воздушного самурайства, пока бумажного «Зеро-сэна», авторства Д. Хорикоси. Союз поликарповцев актуально выступил законодателем пушечных «вееров» на борту самой «москитной» авиаформации — истребительной. Здесь заслуга советской школы боевого самолётостроения неумолима.

Дело не в тезисной, убаюкивавшей глаз транспарантности, а в самом резюме Чкалова, основоположника скоростных полётов на бреющем: «Перейти с самолёта И-16 на самолёт И-17 — это всё равно, что с «Форда» пересестись на «Линкольн». Мнение большого друга Поликарпова и других авиаконструкторов не везде адекватно ценилось. Мешали завистники, даже когда он вальсировал на паркетах или ужинал с секс-бомбами Совдепии под ласкающее уши ностальгичное танго.

Что же дальше? А ничего хорошего: хода работе по И-17 и И-19 не дали. Испытанный В.П. Чкаловым самолёт, показавший изумительно положительные лётно-тактические и технические достижения (скорость — 500 км/ч и потолок — 9700 м), был затуркан в архив-ангар Поликарповского коллектива по соображениям якобы тесноты рабочего места пилота. Видя, какая размалёванная ассовская саранча воспитывается в Люфтваффе, глупо не уразуметь того, что 1000 выпущенных И-17 и соответственно подготовленных к ним низкорослых индивидуумов, могла полноценно и полнокровно вступить в ряды в составе перехватных эскадрилий ПВО. Налицо один из многих промахов кремлёвских воротил, веривших в «честность и порядочность» пакта Риббентропа-Молотова и предшествующие ему фальшивые соглашения с крестоносцами.

Перед отзывом на покорение Полюса Неприступности бесстрашный Чкалов неустанно работал с И-17 касательно «приручения» плоского и управляемого штопора. Ему многое удалось, причём он душою полюбил высокоскоростной моноплан, заступался за него и Н.Н. Поликарпова при личных встречах с авиапромышленниками и пр. заседательной кастой из числа многопишущих (в пустоту) инстанций. А.Н. Журавченко и В.С. Пышнов — авторитеты ЦАГИ (Центрального аэрогидродинамического института им. Н.Е. Жуковского), лётчики НИИ ВВС, инженерная когорта ведущих и отстающих ОКБ так или иначе видели в И-17 и его модификациях переворот в мировом авиастроении и повсеместно голосовали «За!». Но не досмотрели, не доглядели, под преступное убийство руководящего «кулака» ВВС — было не суждено, хотя идея реализации названных проектов-планов обязывала приложить все усилия связующих звеньев (от аппарата до производителей) раньше старта АНТа-25 по маршруту Сталина на США...

Сверхмужественной чкаловской эпопее, растопившей лёд не только американских сердец, посвящено весомое

Волнующая встреча в Ванкувере 20 июня 1937 года.

Семейная радость. 1937 год.

число произведений в России и за рубежом. Всепланетное признание — это был пик, своего рода гимн русской технической оснащённости, русским небопроходцам, покорившим вечную мерзлоту и стужу. Это была хотя и пропагандистская, но высокопорядочная, дружественная попытка объединить народы в преддверии зарождающегося хаоса Второй мировой войны.

Между тем, в декабре 1938 года предполагалось облетать новый истребитель поликарповцев И-180, но с ним на авиазаводе в Горьком не ладилось, без конца обнаруживались «детские болезни» — дефекты. Поликарпов, вместе с единомышленниками З.И. Журбиной, Д.Л. Томашевичем и многими другими, «налегал» на сдвинутую вперёд центровку, мощный двигатель воздушного (или жидкостного) охлаждения, продольную устойчивость истребителя и высокую нагрузку на крыло, обеспечивающие боевой машине её первый показатель — скорость.

*Последняя поездка
домой. 1938 год.*

Главное управление авиапромышленности оказывало давление, требуя скорее решить вопрос о пригодности истребителя, дабы оперативно запустить его в серию в будущем году.

Морозным днём 15 декабря для всех, кто задумывал, изготовляли и готовил самолёт к полёту, наступил самый переживаемый момент. Наконец-то, после детальных доработок и устранения дефектов (например, оборванный трос акселератора), споров с Поликарповым, ведущим инженером по испытаниям Лазаревым и главмехани-

ком 180-го Барским, Чкалов вырулил на край аэродрома. Ярко-красный И-180, мощно взревев мотором М-88, пошёл на разбег. Все с непередаваемым волнением смотрели, как он бежит по полосе всё быстрее и быстрее, вслушивались в звук работы 14-цилиндрового двигателя. И вот — второй в его судьбе отрыв от земли, шаг навстречу неизвестности...

Стремительно набрав высоту, виртуоз воздуха сразу же начал с машиной «серьёзный разговор», пробуя её в разных скоростных режимах. Отмечая про себя чуткость рулей, их жёсткость и манёвренность выстраданного детища, он поначалу делал плавные развороты, затем — покруче.

Факт, что скоростной истребитель импонировал лётчику, как в своё время и другие машины Поликарпова, с которым он держался на равных. Кто знает, может в тот миг он вспомнил кого-то из своих деток или Марианночку Поликарпову, вечером просившую его взять её в полёт чуть ли не до слёз...

Его ровесник, известный лётчик-испытатель В.К. Коккинали, позже будет рассказывать, что к его машине приблизился Чкалов. Радостно качнув крыльями в знак приветствия, Валерий широко улыбнулся, показав большим пальцем: «Отличный истребитель!»

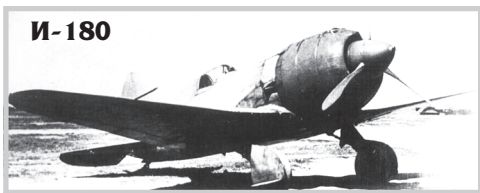
Очевидно, Чкалову хотелось поскорее поделиться мыслями с теми, кто был на земле, кто создавал сие чудо, но связи с ней не было. Лишь слегка подрагивали стрелки на приборной доске...

По пилотской сути, полёт прошёл нормально, и Чкалов начал снижение, чтобы достойным образом завершить его.

«Сделав большой круг по границе аэродрома, Чкалов пошёл на посадку, — рассказывает тогдашний начальник отдела НИИ ВВС, инженер и лётчик-испытатель И.Ф. Петров. — Дальше всё произошло в какие-то секунды. Лётчик, чтобы сесть в расчётном месте, убрал газ — мотор переохладился; заметив, что до границы аэродрома не долететь, он решил, видимо, подтянуть газком. Обычная работа. Но вот тут все обратили внимание, как за самолётом вырвался и потянулся большой столб дыма. Это означало, что мотор перебогатился горючим. Затем уже было видно, как остановился винт...

Произошло всё это на малой высоте. Практически лётчик уже ничего не мог сделать с мотором. Не долетев метров 200–250 до границы аэродрома, самолёт Валерия Павловича ударился о землю, лётчика выбросило из кабины и он погиб».

Погиб не только лётчик-испытатель и комбриг, мужественно испытывавший более 70(!) типов самолётов, но и неустрашимый патриот-новатор, главной целью жизни которого было совершенствование воздушного боя в возможной войне, по его мнению, для СССР неминуемой... Асовский почерк, аналитический и не испорченный околотронной интригой ум, бесшабашная удаль с элементами трюкачества сделали его любимцем народа по тяжело заработанному праву. Вдобавок, Валерий Павлович, проигнорировав сталинские намётки в отношении назначения его наркомом внутренних дел, выступил поборником бреющих полётов, считая их одним из лучших манёвров для эффективного поражения наземного врага. Властитель дум советской молодёжи, поразивший с друзьями всю Аме-

рику, создал новые фигуры высшего пилотажа — восходящий штопор и замедленную бочку, осуществил выход из пике и

набор высоты в перевёрнутом положении, безгранично рискуя, спас десятки машин, построенных в одном экземпляре, за что был одарён правительством голубым «Паккардом».

И по сей день, уже в третьем тысячелетии, не улегаясь споры, гипотезы, разговоры, обоснованная и необоснованная дезинформация относительно версии-теории «переохлаждения двигателя». Отметая «специалистов» по созданию шума из ничего, предлагаем читателю пойти методом профессионала лётных наук С.П. Супруна, испытывавшего в тот день двухместный Ди-6 С.А. Кочеригина. Он мчался на своей «Эмке» к месту трагедии, но никогда не узнает того, что раскроется нации более чем через полвека — погибнет, как и тысячи лётчиков, в начале Великой Отечественной войны...

Составленный автором испытательно-жизненный отчёт содержит в себе достоверные факты, рассказанные или записанные очевидцами и участниками рассматриваемых событий. Многие из них — не обнародованы и поныне, что прямо указывает на нежелание властей сжечь гриф «Совершенно секретно» раз и навсегда.

§ 1. По неофициальным данным, на Чкалова было совершено семь покушений в ходе одной из избирательных кампаний, предшествовавших катастрофе.

§ 2. Сын Чкалова, полковник авиации И.В. Чкалов, впервые услышавший об аварии от сына легендарного В.И. Чапаева, военлёта А.В. Чапаева, так же, как близкий друг отца (оба — его ученики) А.К. Серов, придерживается мнения, что Валерия Павловича убили (т. е. трагедия с И-180 — «удачное» покушение № 8).

§ 3. Дочери Валерия Павловича — старшая В.В. Чкалова и О.В. Чкалова — считают, что Сталин не мог быть

замешан в гибели отца, поскольку папа был частым гостем Хозяина и имел на него положительное влияние, говоря, что «ваша жизнь — дороже любой машины». Однако, вспоминая рассказы матери, Ольги Эразмовны, отмечают: король пилотажа спал с именным пистолетом под подушкой.

§ 4. Товарищ специалиста по авиадвигателям Туманского, представитель Запорожского завода № 29, Е. Гиндзбург, чудом избежав расправы, исходящей от бериевско-меркуловских костоломов, отменял полёт устно и письменно по причине отсутствия на моторе бензопомпы (была установлена гидравлическая).

§ 5. И-180, по сути не совершивший ни одного вылета (не считая подскоков на несколько метров и рулёжки 12 декабря), попадает не в письмо, а в прямо стенографическое досье Берии, где он запрещает испытания тем же числом, ссылаясь на 48 дефектов (обнаружено Валерией Чкаловой в закрытых спецархивах).

§ 6. В течение продолжительного времени после падения истребителя команда по оказанию первой помощи не могла

*Приём героя перелёта генералом Дж. Маршаллом.
Этот снимок обошёл газеты мира.*

приблизиться к нему из-за боязни вероятного взрыва, хотя и знала о приблизительном остатке горючего.

§ 7. Никто не знает, куда делись обломки, последняя бригада авиамехаников, готовивших самолёт к вылету при морозе около -30°C , а также настораживает факт, запрещающий освидетельствование «смерти» мотора, сам запуск которого, как видим по погоде, был крайне нежелателен.

§ 8. Авиационная элита прошлого и настоящего считает, что гибели В.П. Чкалова можно было бы избежать, если бы он совершил посадку на «брюхо», но и этого ему не дали, шасси было... законтрено, т.е. «превратилось» в неубирающееся (подтверждение версии Игоря Чкалова).

§ 9. Прославленный ас часто заступался за друзей и малознакомых лётчиков в НКВД. Теперь все причастные к испытаниям оказались в тюрьме. Ведущий инженер Лазарев, представлявший лётчику акт о готовности к вылету, для всех внезапно стал «тяжелобольным»; на самом же деле его на полном ходу выбросили из электрички...

§ 10. Близкий друг волжанина, участник перелёта на АНТ-25, Г.Ф. Байдуков неспроста пишет в книге о нём: «Я убеждён, что Чкалов сумел бы вывести И-180 на большую дорогу, не попади он в ловушку, в которой оказался не по своей вине или оплошности».

Тяжко «всё это» осознавать даже спустя время. Втройне обидно, что в России воспитывается забывчивая нация, тогда как в США председатель Чкаловского трансполярного мемориального комитета А. Коул, один из основателей комитета П.С. Белов, кинорежиссёр и продюсер У. Уэйдман ищут материалы о замечательном русском пилоте и его экипаже, приземлившемся на аэродроме Пирсон-филд 20 июня 1937 года. Цель заокеанских изысканий — создание художественного фильма.

Помнится, президент США Ф.Д. Рузвельт сказал тогда историческую фразу: «Никакая работа дипломатов не могла бы сделать и за десять лет того, что сделали вы своим перелётом для сближения народов».

Американцы жаждут узнать побольше о жизни Валерия. Что ж, я отослал данную работу в Ванкувер (штат Вашингтон). Не знаю, долетит-доплывёт ли? Надеюсь, «Юневерсал», «Коламбия пикчерз», «Твентис сенчури Фокс» и «Парк-авеню продакшнз» заинтересуются освещёнными событиями, которые первостепенно обязана чтить-помнить Родина, бывший Союз Советских Социалистических республик.

*Апрель 2002 г. Орёл — Волгоград —
Чкаловск — Орёл,
«Путевые заметки».*

*Участники перелёта Москва — Северный полюс —
Северная Америка Герои Советского Союза А.В. Беляков,
В.П. Чкалов и Г.Ф. Байдуков. 1937 г.*

ЭСТАФЕТЧИКИ ПРЕДАТЕЛЬСТВА

БЕСПРАВИЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВСЕРОССИЙСКОГО ПОРОКА

На исходе человеческой жизни любая система, впитавшая в себя более молодых её представителей, порождает заговорческо-теневое предательство, из которого может вытекать измена Родине даже на высочайших постах. Зарубежная и отечественная история разных веков изобилует красноречивыми и убедительно-трагичными примерами, когда люди, пережившие войны, хаос и чуму, революции и реформы, оставались якобы чистыми по оценке гражданства и патриотизма, отечестволюбия и религиозной терпимости. На самом же деле эстафетчики гособмана, то бишь общенационального предательства, будучи при том же лице и фамилии, но при новых должностях, ни что иное, как шлак общества, видоизменяющийся от температуры обжига...

Хамелеонность и ящеризм, шапкозакидательство и хлестаковщина, десятирушничество и шивавластие, клановое триллионерство и порочное кровосмешение браков за неимением возможности передачи награбленного, как и многое другое из известного народом предательства, могут отождествляться «святостью избранников», родившихся и работающих для «блага народного». Ах, пресса! Сколько же вины на тебе!

Современник, имеющий неподкупную душу, волевой характер и трезво мыслящий разум при честно бьющемся сердце, прекрасно видит, что есть химера разнотимых и непонимаемых бюрократических словоблудий, вкупе с советательным синдромом и помпезной кортежностью. Не отсюда ли повышенная смертность любимых и нелюбимых соотечественников? Не потому ли среди русских нет русских?!

Жизнь каждого россиянина или несмирившейся эсэ-эсэрочки, к сожалению, продумана платными слугами

предателей задолго до наступления завтрашних суток, месяцев, лет. Оппозиционная и даже финансовая среда интеллектуалов всажена в дикость и хамство рыночных отношений, «гайки» терпения закручены до предсрочных миллиметров. В призме обязательного страхования живых и мёртвых душ, в уничижительных проектах, направленных против творцов и ветеранов, нашлись «лидеры», прямо заявляющие, что «народ не хочет работать руками», вместо того, чтобы дать ему труд с достойной зарплатой. В общинах аборигенов справедливости было больше, хотя и у них хватало жестокости...

Схватка в борьбе за власть, о чём должны помнить самовлюблённые (неизвестные населению) профессора-эксперты, уже является формой предательства, ибо не вхожие в кулуары власти не способны войти в неё. Жизненное составляющее стряпчих, жандармов, скоморохов и просто рабов при любом режиме заключается в изоционности человеческой изворотливости, пойманной на аркан фиктивных демократических свобод и перманентного накопителства в обход законов.

Казуистическая планировка законодательства, работающего на пользу кучке «народолюбивых» предателей вкупе с их семьями, пожизненными подхалимами, кунаками и флажковыми вырочателями, замечательна интриганством заградотрядов, секретариатов и умением пропирарить рабочие сутки за казённый (народный) счёт.

Лица, работающие на закон, покрывают государственно-политический бандитизм, взяточничество, наркотрафики, автомафию и порноиндустрию. Тюрьмы переполнены мелкими фраерами и бытовыми убийцами. Школьницам и студенткам импонирует возможность обогатиться за счёт своих тел и мужицкой похоти. И в это время НИКТО из эстафетчиков государственного предательства так и не предстал перед судом за антинародные преступления, за сброс богатств страны за границу.

Уже сегодня стоит серьёзно задуматься, кому и когда они передадут свой сатанинский факел?

«По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).

БАСМАЧИ

(Отрывок из повести «Зелёное знамя Ислама»)

Племена Богов своих
Искромсали в рубке.
А когда азарт утих —
Закурили трубки.

«Шапка Мономаха»
(«Страна безбожников»),
1992 г.

К 1920 году басмаческое движение в Средней Азии достигло грандиозного размаха, несмотря на жесточайшее проявление «освобождения народов» под стягом диктатуры пролетариата. Умудрённо-реакционное мусульманское духовенство, лидеры племён и родов, байство, феодалы и чиновники, придворные, примкнувшие недовольные русские крестьяне, остатки армий Деникина и Колчака, наконец, местное население, ненавидевшее Советскую власть и Красную Армию, яро следовали политике «газавата» (священной войны против неверных). К разномастным отрядам и бандам примыкали уголовщина и матёрые авантюристы, поэтому их численность постоянно менялась и в основном росла, ибо бурно кипела народная злоба в связи с безобразиями регулярных частей Красной Армии (особо — будённовской, ставшей карательной). Правда... Ложь... И здесь враги. Очень злобны обе. К человеку никогда не было любви. Как вода, течёт в веках кровь гражданских боен. Поглядите, брат и сын семье вредят — чуждый так не сможет...

Идейными вдохновителями борьбы и главарями басмачества являлись Иргаш, Мадамин-бек, К. Осипов, Курширмат, Махкам-ходжи, Акбар-али, Парпи и Муэтдин-бек в Фергане (Туркестан). В Туркмении, близ Хивы и Каракумов, верховодил Джунаид-хан, поставивший на трон Хивинского ханства своего наместника Сейида Аб-

дуллу, вместо хана Исфендиара. В Восточной Бухаре, после падения Бухарского эмирата, беки, муллы, вожди племён и эмир Сейид Алим-хан выдвинули на линию огня непримиримого Ибрагим-бека вместе с Бадра-оглы и Исан-ходжи. В Самаркандской волости центром басмаческих банд, их базой служило Матчинское бекство, расположенное в верховьях реки Зеравшан, со столицей-кишлаком Обордон. Поздней осенью 1921 года во главе басмачей Восточной Бухары стал приверженец «всемирного халифата», виновник армянской резни Энвер-паша, пытавшийся объединиться с Джунаид-ханом и Курширматом. В Южной Киргизии поднимал голову командующий Кулацкой армией К. Монстров. Повсюду имели место эсерское и анархистское движения, справедливо осуждающие дьявольские устремления новой власти, действующей более кроваво, чем самодержавие Императора Николая II.

М.В. Фрунзе

В разные годы мусульманская армия повстанцев «растворялась» в народе, имела осведомителей во всех кастах преобразуемого общества. Мастерски используя давние и родственные связи, ландшафт местности и верность заповедям Всевышнего, она практиковала тактику набегов и уничтожения конкретных марионеток Москвы или из числа присягнувших ей местных — батраков, которым вручили наган, скакуна, ятаган и «Максим». Они предали Мекку, Каабу, Минарет Смерти, предков...

Однако истинная мощь исламистов, опекаемых правительствами и разведками Англии, США, Турции, была более чем опасной и внушительной. Вооружению и финансированию оппозиции ощутимо помогали американский консул в Ташкенте Р. Тредуэлл, один из руководителей военно-дипломатической миссии Великобритании Ф. Бейли, поддерживавший «Туркестанский Союз борьбы с большевизмом» при Иргаше, и английский атташе в Мешхеде сэр Томсон (Иран).

Итак, вооружённые силы «Кокандской автономии» во главе с Иргашом состояли из 15000 человек, поднявших Ташкентский мятеж в 1919-м. Мятеж жестоко подавили, запугав стар и млад города показательными казнями. Разъярённый Иргаш бежал в Китай, но в Ферганской долине остались сражаться и бесчинствовать более 40 банд. Успешно воевал восьмисотенный отряд под лидерством Мадамина Ахметбекова (Мадамин-бека), державшего «в узде» Туркестанскую мусульманскую белую гвардию, крушившую русские поселения огнём, саблей, «льюисами» и копытами. Он же организовал «Крестьянскую армию» из всех сочувствующих антисоветскому движению.

После образования Ферганского фронта и выезда спецкомиссии Мусульманского бюро Компартии Туркестана, против басмачей бросили 4,5 тысяч штыков и сабель, несколько десятков броневиков и единицы бронепоездов. Председателем Ферганского ревкома и его заместителями были назначены Н. Ходжаев, З. Ильясов (ЧК) и Ф. Тагиров.

Кавалерийский натиск

Зимой 1920 года ленинский Совнарком хитроумно объявил амнистию с известной долей подлого коварства (скрытый расстрел самых гордых воинов Аллаха после сдачи оружия). Крупное лицо в инфраструктуре ОГПУ по борьбе с басмачеством, Скижали Вейс (загранпсевдоним Шмидт), подкупал людей, чтобы те отравляли пищу верхушке иноверцев, и при этом гибли сотни людей от цианистого калия. Лазутчики Вейса приторговывали саморазрывающимися гранатами, подрезали упряжь и подпругу жеребцов, забивали отравленные гвозди в седла мулл, аксакалов и главарей, создавали падёж скотины. Таким образом истребили ядро басмаческого движения...

Повсеместно под «гуманным» красным флагом прошли пропагандистские «милостливые» процессы с привлечением широких масс. Помимо репрессивных мер, помпезно осуществлялась система политических и социально-экономических мероприятий якобы в интересах трудящихся. Увиденное современниками «Белое солнце пустыни» — кинематографический пасквиль; наяву приветствовался наглейший атеизм через наган вкупе с соседским доношением, фольклорно отмеченным в чапушке тех лет:

*Ой, яблочко, куда котишься,
В Губчека попадёшь, не воротись...*

Новая власть, внедряющая земельно-водную реформу и объединяющая в Союз Кошчи (Пахарь), по сути давила на те же рычаги, что и басмачество, широко используя забитость, темноту и повальную неграмотность среднеазиатских народов, подверженных древним суевериям и разлагающему многожёнству с опиумом...

Человек до появления Библии и Корана стремился к новому, особенно при мечтательном мешке обещанных благостей, состоящих из красноречивой пустоты обещающих властей. Химера из химер — «счастье народное» — веками не посещало население держав, империй, королевств, республик, ханств и княжеств, методично прово-

*Выступление М.В. Фрунзе перед ополченцами в Самарканде.
С картины Нагим-бека Нурмухамедова*

дящих кровопролитие языком реформ и оружием захватов. Так, а не иначе, подавлением восстаний, иначе мысля, веры и гражданских свобод азиатского селянина занимались воины Ленина — М. Фрунзе, Я. Рудзутак, Г. Орджоникидзе, А. Корк, В. Куйбышев, Ф. Голощёкин, Ш. Элиава, В. Лазаревич, С. Пугачёв, Н. Какурин, П. Баранов, Г. Бокий, В. Шорин, М. Левандовский, К. Авксентьевский, Ф. Дзержинский, В. Менжинский и многие другие борцы за «счастье» пролетариата.

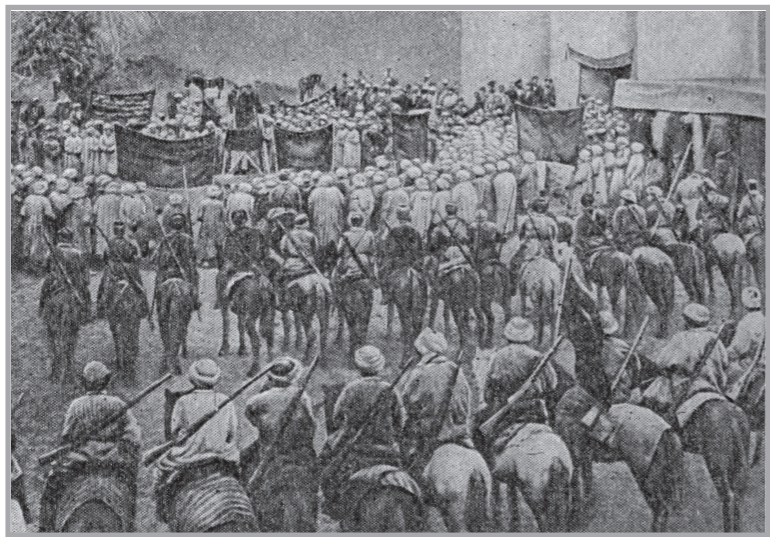
Интересен повтор истории с отрядом Мадамин-бека из 1200 человек, который, как и повстанческая Крестьянская армия Нестора Махно, вводился в состав соввойск, как Тюркская советская бригада. Как видим, Советская власть — бездушно-неживое образование мировых революционеров — манипулировала братоубийством по знаковой притче с погонами «Мы псковские!» (за полчаса рядовой несколько раз менял классово-идеологическую ориентацию, не вылезая из окопа).

Классику вооружённого предательства проявил 23-летний военком Туркестанской республики Константин Осипов — честолюбивый карьерист с замашками Наполеона. Выпускник Ташкентской гимназии, успешно прошедший программу вольноопределяющихся и 4-ю школу прапорщиков в Москве, он был откомандирован в Туркестан в конце 1916-го.

Сметливого и расторопного прапорщика заметили, и хотя ему удалось избежать ужаса Первой мировой войны, после Февральской революции Осипов дослужился до второго адъютанта генерала Полонского, расквартированного со штабом в Фергане (Скобелеве).

Позднее антимонархист, ораторствуя на митингах, избирается членом Совдепа, воевал с белоказаками и отрядами «Кокандской автономии», участвовал в подавлении Туркестанской воен-организации царских офицеров.

Не раздумывая о предложении оппозиции войти в «Совет Пяти», Осипов 18 января 1919 года поднял Ташкентский мятеж, рассчитывая на левых эсеров. По его

Бухара. После свержения эмира

приказу в тот же день арестовали и расстреляли туркестанских комиссаров во главе с председателем ТурЦИКа Войтинцевым...

Увы, эсэры под началом коменданта крепости Ивана Белова, железнодорожники, рабочие и бедняки из крестьян не поддержали авантюрного властолюбца. Несмотря на взятие большей части города к утру, перестрелки с ЧК и милицией, осиповцы стали отесняться силами пролетариата, так и не захватив крепость и железнодорожные мастерские. Осознавая катастрофичность положения, бывший военком, объединивший 600 мятежников, вспомнил о Народном банке. Вскоре броневик и конный отряд подъехали к зданию банка и изъяли 3 млн. руб. николаевскими кредитками, золотые изделия и драгоценности почти на 4 млн. руб., 50 тыс. руб. золотой монетой, тысячи франков, фунтов стерлингов, индийских рупий и бухарских таньга...

В погоню за новым «Али-Бабой» и его разбойниками Реввоенсовет бросил отряд Селиверстова и эскадрон Лая. Под Чимкентом Осипов был встречен в лоб, потерял грузовик, но успел перегрузить золото на лошадей и двинулся на юг, чтобы скрыться в горах.

Атака подоспевших конников Лая частично подавила бегущих мятежников. Изменников нещадно и жестоко рубили, косили из «максимов» и преследовали. Они были измучены погоней, затапывались копытами, обмороживались и умирали от ран, но не сдавались...

Настырный Осипов с невероятным упорством шёл выше и выше в спасительные для него горы, скрашивая часы оставленных в кишлаках пачками банкнот. Теряя людей и лошадей, под Чимганом он снова попал в засаду и семь дней отбивался от горцев и красных. Самовлюблённый несостоявшийся диктатор потерял свыше 500 человек. У него осталась дюжина лошадей и пара пулемётов, сократился боезапас и отсутствовал провиант, однако поклажа грабителей оставалась нетронутой...

Главарь и иже с ним цеплялись за Карабулак с неимоверно фанатичным упорством смертельно раненого зверя, хваткой утопающего, державшегося за соломинку. Град пуль, сабли, лёд и кровь, скалы и невыносимые для этих мест морозы не испугали их. Оставшись почти без патронов, мятежники нашли проводников и скрылись ночью, двигаясь вдоль реки Пскем.

Пулемёты, пистолеты и револьверы 20–30-х годов.

Снежный обвал накрыл осиповцев близ озера Ихначкуль. Засыпало насмерть 65 человек. Здесь их вновь настигли воины Зелетдинова, но на остатке сил и патронов Осипов прорвался к Пскемскому хребту с двадцатью соратниками.

При всей отрицательности руководимой им банды, следует признать, что она совершила беспрецедентный альпинистский подвиг, перевалив в стужу, без снаряжения и достаточного провианта Пскемский и Чаткальский хребты, возвышающиеся на 3,5 и 5 тысяч метров над уровнем моря...

Отогревшись и собравшись с силами в высокогорных кишлаках по ту сторону от преследователей, Осипов спустился в Ферганскую долину, где сошёлся с Мадамин-беком. Будучи главноенсоветником при курбаши, разыскав друзей в Коканде, пожизненный перевёртыш доставал оружие, планировал захват Ферганы.

После разгрома «мадаминцев» неуловимый Константин уходит в Бухару, где был вычислен чекистами. Эмир Сейид Алим-хан, наивно веруя в честность Соввласти, по требованию полпреда РСФСР в Бухаре дал ход очередной погоне. Был арестован ближний круг Осипова, но сам он «пропал без вести» навсегда...

Ходили слухи, что он проживал в Кабуле при дворе также бежавшего бывшего эмира Алим-хана. Его друзья-офицеры, арестованные в Бухаре, были скоропостижно расстреляны сразу после допросов. Возможно, в их показаниях фигурировала высшая власть Турккеспублики, фамилии и деяния «революционеров», занявших в период мятежа выжидательную позицию...

Вопрос с «камушками» и золотом так и остался открытым. Никто не знает, какая пещера, грот или воды стали Сезамом для народной кровушки, переплавленной в золото. Умерли и погибли те, чьи слёзы, жизнь и смерть отразились в холодных драгоценных камнях...

В то же время «Армия Ислама» Курширмата к середине лета 1920 года насчитывала 6,5 тысяч басмачей,

причём их общее, вооружённое до зубов число доходило в Фергане до 30000 человек, что подразумевало возможное объединение сил.

Учитывая широкомасштабную взрывчатость создавшегося положения, ЦК РКП(б) объявляет Ферганский фронт самым опасным в Средней Азии и направляет в Алайскую долину Сводную конную группу под командованием Э.Ф. Кужело, вскоре нанёсшую ряд поражений басмачам. К апрелю основные,наиболее организованные банды были разгромлены не без помощи добровольцев, вступивших в Туркестанские дивизии и конные бригады. Населению опостылела война, нужно было пахать, сеять, жать, рожать и воспитывать детей, выращивать племенных рысаков и собирать хлопок, укреплять жилища, дамбы и плотины на горных ручьях и речках, заново возводить разрушенное.

Перейдя к тактике налётов и диверсий, разрозненные отряды готовились к новым сечам за родную землю. Курширмат и Муэтдин-бек начали переговоры с целью выиграть время — не хватало людей и оружия. Вскоре, потерпев ряд поражений в кровопролитных боях, Курширмат ушёл в Афганистан. Сменивший его Муэтдин-бек боролся до ноября 1922-го — к тому времени Красная Армия ликвидировала 119 банд из 200 (4000 человек). Счастливицы, из числа выживших и покалеченных, скрылись в горах, злобно вынашивая новые реваншистские планы. По их замыслам, сотней «маузеров» дилемма не решалась...

У одарённого стратега, неуловимого Джунаид-хана стояли под ружьём 10000 обстрелянных джигитов и не меньшее число скакунов, как и у всего басмачества имелось первоклассное английское оружие. Потеряв резиденцию, Бедиркент, блуждая с единомышленниками по пескам Каракумов, он не растерял связей с эсерами, эмиссарами генерала У. Маллесона, белогвардейцами «Закаспийского правительства» и туркменскими националистами Красноводска, Асхабада, Мерва и Хорезма. Через три года он мстил

за «дервишеские» мытарства, осадил Хиву, Ново-Ургенч, захватил Хазарасп. В тяжёлых битвах в течение пяти лет Джунаид-хан понёс огромные потери, но с 1924 по 1927 год терроризировал опалённую не зноем, а огнём Туркмению. Крепко поддержанный Великобританией, для которой одной Саудовской Аравии и Индии с океанскими колониями было мало, фанатично настроенный Джунаид вновь скрылся в Каракумах, думая поднять народ на восстание. Жестокость, проводимая не только им с родным населением, элементы бандитизма, мародёрства и глумления закономерны привели хана к отчуждению его помыслов от унижаемого бандами народа. В 1927-м его «акбарцы» были ликвидированы, а сам «вождь» с великим трудом вырвался за границу с немногочисленной свитой.

Энвер-паша, взявший «уздечку» правления у Курширмата, был жжёным воякой, генералом турецкой армии. В 1903 году окончил Академию Генштаба в Стамбуле. Отличился, будучи идеологом панисламизма и пантюркизма в среде младотурок. Являлся лидером триумвирата Энвер — Талаат — Джемаль, сосредоточившего всю власть в Турции под эгидой партии «Единение и прогресс». Командовал потомками османов-янычар в Первой мировой войне и возглавлял интервенцию в Закавказье. После разгрома войск эмигрировал в Германию, где был завербован английской разведкой, а затем пытался свергнуть правительство Кемаля Ататюрка на бывшей родине. В 1921-м прибыл в Туркестан как сторонник Советов, организовал «Комитет национального объединения», сплотившего буржуазию, духовенство, беков и басмачей. После неудачного штурма Бухары Энвер осел со штабом в Таджикистане, откуда осуществлял беспримерные рейды по тылам, флангам и фронту красного противника, не боясь аэропланов.

Армия пролетариев следовала за ним по пятам, но он оставался неуязвимым, завоевал поддержку и уважение определённой части населения. Жара убивала русских при постоянной нехватке воды (многие колодцы

были отравлены, а скрытые не знали даже проводники, кстати, нередко те же басмачи). В затяжных маршах и после длительных погонь по долинам и ущельям не доставало провианта и лошадей, как и фуража для них. Красноармейцы, не привыкшие к такому климату, гибли как мухи. Дивизия, поражённая дизентерией и малярией, деградировала и сокращалась с каждым днём, даже часом...

Постановлением Всеузбекского курултая было решено найти и уничтожить Энвера, хотя, по правде, люд Восточной Бухары люто ненавидел пришельцев-русских и не раз выручал пашу.

Смертельно рискованное задание возложили на опытного, молодого чекиста Георгия Агабекова, принявшего приглашение начальника Разведупра Туркестанского фронта Ипполитова. После удачной операции с невестой адъютанта военминистра при Совете народных назиров Бухары Софией Кацман, провалившей всю агентуру из-за неуёмной алчности, тов. Азадов (он же Агабеков) под именем купца Расулова выехал из Ташкента в город Карши с разведчиком Осиповым.

В Среднюю Азию пришла новая жизнь...

Не доехав до станции назначения, они вышли, и, двигаясь пешком, познакомились с возницей-красноармейцем, ехавшим в местечко Гузар. Городишко был в развалинах, с маленьким базаром. Многие дома оказались покинутыми, а госпитали были переполнены больными тропической лихорадкой...

Играя роль торговцев, чекисты вышли на узбека Абдурахман-бая, знавшего старого и авторитетного купца Рахматуллу, брата аксакала Джума-бая. Последнему было известно всё происходящее в районе Деннау и Юрчи. Там собиралось много басмачей, и Агабеков через Абдурахмана попытался заручиться покровительством Джума-бая для успешной и крупной торговли. Рахматуллабай, внимательно слушая собеседников, невозмутимо перекидывал чётки, с прищуром мудрых глаз прихлёбывал зелёный чай и изредка покачивал головой. Наконец, он позвал мирзу (писца) и продиктовал письмо брату.

*Всё впереди — Турксиб, ГУЛАГ, Великая Отечественная
и... независимость*

По пути в Деннау Агабеков завербовал возницу-посредника, пообещав большие деньги и неприкосновенность, если он сможет установить логово Энвер-паши.

Абдурахман-бай, отец троих детей, невзлюбил турок за то, что они принесли войну в эти края, и, конечно же, во многом ошибался, но поверил Григорию, дав понять, что поможет.

В Деннау стояли эскадрон кавалерии и рота пехоты РККА. Агабеков и Осипов посетили начгарнизона и уведомили его о секретной миссии, показав мандат, подписанный членом Реввоенсовета Туркфронта Ворониным и начразведупра Ипполитовым. К вечеру они получили письмо от Джума-бая, а Абдурахман выяснил, где расположен штаб Энвер-паши. Ночью с товаром тронули арбу к басмачам...

«Салам алейкум» не всегда означает добро и приветствие — ждали долго. По разговору телохранителя, свирепого вида басмача со шрамом на щеке, Энвер-паша отослал послов к афганцам и англичанам, планируя продолжить захваты, как это было с Душанбе в начале 1922 года. Кишлак жил своей полувоенной жизнью. Отовсюду, несмотря на поздний час, слышались оружейно-кавалерийское бряцанье, ржанье лошадей и лай собак. Битые в схватках басмачи роптали, чувствуя, что круг сжимается, что западня, ранения, смерть и суд для каждого из них неминуемы. В чайхане шла оживлённая беседа об ошибках и предстоящих сражениях, о том, что оружие англичан может «застрять» в Индии. Кто-то обмолвился о трёхнедельном бивуаке...

В ту душную ночь Агабеков не спал, думая, как предупредить своих. Под утро он отослал Осипова в Деннау под предлогом привести новую партию товара. Через четыре дня все товары были распроданы, и Георгий однажды увидел Энвер-пашу у глиняного домика, ставшего его штабом. Аккуратно выбритый, среднего роста, в форме турецкого офицера, он носил белую чалму вместо фуражки. С задумчивым выражением красивого лица,

он теребил приподнятые кверху усы. Очевидно, его что-то давно беспокоило: возможно, создание единого мусульманского государства...

Ближе к ночи прибыл Осипов и доложил, что в Деннау вошёл дивизион. Через час «спекулянты» бежали, а потом повстречались с кавалеристами и подробно объяснили увиденное начальнику и комиссару дивизиона.

Четвёртого августа 1922 года произошла смертельная схватка. Басмачи были начеку, но численное превосходство дивизиона и большее число «максимов», открывших кинжально-перекрёстный огонь, сломало их, и они отступили. Приказав держаться, Энвер-паша решил со штабом из 30 человек уйти в горы и поскакал в противоположном от боя направлении. Он допустил роковую ошибку, наткнувшись на эскадрон, был окружён и брошен в рукопашную.

Бойцы не знали кто перед ними — весь штаб «главы всемирного халифата» изрубили пашками, и спаслись только двое. После боя опознали Энвер-пашу, обезглавленного, со срезанной частью плеча. Рядом с ним лежал Коран. Наверное, в последний миг он звал на помощь Аллаха. Священную книгу отослали в Ташкентское ОГПУ и приложили к делу о бывшем военном министре Турции, мечтавшем использовать российский переворот во благо зелёного знамени Ислама.

Его поднимет соотечественник, офицер турецкой армии и английский агент Салим-паша, по рождению Ходжа Салим-бей. В союзе с Ибрагим-беком в марте 1923 года они рискнули захватить Восточную Бухару, но были разбиты красными. При этом у них осталось 15000 человек, рассредоточенных в районах Дарваза и Каратегина (отряд Фузал-Максума), а также в верховьях реки Зеравшан (Салим-паша) и Гиссарской долине (Ибрагим-бек).

* * *

Война, трудная и длительная борьба с басмачеством номинально окончилась в середине 30-х годов, и её отго-

лоски при объективной фокусировке зрения исследователей, видны и сегодня.

Георгий Сергеевич Агабеков, участник многих операций советской разведки за рубежом, после сталинско-троцкистского раскола в партии разочаровался в истинности революционных нововведений и в 1930 году самовольно ушёл на Запад, где создал выдающееся свидетельство-разоблачение деятельности ОГПУ- НКВД — «Записки разведчика». Он выбросил свой пистолет с борта парохода «Тадла», шедшего из Стамбула в Марсель 19 июня, в четверг. Бессмертными окажутся его строки: «Ежегодно советское правительство отпускает для шпионажа в иностранных государствах только в руки ОГПУ около трёх миллионов долларов, которые добываются от продажи на зарубежных рынках продуктов питания, вырванных изо рта голодного рабочего и крестьянина.

Но доллары, жесточайшим образом выколачиваемые из народа, текут не только в руки ОГПУ. Несмотря на официальные заверения советского правительства о полной его непричастности к делам Коминтерна, читатель видит, что фактически Нарком-индел и Разведупр работают вместе для общей цели и на одного хозяина — имя которому: Политбюро Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии, или Сталин».

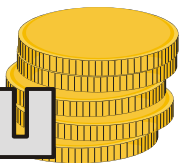
Спустя семь лет бесстрашного изобличителя системы кремлёвской власти убьют агенты НКВД, о коварстве и подлости которого он предупреждал, когда диктатура была в зародыше...

Он — Георгий Агабеков — оказался провидцем: миллионы детей среднеазиатских народов, как и умиротворённые басмачи, пали жертвой вооружённого противостояния между фашизмом и коммунизмом от Москвы до Берлина...

*Январь 2003 г.
Орёл — Москва — Орёл,
«Путевые заметки».*

Не могу молчать!

МОНЕТИЗАЦИЯ ДУШ

Капиталистический уклад общества, накрывший Россию, словно «цунами» экономическо-рыночных преобразований, очередной раз подтвердил людское хищничество, действующее методом естественного отбора.

Но, если естественный отбор ассоциируется с краткостью и «болячками» человеческой жизни, с внешними факторами и политикой государства, то неестественный отбор отдаёт откровенным провокаторством и предательством своих своими же...

Мудрость — «Свои опасней врага» — раскрывает не только русскую пантомимность и коварство, но и урезонивает «обрусевших» паспортистов, выведших за пределы лица личности графу «национальность». Ряд принятых законов последнего десятилетия, как и само поведение и точка зрения «народных избранников», обнажили донельзя виток узурпаторства и инквизиции под личиной «цивилизованной демократии». Откуда же сие паразитство и бездушие прилетели на нашу Землю? Почему «перевёрточность» и «перекрашивание» стали модными и отчего повсеместно царит полнейшая безответственность власть придержащих перед родным народом???

Люди, родившиеся на одной земле, воспитанные общими канонами, войной, репрессиями, голодом, послевоенным строительством и целиной, проявляют подсудную изобретательность, не давая дожить спокойно тем, кто заслужил Эльдorado своими ратными и трудовыми подвигами.

Конечно, одиноким старикам из глубинки монетизация греет стол, руки и душу. Многие пенсионеры и ветераны уважают президента, потому что «раньше было ху-

жей». А что делать тем, кому жизненно необходимо передвигаться в больницы райцентров еженедельно? Как поднимать землю и сады дачникам, на чём ехать на рыбалку малоимущим? И так разорвали родню во всех направлениях, душат ценами за проезд и ростом почтово-телефонных услуг — где же стыд перед отцами и матерями? Или повзрослевшие дети из инопланетной «капусты» вышли? Каким эпитетом можно окрестить тех, кто отбирает жалкую подачку государства, и реально ли вообще для этих нелюдей — крестное знамение?!

Категория приспособленцев, катающаяся на седине, терпении и кроткости предков, рановато подзабыла, КОМУ ОБЯЗАНА жизнью и свободой. Диктаторский новогодний удар, спланированный и введённый тихой сапой («Авось, проскочим!»), символизирует и изобличает того, кто не достоин приближаться к законодательству даже на десять миль...

«Январско-февральские льготные бунты» останутся в истории Отечества синонимом предательства сограждан избранными ими же лжепатриотами. Весь положительный задел В.В. Путина в одночасье забыт. Думается, если бы не начало года и финансово-организационная подоплёка жёстко-карательных мер, он распустил бы кабинет министров и прочих «изгадников»...

Судьба людей, транспортных артерий и подвижного состава общественного транспорта действительно тяжела, но не настолько, чтобы санкционировать гражданско-социальный кризис, революционную ситуацию или возможность использования людских ресурсов в политическо-корыстных целях.

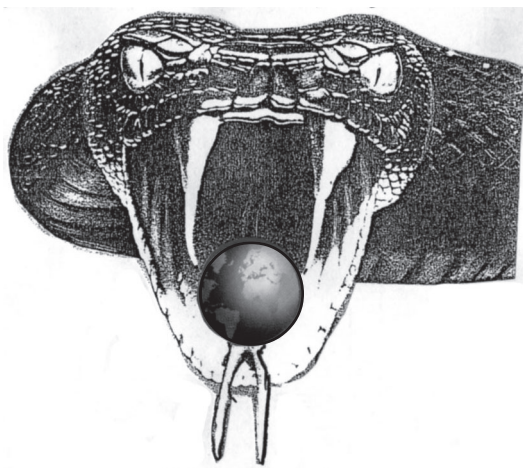
Меры, принятые самоуправленцами регионов, доказали, что местная власть более внимательна и уважительна к соотечественникам. Однако общая горькая обида и сверхэмоциональное возмущение остались затаены, а общее лицо правительства для многих ненавистно, несмотря на «антибунты» в поддержку монетизированных реформ...

Единение общества, провозглашённое разобчителями единения, их метания и вальсирование от страха перед отставкой и роспуском, показали интриганство, подхалимаж, нездоровую кулуарность и флюгерманство «сверхзабоченных» кремлёвско-думских фарисеев.

Не пора ли нашему издёрганному в быту населению более серьёзно относиться к выборам, дабы потом не кричать о вотуме недоверия и не радовать себя и детей полгрошовой медью?

Неужели и сегодня желудок и матблага перетягивают сердце и разум на весах жесточайшего противостояния Добра и Зла???

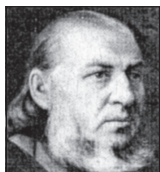
*Январь — февраль 2005 г.,
Орёл — командировки по ЦФО РФ,
«По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).*

В ОТВЕТЕ КАЖДЫЙ ЗА ПЛАНЕТУ

Всесильно исчадие Зла,
Его б уничтожить быстрее.
Земля, хоть не очень светла,
Была бы намного светлее!

НАЕДИНЕ С ПРИРОДОЙ

(1791–1859)

Природа вступит в вечные права свои, вы услышите её голос, заглушённый на время суетнѣй, хлопотнѣй, смехом, криком и всею пошлостью человеческой речи! Вместе с благовонным, свободным освежительным воздухом вдохнёте в себя безмятежность мысли, кротость, чувства, снисхождение к другим и даже к самому себе.

С.Т. АКСАКОВ

(1844–1898)

Вредны всегда – весной и зимою только истребительные способы лова, когда рыба вылавливается начисто – взрослая вместе с мелочью, когда более или менее значительная часть рыбы погибает зря, например, при багренье или ловле самодёром на голые крючки, при бое острогой, когда, наконец, рыбе, идущей на место нереста, преграждается ход заплётами – язами и она вылавливается целиком.

Л.П. САБАНЕЕВ

(1860–1904)

Ловить рыбу удочкой так приятно, что и выразить не могу.

А.П. ЧЕХОВ

Удочка
уморилась

Перволёдые. Дневной улов на «флажки»!

Рыбки
захотелось...

НЕ ГАСИТЕ ЗАРНИЦ СЧАСТЬЯ!

Рождение данной статьи назревало в ходе тысяч командировок по Орловщине и граничащим с нею областям. Огромное количество встреч с местными жителями и гостями наших плодородных, частично заброшенных земель позволяет автору заключить: рыбоохрана Орловской области, несмотря на тревожные сигналы граждан, не имеет никакого представления об истинном положении рыбопресноводного угодья в границах своей юрисдикции или же в курсе злодеяний, но предпочитает брать пример с рыбы – молчать.

РЫБОБИТЬЕ В ЗАКОНЕ

*Эх, хвост, чешуя,
Не поймал я ничего!*

Вилли Токарев.

* * *

*Ока... Ока...
Красивая река!*

*Мне тяжело, что с ней
сегодня стало.*

*Я верю, что очистят берега
Сестрицы Волги,
Каспия начало.*

Между тем сложившаяся обстановка близка к понятию катастрофа в прямом смысле. Парадокс явления характеризуется полной безотчётностью (а значит, и безответственностью) рыбоохраны перед народом в виде упорного замалчивания сведений о рейдах, контрольных отловах, конфискации незаконных снастей, о

фактах рукотворного и механизированного разрыва плотин маловодных речушек и прудов, а также о тех обстоятельствах кощунства над природой, когда она преступно билась электротоком, наконец, о привлечении к административной и уголовной ответственности шикующих «джентльменов удачи».

По поручению любительского, исконно русского чистого рыболовецкого племени, для которого время, проведённое на берегу, не измеряется нормой улова (главное – поклёвка!), мы вынуждены разрушить миф о благосостоянии рыбных запасов нашей малой Родины. Вот вам, господа и дамы, факты, собранные автором за летний и зимний сезон любительского рыболовства. Осетрина и караси в сметане, предупреждаем вас сразу и честно, – с сильным душком...

Орловский район

Заливные карьеры в Стальном Коне и в Вязках – многолетний замор, электрودочки, падение уровня воды;

пруды в д. Куликовке, Молчановке, Пилатовке, Сундучках, Становом Колодезе, Любаново, у дачных участков Андриабуж, Светлая жизнь, на Знаменке и в ведении Орловской птицефабрики – электроток, сети, подводная стрельба, отравление растительными прикормками в зимний период, падение уровня воды;

пруд в д. Карпово, заливные карьеры близ д. Кузнецы, пруд влево от п. Салтыки – битъё нерестящихся рыб острогой, обезвоживание до грунта, сети и отравление отходами животноводческих ферм, установка свыше 100 «флажков» на щуку в зимнее время, причём на щучку не более 800 граммов;

два песчаных карьера неподалёку от Шаховского рыбопитомника – электроток и вывоз рыбы на продажу, варварское захламление берегов, отравление растительной прикормкой и превышение норм установки зимних жерлиц (до 100 штук на двух любителей-хищников при положенных 10 штуках на душу);

Лавровское озеро, охраняемые частными предпринимателями – рыбододами водоёмы в с. Звягинки, в д. Козлы, Альшанские Выселки — царство мусора, коррупционный вылов и реализация рыбы, хамство рыболовов-любителей, порча малька карповых пород и нежелание помочь труженикам водоёмов в период угрозы замора;

Мезенские пруды — аналогичные нарушения, полное неуважение к природе от замораживания мальков у лунок до гор мусора по периметру зеркал, пропажа рыбы, спуск нижнего по р. Мезенке водоёма с неизвестной реализацией тонн карпа, щуки, окуня, плотвы под прикрытием строительства суперводохранилища;

там же, заливной карьер ниже по течению р. Оки (по левому берегу у дачных участков) – ток, сети, ловля бреднем на нересте;

пруд в с. Путимец – неоднократный спуск для вылова толстолобика без согласования с руководством хозяйства, электрودочки, частичный замор от малого уровня воды:

каскад прудов, созданных патриотами в КСП «Россия» (д. Калинино) – электроток, сети и «экраны», багрение на нересте, промысловое количество «кружков» и зимних жерлиц;

Щурёнок из-под коряг...

Ока подарила шестикилограммового хищника, помог взять на подсак!

Счастье – когда загорается «флажок»!

Полчаса борьбы под водой и «Зушинская торпеда» в руках...

пруды в районе п. Киреевка, института зернобобовых культур, в д. Борзёново и п. Зелёный и далее по автотрассе Орёл—Знаменское— необъяснимая пропажа окуня, водившегося почти во всех прудах в огромном количестве, электроток и сети.

Далее продолжать невозможно, хотя и необходимо, ибо поднятый вопрос-проблема – захватывающий сюжет для фундаментальной книги. Лентяй школяр, ещё не умеющий привязывать крючок, и то понимает, что если такая удручающая обстановка сложилась в Орловском районе вокруг облцентра, то говорить об удалённых водоёмах и рынках области не приходится — всё, что происходит на них, подчёркиваю, НЕПОДКОНТРОЛЬНО. Ссылки на слабость матбазы и отсутствие ассигнований из бюджета несостоятельны и неприемлемы, поскольку аналогичные преступные ситуации при вопиющей халатности контролирующих органов прогрессируют на реках Оке, Орлике, Рыбнице, Цне, Кроме, Ракитине, Голубице, Сосне, Неручи (особо на водохранилище от с. Васильевки до д. Куракино), на Трудах, Нугре, Свапе, во всех притоках и ручьях Каспийско-Черноморского водораздела.

Пруды всех районов, как и районов соседних областей, стонут, беззвучно крича: «Спасите от браконьерства!» Славные рыбопитомники — Макеево, Крупышино, охранный Полесья — при всей улыбочности потёмкинщины, заседательского словоблудия и фотографической ле-

Бобры наступают...

Любимые места на Оке. Берегись, леб!

сти не в состоянии срочно увеличить рыбные богатства Орловщины из-за нашествия рыбоварваров, продающих уловы на месте, за границами области и вплоть до ресторанов Санкт-Петербурга и Москвы.

Молчание продолжается, люди, занимающие ответственные посты, стареют и ленятся. Молодые держат «нос в русле», а между тем у нас начинается популяция диких зверей – тоже документальный роман-детектив под названием «Тайная охота без страха». Правда, трудно сказать, не рассыпят ли произведение при наборе в бесцензурное время, как и брошюрку под условным заглавием «Рыболовецкая козаностра» с подзаголовком «Два хвоста – бакс!»...

Добрые люди — областные флагманы, зная о творящемся беззаконии, не способны справиться с хищническим вирусом даже при бригаде из 200 человек.

Нужна глобальная, всероссийская природоведческая реформа либо возврат к диктату Петра I, справедливо приказавшего заковывать воров и разгильдяев в цепи, замки, хомуты, а затем отправившего их скитаться под пинками и плевками народа. Многолетний позор роду – это ли не наказание страшнее смертной казни, о возвращении которой не раз повторялся А.И. Солженицын?

Однако ни реформа, ни кнут и пряник, ни смертная казнь и зрелища не помогут восстановлению природных богатств России, выкачиваемых чуждой нам нацией и потакающей ей родной, если мы сами – жители Великой Руси – не поймём важность настоящего, кующего наше будущее.

Когда мы все вместе прозреем, нам будет не нужен рыбнадзор или какой другой цензор-трезор – переводилки нормативных актов со времён Брежнева.

Паря пшеницу, копая червей, замешивая тесто, прочищая ружьё, любя жён и детей, настоящие мужчины, не забывайте, что мы – старшие и разумные товарищи братьев наших меньших, олицетворяющихся не только кошками, лошадьми и собаками.

*«По ухабам Отечества» («Путевые заметки»),
командировки по 23 районам Орловской области.*

Щ У К А Р Ь

Быль

Много раз я встречался с ним в верховьях Цона и Орлика. Одинокий, угрюмый и молчаливый, он всегда занимался, по моему разумению, дурью – таскал пескариков, клинков и сорочек и бросал их в небольшое ведёрко. Побудет – помаячит так час – полтора, глянешь в его сторону – а он растворился в тумане...

Такое повторялось неоднократно. Я тогда был в рыбалке дилетантом. Завораживал сам процесс ужения, а не добыча. Да и рыбки на Орловщине в начале карьеры Брежнева было, скажу, побольше. Дай, думаю, вместе с мужичком его тропами пройду. Смекну, что к чему.

В этот раз он пришёл под Знаменский винзавод в болотниках, с большим треугольным самодельным подсачком размахом полтора метра и жестяной пескарницей. При попытках заговорить с ним я неожиданно уяснил, что рыбачок по натуре добрый, но... глухонемой. Языком жестов показываю ему: «Я, мол, хочу половить вместе. Ты не против?» Показывая на пескарницу, он два раза махнул ладонями от себя, сжимая их в кулаки. Видимо, так он обозначил количество нужных ему живцов...

Решил помочь ему, благо тоже был в болотниках. Хотя один из них здорово подтекал, в азарте загона «малышей» из-под камней как-то не заметил, как быстро мы наловили уклеек, голавликов, клинков и пескариков. На мыс у затона вышли с бельём женщины. Старшая из них с ходу прокричала дежурный приказ-напутствие: «Убирайтесь прочь! Не мутите воду, бездельники!»

Глухонемой, махнув рукой, стал собирать подсачек, и, указав на мои снасти, жестом подмотки катушки предложил собираться.

Утро было холодным и пасмурным – приближался ноябрь. Мы неспеша двигались к устью Цона, где он впадает в Оку. Это сейчас его намыло-запесочило по колено.

Раньше глубина по скату с Окой была полтора, а то и два метра. Тяга шла сильнее правым берегом, но с левого – она была более спокойна и позволяла ловить слабой проводкой вдоль прибрежной осоки.

Не было тогда японских спиннингов и «телескопов», как не было зарубежных лесок, крючков, поплавков и безынерционных катушек, мультипликаторов и «вибровостов». «Невская» и та была уникальностью. Удилища у большинства представляли бамбуковые трёх-двух-коленки с индивидуальными доработками. Грузила отливали сами, пропускные кольца крутили сами, поплавки – гусиное перо, а посередине пробка из-под сухого вина...

Пока расчехлялся, Молчун, как окрестил я своего напарника внутренне, сделал первый заброс. Налаживаю снасть, а сам нет-нет, гляну на его по плавок, танцующий на поднявшейся волне из-за подводных метаний пескаря.

Он исчез так внезапно, что от неожиданности я вскрикнул, но Молчун был зорек и уже радостно мычал, орудуя удилищем и трескающей на тормозе катушкой.

– М-м-м! – кричал он мне, правой рукой указывая на подсачек. Я подбежал и с шумом залетел в воду. Молчун боролся с рыбой – невидимым великаном, упорно не идущим к поверхности навстречу котелку или сковороде. Ещё пара минут – и я увидел жёлто-пятнистую «барракуду», плывшую боком и под углом прямо на меня. Взмах подсачеком, и...м и м о! Сделав переворот, щука стремительно рванулась к руслу, обдав меня ледяными брызгами...

– Б-б-б! Тв-т-м-м-м! – шипел Молчун, трясущимися руками стравливая звенящую жилку...

Со второго захода желанный трофей барахтался в подсачеке в кустах ивняка на берегу. Жадно хватая челюстью воздух, хищница замерла, но через секунду начала бесноваться. Обваливаясь в песке и опавшей листве, она сжала челюсти на сетке подсачека и доставила нам немало хлопот, прежде чем мы сняли её с помощью экстрактора.

Покрасневший от переживательной борьбы, глухонемой смолил «Беломор» за «Беломором». В его глазах искрились невообразимое счастье охотника и профессиональная радость щукаря, которые он, к сожалению, не мог выразить словами. Он кричал и приседал, хлопал в ладоши и по животу, брался за сердце, показывая мне кистью — п я т ь...

А щука и вправду была хороша, и тянула на все шесть килограммов. Немного отойдя, Молчун положил её в рюкзак и смотал снасти. Подвернув болотники и раскланявшись, он подростковым бегом вприпрыжку засеменил домой, спеша обрадовать родню.

На оставленных им пескаря и голавлика я поймал «карандашика» с полкило, и, к своему удивлению, килограммового жереха.

Возвращаясь домой, отчего-то вспомнилась старуха, полоскавшая бельё на утренней реке.

Хорошо, что глухонемой не слышал, что мы — «тунелдцы»...

*Октябрь 2001 г.,
Орёл — Большая Гать — Орёл*

ПО ДОЛГОЙ ОТТЕПЕЛИ

Быль

Погода этот сезон не баловала любителей подлёдного ужения. Морозных, солнечно-ясных дней было совсем мало, что неминуемо отразилось на структуре областного льда — зеркале прудов, озёр, рек и водохранилищ.

Весна нынче скорая, дружная и напористая. Видно, природа спешит избавиться от зимнего покрывала, предоставляя добрые шансы постоянно унижаемому российскому крестьянству...

В некоторых районах Орловщины уже началась рыбалка по открытой воде, которая за последние мартовские дни

заметно посветлела. А мне, будучи в командировках, хоть и при себе снасти, да никак не довелось достать их из багажника – времени в ходе встреч с людьми катастрофически не хватает...

Наступившие после выборов выходные приняли эстафету затяжной оттепели от минувшей недели. Наскоро собравшись, решил провести глубокий карасиный пруд в Залегощенском районе.

Я намеренно не обозначаю водоём топографически, поскольку иногда прекрасные места попадают в злые руки. Отмечу, что старый пруд не срывало с времён Великой Отечественной, и рыбы – карася и карпа – в нём пропасть. Глубина затопленного глиняного оврага доходит местами до 4,5 метров. Давно открыл мне сие «эльдо-радо» местный старик, повстречавшийся лет двадцать назад по грибной поре.

«Иди, – говорит, – на посадку. От посадки свернёшь на более молодую посадку. А там, по тропке вдоль неё, спустишься к лозняку. Увидишь насыпь. За ней Алёшкинский прудишко. Стар я, далеко топать. Бабка, вишь, моя, рыбку не ценит, больше грибки солёные любит. А раньше...

Спустя два-три года побывал я на том водоёме проездом перед ледоставом. Брал мерный фунтовый карась, причём на всё...

И вот сегодня, затяжной мартовской оттепелью, мы вместе с сыном хлюпаем сапогами по обильному весеннему месиву. Подъезда к карасиному пруду нет – бросили машину на крайнем доме у Марии Стефановны, предварительно угостив её парой свежих буханок хлеба. Одинокая, она, как девчонка, радовалась живому общению, и подолгу не отпускала нас, расспрашивая обо всём – радио и телевизора у неё не было. От неё шли пешочком – не менее двух километров с гаком.

Вышли на водоём с трудом. Берега крутые, глинистые. У побережья – воды по колено. Она блестела неровной плёнкой по всему пруду, напоминая о ночном про-

ливном дожде. Если бы не болотники – прощай, рыбалка! Лёд ведь последний – два-три дня и растаял, или осел на дно.

Просверлили 10–12 лунок ближе к середине, как бы буквой «Г» дублируя конфигурацию залива у плотины. Ходим час – ни поклёвки, никакого движения, словно в ванне. Обхаживаем лунки во второй раз сверлим новые – та же безмолвная идиллия...

От тяжкого бурения (лёд набух и зажимал ножи ледобура) Сергей разделся, сел на фуфайку и закурил. Молчит – думает, рыбы нету или током побили. Не только мы встречались с истреблёнными водоёмами.

Была у меня пшёнka со жмыхом – брал на прикорм на всякий случай. Прошёл, подсыпал в пять средних по глубине лунок, и позвал сына обедать.

Почаёвничали, вспомнили удачные рыбалки и курёзы. Потом – замесили «монастырку» – манную болтушку для ловли карася по открытой воде. Сын говорит: «Дурь!» По зиме не пойдёт! – снова пошёл по лункам с мотылём. А ещё вермишельку заграничную с собой прихватил – вдруг обману привереду?

В первой же лунке – поклёвка на манку и... сход! Стал двигаться ближе к центру пруда. Сначала – ноль, а затем три карася подряд граммов по 250–300.

Серёга подбежал: – Дай-ка маночки! Что потом началось – как в сказке – пером не опишешь...

Карась брал на лежащую на дне мормышку с манкой и вермишелью, а мотыля не хотел ни в какую! Солнце, багровея, уже склонялось к закату. Оставалось ловить часа два. Но мы, наверное, остались бы ловить и ночью при луне, если бы ночной клёв карася со льда был бы возможен...

Нас посетило натуральное рыбацкое счастье в образе активизации серебрянного чуда – великолепного и шустрого карася, осветившего наши лунки. Почему он брал растительные, летние насадки, игнорируя мотыль – загадка природы. Зато целый месяц в ванне плавали, радуя глаз, 48 красавцев и один 600-граммовый карпёнок.

Они и сейчас живут в городской квартире, конечно, не понимая, куда же «девался» их «обожаемый ил». Им предстоит превратиться в сладкое жаркое или икряную таранку. И долго ещё семья и порядочные друзья будут благодарить Госпожу-удачу в облике длительной мартовской оттепели...

22 марта 2004 г.,

г. Орёл – Залегощенский район, «Путевые заметки».

БОЦМАНЮГА

Лагерная быль

Тяжёлая масса серых скомканных облаков медленно ползла к розовеющему горизонту. Необычно тёплый апрель, рано обнажив землю, оставался беззвучным – летучие певчие весны были ещё в пути. По ухабам подсыхающего придорожья кое-где проклюнулись первые головки одуванчиков, шагнувшие навстречу свежести из тисков пыльного плена. Поалевшие к закату берёзы отволгли корнями, радуясь новому году жизни. Взъерошившись почками, они, наверное, думали, кому из достойных дарить свой древесный сок. Просветлялась чернота далей...

По залитому разливом лугу едет в брызгах бывалый ход, громыхая пустыми продуктовыми термосами. Кругом впокат – ни души, лишь отрок удит мелочёвку в бучиле, считая рыбью жарёнку взрослым делом. Слегка туманятся ракиты, молчаливо прислушиваясь к перекату.

Немолодой тёмно-коричневый мускулистый владимирский тяжеловоз понуро влачет судьбу, изучив окрестности с жеребятства. В потёртой фуфайке крепкий издали мужик правит одной рукой, левой придерживая карабин. Аккуратно форсировав заезженную брусчатку брода у разрушенной мельницы, человек и лошадь двигались в сторону обезглавленной церкви и попали под остервенелое нападение своры местных собак. Тоскливое и почер-

невшее от невзгод лицо возницы осветилось яростью революционного пролетария.

– А ну, цыц, щенки оголтелые! Осуждённых соседей не признаёте? Токмо мосолыжку с хрящом вам дай, – привычно забурчал ездок, огревая ивовым прутом самого наглющего кобеля. – У меня, племя ваше нервозное, ужин зоны на срыве стоит. Припоздал с Боцманюгой отовариться, по распутице ось погнул! Жизнь неладная, подрасстрельная...

Почуяв близость колхозной столовой, возле которой всегда был стожок свежего сена, вспотевший Боцман прибавил шаг, предвкушая сладость ночлега. Он ходил или бежал рысцой этим маршрутом редко. Обычно копытил землюшку до товарной станции и обратно – числился главной машиной хозроты ИТК. Грузили его трепетно жалеючи – больше лошадок на двадцать вёрст не было...

Солнце, тускнея, ушло в пространство западного полушария, чтобы освещать и отогревать Новый Свет. Легко морозило в ночь. Деревня, финаля извечные вечерние хлопоты, укладывалась в беспокойную дрёму, не в силах превозмочь усталость неизвестности завтрашнего дня. Гоготало, хрюкало, мяукало и мычало подворье, лаская подъезжающих напевами вечности. После схода облачности зарождалась грустно-бледнолицая луна, оттеняя плетни и межи насильственно раскулаченных переселенцев. Собачий табор поутих, жалея глотки и прыть до следующих пеших и проезжих, разучившихся улыбаться, радоваться инстинктам, престольным праздникам и гармонии...

В глинобитной столовке под сопревшей соломой вместо крыши горело слабым огоньком керосинки маленькое окошко, в котором то и дело мелькали озабоченные тени. Похрустывая копытами на угольном шлаке и ошмётках лесозаготовок, Боцман, скрипя оглоблями и выработанными рассохшимися ободами, уверенно протопал во двор, несмотря на крутой и скользкий подъём.

Переутомившиеся стряпухи наотрез отказались понимать мужика – «Мы есть колхоз, а не зона!» Развернулся мытарь к председателю – три двора от столовой. Тот не

спал. Готовил бумаги на получение запчастей для МТС, внимательно изучал бухгалтерию.

Размокая сон стопками своей, молча выслушал гостя. Под честное слово с распиской на двое суток – помог, поверил, подписал.

Прижали Боцманюгу к земле горячим горохом без мяса, мукой, да бочкой задохнувшейся селёдки. Укрепили стратегическую поклажу бечёвкой. «Интендант» убивался вслух из-за слабости тылов недавно переселившегося клетчатого учреждения. И война обошла стороной, если бы вернулись призванные всеобщей мобилизацией. А так – ждали, в ком ожидание теплилось. Здесь сухих пайков отродясь не выдали...

Обратное подобие дороги шло краем Туманного леса, дурно известного гиблым местом окрестных сказаний ещё при Романовых.

На рассвете ободранный, кровоточащий ногами Боцман с изорванной дремучестью мордой, грязный на левый бок, в колючках и репьях, исполнил долг, выйдя с провизией к недавно построенным баракам. Его хозяин исчез вместе с карабином и дорожной документацией.

Грешили лагерем на рванувших в бега полицаев, «пропавших без вести» на прошлой неделе...

Старый Боцман, отойдя на кормах, что-то видел и знал, но молчал.

На заре летят обратно обычные белые высотные облака. Защебетали прилетевшие птицы. Пошла рыбёшка на нерест, забиваясь по ходу в сети, верши и кубари. На всех подворьях – рождения...

Отныне лошадкою правят по очереди двое. Один из них – с ПППШ*.

Апрель 2004 г., г. Орёл – командировки по местам заключения сограждан в Центральном регионе России, «По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).

*Пистолет–пулемёт Шпагина (1941 г.)

РОДНОЙ — ЧУЖОЙ

Хуторская быль

Узкая на весенний разлив низина, питаемая круглый год ледяными ключами, из-за которых в реке не приживался карась, кратко отбагровев, попала под восхождение луны, Её студёно-фосфорические блики гуляли по чёрной поверхности речушки, переходя, в зависимости от ракурса наблюдателя, в прибрежные лужи от копытец гоняемого здесь маломерного стада. Тревожным криком и шелестом крыльев напомнила о себе долговязая цапля, веерком подкрыльевых сквозняков шустро скрылась в сумеречном перелёте стая диких массивных уток.

В безветрии зябко тянуло на первый мороз, и его дыхание уже развернулось по логу, стремясь утвердить последние стебли отходящих трав и растений. Придворные собаки, почуяв безрадостно-полуголодную зиму, берегли мускулы и голоса, изредка-натужевато перебрёхиваясь с такой же псарней противоположного берега, сокрытого в облаке холодного росистого тумана.

С высокого глинистого бугра, падая в месиво созданного «Кировцем» бездорожья, крича матерные частушки, спускается блудный сын девяностолетней бабки Татьяна. Кирюхе под пятьдесят, он привычно галдит-бобылит, зная, что в Хитрецах без него не выживут, ибо на хуторе один он — м у ж и к.

Чертыхаясь на чём свет стоит на затопленную ливнями яму, в которую он, по склизлости, окунулся сверх брюха, баламут рвал глотку в диком репертуаре, соответствующем прожитым годам. Жизнь его сложилась запоем не потому что был Кирка зол или генно-алкоголичен. Отца убили вослед мясному обороту на базаре. Старший брат — как служил в Кронштадте, так траля Балтику, на mine и подорвался. Сестра Ангелина руки на себя

наложила – гадёныш фашистский сильничал не девку – жену капитана НКВД...

Остался Кирюха крайним с передовой дояркой-вдовушкой, с матушкой Татьяной Михайловной. Первое время скакал вперёд – чай жеребчик. Как обморозился, тут и гоп-компания: «Одной мало – три и десять возьмём!» Кирьян по натуре-то добрый, не злобливый. А запил – всё; какова погань усадьбы (тут не до престольных), такова единица в ней...

В какой уж из тысяч раз мытарился он к дому три километра. Мать не ожидала его – время перециферблатилось ближе к утру.

Он поднял гам и вой, обивая противособачьим хлыстом фасад и задворки, прося пустить переночевать, ибо холод был его страхом, мукой ступни и обильными нервными соплями. Шаромыжничая вдоль штакетника, Кирюха неистово барабанил по всему, что звучит, горлая в надрыв про «союз нерушимый», хреновый оплот...

Михайловна крепко спала по крестьянскому возрасту, ведь дожила-то она до своих заслуженных лет только благодаря круглогодичной согбенности трудодня. Долго поднималась, соображая, кто есть в ночи на хуторе, укутывалась в бывалую шаль и любимую истёршуюся телогрейку.

– Кирьян, ты что удумал? Матери хлопот задаёшь! Аль сызнова, грешник, упился?! – ворчала она, с трудом влезая в заиндивевшие галоши.

– Открывай, порешу! Не жилец я, и терять средихлама вашего мне, вашу мать... нечего! Отвори засов, не май месяц!

...В который раз мать принимала нерадивого сына – взрослого мужика и заматеревшего лодыря, чтобы спустя какие-то дни отмучиться в этом мире чужих-родных, живущих так-сяк между луною и солнцем...

Сентябрь 2004 г., г. Орёл – Козельский район Калужской области, «По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).

В ТЕЧЕНИИ ЖИЗНИ

Быль

Сто, а может и больше раз, я проезжал мимо этого пруда в километре, не зная и не догадываясь о его существовании. На том же расстоянии ниже протекала глубокая небольшая река, в которой, больше весной, ловилась приличная щука на живца. К осени она скатывалась вниз по течению на зимовальные ямы более обширного и полноводного низовья, и тоже жадно брала пескарей и карасиков. Попадались, но редко – крупный окунь до полкило и средний (до килограмма) судак.

В одну из поездок клёва не было вовсе, если не считать одной щучьей хватки, принесшей мне досадный сход и зажёванно-смятого пескаря. Огорчился – на то она и рыбалка! Никогда не знаешь точно, где и как повезёт. Недаром родилась поговорка: «Рыба клюёт вчера и завтра – там, где нас нет»...

Сматываюсь и иду к машине. Навстречу, из яблоневого бывшего колхозного сада, спускаются с горы деревенские ребятишки. Они идут по тропке к старому, теперь пешему деревянному мосту, чтобы попасть в Заречье. У двоих из них – простецкие орешины с толстой жилкой и по связке разных по весу карасей и карпят. Любопытствую: «Как, где, на что?» Ребята охотно рассказывают, объясняя ближний подъезд к пруду, и на что ловится. Черви у меня есть. Хлебный мякиш – отщипну от пайка. Так я узнал об этом безымянном и, как оказалось, великолепном прудишке в стороне от дорог, деревни и горе-рыбаков...

Немного поблудив по петляющей грунтовке со множеством развилок, приехал и удачно вышел на чью-то постоянно посещаемую сижку. Карась проявил себя с первого заброса, правда сошёл, у берега, уткнувшись в стену подводных зарослей. Дальше – больше: неожиданный обрыв поводка 0,18 убедил меня перейти на другую снасть

с основной леской 0,3 миллиметра. Оборвал, вероятно, карп или крупный карась. Пацаны предупреждали: «Мало, но есть!»

Они, очевидно, не удержались и вскоре пришли опять, расположившись рядом со мною. С ними стало веселей, но тесновато и слишком шумно. Собрав «телескоп», поинтересовался у них историей пруда – она явилась весьма увлекательной...

Овраг глубиной до пяти метров запрудили в год основания колхоза за десять лет до войны, чисто для хозяйственных нужд: искупаться, постираться, отдохнуть, напоить деревенское стадо. О рыбе и речи не было. Однако тракторист Фёдор Гаврюшкин, по своей инициативе завёз пару сотен карпят из какого-то курского рыбхоза, ближнего к Заречью. Он же со своими сыновьями иногда ходил с бреднем по речке. Его ребята, сами или по наказу, притащили с неё карасей, оказавшихся в этих местах из-за срыва пруда в верховье, а заодно и окуней, плотву, раков, пескарей и гольцов. Приток воды шёл без ручьев, а по сезону, благодаря таянью снегов, дождям и сильным ключам и сейчас бьющим ближе к середине...

Ежегодно Фёдор Гаврюшкин находил время укреплять понемногу плотину глиной – камня поблизости отродясь не бывало. Посадил ракиты по всему пруду – почти все прижились и вымахали так, что пруд был не виден ни на подходе, ни на подъезде. Прижилась и вся рыба, кроме леща. Он не выдержал морозной и крепкой зимы и весь задохнулся...

– Жив ли дедушка Федя? – спросил я у ватаги, таскающей салухов-пескарей и гольцов одного за другим. Откликнулся самый старший:

– Да что вы, дядя! Давно уже нет. Вон, в ста метрах за бугром, лежит на кладбище вместе с сыновьями и бабушкой Таней...

Уезжая, сходил поклониться земляку. Холмик и крест – в бурьяне.

– Великое спасибо тебе за всё, Фёдор Иванович Гаврюшкин! – сказал я ему, рассыпая пичугам пшёнку, взятую для прикормки рыб...

– Жалко, нет фотографии... Тут у меня леденцы и «Прима» остались. Не обессудь, добрый труженик. Спасибо, что думал о будущем! И стар и млад на твой пруд хаживают. Прощай...

Сентябрь 2004 г.,

*г. Орёл – Тросна – Кромской район – Орёл,
«По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).*

ТАНГО ЛИСТОПАДА

Отцовская зарисовка с натуры

Каждую неделю, проходя по вековой аллее, принарядившейся к сентябрю, я не раз сталкивался с таинственным незнакомцем, одиноко скучающим на скамейке. Суровый старик, высохший от невзгод и пережитого, выглядел на все сто. В модных, слегка затемнённых вверху очках конца 50-х, он приходил строго один или с небольшой коротконогой домашней собачкой неизвестной мне породы.

Мимолётно и безучастно проскакивал я стороной, спеша избавиться от дачных хлопот, чтобы успеть выйти с живцом на Оку. Рыба тот год шла слабо – то ли я прогадал период жора, то ли он ещё толком не начинался....

Стояли прекрасные погожие дни, редкие в своём убранстве и постоянстве. Радовали взор безграничная лазурь неба и чистота объёмных белейших облаков, медленно плывущих от горизонта к горизонту. Солнце ещё боролось с прохладой, пригревая в зените, как в августе. Дули умеренные, нехолодные ветры, срывающие с крон остывающих в ночи деревьев калейдоскопные в цветах коллекции листья. С недавних пор их перестали собирать взрослые и дети, и тогда казались юными принцессами

древние старушенции, озаряющие парк любовно выведенными астрами, георгинами, поздними розами и бархатцами. Листва кружилась над молодостью и старостью тоскливо-грустным прощанием очередного периода всероссийского геноцида. Каждый лист, падающий в свете лучей светила или летевший в пахнувшей дождём тени, мог представиться умной и впечатлительной голове чьей-то оборванной жизнью...

В ту субботу, таща на спине собственноручно выраженную независимость в виде кабачков и картошки, мне было не до лицезрения красот и отвлечённой философии мирозерцания. Всё ж таки, годок Второй Мировой – подморился. Сижу, жалею про себя праведную частицу общества, не продавшуюся дьяволу. Что ни прохожий – старше или ровесник, с рюкзаком или с тележкой. Подумать только: «Бедолаги влачат быт одни, при сытой мускулистости молодых! Не жизнь изменилась, а люди стали зверее, причём посещая храмы. Аномальная катастрофа сознания, нравственности, морали, долга перед Отчиной и родителями...»

Листва близрастущих клёнов вальсировала в падении и тащилась, завихряясь, по листовенному ковру при порывах ветра, будто желавшего познакомиться ближе со всем, присутствующим в парке. В обыкновенных раздумьях, на перекуре и не заметил, как подошёл незнакомец-дед.

– От горы отдыхаете? – без здравствия, просто спросил он. – У вас, видно, неподалёку дача. Или снимаете? Дочки-внучки, сынки-внуки – знаете, какие пошли! Ни кашлянуть, ни пукнуть – мобильные рыночные нервозники. Чуть что намёком попроси – «некогда, аллергия». Вот мы – вы-то ещё малость застали, чем-то единым жили. Помните?

В прищуренных выцветших глазах старика сверкнула звездой скупая слеза, мгновенно отразившая историю Отечества. Разговорились. Не человек – роман! Много через что и кого прошёл один и с семьёй – с ходу не

опишешь. Удивил несказанно, узнав меня по «Дормашу» и творчеству. Покорил анализом моих публикаций и книг. Думающий и скрупулёзный читатель, которому я годился в старшие и ранние сыновья, собирал не марки и гербарии, а работы, несущие справедливость, доброту, честность, равнодушие, природолюбие. Сам – история, он был её ходячей, говорящей и интереснейшей энциклопедией...

– Не знаю, Витенька, кто надоумил вас на путь жёсткой и постоянной конфронтации с властью. Социально-гражданский срез бытия и то, извините, боронование, что вы проводите в поле истории Родины и Планеты, ставят вас в сложное положение в высших эшелонах. Вы глубоко заблуждаетесь, если предполагаете, что, отдав себя, как писатель, массам, оные обоготворят и с лихвой поймут ваши труды. Публика – продажная девка; всё принимает, переваривает, понимает, но остаётся Гренландией, даже если вы, горячо и полностью сгорая, погрузились в неё. Я и раньше, видя вас с баулами и удочками, сразу узнал. Сидел, как сейчас, и думал: «Разве должен такой человек мытариться на выдох, когда пройдохи изученного им Мира с рождения до смерти не знали надобности в крошке хлеба?!» Внучка Жаннка училась с вашим Сергеем – говорила, отцу помогает. Значит, так воспитали. А другие – как ни воспитывали, сплошняком по судьбе конфуз...

Вы думаете, я сгущаю краски? Ничуть! Люмпенизация и сексотство, одобренные аннулированием национальной идеи и отсутствием ключевых внешнеполитических и внутренних приоритетов, дисгармонируют население, развивая вирус паразитирующих животных в облике человека. Статус-кво, модус вивенди, де-факто, де-юре, страхование, монетизация и много чего ещё – стратегическая пудра на болячках деградирующей страны. Эта тема системно подымалась и исследовалась и до вас – считаю, не мне преподавать хронологию и библиографию всемирной литературы!

Я заворожённо слушал «Хоттабыча», не в силах его прервать и направить разговор в иное русло. Воображение рисовало старца волхвом, магом, мессией, парапсихологом, ниспосланным мне свыше. Короткую паузу, в которую я приподнял с колен оранжево-лимонный лист орешины, нарушил он сам, словно прочитав мои мысли.

– Человек-творец всегда стремится к идеалу, может пытаться идеализировать совершенно неживые и вымышленные субстанции. Погружение в историю цивилизации, её виденье, как и параллельных миров, вынуждает трудящегося художника изыскивать новые формы глобального, а не фиктивного мыслевыражения. Прошедшие сквозь рентген познания и святость откровения неминуемо расплачиваются за контакт собственным здоровьем. Они – как батарейка или генератор, не работают без «плюса» и «минуса», причём, на их колоссальную ауру-энергию слетаются вампиры и коршуны Князя Тьмы...

Парапсихологическое обоснование некоторых, пройденных вами аспектов интеллектуального труда существовали до нашей эры. Вы молчите! А я знаю, что ни одна из сотен ваших работ не вышла в Мир так легко, как порхают в глянце ваши ровесники – бородатые бездари, «детшки» и «махаоны», позабывшие, где произрос главный корень России.

Ныне – корневище и состав отравляются, обвиваются, обкрадываются. Росток – не идёт вверх! Он скрыт от солнца, жаждет влаги, а тот, кто связан с его ущемлением, владеет и пользуется панацеей от всех бед, оставляя других на пороге между жизнью и смертью.

Молчите, молчите... Я давно хотел пообщаться с вами вволю, да Бог не дал. Чудо Вселенной – человеческий мозг, заужен казуистическими догмами, демагогическим шантажом, изворотливостью «избранных», классовым неравенством, природоресурсным переделом сфер влияния, разжиганием религиозной и межрасовой ненависти. Никакая позитивность президентов нам – и не только нам – никогда не поможет!

В своём недавнем выступлении в «Вашем мнении» Жени Шварца, вы упомянули, что готовите к печати фундаментальную книгу о Второй Мировой войне. Судя по моим архивам и вами сказанному, вижу, что жизнь прожили не «на холостом ходу», как точно заметили в «Последнем рейсе».

Работоспособность, как форма высших начал существования творца и художника, иногда способна заносить в тупиковые лабиринты и мега-звёздные скрижали. Вы достаточно прямолинейны и самокритичны. Однако, работая на общество, учитывайте, что оно живёт с корыстью в большинстве своём на себя.

Требуйте, Виктор! Требуйте от призванных отвечать на требования! Требуйте и бейте в дверь по завету Иисуса Христа, не забывая о пути Будды, Аллаха и Магомета. Ибо даже сверхвеличие и богатство зла безоговорочно и жестоко караются местью добра, которое, вы, к счастью, олицетворяете на Орловщине. Суть зла – в его действии сразу, а добра – в границах какого-то не нами определённого времени. Оно как бы даёт фору любому живущему, чтобы исправиться, что-то переосмыслить, наконец, исправить, казалось бы, неисправляемое...

...Пять сильно пьяненьких и матерящихся девчат с оголёнными пупками на урезанных в талии джинсах, демонстративно виляя бёдрами, исхихикались, поравнявшись с лавочкой, непонятно для чего привлекая наше внимание. Старик побелел, как гейша под макияжем, но не счёл нужным просить будущих мам сократить вульгарно-провокационное сквернословие. Он нехотя приподнялся и, положив мне руку на плечо, попрощался, сославшись, что устал.

Я посидел один совсем немного, а двинувшись к дому, вскоре нагнал его у железнодорожного переезда на выходе из парка. Трость аристократа. Ширпотребные, но ухоженные блескучие туфли с белоснежными носками, виднеющимися на перепадах коймы брюк при ходьбе. Велюровый бардовый костюм. Широкополая фетровая шляпа выпуска прошлого столетия. Ярко-белая рубашка с вылетом дорогих запонок из рукавов пиджака, на лац-

кане которого запомнился значок – белый голубь с лавровой веточкой в клюве. Очень стильный заграничный галстук цвета какао. Прямая и уверенная осанка при степенно-размеренном шаге. Что-то было, было в нём магнетическое, порой воодушевлённо-родственное, порой – усложнённо-непонимаемое. Феномен впечатления был таким мощным, что казалось, идёт главный и лучший друг моей семьи во всей жизни – от детства до седины...

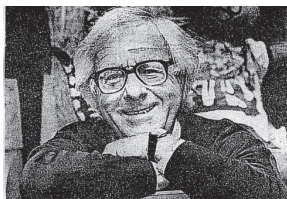
– Ага! Поспешаете к ужину... Забыл кое-что сказать. Бог весть, встретимся ли ещё! Дарю тему для песенного репертуара – «Танго листопада». Автора идеи не называйте. Побольше черновиков для чеканки рифмы – песне вне политики не должны помешать!

* * *

...Песни не получились – пусть бренчит и голосит картавая попса. Коснувшись истории романса, эстрадной песни, джаза, шансона и бардовых изысканий, создал циклы «Музыка души» и «В ритмах прошлого». На биографических основах и исторических фактах в них показаны судьбы: А. Вяльцевой, Ю. Морфесси, К. Сокольского, А. Вертинского, П. Лещенко, В. Козина, Л. Руслановой, М. Бернеса, Л. Утёсова, А. Цфасмана, О. Строка, А. Баяновой и К. Шульженко. Было куда сложнее отобразить жизнь Дж. Гершвина, Л. Армстронга, Д. Эллингтона, Г. Миллера, М. Дитрих и Э. Пресли. Из ближних – проходят Б. Окуджава, В. Высоцкий, И. Тальков, В. Цой, М. Круг, Р. Паулс, Ю. Саульский, Т. Снежина, Джо Дассен, К. Готт, В. Чистяков. Не забыты Э. Пиаф, М. Монро, Л. Орлова, Э. Мей...

Кружится память в танго листопада нового года. Я передаю его цвета, слова, звуки идущим за мной, чтобы помнили, названных и таких как «Хоттабыч». Ибо жизнь человеческая, её цели, предназначение и смысл, никогда не упрячутся в лампу Алладина, не репрессируются застенками и уж точно всегда не побоятся происков от лукавого...

Октябрь 2004 г., Орёл – ПКиО «Ботаника».

ТАМ, ГДЕ НАС НЕТ

Фантастический рассказ

Посвящается Рею Брэдбери

...Туманно-дождливая облачность томно висела над планетой, полоская её ландшафто-сложную поверхность со дня аварии развед-челнока Кристофера Дефо. Сорок дней он почти не выходил из корабля, пытаясь отремонтировать систему жизнедеятельности, но пока это ему не удавалось. Автономно-резервная система, действующая в экстремальных случаях, выручившая по первости, оставляла желать лучшего, выдавая сбой за сбоем. Профессиональный пилот Разведфлота ещё не сталкивался с мистическим отказом электроники в одиночку...

Подойдя к узкой щели иллюминатора. Дефо мучительно вспоминал цепь событий, предшествовавших аварии, но, к ужасу своему, не мог припомнить ничего, кроме отрывистых картинок из детства. Море, неизвестные лица, слёзы и цветы, интернат Космофлота и неизвестная война — хаотически вертелись в его пострадавшей при посадке голове, не стыкуясь ни с чем...

Пройдя через энергетический отсек в рубку, заменяющую ему кают-компанию, Кристофер, с мерзким чувством неопределённости сел изучать бортовой журнал. Мелькнули записи техобслуживания, старта, скупые строки предыдущих и последнего полётов, однако они не сподвигли к восстановлению клеточек памяти...

Последняя страница — день перед аварией — была грубо вырвана и исчезла. Не помог и «мозговой центр» сигарообразного разведчика — из него пропали навигационные расчёты, карты, путеводители, исторический атлас Вселенной и техническая информация о состоянии систем корабля за финальные десять суток. Последнее не могло не пугать в условиях одиночества...

Планета была ему незнакома – он никогда не бывал здесь и не имел даже смутного представления об её истории и формах жизни. Положение усугублялось отсутствием межгалактической таблицы планет и созвездий – пилот не знал количества световых лет до Земли.

Вечерняя красота уходящего дня действовала магически, побуждая утомлённого поисками Кристофера совершить короткую прогулку перед сном. Безымянное светило в несколько раз больше Солнца быстро снижалось к горизонту по кривой траектории. Дожди сместились на десятки миль на восток, а за ними виделись шарообразные радуги, бликующие калейдоскопными цветами и искрящиеся каймой от вошедшего в них света заката. Над макушками многовекового леса, погрузившегося в испарину тумана, исходила полоса малиново-оранжевого свечения, сквозь которую то и дело пролетали какие-то огромные птицы.

Он вышел и поразился пьянящему аромату кислорода, а подойдя к быстротекущему горному ручью, не удержался чтобы не сложить ладошку и не продегустировать источник, хотя и понимал, что это опасно. От величественных каньонообразных гор, освещённых кратким мазком заката, исходило ощущение, что там, – где-то там, далеко – в долинах и степях, на равнинах и близ пустынь, должны быть – разум, цивилизация, город...

Не хотелось верить и думать, что такая прелестная планета необитаема, брошена, неизвестна или не имеет портов-баз Межгалактического Содружества РАС. И сейчас, когда восходил в зенит багрово-фиолетовый спутник планеты, необъяснимая сила наполнила Кристофера Дефо каким-то мощным, как бы наркотическим воодушевлением: хотелось петь, кричать, веселиться, не имея на то причин. Эта сила тихо и ласково воплотилась в его затерявшемся разуме, говоря голосом мамы:

«Радуйся тому, что ты навсегда останешься жить там, где кроме тебя, не живёт никто»...

Июнь 2005 г. Орёл – Звёздный – Байконур

СЕКРЕТНОЕ ОЗЕРО

Водоём вошёл в жизнь людей лет двадцать, а то и тридцать назад, когда обильной на воду весной затопило брошенные песчаные разработки. Вошли в этот бездонный карьер все виды пресноводных рыб, за исключением стерляди и налима...

По странному стечению обстоятельств и благодаря своей удалённости от хороших дорог и электричек, озеро оказалось неуважаемым рыбаками. Глубины до 20 метров «скачущая» береговая линия, обрывистые берега отменно скрывали рыбу и водоём от посторонних глаз, одновременно отпугивая сложностью ловли любителей мелких вод по льду и открытой воде...

Я попал сюда чисто случайно – пешком. Удил на реке плотвицу и клинков с ладошку, а когда переходил на противоположной берег, повстречался с местным, возвращавшимся из города. Он и подсказал, как пройти к озеру, и что в нём водится...

Удивило полное – до тоскливости – отсутствие растительности на берегу и в заливах: песок, кругом песок, бело-пепельный песок...

Бросаю поплавочную на навозника – в трёх метрах от берега глубина под... пять метров! Перехожу левее – ещё глубже... Сворачиваю снасть, и ради интереса перехожу на спиннинг, предварительно утяжелив «трофимовскую» фабричной «оливкой».

Рыбёшка в озере есть, и неплохая – видел крупных уклеек, горбик подлещика и хлёсткий всплеск ближе к центру – похоже на голавля или язя...

Хищник – окунь, щука, судак, жерех – пока не активничал. Меняю блесну через двести метров «полоскания». «Атом» изумительно играет в прозрачной воде, даже при падении и слабейшей проводке. Медленно, шаг за шагом, заброс за забросом, продвигаюсь к небольшому заливчику, через который, видимо, и хлынула сюда давняя внешняя вода.

Молчание упорно продолжается – ни гона, ни сопровождения, ни перестука, зато без зацепов...

Необычно крупное солнце склонилось к закату, играя бликами по воде точно передо мной. И без того слабый юго-западный ветерок стих, за подветренными обрывами образовывался вечерний штиль. По центру озера заметил дюжину совершенно спокойных диких кряковых уток, покачивавшихся на слабой волне. Где-то в розово-фиолетовой вышине беспокоил округу устаревший винтовой самолёт, но искать его – где он? – как не хотелось...

Красота, безлюдье, элементы первозданности и первооткрывательства грели душу и взор. Не верилось, что где-то люди убивают друг друга, делят земли и границы, погибают в автокатастрофах, от землетрясений и цунами. Ужасно не хотелось завтра заново погружаться в суету сует, ходить на информационном и рублёвом «поводке» да и просто работать...

Я шёл навстречу закату, как бы догоняя его, и даже в насмешку пару раз кинул «в солнце» блесной. Хищник по-прежнему осторожничал, всячески игнорируя вмешательство в его свободную глубоководную жизнь.

Заменяя блесну в последний раз в преддверии сумерек, я совершенно не представлял, что выручит узенькая серебристо-чёрная самоделка, проваливавшаяся вне уловов в пенале несколько лет. На третьем или четвёртом забросе последовал удар на падении колебалки, ориентировочно вполовды. Пять забросов в то же место, и типично бульдожья хватка судака заставила трепетать мою снасть и сердце...

Вываживаю – красавец, килограмма на полтора, ровисто «жмётся» ко дну, но на финале сдаётся, сверкнув фосфорическим глазом...

Ещё два заброса – и его побратим оперативно пущен в садок. Клёв на расстоянии 15–20 метров продолжался до самой темноты. В процессе ужения в последующие приезды я понял секретность озера – на полпути приманки при забросе на 30–35 метров находился порог, вокруг которого были свалы, превышающие три метра...

Судак охотился на подводной мели, не выходя в прибрежную акваторию. С тех пор в течение многолетних встреч с обитателями Секретного озера, я не уставал поражаться привязанности хищных рыб именно к этому, сокрытому толщей воды порогу. Жерлицы и кружки «срабатывали» больше всего здесь, а если в какие-то дни разных сезонов поклёвок не было, то в этом же месте всегда брал на блесну и силяву такой окунь, которого вряд ли кто ловил в нашей не ахти рыбной области...

Февраль 2005 г., г. Орёл – Озеро Икс

В ДВУХ ШАГАХ ОТ ФАЗЕНДЫ

Поздним вечером, заготовив навозников, я пораньше лёг спать, чтобы с утра двинуть на исследование небольшой речушки, впадающей в приток Оки – Оптуху.

Будильник почему-то не сработал. Предвкушая сюрпризы предстоящего похода в отрывках сна, я наслаждался звенящей тишиной дачи, ворочаясь с бока на бок. Окончательно разбудила меня соседская кошка Дурёнка, постоянно оперирующая мышей на моём чердаке. Наверно, в темноте она увлеклась погоней и повалила банки, хранящиеся на потолке. Хорошо, хоть не разбила...

Зарождающееся утро обдало волной свежей прохлады, обволокло разум и обоняние сонмом неописуемых ароматов цветущих растений и трав. Глядя с высоты порога на вековые ракиты, ещё спящие в шали плотно-мучнистого тумана, слыша, как старичок-сосед отбивает спозаранку косу, я пребывал в состоянии какой-то глубокой умиротворённости и спокойствия, в состоянии человека, способного осознать счастье самого себя, наконец-то вырвавшегося из цинично-загазованного города...

Наскоро перекусив, я бодро зашагал навстречу не такой уж и мелкой речке – местами она классически водоворотила в омутах до полутора метров. Здесь, в непро-

лазных крепях лозняка, хмеля, репейника, колючек и конского щавеля, среди «хаток» и «ямок» от здоровущих бобров, по памяти и опыту моему, водились и даже зимовали капитальные голавли, клинки, плотва. Изредка попадались – подуст, язь, подлещик, крупный окунь и разная щука. Про пескарей, гольцов, вьюнов и говорить нечего – чтобы наловить на жарёнку, достаточно было погонять червяка впроводку чуть меньше полчасика на шумном и красивом перекате...

В любое время года вода в притоке была воистину ледяной, ибо полностью существовала благодаря внушительным и многочисленным родникам каменистого верховья. Никогда, ни в какой год и месяц, я не уходил отсюда без уловов – разница была лишь в качестве да в количестве.

Но сегодня, после недельного цикла дождей и при просветлённой воде, клёва не было вообще, и я, в частой смене мест и в ещё более частых забросах пытался разгадать столь неожиданный для меня парадокс. Проводка не работала, полудонка – тоже. Все попытки словить кого-нибудь вполводы потерпели полное фиаско – за два часа не было ни одного всплеска, чего не бывало раньше. Незаметно я зашёл довольно далеко, и тут смекнул, что на лобой водоём с одной насадкой не ходят...

Раньше, на песчаной мели в двух шагах от дачи, я видел колонию ручейников, прочно обживших свои «домишки». Тогда, занятый огородом, как-то поленился набрать их и проэкспериментировать. Теперь — возвращаюсь...

Став в болотниках ниже по течению, быстро набрал с полсотни личинок. Перевязываю крючок поменьше. Бросаю тут же, под кустик, и... хап! Нет поплавок! Чисто машинально, неуклюже секу – что-то ворохнулось у дна, заходил ходуном «телескоп», а через секунду мой поплавок, пущенный, словно пращой, угодил аккуратно мне в лоб. Досадный сход...

Сажая нового ручейника, заметно волнуясь и чертыхаясь про себя. Насадка-то нежная, ну и поклёвок столько часов не видел! Кидаю, метр проплыва – хлоп! Королевс-

кая плотва на четыреста граммов, явно нехотя, звучно плюхнулась в прибрежный камыш и остервенело «поплыла» в нём. Быстро её в пакет, быстро насаживаю и посылаю снасть ниже – поплавок, без дёрганий и погружения, пошёл поперёк течения, как при зацепе. Подсекаю с размахом – подлещик, не меньше, чем с полкило...

В общем, обловился я в то утро как в сказке, будто в детство с головой окунулся. Давно уже не задаром говорил же мне дед:

– Сынок, не ходи на реку только с червями. Пробуй на всё!

Июль 2005 г., г. Орёл – Залегощенский район Орловской области, «По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).

РЫНОК ВОД

Новелла

Километровый, довольно широкий и глубокий рукав водохранилища был облюбован рыбой и рыбаками с момента его появления на местном ландшафте. Молодые сосны и берёзки, предприимчиво посаженные оставшимися неизвестными, но добрыми людьми, со временем подросли и хорошо укрывали от зноя, слабого дождя и сильных ветров с разных направлений. Рыба водилась здесь всякая, что и в запруженной речке – щука, карп, лещ, плотва, окунь, карась, ёрш, уклея, елец. Не было разве что толстолобика, белого амура, пеляди, судака, стерляди, массового пескаря и гольца. Правда, расплодился и укрепился в размерах радужный увалень-линь, но он был настолько хитёр и привередлив к прикормке, насадкам и погоде, что мало кому (за исключением местных) удавалось его ловить в плотном количестве постоянно...

Щука – являлась в этих краях первостатейной и уважаемой, ибо была значительно массовой и попадалась даже новичкам, вывезенным на рыбалку профессионалами круж-

ковой ловли и спиннинга. Она с весны разбредалась по всему многокилометровому водоёму в поиске нерестилищ. Отметав икру раньше других рыб, щука затаивалась в ямах и старицах верховья, в непролазных и удалённых притоках, либо плавилась к плотине, попутно подчищая любую живность. Дважды местные рассказывали мне увлекательную, видимо, одну и ту же легенду, когда один из «крокодилов» атаковал утиное семейство на его переправе между берегами. Кто-то говорил, что в ней больше пуда, другие – и того больше. Трое или пятеро утят пали жертвами пиратствующей хищницы, известной своим скоростным и коварным вероломством...

На стыке рукава с основными водами водохранилища дно резко переходило в предельно закоряженное русло бывшей реки. Глубины местами доходили до 5–6 метров, скрывавших затопленные деревья, кустарник и топляк, принесённый мощью весеннего половодья. Лично я оставил в этих крепях около трёх десятков блёсен, пару воблёров и виброхвостов за все годы. Но постоянные уловы, хватки, сходы и обрывы успокаивали огорчения и «топили» расходы не только мои. Щуки было очень много. Она нарушала все формулы, стереотипы и секреты подводной охоты: брала в жару и ливень, днём и в сумерках, на подъёме и спаде воды, брала будучи до отвала сытой и набитой мальками. Никто не хамил. Не считал нужным промышлять браконьерничая, а если кто и раскидывал сети, то с большой ячейей, в надежде исключительно на крупняк. Люди, что ли, были другие?! Лови да лови, а сумеешь взять или нет – это, так сказать, охота пуще неволи...

Всякое случалось в рукаве. Бывало, шли «шнурки» и «карандаши» не больше 200 граммов, которых просто приходилось отпускать с верою в будущее. Иногда – рвало шпули и фрикционны, уставшие от нагрузок лески и пропускные «тюльпаны». Как-то раз трёхкилограммовая «штучка» в бешеном порыве к свободе переломила верхнее колено моего бывалого спиннинга, –

спасибо, проходил мимо местный карпятник с подводкой – вытащили...

Было дело – купался по ноябрю из-за некоторых «бандур» – как-то привык спиннинговать без подсачека. Вода всегда стояла на высоком уровне, не хламила камышом, тиной, рдестом, кувшинками и ряской, и было великим счастьем вываживать крупных «зубаток» в дни «бабьего лета» – бархатного сезона....

Недавно, ближе к октябрю, с командировочной оказией проведаль рукав, предполагая поблеснить хотя бы пару часов до заката. Парадоксально, до неузнаваемости, спала вода. Там, где ширина рукава доходила до 70 метров, стало меньше 50-ти. Глубин не стало почти нигде...

Уныло прошёл к границе с водохранилищем, ещё надеясь на что-то. А там – чёрная мель и море коряг. Кинуть некуда! Подходишь ближе к воде – топь – ноги не вынешь! Ошеломлённый непониманием, с грустью сворачиваю спиннинг. По пути к машине повстречал местного паренька – мокрого, всего в иле, но жутко довольного.

– Сети что ль ставил? – спрашиваю его. – Не-ка! Железо собираю. Как взяли в аренду озеро, шлюзы приоткрыли. Вот вода и ушла. Тут возами рыбу таскали. Какой только не было! Я ходил почти неделю – надоело. Куда её, эту рыбу? Бабки и те, не дождавшись детей и внуков, поросётам поотдавали. Вы поймали? – не понимая катастрофической иронии, наивно спросил пацан.

– Нет! Где теперь ловить можно?

– А нигде! Вода лишь под Щуковкой высокая. Удержалась, благодаря насыпи моста. Там все ловят, но не все поймают. Мне что, я уже наловил. Купите?

Он с натугой скинул по виду тяжёлый вещмешок. – Смотрите: на любой выбор! Наждачкой тиранил – пять рублей штука! Брат думает магазинчик прямо на дому для приезжих открыть, ну ларёк. Мне их девать уже некуда. Вам не нужны? Дёшево!

Я с привеликим любопытством заглянул в рюкзак не по годам «предпринимательного» ребёнка, откашлявавшегося и отсмаркивающегося из-за переохлаждения.

О-о-о! Чего там только не было! Все виды отечественных и зарубежных блёсен, ржавых и новых, потускневших и отзеркаливающих закат, когда я взял их горсть и встряхнул на ладони. Тут были самоделки и дорожные воблёры, виброхвосты, разные поплавки, некогда затонувшие зимние жерлицы и кружки для ловли по открытой воде...

Дико и неправдоподобно было смотреть на свои блёсны – любимые блёсны через долгие годы. Смяли душу воспоминания... Вот «Мепс» из Москвы, «Лужна» из Железногорска, «Протва» из Брянска, «Атом» из Орла, подарки друзей и знакомых...

– Ну так что, берёте? Может, вам перед зимой чемодан и ледобур нужны? Дёшево! Не ржавые, просолидоленные. Сарайное хранение...

Я молча подал парню полсотни за дюжину не успевших проржаветь блёсен. Он и цены им вместе с братом не знал!

Приехав домой, привёл их в идеальный порядок, разложив по пеналам. Думал, с полночи сразу засну, но не тут то было! Какая-то пружина, неизвестная маленькая деталь сломалась в сознании и душе.

«Нет водоёма – нет его счастья и богатства. Не едут дети и внуки к родителям и к дедушкам с бабушками. Исчез колхоз. Обанкротили ООО, ТнВ, ЗАО, агрофирму и как там ещё. Больно, ребята, жить в рынке...»

*Сентябрь 2005 г., г. Орёл – командировка по ЦФО РФ,
«По ухабам Отечества» («Путевые заметки»)*

ПРЕЗИДЕНТ ГЛУШИ

Стёпка родился в новом мире, без голода, репрессий и войны. В Рыбном, стоявшем на протоке Забава, между озёрами Радужное и Званое, жизнь текла размеренным чередом в традиционных заботах селян. Знали земелька и люди здешние печали и радости – всякое было и продолжало быть...

С появлением зелени на пойменных лугах, Стёпка, по малости лет, привлекался к общему делу пастухом. Отлично просматриваемые пастбища, живописно расположенные вдоль течения Забавы, позволяли ему спокойно изучать реку с удочками.

Он готовился с вечера, зная, что с утра не успеет ничего – скотина, своя и общественная, требовала ранних подъёмов и нелёгких хлопот. Месяц, как не давал парнишке покоя золотой язина, переломивший орешину и ушедший восвосяи в яму за плотиною. Ещё крепостные мостили её вручную и на лошадях щебнем, укрепляли и немцы в годы оккупации. Время и паводки с обильными дождями всё равно подмывали её, и одной из вёсен вода прорвалась левым берегом. К тому времени жизнь в деревне пошла на убыль, хотя и проложили к ней щебенистую насыпь. Чинить плотину не стали – выше был удобный и крепкий брод. Забава быстро наработала новое русло, в котором отстаивалась разная рыба, жившая в реке и покидавшая озёра в период нереста, потепления или похолодания...

Напоив коров и прогнав их бродом, Стёпка почти бегом направился к заветной ямке с едва заметным течением и круговым вращением. Он специально, в предрассветных сумерках, набрал крупных выползков, а неделю назад выпросил у бабушки Кати килограмм гороха, чтобы прикормить рыбу, как учил дед. На этот раз он снарядил пару крепких орешин более толстой леской и большими крючками, которые привёз по его заказу соседский Вовка, недавно ездивший в областной военкомат. Оставалось верить в удачу и не упустить её...

Солнце, сменив цвет и начав пригревать, быстро изменяло тени от ракит и тополей, стоявших над водою. Весело и бойко шумел пережат, отражая ребристостью бега воды тысячи солнц бликами. Незаметно растворялись остатки прохладного тумана, цепко висевшего над Забавой до восхода солнца. Одиноко и всего лишь раз кукнула кукушка, и почти одновременно с нею, на мели у правого берега, возле древнего валуна оглушила тяжёлым всплеском порядочная щука, маневрирующая в охоте за мальками...

Стёпка, изредка поглядывая на мирно жующих травку коров, не двигаясь, смотрел на свои бывалые пробки-поплавки. Ещё не клевало. Лишь теребила леску беспокойная уклея, вероятно, воспринимавшая её за нечто съедобное, да огромная, неуловимая в цветах стрекоза дважды отдыхала на одном из поплавков, раздражая Стёпку своей невозмутимой настырностью. За спиной, по броду, неспешно прогрохотал флягами и ободами рассохшихся колёс молочник дядя Илья, доставлявший молоко на близлежащую маслобойню. «Хорошо, что не заметил! – подумал Стёпка. – «Руганью и пескарей распугает»...

Задумался отрок о чём-то, отвлёкся. Слышит звук: как-будто что-то лёгкое волокут по камням. Глянул на вторую орешину – поплавок нет, и само древко вот-вот поплывёт...

Рванулся Стёпа, как лань, подскочил, но оступился и окунулся с головой в ещё не успевшую прогреться воду. Орешина в руке, леска запуталась за ногу и, больно сжимая кожу, рывками и весом тянет его к фарватеру. Испугался пацан, кричит, барахтается... Шутка ли, один, неизвестно с кем на крючке!

Течение и рыба вынесли его к голышам пережата. Упёршись ногами в дно, уже не было так страшно. Настоящий страх залёг за «доисторическим» валуном, где только что была щука. Плывая по его воле, Стёпка видел этот брусковатый и чёрный ужас – это был сом не меньше десяти килограмм...

Он залёг в расщелину так плотно и недвижимо, что, казалось, примагнитился ко дну, совершенно не реагируя на слабые подёргивания пастушонка. По счастью, его хныканье и возню услышали и увидели мы – я и молочник Илья, с оказией подвозивший меня к ферме. Выяснив накоротке, что да как, дядя накинул болотники. Осторожно приближаясь к валуну, он вычислил лежку сома и по-снайперски «загарпунил» его вилами...

Побледневший, продрогший и растерянный Стёпка отходил на берегу, стуча зубами и трясясь от посетившего его озноба. В двух шагах, вяло хватая воздух розово-белым ртом, лежал трофей ребёнка, выше его на целую голову. Он совершенно забыл про стадо, и я, видя его состояние, остался за него, попросив дядю Илью отвезти героя в Рыбное.

Жаркой и пыльной дорогой, немного отошедший мальчонка, побаиваясь молочника, всё же не удержался, спросив:

– Что же это за дура такая? Никогда не ловил!

– Э-э-э! Паря! Это не дура – президента глуши выудил. Таких в нашей Забаве по пальцам насчитать можно! На уху пригласишь ли? – мило ухмыляясь, буркнул неисправимый матерщинник...

– А как же, дядя Илья! Вместе ж словили...

*Сентябрь 2005 г. г. Орёл – р. Красивая Меча, – р. Любовша –
р. Северский Донец – г. Орёл, «По ухабам Отечества»
(«Путевые заметки»).*

АПРЕЛЬ ПО ЯНВАРЮ

У любого рыболова-любителя, и даже у артели профессионалов, наверняка случались аномальные дни незабываемого клёва и хода рыбы. Единичные случаи на сотни разносезонных рыбалок оставляют неизгладимый след в памяти, и если не записываются, то многократно вспоминаются устно, в кругу друзей и коллег по увлечению...

В тот год лёд сковал водоёмы запоздало – лишь к середине декабря можно было спокойно выходить на рыбалку. Слабые, прямо-таки немощные морозы постояли без силы неделю. В те же дни покрыл льды и землюшку первый невесомый и пушистый снег. Перед самым Новым годом резко и неожиданно потеплело, зачастили дожди. «Морозы не предвидятся» – зазубренно вещали синоптики, не объясняя причин затяжной оттепели в аккурат к всенародным праздникам...

И без того не обильный снежный покров оседал с каждым днём, плавясь на солнце и перевоплощаясь в быстротекущие напористые ручьи. Бурля, некоторые из них разрастались в формате, неся свои грязные и чистые воды по непредсказуемым маршрутам в направлении канализации, прудов, озёр, рек. Масса безработных переквалифицировалась в рыбаков, вероятно, упрямо не желая жить по законам дикого рынка...

Не удержался – уехал на Ясенецкий пруд, что на границе Орловщины с Курской областью, в двух километрах от Свапы. Великолепное погожее утро встретило меня на Крестах при освобождении от духоты бывалого «Икаруса», обняв надеждой на предстоящий, хоть и короткий день. Приободрившись безветрием по прохождению километра, выхожу прямо на плотину. Вокруг – ни души! Светятся поредевшие окошки изб, жители которых на генном уровне не верят и никогда не поверят в «доброльготную» линию правительств. Слегка туманят розовеющее небо дымки немногочисленных печей, озонируя мозг запахом вечности и очага. Мысли вращаются в прошлых столетиях, хотя пущены в даль пространств и скорбь лет живым представителем третьего тысячелетия...

Художник-рассвет быстро гонит цветами и светом однообразную пасмурную и безлунную ночь-искусительницу. Две сороки и стая ворон суетятся, что-то деля на разбитой тракторами дороге. Беспокойны воробьи, в ожиданье восхода солнца над скукожившимися после дождей деревьями, прихваченными лёгкой изморозью ночи. Домашний кот с белым «нагрудником» проконтролировал плотину, и, распугав во-

рон, позавтракал мышонком. Где-то за околицей подворий глухо громыхнул выстрел, очевидно, местного охотника. Потом – второй...

Заготовили гуси, усилился лай собак, может, почудилось ржание лошади. Перехожу по плотине до медпункта – на лёд выйти трудно, он полностью под водой. Замечаю в тридцати метрах в стороне, ближе к середине, отрезок не растаявшего снега и летний деревянный мосток, заботливо сооружённый кем-то из местных. Выхожу на лёд, сверлю пару лунок. Вылавливаю с прибрежной двухсотграммового окуня и – всё. Здесь мелко. Глубина – до двух метров – ближе к сплошь затопленной плотине. Неохота хлюпать и ловить в воде выше щиколотки, да и бур в сыром льду – кто дело знает, мука душевная.

А вдруг – повезёт?! По лету лавливал тут солидных карасей и карпов. С трудом бурю десять лунок. Подбрасываю в них по жмене жмыха, с верой, что «незимние» рыбы активизируются и клюнут по оттепели...

Первая поклёвка оставила меня в полнейших дураках. Наладил и поставил поплавочную удочку, а сам, ради интереса, ловлю на мормышку метрах в десяти от неё. Слышу бренчанье, какое-то волочащееся движение по льду. Глядь, моя снасточка ползёт в лунку. Дёрнулся, а она – будь на глазах, и нету!..

Окуни так не берут... С сопением и проворностью школьника на экзаменах, достаю резервную снасть с крупной мормышкой, крепким хлыстом и 0,2-й леской. Видать, проснулся, Карпушенька, свежая водичка понравилась!

С учёной усердностью обхаживаю лунки одну за другой. Перед той, что сработала первой, после минутной игры ставлю удочку, положив мормышку на дно. Секунда, две – кивок классически медленно пополз вверх. Коротко подсекаю, и понимаю – карп! Багор – как всегда, «где-то», звать некого...

Успокаиваю себя толстой леской: может, утомлю чушку, тогда – рукою под жабры... Поводил маленько, по-

смотрел на него – «два» – не меньше! На седьмой или восьмой заход карп стал более податлив, и я рискнул завести его в лунку. Вот он! Так... Тихо-тихо... На моё удивление, «болваночка» поддаётся моим трясущимся движениям – карп заходит на полкорпуса в лунку, и... сам, «свечой» на испуге от ледового плена, «выстреливает» из неё, окатив меня брызгами. Похвалил тут себя за замену ножей ледобура на больший размер: иначе – подвела бы лунка. Не прошёл бы трофей без помощника и багра...

Упрятал его в рюкзак. На часах – половина первого. Наскоро перекусил хлебца с салцем. Попил чайку, чрезвычайно довольный своей вылазкой на «мирную» рыбу. Через час пошёл неприятный «аномальный» мелкий дождь. Однако, оставшись до сумерек, я поймал ещё одного карпа поменьше и двух серебряных карасей больше ладошки. Последней поклёвкой явился... обрыв прямо на подсечке. Как говорится, «не без этого»!

В автобусе по дороге домой озарил заголовок рассказа: «Апрель по январю».

ЖИЗНЬ НЕ ПО РИФМЕ

Цикл стихотворений

САВИНО

*Посвящается экипажу крейсера «ВАРЯГЪ»,
командиру корабля В.Ф. Рудневу, всем
участникам Русско-Японской войны*

*Флотоводцу —
благодарные
туляки!*

Каков бы ни был взгляд косой
Воюющих сторон,
«Варяжцу» кортик золотой
Орловцами вручён.

А после — орден от страны,
Где Солнце на древке...
Почтили Азии сыны
Мощь духа в туляке.

Теперь музей в его краю —
Туда глядеть векам!
Пусть поколения отдают
Салюты морякам!

«ЧЁРНЫЙ СКОРЫЙ»

Едут эшелоны в даль России,
Топки паровозные горят.
Угли, словно жизни молодые,
С искрами уходят в дымный чад.

Под гудки мелькают полустанки,
За перроном следует перрон.
Здесь уже, браток, не до тальянки —
Горечь песни сузила вагон.

Едут в нём евреи и литовцы,
Русские, чеченцы — все «вражьё».
Кулаки, монахи и махновцы,
И поэт, клеймивший вороньё.

Кипяток. Сухарь. Щепотка соли.
Курят по затылке самосад.
Испытав весь ужас новой воли,
Мчат в ГУЛАГ, где нет путей назад.

Конвоиры — люди силовые:
Выстрелом распнут за красный флаг!
По этапам движется Россия,
А в Берлине немцы жгут рейхстаг...

ПРОСТАК

Гроза бульваров — Жора Прыткий,
Шпановый вождь у тех, кто мал,
За голых баб, что на открытке,
Опять в милицию попал.

И вроде бы не дебоширил,
Не «щупал» люд и не курил,
Не рыл бельё в чужой квартире,
И рынок вовсе не «бомбил».

Так — хулиган, свалились беды,
Семью унёс военный шквал.
Окончил школу в год Победы,
Да мир блатной захоботал.

Сидит теперь в истёртой робе
Не за себя, а за «друзей».
За дурь грабительских утопий
Пропал любитель голубей...

ВОСКРЕСНЫЙ БАЗАР

Гляжу на гвалт полурассеянно,
Слова здесь в силе «НА» и «ДАЙ».
Как в мире всё зафарисеено:
Продай — купи, купи — продай.

СРАЖАЮЩИЙСЯ ОРКЕСТР

Идёт война, где смерть на каждой миле,
Вода и небо взяты на прицел.
В Британию торопится Гленн Миллер —
Маэстро с этой мыслью посветлел.

Земля в крови под бомбой и под миной,
Слух режет свист осколков и свинца.
А он стремится «Солнечной долиной»
Вернуть тепло в разбитые сердца.

Он знает, что теперь не до кларнета,
Труба в тени, в опале саксофон.
Но всё же хочет музыки планета,
Ей чужды марши дедовских времён.

Он мечется, он не находит места,
Его задумке — не хватает слов.
Он хочет инструментами оркестра
Отсечь калибры пушечных стволов.

И час настал — летит над островами,
Он выбрал БЫТЬ из «быть или не быть».
И никакими жуткими смертями
Героев-музыкантов не убить.

В волнение виртуозы и маэстро,
Под самолётом — взрывы сплошняком.
Но им дороже взрыв аплодисментов,
Что прогремит в победе над врагом.

ОШИБОЧНЫЙ ВЫБОР

Деревенский увёртливый парень
Очень ловко пролез в аппарат.
Он столичного гостя запарил
На полдюжине сочных девчат.

И теперь он баронствует в Думе,
Генералов «рыбачить» зовёт...
И в газетке при кризисном шуме
Их портреты — во весь разворот.

Приласкал сей сермяжный вельможа
Тех, о ком не тоскует Москва,
Угощая губернским «пирожным»
Их «тойотные» кузова.

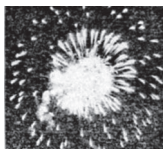
Жаль народ, что не вычел пройдоху,
Не увидел в нём экстра-льстеца.
Но, озлившись в крутую эпоху,
Может сбросить с высот «мудреца».

НАКАЗ

*Фронтовиков становится
меньше и меньше...*

Из выступлений должностных лиц

Не говорите, что их МАЛО.
Да, МАЛО — годы не вернуть.
Зато ИХ СЛАВА прочно стала:
Не дай нам, Бог, — пройти их путь.

ПЕРВЫЙ САЛЮТ

Орёл и Белгород — два брата,
Седыми вышли из огня,
И генерала, и солдата
В горячей памяти храня.

Знамённый шёлк алел от ветра,
Как память павшим и живым.
Их имена дарили щедро
Мы старым улицам своим.

Ещё в концлагерях сжигали,
Не открывался фронт второй.
Ещё несли поминки «ФАУ»,
И камикадзе был живой...

Смягчались горести и беды,
На Запад шли ещё войска.
Салют предвестником Победы
С Москвы заглядывал в века!

ПОД АСТРАХАНЬЮ

Байды мчат на двух моторах,
Водомёт — как баксомёт.
Рыбаки ли, браконьеры —
Рыбнадзор не разберёт!

На мели раскинут крючья
На белугу, сазана...
И стерлядка не проскочит,
Коль в Москве заказана!

Быть ей сваренной в шампанском,
За икру — ловки стрелять.
Что же ты, народ привольный,
Харакиришь Волгу — мать?!

Цедят Каспий, цедят сильно,
Потрошат который год.
И никак во дни путины
СОБР собраться не могёт.

А я вижу в стержне русла
Старичонку-осетра...
Он кричит на издыханье:
— Вот бы Путина сюда!!!

Пусть посмотрит глаз державный,
Пусть приложит перст-закон:
«За убийство осетровых —
Всех «ловцов» — в суровость зон!»

ОСВОБОДИТЕЛИ

Счастливы, что видим вас живыми:
Ордена, медали и значки...
Будучи в те годы молодыми,
Вы врага подняли на штыки.

Были танки, ЗИСы, самолёты,
Лодки, боевые корабли.
Натиск гимнастёрочной пехоты
Перемочь японцы не смогли.

Не простим, кто может вас обидеть
В райсобесах, в хитрости аптек.
Плачут, слёзы воинов не видят,
Патриот — кремнёвый человек.

А наступит праздничная дата,
Мы вам скажем истину свою:
Кроме неизвестного солдата
Есть ещё известные в строю!

КОРМИЛЕЦ

— Родня? Родня уже чужая,
Её примял комфорт и шик.
Она на праздник приезжает,
Чтоб здесь принять за воротник.

Скажу вам правду, я не брежу,
Надеюсь, все меня поймут:
Как поросёнка я зарезу,
Поспеют гуси — тут как тут.

Везут ко мне сынков и дочек
И уезжают кто куды...
Лопаты, тяпки не заточат,
Не принесут ведро воды.

МЕЧТЫ И ДЕЛО

О всероссийское пространство!
Стал клочок земли уже не наш.
Уходит в прошлое крестьянство,
Пришёл приказчик и торгаш.

Они похожи друг на друга,
Роднит их баксоаппетит.
В них что-то есть ещё от плуга:
Не впрягся в пашню, но блестит.

Старайтесь, будем очень рады.
И отвечайте головой!
Хлеб не везите из Канады —
С родных полей берите свой.

ГОВОРIT ПЕХОТА

В боях не ели бутерброды,
Нам кашу вовремя доставь!
Переходили реже броды,
Но реки чаще брали вплавь.

У них — гармоника губная,
У нас — одна на сердце боль:
Как выбить недруга из рая,
Что напророчил им Адольф.

СПУТНИК

Вот и постарел любимый Шарик,
К конуре подполз и лёг у дров.
А, бывало, звонким своим лаем
Он встречал и добрых, и воров.

Деревушки все вокруг известны.
Все ходы прошёл наискосок.
Над дворами — жалкое скуленье,
Неохота псу в иной мирок.

Не скули, подслепший бедолага,
Прежней прыти годы не дадут.
Твой хозяин финна бил и немца,
А родные — строчки не пришлют.

РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ

Морозом напоследок обжигая,
Слегла зима в урочище лесном.
И речка, из-под снега выбегая,
Сказала, что повеяло теплом.

Прилётный чибис бегаёт меж кочек.
От звонких трелей небеса звенят.
И листья к свету из набухших почек
Всей силой жизни вырваться спешат.

УРОК ИСТОРИИ

Жестокость сечи не опишешь словом,
Свет пересилил наваждение мглы:
Сломали крылья в поле Куликовом
Степные всемогущие орлы.

И память не померкнет о Победе,
Ничем нельзя Россию шельмовать.
Пусть ближние и дальние соседи
Себя не тешат мыслью нападать.

ЭХО ТРАГЕДИИ

На воронку мы в лесу напали,
Вздрогнули от жуткости судьбы:
Череп на дне её лежали,
Словно перезревшие грибы.

Видел бы кто это из «великих»,
Кто по картам знал кошмар войны.
И хоть было море земляники —
Не согнули к ягодам спины.

Красными мы вышли на опушку,
От волненья выбившись из сил,
Проклиная вражескую пушку,
Чей снаряд в окопы угодил.

БЕЗГОЛОСЫЕ

На экране — постарели,
Растолстели от зарплат.
Если раньше песни пели,
Нынче гонят суррогат.

От Утёсова до Отса
Вжились в принцип «Домино».
Так программа их крадётся,
Что на сцене быть грешно!

Одного «певцы» не знают:
Что кумиры прошлых лет
Из могил их проклинают
За «талант», где сердца нет.

УЛЫБНИТЕСЬ ЧЕРЕЗ БОЛЬ

Всё ошибки да ошибки,
Всё всерьёз да всё всерьёз...
Мы тоскуем по улыбке,
Как по истине вопрос.

Пусть угрюмость потеснится,
Пусть исчезнет культ гроша.
Чем улыбчивее лица,
Тем отзывчивей сердца.

ИСТОК

Из родника течёт Ока,
Вся ширь — в сорочий скок.
Но без такого родника
И Каспий не глубок.

ЧУДАК

Пришельцев «видел» мой сосед,
Бузил без перерыва:
Литровку приняв за обед
И пять бутылок пива.

ВОЗЬМИ ЛУНУ

Песня девушки

Возьми луну свою обратно
И звёзды-серьги забирай.
Пускай мне больно — ну и ладно,
Я слепо верила в твой рай.

Я не заметила обмана,
Он был — как молния в ночи,
Плотней озёрного тумана,
И холоднее, чем ключи.

Иди по счастью и по розам,
Но одного не забывай:
Когда с другой пойдёшь по росам,
Ей Млечный Путь не обещай.

КРАСОТА В ОДИНОЧЕСТВЕ

В саду работал целый день,
Присел и рад крылечку.
Цветёт на хуторе сирень —
Аж запах через речку!

И над черёмухой вверху
Отчётлив гул весёлый.
Всё на виду, всё на слуху —
Не праздничают пчёлы.

Так хороша природа-мать,
Душе даёт советы.
Да ветки некому ломать
В душистые букеты.

ХЛЕБ

И города, и веси
Расстроены в стране,
Что стал он лёгок в весе
И так тяжёл в цене.

Был комбайнёр счастливым,
Шофёр спешил на ток.
Кто, озирая нивы,
Залез в наш кошелёк?!

ДЕРЕВЕНСКИЙ МОСТИК

Силён дурман цветущей гречки,
Он снял усталость от ходьбы.
На берегах нешумной речки
Лежат морёные дубы.

Зимой и летом здесь лошадка,
Машины сдерживают ход.
Хоть в жизни каждому не сладко,
Туда-сюда спешит народ.

Шажком — старик, бегом, кто молод,
Берут застрявших на буксир.
Через него — дорога в город,
Через него — дорога в мир.

СОДЕРЖАНИЕ

СКВОЗЬ ШТОРМА ВЕКОВ	3
«Жив Варягъ»!	3
Под Андреевским стягом	24
Контр-адмирал из Кромского уезда	34
Тихие Гавайи?	39
Далёкий Мидуэй	43
Кровь и слёзы Лейте	84
Крах	112
ЗИС	120
«Рамзай»	133
Забывтое добро	149
Академик Конрад	156
Тайна Нидерландов	166
Звезда критики	173
Адмирал Николай Кузнецов: жизнь в океане бесправия ..	177
Свободная зона	186
Безответное SOS!	193
Орловский Ваня	200
Ралли	206
Лавочка	211
Рой	217
Наркота	223
Крушение Нью-Вавилона	229
Дело №	233
UFO — они же НЛО	239
Ток	249
Добрый дождь	256

Подставная	259
Гран-При умов и моторов	264
Сон губернатора	277
Распятия всероссийского не прощаю!	282
Абвер на Орловщине	302
На родине авиаконструктора Н.Н. Поликарпова	333
Небопроходец	334
Неизвестный Чкалов	352
Эстафетчики предательства	372
Басмачи	374
Монетизация душ	390

НАЕДИНЕ С ПРИРОДОЙ	393
Не гасите зарниц счастья! Рыбобитьё в законе	394
Щукарь	399
По долгой оттепели	401
Боцманюга	404
Родной — чужой	407
В течении жизни	409
Танго листопада	411
Там, где нас нет	417
Секретное озеро	419
В двух шагах от фазенды	421
Рынок вод	423
Президент глуши	427
Апрель по январю	429

ЖИЗНЬ НЕ ПО РИФМЕ. Цикл стихотворений	433
Савино	434
«Чёрный скорый»	434
Простак	435
Воскресный базар	436
Ошибочный выбор	437

Наказ	437
Первый салют	438
Под Астраханью	438
Освободители	439
Кормилец	440
Мечты и дело	440
Говорит пехота	441
Спутник	441
Радостный день	441
Урок истории	442
Эхо трагедии	442
Безголосые	443
Улыбнитесь через боль	443
Исток	443
Чудак	444
Возьми луну	444
Красота в одиночестве	444
Хлеб	445
Деревенский мостик	445
Содержание	446
Книги Виктора и Сергея Рассохиных	449
(2002–2012 гг., г. Орёл)	449

*Новые книги — давнему другу, афганцу,
кавалеру ордена Красной Звезды,
депутату Орловского Горсовета народных депутатов
Владимиру Петровичу Бутусову*

Сергей Викторович Рассохин

НА ВОДЕ НЕКУДА БЕЖАТЬ

Рассказы, очерки, стихи, рецензии, письма

Подписано в печать 07.01.2013 г. Формат 60х84¹/₁₆.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. п. л. 23,09.
Тираж 10 000 экз. Заказ № .

Отпечатано с готового оригинал-макета в

КНИГИ ВИКТОРА И СЕРГЕЯ РАССОХИНЫХ (2002–2012 гг., г. Орёл)

1. Рассохин С.В. «Тихие Гавайи?» (К 60-летию Тихоокеанской войны) — дебют в авторской редакции, художественное оформление и иллюстрации автора, Орёл, типография «Труд», 2002 г., 347 стр., 3000 экз.

2. «Небесные снайперы» (1-е издание) — краткое описание Боевого Пути эскадрильи «Нормандия», затем авиаполка «Нормандия—Неман» с документальными фотоиллюстрациями. Орёл, типография «Труд», 2006 г., 95 стр., 1200 экз. Дизайн обложки и форзацев, фото, историческо-техническая справка об истребителях «ЯК», таблицы о ВВС Германии, СССР, Италии, Франции, Англии, США и Японии, транспортное обеспечение издания — Рассохин С.В.

3. «Небесные снайперы» (издание 2-е, переработанное и дополненное) — Орёл, типография «Труд», 2007 г., 504 стр. с иллюстрациями, 3000 экз. Вся техническая сторона в самолётостроении, моторостроении, авиавооружении, стратегии и тактики ВВС сражавшихся в Второй Мировой стран, подбор фото и мемуаров пилотов, оформление и транспортное обеспечение издания — Рассохин С.В.

4. «ТОК» (однотомник избранных произведений Виктора и Сергея Рассохиных) — Орёл, типография «Труд», 2006–07 гг., 716 стр., 3000 экз. Обложка, форзацы, фото, оформление всех произведений по тексту редакция и транспорт — Рассохин С.В.

5. «Сказка об Иване-Свидетеле» (Поэма В.В. Рассохина) — Орёл, типография «Труд», 2007 г., 52 стр., 1000 экз. Художественное оформление, дизайн, транспортное обеспечение — Рассохин С.В.

6. «Лишний гражданин» («Путь провинциала») — Орёл, типография ООО «Фолиант», 2007 г., 536 стр., 1000 экз. Стихи с натуры и по новейшей истории, предисловие, дизайн, редакция, «Указатель имён», фото и транспортное обеспечение издания — Рассохин С.В.

7. «Мы Вас любим, фронтовики!» («Жизнь не по рифме», 1-е издание) — Орёл, типография «Новое время», 2007 г., 236 стр., 1000 экз. Идея произведения, его оформление, фото и стихи с натуры, транспорт — Рассохин С.В.

8. «Мы Вас любим, фронтовики!» — 2-е издание по просьбам читателей, ветеранов ВОВ и труда. Орёл, типография «Новое время», 2008 г., 248 стр., 2000 экз. Обложка, форзацы, фото, часть стихов, редакция, транспорт — Рассохин С.В.

9. Ю.В. Лихопёк. «Земля с хозяином и без...» (Орловские хроники), документальная повесть. Обложка, фото, корректура, финансовое и транспортное обеспечение издания — Рассохин С.В. Орёл, ООО «Типография «Новое время», 2008 г., 148 стр., 1000 экз. Ветерану ВОВ, отдавшему орловским СМИ полвека жизни, спецкору ИТАР-ТАСС, встречавшему К.М. Симонова и Н.С. Хрущёва на Орловщине, отказали в помощи в издании мемуаров властная и «культурная» иерархия региона...

10. «Шамиль в Калуге» (Цикл стихотворений, строки воспоминаний, статьи) — Орёл, типография «Труд», 2009 г., 80 стр., 1000 экз. Художественное оформление, дизайн, подбор репродукций художников России на тему войны на Кавказе, рабочие фото с командировок, транспорт — Рассохин С.В.

11. «Страна непуганых идиотов» (Трагикомедия в трёх действиях) — Орёл, ООО «Типография «Новое время», 2009 г., 128 стр., 1000 экз. Идея, дизайн, разработка текста и транспортное обеспечение издания — Рассохин С.В.

12. «Посмертный обыск» (Драматическая поэма В.В. Рассохина об А.С. Пушкине к 210-летию со Дня рождения великого поэта России) — Орёл, типография «Труд», 2010 г., 36 стр. с иллюстрациями, 1000 экз. Весь художественный материал по тексту, подбор репродукций отечественных художников, создавших портреты Гения русской поэзии и работавших по «пушкинской» тематике, транспортное обеспечение книги — Рассохин С.В.

13. «Золотая кувшинка» (Поэма В.В. Рассохина к 150-летию великого живописца России И.И. Левитана) — Орёл, типография «Труд», 2010 г., 36 стр. с иллюстрациями, 1000 экз. Обложка, фото, подбор репродукций И.И. Левитана и его товарищей, транспорт — С.В. Рассохин.

14. «Победившие смерть» (К 65-летию Великой Победы народов СССР, Великобритании и США над Вооружёнными Силами фашистской Германии и милитаристской Японии) — Орёл, ООО «Типография «Новое время», 2010 г., 336 стр., 1000 экз. Художественное оформление (обложка, форзацы, фото с командировок, дизайн), иллюстративное приложение фотодокументов, исследование бронетехники СССР и врагов Отечества, транспортное обеспечение издания — Рассохин С.В.

15. «Победившие смерть» (Переоформленное издание книги о более 100 Подвигах Советских танкистов к 65-летию Победы) — Орёл, типография ООО «Фолиант», 2010 г., 336 стр., 1500 экз. Корректурa, новые форзацы и обложка, фотографии, транспорт — Рассохин С.В.

16. «Сердце над облаками» (Замечательному сыну Земли Русской, выдающемуся авиаконструктору Н.Н. Поликарпову, его друзьям, богатырям Советской авиамысли посвящается) — Орёл, ООО «Типография «Новое время», 2010 г., 690 стр. с иллюстративными вкладками фотодокументов к 9-ти главам, прологу и эпилогу, 1000 экз. Семь лет (с мая 2001 по май 2007 года) совместной работы над документами и мемуарами с В.В. Рассохиным. Художественное оформление книги, подбор литературы и фото, вся техническая составляющая ВВС СССР и его противников в ВОВ, командировки по РФ и странам СНГ, транспортное обеспечение тиража — Рассохин С.В.

17. «Шапка Мономаха» (Поэма о сущности власти, автор В.В. Рассохин) — Орёл, типография «Труд», 2011 г., 32 стр. с иллюстрациями, 1000 экз., 2-е издание по просьбам читателей России и стран СНГ. Дизайн обложки и форзацев, иллюстрации по тексту и подбор репродукций знаменитых художников России и СССР, отобразивших круговорот эпох, транспорт — Рассохин С.В.

18. «По ухам Отечества» (Раздумья о Родине. Стихи. Поэмы. Статьи. Очерки. Рецензии. Письма.) — Орёл, ООО «Типография «Новое время», 2011 г., 632 стр., 1000 экз. Проза и стихи, обложка и форзацы,

оформление по тексту, редактura, обеспечение транспортом в ходе тысяч командировок, независимо от сезона и погоды — Рассохин С.В.

19. «Штурмующий небо» (К 120-летию авиаконструктора Н.Н. Поликарпова и к 100-летию ВВС России) — Орёл, ООО «Типография «Новое время», 2012 г., 595 стр. с цветными и чёрно-белыми иллюстрациями, 15.000 экз. Абсолютно новая разработка на основе сокращённой версии книги «Сердце над облаками» в 10-ти главах. Обложка, форзацы, оформление по тексту, переработка и дополнения глав по авиастроению, моторостроению, вооружению, работа с примечаниями, по деятельности МВД и разведок периода Второй Мировой войны, замена фото и иллюстраций, транспортное обеспечение тиражирования 10-летнего труда — Рассохин С.В.

20. «Щедринарий» (Сатирический цикл стихотворений по проблемам общества XX–XXI вв.) — Орёл, ООО «Типография «Новое время», 2012 г., 108 стр., 1000 экз. Выход книги приурочен 185-летию выдающегося изобличителя пороков общества, гения русской словесности М.Е. Салтыкова-Щедрина. Дизайн обложки и форзацев, иллюстрации по тексту произведения, часть стихов о современности, фото и подбор репродукций портретистов эпохи Салтыкова-Щедрина, поездки по стране осуществлены Сергеем Викторовичем Рассохиным в творческом союзе с отцом — поэтом, историком, прозаиком, публицистом, членом СРП Виктором Васильевичем Рассохиным.

Общий тираж произведений около 45 000 экземпляров.